

ISBN 978-5-4462-0184-6

*И.А. Бондаренко, Т.И. Возвышаева, Н.В. Грязнова, М.В. Дуцев,
Е.В. Коньшева, С.А. Маилов, Д.И. Михейкин, Г.Г. Нугманова,
А.Е. Ухналев, В.В. Царёв, В.И. Царёв*

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория Книга 3

2024 / НИИТИАГ / АРХИ.РУ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ АРХИТЕКТУРЫ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)

Посвящается 80-летию НИИТИАГ

**И. А. БОНДАРЕНКО, Т. И. ВОЗВЫШАЕВА, Н. В. ГРЯЗНОВА, М. В. ДУЦЕВ,
Е. В. КОНЫШЕВА, С. А. МАИЛОВ, Д. И. МИХЕЙКИН, Г. Г. НУГМАНОВА,
А. Е. УХНАЛЁВ, В. В. ЦАРЁВ, В. И. ЦАРЁВ**

**АРХИТЕКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ**

КНИГА 3

МОСКВА
Архи.ру

2024

УДК 72.03
ББК 85.11
А87

*Исследование выполнено в Филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ
по плану Фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023 год.
Тема № 1.1.6.1. Научный руководитель: И. А. Бондаренко*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
Печатается по решению Ученого совета НИИТИАГ

РЕЦЕНЗЕНТ:
доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН Г. А. ПТИЧНИКОВА

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Книга 3 / отв. ред.-сост. И. А. БОНДАРЕНКО. — М.: Архи.ру, 2024. — 320 с.: ил.

Проведенное исследование позволило всесторонне рассмотреть в длительной исторической ретроспективе основные проблемы модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. Выявлены стойкие традиции циклического обновления построек и комплексов при поддержании преемственности. Далее показано, как осуществлялся переход к линейному взгляду на ход исторического процесса, который стимулировал поиски образа идеальной архитектуры будущего. В этом ключе рассмотрены и имперские, и революционные проекты, причисляемые нередко к разряду социальных утопий. Особое внимание уделяется возросшим в последнее время заботам об охране наследия и сдерживании тем самым модернизационной активности, что вызывает надежды на нормализацию процесса развития и совершенствования городской, пригородной и сельской среды.

На основании проведенного исследования определяются насущные проблемы модернизации сложившейся жизненной среды и формулируются обоснованные подходы к их теоретическому и практическому решению в настоящее время и обозримой перспективе. Постулируется необходимость выстраивания градаций модернизационной активности, подходящих тем или иным архитектурно-градостроительным и природным ситуациям. Работа нацелена на то, чтобы модернизация среды при всем многообразии своих архитектурных проявлений стала более управляемой, умеренной и уместной.

ISBN 978-5-4462-0184-6

На обложке: Русский павильон для ЭКСПО-2010 в Шанхае. Архитектор: Д.И. Михейкин. Внеконкурсный проект, 2009.

© — коллектив авторов

© — филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	
<i>ГЛАВА I.1.</i>	
АРХИТЕКТУРА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ: СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЯ, ЕГО ОТДЕЛКА И ОБЖИВАНИЕ, СТАРЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ, СОХРАНЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	11
<i>ГЛАВА I.2.</i>	
ГУМАНИТАРНЫЕ СТИМУЛЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: «ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ» ГОТИКИ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	23
<i>ГЛАВА I.3.</i>	
ЗАМКНУТОСТЬ И ОТКРЫТОСТЬ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО РИТУАЛА ОСВЯЩЕНИЯ ХРАМА (<i>И. А. Бондаренко</i>)	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
<i>ГЛАВА II.1.</i>	
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ КОНФИРМОВАННОГО ПЛАНА ТАМБОВА 1781 ГОДА И ИСТОРИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ (<i>Н. В. Грязнова</i>)	42
<i>ГЛАВА II.2.</i>	
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: УСТРОЙСТВО ДОРОГ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА (<i>Г. Г. Нугманова</i>)	78
<i>ГЛАВА II.3.</i>	
ТЕХНИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ КАК ГРАДООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (<i>А. Е. Ухналёв</i>)	96
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ	
<i>ГЛАВА III.1.</i>	
ОТ КВАРТАЛА К МИКРОРАЙОНУ: ПОИСКИ ПУТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ ЗОН В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ КОНЦА 1920-Х — 1930-Х ГОДОВ (<i>Е. В. Коньшева</i>)	115
<i>ГЛАВА III.2.</i>	
ИДЕИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (<i>В. И. Царёв, В. В. Царёв</i>)	130

<i>ГЛАВА III.3.</i> КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ (<i>Т. И. Возвышаева</i>)	142
--	-----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ
КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ

<i>ГЛАВА IV.1.</i> АРХИТЕКТУРА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОСТИ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	159
--	-----

<i>ГЛАВА IV.2.</i> ГЛОБАЛЬНОЕ И ИДЕНТИЧНОЕ В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ И РЕКРЕАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА) (<i>М. В. Дуцев</i>)	174
---	-----

<i>ГЛАВА IV.3.</i> БУДУЩЕЕ РЕСТАВРАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	205
---	-----

<i>ГЛАВА IV.4.</i> ЧАСТНОВАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА И СОВРЕМЕННЫЙ УРБАНИЗМ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	217
--	-----

<i>ГЛАВА IV.5.</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУРОРТНОЙ СРЕДЫ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ МОДЕРНИЗАЦИИ (<i>С. А. Маилов</i>)	225
---	-----

<i>ГЛАВА IV.6.</i> ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ ПРИ РЕНОВАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА И КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (<i>Д. И. Михейкин</i>)	238
---	-----

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ: ЖЕЛАЕМОЕ, ВОЗМОЖНОЕ, ДОПУСТИМОЕ

<i>ГЛАВА V.1.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ВО ВЗГЛЯДАХ НА АРХИТЕКТУРНУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ СРЕДЫ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	253
---	-----

<i>ГЛАВА V.2.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ОТВЕТЫ НА НИХ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	277
---	-----

<i>ГЛАВА V.3.</i> О СООТНОШЕНИЯХ ЖЕЛАЕМОГО, ВОЗМОЖНОГО И ДОПУСТИМОГО В ПРАКТИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ. КРАТКОЕ ОБОБЩЕНИЕ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	304
--	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>И. А. Бондаренко</i>)	310
---	-----

ВВЕДЕНИЕ

Представляемая вниманию читателей публикация включает материалы третьего, заключительного этапа выполнения фундаментального коллективного исследования, начатого в 2021 году. Работа прошлых двух лет позволила выявить наиболее существенные аспекты темы, найти показательные примеры более или менее приемлемой модернизации среды в ходе многовекового процесса исторического развития, вплоть до современности, проанализировать их и подойти к выработке новых подходов к теоретическому и практическому решению соответствующих профессиональных вопросов. В настоящей книге содержатся как завершающие разделы локальных исследований, так и обобщающие наработки, подводящие историко-теоретическую базу под формирование перспективной концепции умеренной модернизации жизненной среды при неременном сохранении ее наиболее существенных историко-культурных и природных ценностей.

Актуальность исследуемой темы определяется тем, что многие города, пригороды, сельские населенные места и межселенные территории претерпевают сегодня значительные, нередко радикальные преобразования, которые наносят ущерб сложившейся среде и демонстрируют проявление деструктивных сил в ее архитектурно-пространственной организации. Предопределенная законом охрана объектов природного и культурного наследия носит фрагментарный характер и в недостаточной мере связана с современным проектированием. Сложнейшие проблемы реконструкции исторической планировки и застройки городов, субурбий и сёл решаются без должного научного сопровождения. Слишком вольно заказчики и архитекторы-проектировщики относятся к модернизации / реновации районов относительно недавнего массового индустриального домостроения. Создается впечатление, что общей теории этого вопроса нет, коль скоро в истории бывало по-всякому, а сегодня всё стремительно меняется, переосмысливается и переоценивается. Однако профессиональный долг требует не пускать преобразовательную деятельность на самотек и искать новые действенные способы разумного управления ею. В этом нуждаются и социум, и природа, подвергающаяся всё большему натиску со стороны сокрушительной строительной индустрии.

Исходя из этого сформулирована **цель** исследования: определение побудительных мотивов и механизмов обновления и совершенствования архитектурно-пространственной среды жизнедеятельности человека и общества в исторической ретроспективе и прогнозируемом будущем.

Задачи 2023 года:

— подготовить историко-теоретическое обобщение проведенных локальных исследований наиболее показательных исторических примеров модернизации планировки и застройки городов, пригородных зон и сельской местности;

— дать критическую оценку новейшим явлениям и процессам в области архитектурно-градостроительной деятельности, нацеленной на модернизацию среды жизнедеятельности;

— рассмотреть в общих чертах состояние российской теории и практики сохранения историко-культурного и природного наследия;

— определить градации желательных, возможных и допустимых модернизационных преобразований в исторически сложившейся архитектурно-природной среде, нуждающейся в сохранении и обновлении;

— подготовить обоснованные предложения по формированию перспективной концепции модернизации среды жизнедеятельности, предполагающей ее совершенствование при сохранении и регенерации ценных историко-культурных качеств, признаков национальной идентичности и местного своеобразия.

Методология исследования строится на сочетании конкретно-исторических проработок с широкими теоретическими обобщениями и логическими построениями, устремленными в будущее. Приоритетное внимание уделяется компаративистскому и междисциплинарному подходам к изучению интеллектуальной и творческой деятельности архитекторов, работающих в контексте исторически сложившейся архитектурно-природной среды.

Результаты работы 2023 года заключаются в подведении итогов коллективного исследования за три года, формулировании выводов и предложений, призванных содействовать повышению уровня профессиональной культуры и образования

российских архитекторов и градостроителей, занимающихся научно-практическим решением актуальных проблем сохранения, развития, модернизации и качественного улучшения жизненной среды. Завершены начатые ранее авторские исследования отдельных аспектов темы, и подготовлена общая концепция архитектурной модернизации среды жизнедеятельности человека и общества применительно к современным условиям и перспективным потребностям Российской Федерации.

Практическое значение исследования определяется нацеленностью на внедрение его результатов в профессиональное сознание и творческую деятельность современных российских архитекторов и градостроителей, а также в сферу образования и просвещения широких слоев населения, которые не должны оставаться пассивными свидетелями происходящего в окружающей среде. Аргументация выработанных научных положений призвана помочь совершенствованию законодательных и нормативно-правовых основ современной практики градорегулирования и средоформирования.

Научная новизна исследования состоит в выявлении изменяющихся мировоззренческих основ и технических возможностей профессиональной деятельности в области средоформирования. Это дает основания для выработки критериев оценки качества такой деятельности и для обоснования концепции допустимой и желательной модернизации исторически сложившейся архитектурно-пространственной среды при сохранении ее этнокультурной и художественной самобытности.

Область применения результатов исследования — научно-проектные разработки, нормативно-правовая документация, просвещение и образование.

Структура книги складывается из введения, пяти основных частей и заключения. Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, формулируются ее цель и задачи, характеризуются полученные результаты, их научная новизна и практическая значимость, а также структура и содержание исследования.

Первая часть посвящена изучению глубинных традиций формирования и эволюции искусства освоения и преобразования естественной среды. В нее включены три главы.

Первая из них раскрывает отношение к сохранению и модернизации зданий и сооружений в традиционной культуре с ее настроенностью на систематическое воспроизведение жизненных циклов. Вторая глава призвана показать на примере рождения европейской готики, насколько быстро и радикально могли меняться архитектурное мировоззрение и отвечающая ему строительная техника под воздействием новых гуманитарных установок и религиозно-идеологических программ. В третьей главе на основании знаменитого спора 1479 года о порядке хождения вокруг храма во время его освящения разбирается вопрос о традиционном разграничении и смешении пространств мирских и священных.

Вторая часть включает рассмотрение программных и стихийных преобразований природы, систем расселения и городов Российской империи. Она состоит из трех глав.

В первой из них содержится детальный разбор вопроса о многоэтапном проектировании, перепроектировании и реальном формировании планировочной структуры города Тамбова и его главной площади. Вторая характеризует имперскую политику и практику прокладки и обустройства дорожной сети (на примере бывшей Казанской губернии). В четвертой анализируется воздействие на классицистическую в своей основе городскую среду Санкт-Петербурга технических сооружений и производственных зданий, число которых стало сильно возрастать с приходом капитализма.

Третья часть книги раскрывает революционные и эволюционные процессы в развитии архитектуры и градостроительства XX века. В ней три главы.

В первой главе речь идет о преобразовании традиционного городского квартала в микрорайон, обладающий набором функций, необходимых для полноты жизнедеятельности человеческих сообществ. Вторая глава представляет осуществленные и неосуществленные замыслы реконструкции Енисейска, нацеливавшиеся на возвращение этому городу утраченной потенции роста и развития. Особый интерес представляет тот факт, что благодаря длительной стагнации Енисейск сохранил свои уникальные качества малого исторического города и теперь к его модернизации возникло

совершенно иное отношение, чем прежде. Третья глава поднимает важнейшую на сегодня тему формирования международным сообществом концепции «устойчивого развития» урбанизированных территорий.

Четвертая часть содержит актуальные исследования, нацеленные на поиск новых средств решения проблемы повышения качества среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. В нее включены шесть глав.

Первая из них заостряет внимание на тех изменениях, которые улавливаются сегодня в трактовке самого понятия современность, что сильно влияет и на отношение к историко-культурному наследию, и на проектирование новых архитектурных объектов. Вторая включает анализ новейшего опыта модернизации общественных и рекреационных пространств Нижнего Новгорода с акцентом на выявление признаков глобального и идентичного в городской среде. В третьей главе речь идет о тенденциях и перспективах развития реставрационной и реконструктивной деятельности в российских городах. В четвертой главе ставится вопрос о целесообразности и важности сохранения и увеличения доли частновладельческой усадебной застройки в современных городах. Пятая глава акцентирует внимание на необходимости бережного отношения к уникальной архитектурно-природной среде знаменитой российской здравницы Кавказские Минеральные Воды. В шестой главе критическому профессиональному анализу подвергается новейший опыт реновации жилого фонда и комплексного развития территорий Российской Федерации.

Пятая часть подводит общие итоги трехлетнего исследования. Она состоит из трех глав.

В первой главе констатируются основные исторические перемены во взглядах на архитектурную модернизацию жизненной среды, начиная с глубокой древности и заканчивая нашим временем. Во второй главе внимание заостряется на наиболее актуальных вопросах сохранения / модернизации городской и природной среды в современных российских условиях и теоретически обосновываются предложения по их практическому решению в обозримой перспективе. Третья глава содержит краткое обобщение проходящих сквозь всё исследование размышлений о соотношении

желаемого, возможного и допустимого в теории и практике модернизации среды жизнедеятельности человека и общества.

В заключении формулируются основные результаты коллективного исследования за 2021–2023 годы и делаются выводы и рекомендации, рассчитанные на углубление понимания механизмов формирования среды и ее умеренного и уместного совершенствования средствами архитектуры и градостроительства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСКУССТВО ОСВОЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ГЛАВА I.1.

АРХИТЕКТУРА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ: СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЯ, ЕГО ОТДЕЛКА И ОБЖИВАНИЕ, СТАРЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ, СОХРАНЕНИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ

Многие культурные традиции отвергнуты и забыты сегодня, однако они не исчезли совсем и могут изучаться, переосмысливаться и находить отклик в современном архитектурном творчестве. В данной статье делается попытка соотнести возникновение и бытование произведения архитектуры с жизненными циклами, сопровождавшимися в далеком, да и не очень далеком прошлом всевозможными обычаями и ритуалами, присущими традиционной культуре. Это представляется важным для уточнения и обострения нашего восприятия тех индивидуальных, своенравных особенностей, которыми наделялась всякая более или менее значимая постройка в былые времена.

Существует обширная научная литература о культурных традициях разных народов мира. Меньше работ обобщающего историко-теоретического характера, но их достаточно для того, чтобы составить представление о самых главных особенностях древнего пантеистического мировоззрения и соответствующего образа жизни¹. Среди таких особенностей на первый план выходили идеи одушевленности материальных объектов и цикличности всего происходящего в мире. Эти идеи не были полностью отринуты и тогда, когда широкое распространение получила вера монотеистическая с ее приверженностью к креационизму и эсхатологии, трактующей историческое время как однонаправленный линейный процесс от сотворения мира до конца света².

¹ Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. (Мыслители XX в.); Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естествонаучных взглядов в древности. М., 1982.

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. С. 103–166.

Сказанное важно учитывать при знакомстве со многими этнографическими и фольклорными материалами, создающими в совокупности весьма сложную картину целого. Об этом написаны прекрасные книги и статьи, в которых, однако, крайне мало говорится об архитектуре³. Имеется, конечно, и специальная литература, рассматривающая архитектуру в системе традиционных народных обычаев и ритуалов⁴. Опираясь на нее и привлекая дополнительную разрозненную информацию историко-архитектурного и междисциплинарного характера, мне хотелось бы высказать определенные догадки и суждения о том, как осмысливались в прошлом создание, функционирование и уничтожение архитектурного сооружения.

Посильное погружение в культуру и образ мыслей традиционного общества позволяет провести параллели между строительством нового здания и появлением на свет ребенка. Рождение считалось таинством выхода из инобытия некоего неполноценного, незрелого существа, поначалу совсем «дикого», «необузданного», а потому даже опасного для окружающих⁵. Над ним предстояло совершить целый ряд ритуальных действий, нацеленных на «социализацию», то есть на приспособление к миру людей, на превращение природно-биологического, «бескультурного» создания в «окультуренное» — искусно обработанное, «вышколенное», «отесанное», как принято говорить в народе.

В сфере строительной деятельности отчетливо проявляется именно такое сознательное, целенаправленное преобразование естественных материалов в послушные элементы искусственной объемно-пространственной конструкции, населяемой и обживаемой людьми.

³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Репринт издания 1869 года. М.: Индрик, 1994.

⁴ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: ЛГУ, 1983; Дыминский. Суеверные обряды при постройке дома в Каменец-Подольской губ. // Этнографический сборник Императорского Русского географического общества. СПб., 1864. Вып. 6; Есаулов Г. В. Синхронно-иконологический подход как основа персонального освоения творческих традиций в архитектуре // Архитектура мира. Вып. 4. Личность в истории архитектуры / ред.-сост. Н. И. Смолина. М.: Architectura, 1995. С. 165–168; Иванов П. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сборник. 1883. Вып. 3, отд. 2; Орфинский В. П. Христианство, язычество, этнические контакты (на примере народного деревянного зодчества). Петрозаводск: РИО Карельского НУ РАН, 1992; Орфинский В. П., Гришина И. Е. Традиционный карельский дом. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009.

⁵ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 40–62.

Следует обратить внимание на тот факт, что здания возводили всегда из инертных, то есть безжизненных или омертвевших материалов: камня, глины, песка, стволов срубленных деревьев и кустарников, костей и шкур убитых животных. К тому же в их основания закладывали жертвы. Вспоминается фольклорный сюжет умерщвления и расчленения героя на части, с тем чтобы в урочный час собрать их, восстановить целостность тела, полив его «мертвой» или «целящей» водой, а затем оживить — при помощи воды «живой»⁶. Это не просто сказки-страшилки для детей, это фундаментальная программа уничтожения и возрождения жизни, глубоко укорененная в ментальности древнего общества. По большому счету, речь шла о воспроизведении мифологического акта формирования мира из туловища и органов приносимого в жертву божественного первопредка. К этому добавлялись представления о сотворении космоса из хаоса путем упорядочения природных стихий⁷. А также и о гибели творения, возвращении его в расчлененное, бесструктурное состояние, с тем чтобы приготовить материал для нового этапа жизнестроительной деятельности. Показательна в этом отношении индуистская триада богов: Брахма, Вишну, Шива. Первый из них считался творцом мира, второй — хранителем, третий — разрушителем.

Ясно, что жизнь начинается с таинства зачатия, приготовление пищи — с замешивания теста, заваривания каши и т. п., а строительство — с расчистки места, рытья земли, заготовки материалов. Хотя на самом деле всё начинается раньше — с бестелесного замысла. Ребенок «проектируется» в ритуале бракосочетания, а потом потихонечку, с Божьей помощью, формируется, «овеществляется» и появляется на свет. Причем, согласно традиции, рожать его надо было вне дома, в укромном месте, считавшемся к тому же «нечистым» (в бане, овине, хлеву). Дело в том, что и мать, и ребенок первое время вызывали опасения у окружающих как существа, причастные к «пустостороннему».

Когда новорожденного приносили домой, бабка-повитуха своими руками подправляла ему форму головы, разминала тело, обмеряла, обмывала, укладывала в печку

⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 кн. Кн. I. М.: Московские новости, 1992. С. 230–232.

⁷ Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 389–404.

для ритуального «допекания» или «перепекания», чтобы был здоровее. Существенное значение имел акт пеленания младенца, перекликавшийся с заворачиванием в саван мертвеца. И только после крещения и надения именем собственным дитя превращалось из абстрактного «Богдана» (Божьего дара), а то и «маняка» (призрака, привидения) или «беса», как его поначалу могли называть, в маленького человека⁸. Ему еще предстояло научиться ходить, смотреть, слушать, говорить, одеваться и вести себя по-людски. Чтобы стать полноправным членом семьи и общества, подростку надо было пройти целый ряд «перерождений», важнейшие из которых принято называть инициациями. Особую роль играли свадебные ритуалы, обозначающие расставание жениха и невесты с юностью и превращение их во взрослых людей — мужа и жену.

Материал, собранный этнографами и фольклористами, позволяет проследить, как менялись манеры поведения и облик человека при обретении им всё более высокого социального статуса, вплоть до старейшины, главы рода и племени, а потом — при переходе его в состояние дряхлеющего старика, деда, освобождающегося от дел и наконец, — в покидающего этот мир покойника.

Все вполне естественные этапы жизни непременно обставлялись ритуалами, создававшими ясную систему культурных кодов и правил этикета⁹. Архитектура, безусловно, встраивалась в эту систему и играла в ней важнейшую роль.

Новое строение всегда «рождалось» как нечто грубое, неухоженное, неизведанное и чуждое окружению. Сама стройплощадка — участок грязный, выпадающий из обжитого пространства (вспомним, что детей рожали в местах «нечистых»). Рабочие на стройке и сегодня воспринимаются как персонажи из иного мира, хотя бы наполовину. В старину их, как и прочих мастеровых, побаивались и старались задобрить — из-за посвященности в тайные знания¹⁰.

Остов здания поначалу не имел ни окон, ни дверей и пугал своей «слепотой», «немотой», «оголенностью». То, что возведено «вчерне», необходимо было отделать

⁸ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 41.

⁹ Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки / отв. ред. Б. Н. Путилов. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2019.

¹⁰ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. С. 113–117.

«начисто», благоустроить вместе с прилегающей территорией, «убрать», «образить», говоря по-народному, что означает наделить образом, устраняющим «без-образие».

Есть еще и такие профессиональные понятия, как построить или сколотить строение «намертво» (ср. сращивание частей тела «мертвой» водой), а потом при помощи специальных художественных приемов и обрядового «обмывания» — «оживить» его, «вложить в него душу». Как не вспомнить тут мифы о сотворении первых людей из земного «праха», с последующим «вдыханием» в них жизни?

Строительные материалы в возводимом здании получали свое «второе рождение» и наделялись новыми функциями от зодчего, подражавшего Творцу. Согласно пантеистическому мировосприятию, одушевляемые камни, бревна и доски становились даже благодарны своему новому хозяину за возложенную на них работу, хотя могли и выходить из повиновения, если к ним плохо относились. Вот один маленький пример из сказки «Баба-яга»: «Ворота говорят: — Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она [девочка] нам маслица подлила»¹¹.

Такое отношение к «телу» здания усматривается и в древнерусских миниатюрах, выполненных в так называемом «зверином стиле». Глядя на них, наглядно представляешь себе некие зооморфные силы, которые тесно переплетены и закованы в архитектурную оболочку. Кстати, в сложных, иногда «нелинейных» современных расчетах сопротивления материалов и статики сооружений можно видеть похожие хитросплетения взаимоувязанных и уравнивающих друг друга динамических усилий.

В свое время заселение и обживание нового дома производилось с большим вниманием к деталям и осмотрительностью, ибо людям были важны малейшие проявления воли незримых сил, малейшие знаки, указывающие на грядущее благополучие или неблагополучие. Вслед за А. К. Байбуриным можно сказать, что переселение было сопоставимо с родильной обрядностью, в которой «очеловечение» завершалось «оживлением» (соединением тела с душой) и наделением жизненной силой¹². При этом дома, а также и новые поселения считались полностью обжитыми только после

¹¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 кн. Кн. I. М.: Московские новости, 1992. С. 113.

¹² Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 169.

свадьбы или похорон одного из жителей и появления первой могилы: «Дом обмывается свадьбою или покойником»¹³.

Из прежнего жилища в новое переносили кучку сора, которую бросали в красный угол. Обязательно брали с собой и раскаленные угли из старой печи, а также недоваренную кашу или недопеченный пирог — с тем, чтобы доварить и допечь их здесь¹⁴. Всё это нацеливалось на обеспечение надежной преемственности в жизни семьи. Новое надо было обязательно соединить со старым. В этом отношении показателен обычай заворачивать младенца в старую, не вполне чистую рубаху отца и пеленки изготавливать из поношенной ткани¹⁵.

Отсюда вытекает мысль о том, что использование строительных материалов от разбираемых ветхих построек имело не только практический, но и ритуально-магический смысл. Вероятно, и обнаруживаемые в кладках стен некоторых памятников архитектуры могильные плиты свидетельствуют вовсе не о небрежении современников к памяти предков.

Если всё шло хорошо, то здание постепенно «приживалось», «набирало силу» и «расцветало» — заодно с хозяином и хозяйкой, их растущей семьей и всем домохозяйством. Испокон веков считалось благом наполнение дома и двора людьми, скотом, всевозможными припасами, дарами, трофеями. И наоборот — убыль, запустение, оскудение указывали на беду¹⁶. В таком ключе понятнее становится смысл выражения «в тесноте, да не в обиде».

Из этого же исходила забота о телесной полноте, дородности взрослых, солидных, полновластных людей, которым должны были быть под стать и одежда, и утварь, и архитектура. Всякий раз по мере роста семьи и хозяйства появлялись желание и возможность что-то подправить и подновить в доме, сделать пристройки и надстройки, добавив резьбу и краски.

¹³ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губ. // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 178; Криничная Н. А. Северные предания / подг. Н. А. Криничная. Л., 1978. С. 31.

¹⁴ Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 169. С. 170–171.

¹⁵ Сумцов Н. Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения, 1880. Ч. 212. С. 88.

¹⁶ Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 157.

Правда, надо учесть, что большие родовые общины давно начали распадаться, то есть с их ростом происходили отпочкование и отселение молодых семейств. Отчий дом тем самым обеднялся, опустевал. Не потому ли, согласно правилам «ми-нората», он доставался в наследство младшему из сыновей? Однако в Средние века утвердился «майорат», в соответствии с которым на смену отцу стал приходиться старший сын. Как бы то ни было, именно отчий дом служил «родовым гнездом» и почтенным образцом для подражания. Хотя подражание это никогда не становилось буквальным. Можно сказать, что архитектура следовала за логикой разрастания генеалогического древа человека: его каждая ветвь должна была отвечать общему правилу, но обладать при этом индивидуальным лицом и именем собственным.

Весьма знаменательны архитектурные инициативы князей и царей. Приходя к власти, они почти всегда затевали новое строительство. Видимо, им надлежало обозначать таким образом каждую историческую веху. Нередко они создавали резиденции на новых местах, а то и переносили сами столичные города. Перестраивались и перелицовывались ими и дворцы предков.

В такой традиции усматривается связь с идеей циклического омоложения человеческого рода. На память приходит знаменитый сказочный сюжет: Иван-царевич выскакивает из чана с кипящей водой (или молоком) добрым молодцем, а старый царь в том же чане предсказуемо гибнет¹⁷. Смысл этого сюжета состоит в том, что принесение в жертву отжившего свой век человека дает энергию жизни молодому при установлении прямой преемственности между ними. Вспомним старую французскую сентенцию: «Король умер — да здравствует король!» Применительно к архитектуре это следует ассоциировать с радикальной перестройкой, модернизацией, сопряженной с уничтожением ветхого строения под корень, но с переносом его функции и статуса на здание новое, которое должно быть лучше прежнего.

В этой связи надо обратить внимание на дошедшие до нас традиционные суждения о том, что у домов есть свой срок жизни — свой «век», по истечении которого

¹⁷ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 кн. Кн. I. М.: Московские новости, 1992. С. 152, 237.

настает пора строить новые¹⁸. Необязательно их уничтожать совсем: можно перебрать камни и бревна, обновив только сгнившие, но важно перенести дома на новые места или хотя бы немного сдвинуть, чтобы оторвать от прежних оснований¹⁹. Возможно, именно этой потребностью в перерождении старых зданий объясняются часто обнаруживаемые археологами большие и малые подвижки их плановых очертаний. Известны случаи и сохранения древних стен под многослойными напластованиями. Передвинуть каменные фундаменты бывало слишком трудно, но всегда имелась возможность перестроить верхние ярусы, а главное — переосвятить место для возвращения ему чистоты и придания новой жизненной силы.

Но некоторые здания, старея, попадали в разряд особо почитаемых и нерушимых. Так, и уникальные камни, и деревья наделялись порой статусом священных²⁰. Кстати, в этнографических материалах встречается запрет рубить старые деревья, мотивируемый тем, что они заслужили «право на ветровал, т. е. на естественную, стихийную смерть»²¹.

Мы подошли к теме наделения наиболее значимых архитектурных объектов статусом памятников, прославляющих свой город и страну. Старение таких сооружений затормаживалось и останавливалось стараниями почитателей. Прежде всего это относилось, конечно же, к храмам, по самой своей сакральной сущности противостоящим власти времени. Правда, здания храмов не только поддерживались веками, «музеефицировались», говоря современным языком, но и ветшали, и перестраивались, да еще как!

В «Домострое» содержится поучение о том, как надо заботиться о чистоте и порядке в жилище, чтобы оно пребывало «всегда внове» и походило тем самым на рай²². Верующих непременно влекла к себе тема вечной молодости, нетленности святых

¹⁸Кравченко В. Вогонь (матеріал, зібраний на Правобережжі) // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. 1927. Вып. 1/3. С. 171.

¹⁹Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 155.

²⁰Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции / сост. С. А. Ратнер-Штернберг; под ред. Я. П. Алькора. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД. 2018. С. 437–445; Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. С. 166–175.

²¹Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. С. 169.

²²Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1990. С. 68, 80.

мощей, благодатного «обожения» материальных тел²³. Они не могли не соотносить свои лучшие постройки с апокалипсическим образом Нового Иерусалима, сходящего «от Бога с неба» и приготовленного «как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр.: 21.2).

Вместе с тем они очень боялись волшебных иллюзий, происходящих от лукавого. Вспомним прекрасных девушек, которые на поверку оказывались оборотнями и старыми ведьмами. Долгожителей зачастую считали вовсе не святыми, а наоборот, заклятыми, «заедающими чужой век» и никак не умирающими потому, что их не хочет принимать земля²⁴. Другое дело — сохранение, мумификация тел умерших и увековечение их памяти в мемориальных сооружениях. Впрочем, нельзя забывать и о намеренном расчленении тел, смещении костей разных покойников, а также о ритуальных ограблениях, разрушениях, сжиганиях гробниц по истечении определенного времени после совершения всех прощальных обрядов — во имя окончательного отмежевания мира живых от мира мертвых²⁵.

Ясно, что дает приложение такого образа мыслей к архитектуре. Наши сегодняшние сияющие и блистающие неизменной новизной сооружения, безусловно, претендуют на попадание в разряд чудесных видений и опасных соблазнов для человека традиционной культуры.

Таким образом, существуя в контексте традиционной культуры, архитектура всё время подвергалась более или менее заметным изменениям и поновлениям, отвечавшим повышению или понижению ее иерархического статуса и сменяющимся временным циклам, которые были очень разными по длительности и значимости. Отсюда проистекали и разные масштабы архитектурных преобразований — от поверхностных «перелицовок» и «переодеваний» до коренных, радикальных реконструкций и замещений старого совершенно новым. Но сама логика циклической смены состояний природы, человека и окружающей его архитектурной среды создавала

²³ Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // *Художественный язык Средневековья* / отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 113, 114, 118–121.

²⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 102–103.

²⁵ Байтенов Э. М. Дизайн: прошлое, настоящее, горизонты // *Искусство Евразии*. 2019. № 3 (14). С. 317–335. DOI: 10.25712/ASTU.2518–7767.2019.03.023. URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/33/>.

ощущение связности всех жизненных процессов, ибо люди видели принципиальное сходство между любыми моментами перемен, в которые так или иначе происходило или хотя бы подразумевалось, отображаясь в ритуале, отмирание старого во имя рождения нового. Появление нового всегда настораживало, но бывало и желаемым, и предсказуемым, если только не происходило бедствий и трагических ломок культурных традиций.

Под конец надо затронуть именно эту тему — нарочитой ломки традиций, нарушения преемственности, насильственного прерывания нити жизни и людей, и зданий, и поселений. Такое происходило при вражеских нашествиях, когда завоеватели специально сокрушали главные архитектурные сооружения покоренных народов, дабы установить свою власть на чужой земле. Руинирование зданий и городов происходило и по причине стихийных бедствий, воспринимавшихся как Божья кара.

Но бывали случаи, когда жители собственноручно уничтожали дома, в которых, по общему мнению, завелась «чертовщина». Еще сравнительно недавно в селах и городах можно было встретить выпадающие из контекста здания, подозрительно запустевшие, с закрытыми ставнями и забитыми крест накрест окнами²⁶. Люди старались обходить их стороной. Ведь дом без окон и дверей считался обителью мертвеца — подобием гроба²⁷. Также все чурались стоявших обычно на отшибе домов колдунов. Об этом сохранились свидетельства этнографов.

Яркий пример борьбы с «нечистой силой» в архитектуре дает упомянутое в источниках разрушение Лжедмитрием деревянного дворца Бориса Годунова как «вертепа злого чародейства». Примерно на том же месте — на верху каменного кремлевского Взмурба, обращенного к Москве-реке, — новый царь построил свои деревянные хоромы, которые, по словам очевидцев, были великолепны, однако счастья своему владельцу не принесли: вскоре его убили, и именно здесь. Самозванец тоже был обвинен в чародействе, а труп его предан всенародному поруганию. О многом говорит то, что современники прозвали эти хоромы «блудническими»²⁸. Впоследствии вме-

²⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: Книга, 1989. С. 115.

²⁷ Цивьян Т. В. К семантике «дома» в балканских загадках // Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам I. (5). Тарту, 1974. С. 47.

²⁸ Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Столица, 1990. С. 612–613.

сто построек на этом оскверненном месте разбили так называемый Набережный сад с прудами.

Вышеизложенное должно помочь нам научиться дифференцировать разновременные и разнокачественные элементы городской среды ради лучшего сохранения ее историко-культурных и художественных ценностей в процессе неизбежно происходящей модернизации. Нехорошо, противостоит выходящая почтенные памятники, сияющие после реставрации как новенькие, да еще и наравне с бестактно заигрывающим с ними незрелым и зачастую недостойным окружением. Важны всё же напластования веков, патина времени, определенное дистанцирование между зданиями разного статуса и возраста. Не надо останавливать мгновение и приводить историческую застройку в окончательно сложившееся состояние.

И современному архитектурному проектированию пора возвращаться в лоно великого исторического профессионализма. В самом деле, архитектура последних столетий слишком многое потеряла от обрыва связей с вековыми культурными традициями. Достаточно перечислить только некоторые типичные для нее черты: геометрическая жесткость и точность всех линий, не оставляющих никаких следов «дыхания жизни», столь существенных для традиционного зодчества; нарочитая стилистическая новизна, отрицающая историческую преемственность; однозначность детально разработанных проектных решений, принимаемых раз и навсегда и, по идее, не допускающих изменений в ходе эксплуатации зданий. Это не что иное, как отказ от включения архитектуры в естественные жизненные циклы и отмежевание ее тем самым и от природы, и от человека. Многие строительные корпуса своей бездушной механистичностью производят сегодня гнетущее впечатление, однако борьба с ними практически невозможна. Люди обречены жить в чуждой им, жесткой и агрессивной среде.

Мечта современных архитекторов — остановить мгновение, достичь абсолютной гармонии. Как будто мы подошли к концу времен и взялись преобразовать мир собственными руками. Убежден, что надо быть скромнее. А для этого стоит пристальнее

изучать историю архитектуры и градостроительного искусства, преисполненную прекрасных примеров воплощения совершенно других — поистине живительных принципов и приемов градо- и средоформирования.

**ГУМАНИТАРНЫЕ СТИМУЛЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА:
«ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ» ГОТИКИ**

История рождения готической архитектуры в средневековой Франции представляется весьма поучительной для нас сегодня, когда инженерно-строительная наука и практика активно развиваются, открывая всё новые и новые возможности для архитектурного творчества. При наблюдаемом прогрессе в строительном деле можно было бы ожидать появления действительно инновационной, невиданной ранее архитектуры, преобразующей мир и создающей прекрасную жизненную среду. Однако пока что над строительной отраслью довлеют приземленные интересы экономической конъюнктуры.

Сейчас трудно представить себе, чтобы сфера умозрительных художественных поисков и фантазий властвовала над тяжеловесным «базисом» строительной индустрии. Недаром к этой сфере стали применять определение «надстройка». Однако без ее воздействия строительство неспособно приобретать качество высокого искусства — архитектуры. Всё дело в подходе к решению основного вопроса философии: что первично, что вторично — дух или материя? Конечно, никакую стройку нельзя начать без заготовки материалов и устройства оснований и фундаментов. Но по здравом размышлении оказывается, что как прежде, так и сейчас, строительство начинается всё же не с этого, а с появления бестелесного замысла и его визуализации в проекте.

Архитектура готики замечательна своей изощренной конструктивной основой, которая не была бы столь прочной и долговечной без умения подбирать, вытесывать и скреплять строительный камень. Она восхищает нас своей расчетной точностью в сочетании с необыкновенной художественной экспрессией, граничащей с мистикой. У нее есть чему поучиться и инженерам, и архитекторам.

Задача данной статьи состоит в акцентировании внимания на том, как появление совершенно гуманитарных, духовно возвышенных запросов может практически в одночасье преобразить традиционную строительную практику, породив тем самым качественно новое движение в архитектуре и искусстве.

В эпоху Средневековья, как известно, безраздельно господствовал религиозный, идеалистический взгляд на мир, согласно которому земное существование, в отличие от небесного, несовершенно и преходяще. Материя инертна и живет постольку, поскольку наделяется силой бесплотного духа. Сторонники средневекового «схоластического реализма» считали, что истинной реальностью обладают лишь общие понятия и образы, исходящие от Бога, а реальность конкретных вещей мира сего весьма относительна и обманчива²⁹. Правда, с ними не совсем соглашались «номиналисты», но и те и другие свято верили в абсолютную гегемонию спиритуалистических начал жизни.

Такая философия хорошо объясняет нацеленность готических мастеров на поиски утонченных пространственных конструкций, зримо возносящихся к небу и обретающих качества идеальности, нетленности, нерукотворности. Думается, именно этим объясняется изобретение аркбутанов, высвободивших силы погашения распора из инертных массивов.

Тут уместно напомнить о самом притягательном для средневековых христиан образе «Нового Иерусалима» — небесного города, построенного, согласно Откровению Иоанна Богослова, из совершеннейшей материи, сияющей, как золото, стекло и драгоценные камни (Откр. 21. 10–21).

Романская и византийская архитектура была проникнута теми же фундаментальными идеями, только в ней не запечатлевался столь сильный порыв к воплощению пространственного образа небесного мира, как в архитектуре готики.

Н. И. Брунов отмечал нараставшую в эпоху Средневековья тенденцию к преобладанию пространства над массой в построении храма, сначала византийского, а потом и готического. Он писал, что в интерьере Софии Константинопольской «все архитектурные членения сильно дематериализованы»³⁰. Действительно, мастерам явно хотелось показать, что «тело» храма одухотворено, что оно не столько растет из земли, сколько парит, нисходя с неба. Недаром храм называли «небом на земле», а еще «бестелесным и духовным театром»³¹. Это так, однако понятие «дематериализации»

²⁹ Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979. С. 113, 116, 139–141.

³⁰ Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры: в 2 т. Т. 2. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 427–428.

³¹ Там же. С. 422.

представляется не совсем точным, ибо тогда преследовалась задача не уничтожить материю, а «оживотворить», «обожествить», «обожить» ее³².

С этой точки зрения нуждается в уточнении и общее противопоставление «количественного стиля» массивных сооружений восточных деспотий более человечному, легкому и пространственному зодчеству античности и Средневековья. Преобладание массы над пространством никак нельзя считать признаком неразвитости духовной культуры. Испокон веков люди были пантеистами, одушевлявшими всё вокруг, включая стволы деревьев, глыбы камней и саму землю. При этом небесный мир представлялся им тоже вполне реальной субстанцией, хотя и недоступной лицезрению простых смертных. Подземные, наземные и поднятые на возвышения святилища служили связующими звеньями между разными уровнями единого бытия. Оспаривая и развивая дохристианские представления, средневековые теологи рассуждали о творениях вещественных и бесплотных, индивидуальных и универсальных, зримых и невидимых. Это способствовало развитию сакрального искусства, но отнюдь не разрушало исконную веру в реальность существования Божьего царства, куда попадут избранные после всеобщего воскрешения и Страшного суда.

Готическая архитектура появилась не как прямое продолжение существовавшей традиции, а благодаря удивительным текстам Дионисия Ареопагита, воодушевившим аббата Сугерия на поиски новаторских художественных решений. Солидаризуясь с Гелианом Михайловичем Прохоровым³³, я не хочу использовать приставку «псевдо» к имени святого Дионисия, поскольку принадлежность данных текстов другому автору до сих пор не доказана, а для создателей архитектуры готики было важно, что именно он был возведен самим апостолом Павлом в сан первого христианского епископа Афин, где возвел алтарь «неизвестному Богу», а впоследствии именно он стал основателем прославленного аббатства Сен-Дени под Парижем.

Хранившиеся в этом аббатстве труды св. Дионисия были переведены с греческого и прокомментированы в IX веке Иоанном Скотом Эриугеной, после чего стали

³² Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Художественный язык Средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 113–118.

³³ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л.: Наука, 1987. С. 6–16.

важнейшим культурным достоянием христианского Запада³⁴. Им присущи некоторые черты неоплатонизма, но это не делает их вторичными и противоречащими церковным догматам. Основным материалом для обобщающих умозаключений Дионисия Ареопагита служили канонические тексты Священного Писания.

Наибольшее значение для развития архитектурного воображения имели сочинения «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии», давшие основание величать Дионисия Ареопагита «иерархическим доктором»³⁵. Их оригинальность и привлекательность состояли в отказе от свойственного средневековым аскетам жесткого противопоставления миров горнего и дольнего и в утверждении существования между ними множества переходных звеньев: «Между высшей, чисто интеллигентной сферой существования и низшей, почти чисто материальной („почти“, потому что о чистой материи, без формы, нельзя даже сказать, что она существует) пролегает огромное расстояние, но непреодолимой пропасти между ними нет. В наличии иерархия, а не дихотомия»³⁶.

Идея глобальной иерархии создает ощущение неразрывной связности всех уровней бытия, пронизанных более или менее полноценными «отблесками» архетипических образов, собранных воедино в Боге и рассеивающихся, «угасающих» по мере удаления от Него. Тем самым акцентируется внимание на жизнеутверждающей божественной красоте, разлитой в разных степенях повсюду. Находя и культивируя кусочки этой многообразной красоты, человек обретает возможность духовного роста и постепенного приближения к Всевышнему. На земле тому способствует иерархия церковная, а на небе — девять чинов ангельских.

Предпринятая Дионисием Ареопагитом систематизация библейских описаний небесных сил, окружающих, поддерживающих и оберегающих местопребывание непостижимого, незримого, «всеимянного» и одновременно «безимянного» Бога, определяемого у него парадоксальным словосочетанием «пресветлая тьма», оказала сильнейшее воздействие на архитектурное воображение, а следом и творчество. Надо

³⁴ Панофский Эрвин. Аббат Сюжер и Аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 79–117. С. 98.

³⁵ Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979. С. 91.

³⁶ Панофский Эрвин. Аббат Сюжер и Аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 99.

полагать, что для зодчих особенно важна была четко определенная субординация этих сил, состоящая из трех ступеней, на высшей из которых, непосредственно контактирующей с Богом, пребывают «Престолы, Серафимы, Херувимы», на средней — «Господства, Силы, Власти», на низшей — «Начала, Архангелы, Ангелы»³⁷.

При этом важно обратить внимание на рассуждения Дионисия Ареопагита о том, «что Божественные и небесные предметы подобающе изображаются символами даже с ними несходными»³⁸. Это нужно знать «для того, чтобы мы не представляли грубо, подобно невеждам, небесных и Богоподобных умных Сил имеющими много ног и лиц, носящими скотский образ волов или звериный вид львов, с изогнутым клювом орлов или с птичьими перьями; равно не воображали бы и того, будто на небе находятся огневидные колесницы, вещественные троны, нужные для восседания на них Божества, многоцветные кони, военачальники, вооруженные копьями, и многое тому подобное, показанное нам Св. Писанием под многообразными таинственными символами. Ибо явно, что Богословие употребило священные поэтические изображения для описания умных Сил, не имеющих образа, имея в виду, как сказано выше, наш разум, заботясь о свойственной и ему сродной способности возвышаться от дольного к горнему и приспособляя к его понятиям свои таинственные священные изображения»³⁹.

Важно и то, что Дионисий Ареопагит называл все разряды ангелов во множественном числе, подразумевая обилие светозарных образов, наполняющих небо. У него есть даже специальная глава XIV, где сказано, что ангелов «тысячи тысяч и тьмы тем... что Чины небесных существ для нас неисчислимы, потому что бесчисленно блаженное воинство премирных Умов. Оно превосходит малый и недостаточный счет употребляемых нами чисел и точно определяется лишь премирным и небесным их разумением и ведением, дарованным им с преизбытком от Божественной всеведущей Премудрости, которая есть высочайшее Начало всего сущего, осуществляющая причина, поддерживающая сила и последний предел всего»⁴⁰.

³⁷ Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной Иерархии / пер. с древнегреческого. М.: Издательство «РМ», 1994. С. 45–62.

³⁸ Там же. С. 23.

³⁹ Там же. С. 23.

⁴⁰ Там же. С. 77.

Глубокомысленные характеристики небесной иерархии не давали рецептов для формирования строго определенного архитектурного канона. Они лишь настраивали мастеров на осмысленные творческие поиски экспрессивных архитектурно-конструктивных, пространственно-световых и цветовых эффектов.

Раннехристианская традиция требовала создания для молящихся помещения, покрытого подобием «тверди» небесной, то есть воплощающего образ «мира сего», где происходили исторические евангельские события. Образ «мира высшего», находящегося над «твердью», оставался почти не проявленным, незримым. Это не случайно, ибо Церковь боролась с языческим поклонением небесным светилам и звездам.

Но вот открылся иной — теософский — путь к лицезрению лучезарной красоты «горнего мира». Дионисий Ареопагит в первых строках своей книги «О небесной Иерархии» призвал читателей «закинуть голову, посмотреть вверх»⁴¹. Отвечая на этот призыв, строители старались не только смотреть, но и реально подниматься на головокружительную высоту. Готической архитектуре стало свойственно экстагическое стремление ввысь, в воображаемое околозвездное и надзвездное пространство, наполненное таинственными «умами» и «силами», формирующими многосоставный, но целостный образ гороподобного космического сооружения, уходящего своей острой вершиной в божественную бесконечность.

Занимаясь поисками новых средств архитектурной выразительности, аббат Сугерий вовсе не определял конкретные формы готических конструкций, а лишь пересказывал и домысливал идеи Дионисия Ареопагита, ставя перед мастерами задачу отобразить их в архитектуре. Особое внимание уделял он световым эффектам, ибо «свет материальный, или природой в пространствах небес расположенный, или на земле человеческим искусством достигнутый, есть образ света интеллигибельного и свыше всего — самого Света Истинного»⁴².

Сугерия воодушевляло сияние красоты драгоценных камней, искусно выполненного церковного убранства, цветных витражей. Вот один из его текстов, переда-

⁴¹ Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л.: Наука, 1987. С. 16.

⁴² Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. М.: Искусство, 1988. С. 93.

ющих это воодушевление: «Когда — из-за моего восхищения красотой дома Божьего — прелесть многоцветных камней увела меня прочь от внешних забот, а достойные размышления, переносившие от того, что материально, на то, что имматериально, привели меня к раздумьям о разнообразии священных добродетелей, тогда мне казалось, что я вижу себя обитающим неким, так сказать, образом в некоем странном месте вселенной, которое существует и располагается ни полностью в мерзости земли, ни в чистоте Небес, и что я, Божьей Милостью, могу быть неким анагогическим образом перенесен из нашего дольного мира в мир горний»⁴³.

Замечателен тот факт, что Сугерию удалось не только существенно преобразить старое здание главного собора своего аббатства, но и спровоцировать очень большое и совершенно новое архитектурно-художественное движение, охватившее в последующие столетия всю Европу. Этого не могло бы произойти на основании обычного ремесленного подражания новому образцу, пусть и привлекательному, и досточтимому. Очевидно, что произвела впечатление и была с энтузиазмом подхвачена сама идейная программа, сформированная Сугерием на основании учения Дионисия Ареопагита. Расцвет готики, ознаменованный созданием шедевров мирового значения, был обязан стремительному полету творческой мысли архитекторов и конструкторов, увлеченных практическим достижением великой духовной цели.

По отношению к такого рода шедеврам следует признать уместность эпитета «пламенеющая готика». Это не просто поэтическая метафора, придуманная искусствоведами. Характеризуя небесные чины, Дионисий Ареопагит обратил специальное внимание на их огненную природу. Вселенская иерархия мыслилась им, как видно, в согласии с древнейшими представлениями о распределении стихий по вертикали — от самой тяжелой земной через водную и воздушную к огненной, всегда устремленной ввысь. Особо подчеркивал он посредническую роль огня между вещественным и невещественным: «вид огня указывает на Богоподобное свойство небесных умов. Ибо святые Богословы описывают часто высочайшее и неизобразимое существо под видом огня, так как огонь носит в себе многие... видимые образы Божественного свойства. Ведь чувственный

⁴³ Панофский Эрвин. Аббат Сюжер и Аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 101.

огонь находится... во всём, чрез всё свободно проходит, ничем не удерживается; он ясен и вместе сокровенен... неуловим и невидим сам собой; всё побеждает... животворной своей теплотой всё возобновляет, всё освещает ясными лучами; неудержим, ни с чем не соединим, имеет силу отделять, неизменяем, стремится вверх, пронизающ, выходит на поверхность и не любит быть внизу; всегда движется, самодвижен и движет всё; имеет силу обнимать, но сам не объемлется... деятелен, силен, всему присущ невидимо...»⁴⁴.

Для зодчих было важно то, что описанные Дионисием Ареопагитом многообразные и трудновообразимые существа находятся на небе на разных уровнях, связанных между собой вертикальными энергетическими потоками. Архитектурные формы должны были не изображать этих существ, а лишь обозначать наличие их общего богоустановленного чинопоследования. Вот почему в готике абстрактный геометризм стал преобладать над зооморфизмом при всём стремлении сделать формы динамичными, будто «вибрирующими», «животрепещущими».

Как верно заметила К. М. Муратова, за «сложной системой перекидных арок... охватившей, словно щупальцами, боковые и восточную сторону храма, плоскость стены исчезает; в этой сквозной арочной оправе здание теряет ощущение массивности и геометрической четкости и приобретает живую слитность единого организма»⁴⁵. «Организм» этот пронизан светом, обильно льющимся сквозь большие и малые стрельчатые проемы. Но свет этот отделен от обычного земного и подкрашен цветными витражами, придающими ему таинственность. Такой свет в сочетании с точеными устоями и обрамлениями создает образ «организма» не столько биологического, сколько космического. Поэтому готический храм следует признать манифестацией креационистской и сугубо монотеистической картины мира.

Таким образом, программно оторванные от земной прагматики идеалистические умозрения оказались столь действенными, что смогли с удивительной легкостью и быстротой кардинально преобразить давнюю строительную традицию, продемонстрировав возможность уверенной победы возвышенного духа над косной материей.

⁴⁴ Псевдо-Дионисий Ареопагит. О небесной Иерархии. С. 80–81.

⁴⁵ Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. М.: Искусство, 1988. С. 197.

Среди ветхозаветных пророческих видений наибольшую близость к иерархической системе Дионисия Ареопагита имеет «Лестница» Иакова, связующая землю с небом (Быт. 28, 12). Вдохновляясь этим образом, Иоанн Синайский в VI веке написал одноименное сочинение, за что был почтительно прозван «Лествичником»⁴⁶. Тридцать ступеней его лестницы знаменуют достижение определенных добродетелей или уровней духовного совершенства. «Лествица» Иоанна Синайского была особенно знаменита в восточнохристианском мире. Здесь были известны и востребованы тексты и того же Дионисия Ареопагита. Это подтверждает наблюдение Н. И. Брунова о том, что в византийской по происхождению архитектуре проявлялись интенции, сходные по существу с готическими. Хотя воплощались они в совершенно другой стилистике. Достаточно упомянуть в этой связи строительство крестово-купольных храмов с повышенными подпружными арками, а в дальнейшем — бесстолпных храмов, увенчанных шатрами, горками кокошников и множеством глав.

К сказанному надо добавить, что стремление вообразить и отобразить в архитектуре величественную картину небесной иерархии подпитывалось так или иначе переосмысленными традициями далекого дохристианского происхождения. Об этом свидетельствуют не только ветхозаветные священные тексты, на которые опирался Дионисий Ареопагит, но и апокрифы, а также сказания и мифы, содержащие описания многоярусных небес, подводящих избранных к подножию престола Вседержителя.

Подытоживая вышесказанное, следует констатировать принципиальную важность гуманитарных стимулов для развития технического прогресса в строительстве. Как показывает многовековая история профессии, строительное дело не может успешно саморазвиваться, не имея ясного архитектурного целеполагания. В самом деле, без такого целеполагания технические новинки появляются лишь в ответ на недостатки апробированных ранее решений, а общей установкой для них являются прагматическая рационализация, оптимизация, удешевление имеющегося. Отсюда — крен в сторону стандартизации конструкций и форм. Архитектура в таком случае становится

⁴⁶ Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.

заложицей строительного производства, упрощается и обедняется, в лучшем случае превращаясь в прикладное, оформительское искусство, именуемое сегодня дизайном. Недаром А. Г. Раппапорт, отмечая такую тенденцию, высказывал весьма пессимистические соображения по поводу жизнеспособности современной архитектуры⁴⁷.

Иногда кажется, что рационализация известных технологий, ведущая к поиску одного — самого лучшего, самого верного, оптимального решения, — это правильный путь, позволяющий достичь наконец-то гармонии. Однако человечеству свойственно развиваться, постигать всё новые и новые загадки мироздания, а значит, переосмысливать и модернизировать имеющееся. Этот процесс нельзя пускать на самотек, он должен направляться благой целью.

Пример готики хорошо показывает, как весьма абстрактные теософские идеи, выражаемые в основном только словами, смогли возбудить художественное воображение, за которым потянулась конструктивная мысль каменщиков и инженеров, сумевших создать в реальности легчайшие и прочнейшие пространственные конструкции, а вместе с тем невиданные до того средства архитектурной выразительности. Это позволяет судить, насколько важны бывают гуманитарные стимулы для развития технического прогресса в строительстве. Как видно, рационализация строительного производства оказывается наиболее эффективной тогда, когда приходится напряженно трудиться над воплощением в жизнь высоких умозрительных идеалов.

⁴⁷ Раппапорт А. Г. Умирание архитектуры и искусства // Искусствознание. 2010. № 1/2 (37). С. 28–36.

ЗАМКНУТОСТЬ И ОТКРЫТОСТЬ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО РИТУАЛА ОСВЯЩЕНИЯ ХРАМА

В 65-м выпуске «Архитектурного наследия» была опубликована статья, посвященная вопросу о том, в каком направлении следует обходить вновь построенный храм при его освящении. Ожесточенные споры на сей счет возникли в Москве при Иване III и митрополите Геронтии и получили продолжение в XVI–XVII веках, вплоть до церковного раскола и позже⁴⁸. Взяться за столь непростую тему позволило издание капитальной монографии Б. А. Успенского, в которой детально проанализированы соответствующие исторические материалы⁴⁹.

Исходя из них и привлекая результаты своих архитектуроведческих исследований, я постарался высказать некоторые суждения по этому вопросу. Главное в них — разграничение внутреннего священного пространства храма и его внешнего мирского окружения. В алтаре всегда полагалось двигаться против часовой стрелки, то есть навстречу Солнцу. С этим никто не спорил. Спор возник, потому что вокруг храма греки совершали крестные ходы тоже навстречу Солнцу, а русские — наоборот, «посолонь». При ближайшем рассмотрении это означает следующее: для первых церковное здание оказывалось такой же святыней, как и алтарный престол, а для вторых оно было вместилищем святыни и защитной оболочкой для нее.

Если рассматривать стены храма как крепость, то обход их по ходу Солнца оказывается логичнее обратного движения хотя бы потому, что при таком обходе воины, держащие свои щиты в левой руке, направляют их в сторону врага. И эти воины подобны часовым, следующим по ходу времени.

На то же указывает традиционное правило осенения окружающих крестным знаменем слева направо с целью распространения незримой защиты, исходящей от священнослужителей.

⁴⁸ Бондаренко И. А. О символике ритуальных обходов навстречу Солнцу и «посолонь» // Архитектурное наследие. 2016. Вып. 65. С. 5–15.

⁴⁹ Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006.

Надо заметить и то, что мужчины застегивают одежду слева направо, а женщины наоборот. Это отвечает порядку ежемесячного движения Солнца и Луны навстречу друг другу. Оба светила, конечно, подчиняются общему круговороту неба, только Луна сильно отстает от него и ежемесячно сближается с Солнцем, а после растворения в его утренних лучах начинает вновь появляться на Западе в виде молодого серпа. Этот хорошо известный астрономический эффект мог бы служить весомым аргументом против принятия греческого порядка хождения вокруг храма против Солнца, то есть заодно с главным светилом ночи. Но он в рассматриваемое время не использовался, ибо христианская церковь принципиально отказалась от следования науке языческих звездочетов.

Тем и объясняется безрезультатность споров между сторонниками соблюдения дедовских традиций и приверженцами греческих нововведений, что к концу XV века древняя космология пришла в упадок. Она еще интересовала людей, но настоящих ее знатоков уже не было. Некому было найти в книгах ясные аргументы в пользу того или иного решения. Астральная символика забылась и спуталась.

Сегодняшнее изучение этой символики в широких взаимосвязях с архаическими представлениями об устройстве мироздания позволяет вернуться к той дискуссии и высказать некоторые новые соображения по поводу смысла и значения двух типов ритуальных хождений вокруг храма.

Хождение «посолонь» вторит зримому движению по небосклону не только Солнца, но и Луны, и пяти планет, и бесчисленных звездных скоплений. Можно сказать, общему движению неба вокруг неподвижной земли. Именно такая геоцентрическая модель мира господствовала до открытий Коперника и его последователей. Небо до сих пор наполняют древние созвездия, считавшиеся мифологическими существами, и светила, носящие имена римских богов: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн. Все они вместе ежедневно совершают «кругосветное путешествие» по часовой стрелке, если смотреть со стороны Северного полюса. Однако светила, в отличие от звезд, перемещаются с разными скоростями и по орбитам спиральным, к тому же иногда визуально петляющим. За это их прозвали «блуждающими».

Объяснением тому служит присущее им движение не только вместе с эклиптической, к плоскости которой все они привязаны, но еще и внутри нее, по ее кольцу, зафиксированному известными созвездиями Зодиака. Причем, это второе движение осуществляется против часовой стрелки.

Так как плоскость эклиптики наклонена по отношению к оси мира, вокруг которой происходит вращение, двенадцать зодиакальных созвездий прочерчивают на небе друг над другом семь горизонтальных кругов. Пять из них принадлежат симметрично расположенным парам созвездий, а шестой и седьмой — верхнему и нижнему. Их именуют Северным и Южным тропиками. Светила же, переходя из одного созвездия в другое, то поднимаются к северу, то опускаются к югу, формируя траектории, собственные нити, наматываемой на катушку.

Семиарусный пояс Зодиака, дополненный спиральными путями блуждающих светил, похож на некую космическую стену, ограждающую Землю со всех сторон. Созвездия Южного полушария содержат немало существ, указывающих на заглупление этой стены в океанские воды, над которыми возвышается наша островная суша. А Северное полушарие ассоциируется с куполом, охватывающим пространство воздушное, где летают существа окрыленные.

Зодчие и ремесленники испокон веков старались так или иначе отобразить эту сферическую или яйцеобразную модель мира в своих постройках и изделиях. Очевидно, они находили в ней великий жизнеутверждающий смысл. Им было важно следовать принципиальным основам формирования спасительного космического оплота среди губительного хаоса. Они не идеализировали земную реальность, осознавая ее бренность. Но они усматривали в ней признаки изначального священного порядка. Это нужно отметить для того, чтобы не возникало недоумений по поводу проведения аналогий между объектами сакральными и профанными. А такие аналогии возникают, когда мы говорим о воплощении образа мироздания то в храме, то в доме, то в городе, а то и в территориальной организации общины или целого государства.

В случае опасности человек искал защиты внутри хотя бы воображаемой неприступной ограды «от земли до неба». Известен прием прочерчивания на земле круга,

обозначающего убежище. Все остальные его оборонительные признаки могли обрисовываться только словами и жестами. До нас дошло немало магических по своему существу «заговоров» или «заклинаний», получивших в христианское время характер молитвенных обращений к Иисусу Христу, Богородице, архангелам и святым заступникам. Знакомство с ними позволяет ощутить остроту и силу древнего образного мышления.

Вот некоторые цитаты: «Стану я, раб Божий (имярек), в чистое поле, на ровное место, что на престол Господа моего; облаками облачуся, небесами покроваяюся, на главу свою кладу красное солнце, оболочку на себя светлый младый месяц, подпояшусь светлыми зорями, облачуся частыми звездами, что острыми стрелами — от всякого злого недруга моего!»⁵⁰; «...подпоясываюсь я белою зарею, покрываюсь медным небом, потыкаюсь частыми заездами; ограждаюсь железным тыном, покрываюсь нетленною ризою от земли до неба...»⁵¹; «Сам Господь, Иисус Христос, обвертит во облака меня, раба Божия (имярек), покрывает красным солнцем, подпоящет зарею утреннюю, подтычет частыми звездами»⁵²; «Объехали конные и воеводы, небесные силы, Михаил и Гавриил, херувимы и серафимы, и Илья пророк, и апостолы, и евангелисты с трубы златокованными, обстав, и спустив около меня раба Божия (имярек), гром и молнию огненную, скипетром стрелы булатные и реки огненные, от востока до запада, от юга и до севера, от земли и до воздуха; нача силы небесные меня, раба Б. (имярек), любить и хранить, изо всех орудий пламенных, из убрусов и скипетров бити и палити, и гром мя ради слать, молнию пожигать, супостатов моих стрелять...»⁵³.

По прочтении этого можно почувствовать, сколь экспрессивным бывало восприятие и домысливание реальных строительных конструкций, зачастую весьма скромных по нашим меркам. Бросается в глаза динамичность образа защитной оболочки: ей, как видно, положено находиться в агрессивно-воинственном состоянии.

В этой связи обращает на себя внимание видение Господа во «славе» ветхозаветного пророка Иезекииля: «...бурный ветер шел от севера, великое облако

⁵⁰ Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 147.

⁵¹ Там же. С. 149.

⁵² Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. Репринт. воспр. изд. 1880 года. М.: Автор, 1992. С. 377.

⁵³ Там же. С. 334.

и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных. ...И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; *огонь* ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния» (Иез. 1. 4–5; 13–14). При этих животных — херувимах — были еще колеса, между которыми горел огонь. «К колесам сим, как я слышал, сказано было: „галгал“». Это слово переведено в Библии как «вихрь» (Иез. 10. 13).

В мировом фольклоре встречается немало персонажей, прилетающих и улетающих в стремительных вихрях. Показательно слово «смерч». Оно прямо говорит о том, что некая сила во вращающейся многослойной оболочке смертельно опасна и практически неуязвима. Не только злая, но и благая божественная сила страшит и требует соблюдения дистанции. Вот в каких выражениях призывается она на помощь в одном из заговоров: «Боже страшный, Боже чудный, живой в вышних, седяй на херувимех, ходяй в громе, обладая молниями... сам казни врага своего дьявола...»⁵⁴.

Но вернемся к размеренному вращению вокруг Земли звезд и светил. Двигаясь в одном направлении, они тоже образуют вихрь, только не столь бурный и довольно ясно структурируемый. Если встать на позиции средневековых поборников креационизма, которые утверждали, что небесные тела движутся не по придуманным людьми законам физики, а благодаря ангелам, несущим их предначертанными путями по Господнему повелению⁵⁵, то плотность этого вихря умозрительно возрастет, поскольку пространство окажется наполненным великим сонмом «небесных сил». Их выразительные изображения можно видеть в обрамлении иконописных мандорл.

В средневековых трактатах встречаются схемы геоцентрической вселенной, окруженной кольцами, разделяющими пути движения Солнца, Луны, пяти планет и двенадцати зодиакальных созвездий. Звездам всегда отводилось самое большое внешнее кольцо. В связи с этим знаменательной оказывается фраза из древнерусского апокрифа

⁵⁴ Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. С. 157.

⁵⁵ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916. С. 41.

«О всей твари»: «Небесный круг боле земнаго, а земный боле луннаго»⁵⁶. Как видно, островная суша представлялась обрамленной звездным небом. А орбитам светил отводилось место внутри этого пространства — на тверди, возвышающейся над долом. Это архаическая модель мироздания с землей-полом в основании и небом-потолком наверху.

Под влиянием учения Аристотеля Клавдий Птолемей и его последователи изображали землю как шар, расположенный в центре. Но у Птолемея есть и такая миниатюра, где в центре помещается колесница Гелиоса⁵⁷. Известен древнеримский образ Юпитера на троне в окружении Зодиака из коллекции виллы Альбана. Если к нему добавить других олимпийских богов, то получится та самая картина расположения «небожителей» над «дольным» миром, которая нас интересует.

Строго говоря, Юпитеру надлежит переместиться из центра на свою орбиту, коль скоро с ним отождествляется планета. На центральное положение мог бы претендовать отец богов титан Кронос — повелитель времени. В римском Пантеоне ему соответствовал Сатурн. Но с ним тоже отождествляется планета. Приходится предполагать, что незыблемый центр в древнегреческой мифологической картине мира оставался принадлежностью Урана, считавшегося вместе с Геей прародителем всего сущего. После оскпления Кроносом он стал божеством отдаленным и бездействующим. В то же время надо полагать, что на центральное положение мог претендовать каждый из богов-победителей, возглавлявших в свое время небесную иерархию.

Почитание оси вращения небосвода в виде непоколебимого столпа, стержня, кола, гвоздя либо ствола мирового дерева встречается в мифологии многих народов⁵⁸. Египтяне считали, что вблизи Северного полюса медленно перемещающиеся и никогда не заходящие за линию горизонта звезды обозначают область бессмертия. Вот впечатляющая выдержка из гимна Осирису: «Владыка вечности, царь богов! / ... / Покорно ему небо и звезды его, / ... / Незаходящие звезды пред лицом его, / И жилище его — непод-

⁵⁶ Слово о всей твари о сотворении / Приложение к статье: Савельева Н. В. Апокрифическая статья «О всей твари» и ее бытование в составе древнерусских сборников // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н. В. Понырко. СПб., 2009. Т. 60. С. 429.

⁵⁷ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. С. 126.

⁵⁸ Крапп Э. К. Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / пер. с англ. К. Савельева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. С. 525–526, 537–539.

вижно / ... / Корона его пронзила небо / И породнилась со звездами»⁵⁹. Священная для индусов и других народов Азии космическая гора Меру (или Сумеру) устремлена своей вершиной тоже к оплоту вечности — «Брахмалоке» или граду Индры «Амаравати»⁶⁰.

В христианской средневековой космологии проявилось довольно резкое отмежевание от позднеантичной учености, но древнейшие воззрения были подхвачены и унаследованы, несмотря на их языческое происхождение. Важнейшую роль в этом сыграли священные для христиан тексты Ветхого Завета. Знаменателен тот факт, что четыре евангелиста получили эмблемы, соответствующие ключевым зодиакальным созвездиям. Они трактовались как столпы Церкви, несущие, как и херувимы из видения Иезекииля, то «подобие свода», на котором покоится вышний престол (Иез. 1. 22, 26). К тому же в некоторых христианских храмах, например в грузинской Мцхете, можно встретить образ Господа в окружении знаков Зодиака.

Иисуса Христа сравнивали с Солнцем, именовали «Солнцем Правды». Но все знали, что когда он вознесся на небо, то занял место на престоле «одесную Отца». Солнцу принадлежит восток, откуда исходит свет. Престол Вседержителя утвержден на Севере. Христианский храм в своей традиционной архитектуре акцентирует внимание на обоих направлениях.

Стоит лишь сделать оговорку насчет того, что вертикальное направление, завершающееся главой с крестом, в реальности соответствует не оси мира, а зениту, вектор которого определяется силой земного тяготения. На такое разночтение желаемого и действительного приходилось закрывать глаза. Структура архитектурных сооружений выправлялась сообразно идеализированной картине мира. Это следует отметить, дабы не возникало недоумений насчет хождений «посолонь» и наоборот в горизонтальной плоскости при том, что на самом деле Солнце движется по небосклону с большим наклоном, «закатываясь» по вечерам под поверхность земли. Наклон этот исчезает только за Полярным кругом, в области, овеянной мифами о прекрасной Гиперборее.

⁵⁹ Рак И. В. Мифы Древнего Египта. СПб.: «Петро-РИФ», 1993. С. 249–250.

⁶⁰ Топоров В. Н. Гора // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 306–315.

В чем же суть проекционного механизма движения зодиакальных созвездий в сочетании с планетами и двумя главными светилами дня и ночи? Все вместе они кружатся, как уже говорилось, по часовой стрелке вокруг неподвижной оси мира и сопряженной с ней Земли. Но для светил существенное значение имеет еще и движение против часовой стрелки, приводящее к перемещению их из одного зодиакального созвездия в другое. Они будто бы стараются притормозить, замедлить свой полет со звездами. Замедление — важнейшее свойство тех объектов, которые приближаются к статическому ядру.

Наблюдения за этими прямыми и попятными небесными движениями, наверное, и легли в основу ритуальной практики жрецов глубокой древности. Если так, то основания для обвинений русских традиционалистов в следовании языческому правилу действительно имелись. По-видимому, на Никейском соборе было принято решение отказаться от хождения «посолонь» ради пресечения стойкой дохристианской традиции. Эта традиция, сохранившаяся, кстати, и у католиков, демонстрировала принадлежность стен храма, как и участников крестного хода, к «миру сему». Хождение же навстречу Солнцу делало храм объектом поклонения, подобным престолу в его алтаре, а пространство вокруг — священным.

Склонность кланяться и креститься, глядя на храм, проявлялась у верующих и на Руси. Однако требование Никейского собора здесь почему-то было проигнорировано. Возможно, сказывалась приверженность к вышеназванным защитным заговорам, рисующим образы неприступной ограды вокруг безопасного места. Недаром эти заговоры дожили у русских почти до нашего времени. Весьма вероятно и то, что набожным людям казалось недопустимым раскрытие сакраментального содержания церкви вовне. В самом деле хождение вокруг храма против Солнца делает пространство паперти, предназначенной для оглашенных, аналогичным пространству алтаря, куда имеют доступ только священнослужители.

Показательно неприятие приверженцами старой веры никонианских нововведений, относящихся к хождению «ошую» не только вокруг храма, но и вокруг купели при крещении ребенка и аналоя при венчании новобрачных⁶¹. Это значит, что хожде-

⁶¹ Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 122.

ние и каждение справа налево допускалось ими исключительно в алтаре — «Святая Святых». В самом деле, хотя крещение и венчание — это церковные таинства, но осуществляются они в наосе, предназначенном для мирян. Людей надо окружать божественной защитой, но их ни в коем случае нельзя ставить в положение таких центральных объектов поклонения, как алтарная трапеза со Святыми Дарами. Вот как можно понять суть ошибочности церковных реформ, приведших к расколу.

Образ неба являл собой не весь христианский храм, а только его венчание и алтарь. В целом храм воспроизводил устройство вселенной, на противоположных концах которой находятся покинутый человеком рай и ожидающие человека «муки», как сказано в цитированном выше апокрифе⁶². В середине же под божественной сенью находится островная суша — спасительное прибежище для тех, кто продолжил жить после всемирного потопа⁶³.

Итак, традиционный для русских ритуальный обход храма вторил общему движению неба с его главным светочем — Солнцем. Ассоциация с воскресшим на Пасху и озарившим наш, дольний мир светом новой веры Иисусом Христом получалась идейно обоснованной. Совершенно другое основание было у ритуалов, совершавшихся в алтаре. Тут тоже встречались припоминания о евангельских событиях, происходивших на земле, но доминантным был образ Бога-Сына, возвращающегося к своему Отцу на небо, где они вместе со Святым Духом составляют предвечно сущую Троицу.

Таинство литургии дает возможность приобщиться к божественному, причаститься. Трапеза понимается как сам престол Господа, что делает убедительным правило движения вокруг нее против часовой стрелки. Здесь не может идти речи о поклонении силам зла, обычно грозящим слева. Их просто нет в алтаре. Повороты налево противостоят внешнему движению направо и нейтрализуют его, приближая священника в меру допустимого к незыблемой точке центра. Понятно, почему в алтаре должно быть тихо и немногочленно, в отличие от шествий «всем миром» за стенами храма.

⁶² Слово о всей твари о сотворении / Приложение к статье: Савельева Н. В. Апокрифическая статья «О всей твари» и ее бытование в составе древнерусских сборников // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н. В. Понырко. СПб., 2009. Т. 60. С. 429.

⁶³ Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. С. 35–36.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРОГРАММНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ, ДЕРЕВЕНЬ И МЕЖСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА II.1.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ КОНФИРМОВАННОГО ПЛАНА ТАМБОВА 1781 ГОДА И ИСТОРИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

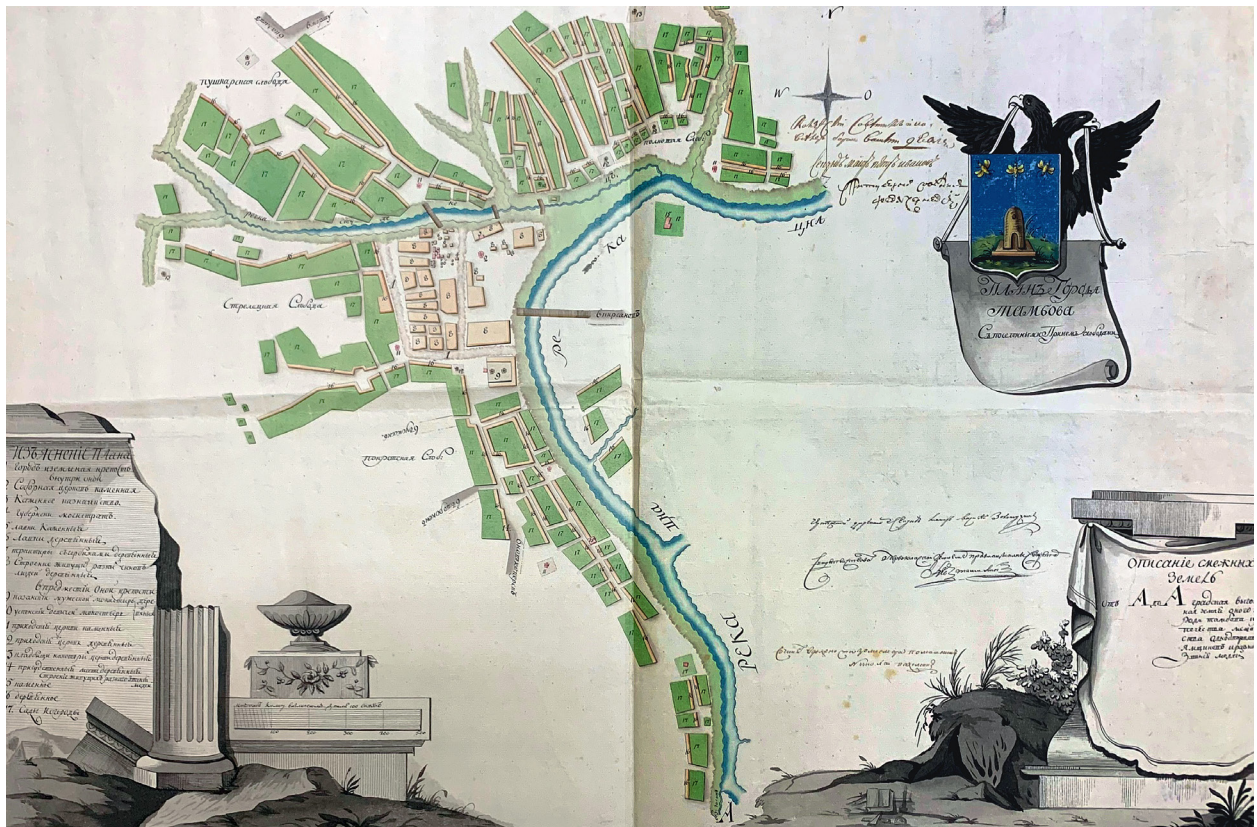
В конце 1760-х годов, проезжая через Тамбов, А. Т. Болотов оставил о нем следующие воспоминания: «Город Тамбов... показался нам нарочито изрядным... хотя и имел одну только тогда длинную улицу, но церквей было в нем несколько, а лучшее здание составил дом архиерейский, построенный на самом берегу реки Цны довольно великолепно и замысловато»⁶⁴. К моменту назначения Тамбова губернским центром город не имел ни торгового, ни промышленного значения, его население к 1787 году составляло 4678 душ мужского пола, преобладали здесь однодворцы, по сути дела крестьяне (2445 душ мужского пола), затем по численности шли мещане (610 душ мужского пола), затем ямщики (559 душ мужского пола)⁶⁵. По числу купечества Тамбов занимал между городами губернии седьмое место. В городе было 1896 казенных и частных строений (большинство были деревянными), 13 церквей, две суконные фабрики и одна мельница. В короткий срок этому поселению, недавно имевшему «одну только длинную улицу», предстояло стать сосредоточием провинциальной общественной жизни и визуальным доказательством процветания российского государства.

9 декабря 1781 года «Ее императорское Величество соизволила подтвердить план губернскому городу Тамбову»⁶⁶, разработанный в Комиссии строений. План был выполнен в духе новой градостроительной эстетики, с позиций которой весь живо-

⁶⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков 1738–1793 гг. Т. 2. СПб., 1871. Стб. 565.

⁶⁵ ОР РБН. Табель или экстракт из сочиненного Тамбовского наместничества топографического описания. Рукопись. 1787.

⁶⁶ ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXI. № 15294. С. 343.

Дорегулярный план Тамбова. Источник: РГАДА. Ф. 1356 (Губернские карты, уездные планы, карты, атласы и планы городов). Оп. 1. Д. 5831 (План гор. Тамбова с поселенными при нем слободами, б/д.)

писно-иррегулярный строй древней застройки воспринимался текущим, нестабильным, требующим упорядочения на основе законов гармонии простых геометрических форм. Конфирмованный план 1781 года всегда считался первым проектным планом Тамбова. Казалось, не могло быть иначе, так как с момента объявления Тамбова губернским городом (в 1779 году) до выхода проекта прошло всего два года. И на основании долгой работы в архивах сформировалась достаточно стройная картина проектирования, перепроектирования и корректировки плана Тамбова, которая в одночасье рухнула, когда в Российском государственном историческом архиве в Петербурге мной был обнаружен первый из известных на сегодня проектный план Тамбова, датированный 1780 годом, то есть выполненный на год раньше конфирмованного.

В этом плане, ломавшем всю логику тамбовских градостроительных событий, описанных в ранних статьях автора, было много необычного; план был подписан: «Прожектировал коллежский советник Юрий Соймонов, чертил уездный землемер Петр Немцов». Подписанный план города — явление крайне редкое в проектной

практике последней четверти XVIII века; как правило, на чертежах указывалась фамилия копииста, реже землемера, фамилии и должности утверждавших план чиновников. Градостроительное авторство почти всегда оставалось тайной, неразрешимой загадкой, и в данном случае подтвержденная документально авторская атрибуция — редкая удача.

Необычным было и то, что планов, подписанных Соймоновым, оказалось два, то есть градостроительное проектирование носило вариантный характер! Различия между планами трудно назвать значительными, но всё-таки они были. Оба чертежа нельзя отнести к эскизам, они полностью оформлены, имеют обозначения и экспликации, украшены виньетками и обозначением севера, только на одном есть название чертежа и проставлен год, а на другом нет. Вычитывая архитектурные замыслы в этих чертежах, можно отметить, что главной целью Соймонова было максимально бережное отношение к существующему городу. Это проявилось даже в характере подачи: существующая планировочная структура была выявлена плотно, корпусно, а проектное предложение — только линейно в графике, что принципиально отличало его от подтвержденного плана 1781 года, где залитые цветом кварталы нового города задавали хрупкую беспомощность реальности. В проектах Соймонова город практически сохранял свой живописный абрис, улицы трассировались часто по натурным направлениям, только теперь они были выпрямлены. Однако желание минимизировать стороннее вмешательство приводило к тому, что улицы часто не сохраняли строгую параллельность между собой и перпендикулярность в пересечениях. Это было несвойственно классицистическим идеалам.

Обдуманность градостроительного плана раскрывается в экспликации к чертежу: кроме основных административных зданий и церквей на плане обозначены места под застройку каменными и деревянными домами, назначены улицы под заселение дворян, купцов, разночинцев, мещан, ямщиков, «улица для приказных служителей», «улица инвалидной команды», намечены «положение квартала улицы для батальона и штатной команды», «положение однодворческим местам». Места для социальных страт закреплялись пространственно, и понижение статуса закономерно шло из центра

на периферию, кварталы ямщиков располагались рядом с торговой площадью. Центральные кварталы были разбиты по усадебному принципу под каменную застройку, то есть модная застройка сплошным фасадом не предполагалась. Внутри кварталов отводились места под сады, на плане эти участки закрашены зеленым. На чертеже были отмечены главная «перспективная» Астраханская улица и «поперешные улицы до рва», причем названий улиц на плане нет, есть только названия выходящих из города дорог, хотя в экспликации отмечено, что улица Старая отведена под размещение инвалидной команды.

Оба плана Соймонова очень похожи, разница была только в том, что один из них захватывал новой трассировкой всю территорию существовавшего на тот момент города вместе с Полковой (на планах Соймонова отмечена как Сторожевая) слободой, а второй вариант был без нее и обрезал границы нового города по реке Гаврюшке.

Для нас эта находка неоценима в том смысле, что она показывает градостроительное проектирование конца XVIII века как профессиональный процесс, имеющий разные походы и опирающийся на варианты предложения. И это происходило в тот момент, когда широкомасштабная перепланировка российских городов шла невероятными темпами в невероятных объемах. Но и в такое время в градостроительном проектировании оставалось место для творческого поиска.

Рациональность и четкое функциональное решение плана не вызывает сомнений, но почему же подтвержден оказался не он и даже не был взят за основу?

План города Тамбова. Конец XVIII в. 1780 г. Фрагмент

Возможно, план Соймонова, стремившегося сохранить традицию и существующую планировку, оказался слишком живописен, ему не были присущи сухость и четкость классицистической геометрии. Но могли быть и более веские аргументы: во-первых, в нем не было жесткого градостроительного каркаса с системой улиц и площадей — главного признака классицистического градостроительства; во-вторых, он почти повторял контур выстроенного на тот момент города, только незначительно расширяя его территории, то есть потенциал для активного развития губернского центра был исчерпан практически в самом начале. Проект Соймонова оказался слишком близок к реальности, в нем не было ведущих в будущее перспектив. В этом смысле подтвержденный в 1781 году план Тамбова выгодно от него отличался: в его рисунке были сохранены некоторые признаки, едва уловимые черты старого города, но хаотичная, чувственно-живая ткань рядовой застройки была заменена геометрическим образом регулярного порядка.

Расположенный при слиянии двух рек, Цны и Студенца, старый город живописно вытягивался пальцеобразными отрогками вдоль их берегов. Стремясь к компактности и цельной форме, регулярный город безжалостно «ампутировал» всё лишнее или, вернее, собрал их в единый «кулак». Поэтому за пределами города осталась теперь Полковая (Сторожевая) слобода, и, возможно, под ее переселение были предназначены территории значительно увеличенной южной части. Город должен был несколько переместиться в пространстве.

Направление улиц южной части города сохранило дорегулярный характер, получив более правильные геометрические черты. Продольные улицы подчинялись движению реки Цны, а поперечные, им перпендикулярные, всегда выходили к реке. Река оставалась главной темой в композиции рисунка плана. Частой сменой ее поворота обуславливалась пространственная игра градостроительной структуры, вносящая в сухую прямоугольную сетку улиц некоторое разнообразие.

В северной части города Полковая и Пушкарская слободы, утратив свою планировочную самобытность, полностью подчинились планировочной структуре юга, что лишило новый план своеобразной живописности, но придало ему композиционную

целостность. Планировочное однообразие нарушалось здесь диагонально направленной Московской (позднее Козловской) улицей. Разрезая прямоугольную сеть кварталов, эта диагональ соединяла городской центр с дорогой на Москву и, судя по количеству нанезанных на нее новых площадей, должна была играть роль одной из главных градостроительных осей. Так в планировочной структуре города пространственно закреплялись общегосударственные политические и духовные связи Тамбова со старой столицей.

Диссонируя с прямоугольными кварталами северной части, диагональ Московской улицы в общем плане города сложилась в трехлучие с улицами Широкой (позднее Дворянской) и Стрелецкой, которую обратной диагональю намечалось провести под активным углом от Цны до Обводного рва. Предложенный прием обеспечивал разворот южной части Тамбова относительно реки. Это говорило о существовании в подтвержденном плане единой градостроительной идеи. Наличие трехлучия (прием достаточно распространенный в проектах Комиссии строений) не могло не породить местную мифологию о подобии тамбовского плана петербургскому. Но в тамбовском варианте точка схода трех осей оставалась за пределами города, на противоположном берегу реки Цны. Такой композиционный прием правильнее было бы считать близким к градостроительной идее плана Богородицка, и только отсутствие общего композиционного ориентира, каким был в Богородицке дворец графа Бобринского, упрощало в тамбовском плане эту пространственную идею.

Хотя, возможно, в данном случае трехлучие играло другую роль. Отсутствие общего объекта, на котором сходились бы три оси, снижало ценность планировочной идеи для восприятия изнутри, из города, но в месте пересечения лучей проходила дорога из соседней Саратовской губернии, и при подъезде к Тамбову его планировочная структура как бы раскрывалась для восприятия ее извне. Каждый луч имел собственный ориентир—Покровская церковь, Казанский монастырь и Преображенский собор—и три вертикальные доминанты, выходя на бровку реки, фиксировали в пространстве смену планировочных направлений. Позднее подтвержденный план был откорректирован. В новом варианте южная диагональ была перенесена на другую

улицу и получила более слабый наклон. Форму правильного трехлучия сохранить не удалось, и композиционная ценность планировочной идеи оказалась значительно снижена.

Также авторы конфирмованного проекта посчитали возможным перенести функцию продольной градостроительной оси, закрепившуюся исторически за улицей Большой Астраханской, на Долгую улицу, сцентрировав тем самым композиционную структуру плана. Для подтверждения ее градостроительной значимости на новую ось было «нанизано» пять площадей, причем четыре из них были запроектированы новым планом. Такой перенос одной из главных планировочных осей города на почти не застроенную территорию свидетельствовал или о незнании свойств реальной градостроительной структуры Тамбова, или о приоритете художественного начала в деятельности архитекторов Комиссии строений и идеалистической вере в возможности любых перемен. Интересно, что в профессиональном смысле этот перенос был выполнен настолько графически убедительно, что даже авторы многотомной монографии «Русское градостроительное искусство» оказались введены в заблуждение и назвали улицу Долгую «...главной продольной магистралью города»⁶⁷, хотя она по сути дела никогда таковою не была, а в конце XVIII века здесь еще оставался крепостной ров.

Общий рисунок плана с композиционной точки зрения был выполнен высоко-профессионально. Открытые пространства площадей центрировали вокруг себя массивы городской застройки, причем размер площади зависел от размера территории той городской «ткани», которую охватывала площадь своим композиционным влиянием. Построение плана велось по принципу равновесия масс. Только этим можно объяснить появление в южной и северной частях городской застройки больших массивов площадей, функциональная роль которых оставалась неясной.

Формально-композиционный подход к первоначальному проектированию достаточно скоро, уже в 1786 году, вызвал потребность в корректировке плана. Совершенно очевидно, что этот процесс происходил не ранее 1786 года, так как натурную съемку местности выполнял по поручению губернатора Г. Р. Державина кирсановский

⁶⁷ Русское градостроительное искусство: Москва и сложившиеся русские города XVIII — первой половины XIX веков / НИИ теории архитектуры и градостроительства; под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1998. С. 387.

уездный землемер Григоров, которому, как утверждает Я. Г. Грот, «было поручено составить план Тамбова»⁶⁸. Процесс происходил уже непосредственно в Тамбове, и новый план представлял собой удачное сочетание проектного предложения с детальной фиксацией существующих зданий, ставших опорными при корректировании проекта — монастырей, церковей, каменных казенных, публичных и обывательских строений⁶⁹. Знание ситуации и время выполнения проекта дают основание предполагать, что в его разработке мог принимать участие первый губернский архитектор Василий Антонович Усачёв. Но и кирсановского землемера тоже нельзя сбрасывать со счетов, так как проектные планы городов в этот период часто были результатом работы именно землемеров, особенно это было распространено в провинции. Во всяком случае, план действительно был сделан, за что Григоров был представлен к очередному чину⁷⁰, но степень творческого вклада Григорова в проектирование губернского центра остается недоказанной, так как речь могла идти о снятии натурного плана.

Существующая реальность повлекла за собой небольшие проектные перемены: огромная площадь, центрирующая вокруг себя южную часть городской застройки, волей авторов была перенесена с Долгой улицы на Большую Астраханскую. Здесь она приобрела функциональный и градостроительный смысл, так как теперь фиксировала пространство вокруг Варваринской церкви, которую планировалось перестроить из камня и немного перенести, придав ей статус приходской вместо бывшего раньше кладбищенского статуса. Этим переносом Большой Астраханской улице, переходившей на севере в улицу Моршанскую, возвращалась роль продольной градостроительной оси, закрепившаяся теперь графически на плане появлением семи площадей (включая и въездные площади).

Это было единственной принципиальной переменной в подтвержденном плане 1781 года. Другие же, такие как включение речки Гаврюшки и территории противоположного берега в границы города, увеличение размеров некоторых кварталов,

⁶⁸ Державин Г. Р. Сочинения (с объяснительными примечаниями Я. Грота). 2-е академич. изд. Т. 5. Переписка. 1773–1793. СПб., 1876. С. 578.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5832 (Проектный план города Тамбова); Д. 5836 (Проектный план города Тамбова, копия с плана подтвержденного, б/д.).

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 247. Т. 13. Л. 37.

небольшие изменения в планировочном каркасе южной части города, и, даже перенос в связи с этим одного из планировочных лучей с улицы Стрелецкой на улицу Начальную, в целом не повлияли на общий характер конфирмованного плана.

Сравнивая дорегулярный и регулярный планы Тамбова, нельзя сказать, что территория, отведенная под застройку новым проектом, была значительно увеличена (хотя Полковая слобода, оставшаяся теперь за границами города, уступала по своим размерам территориям, занятым новым планом). Но пространство в классицистическом городе приобретало другие свойства, оно имело другие количественные и качественные характеристики. Улица классицистического города, застроенная в идеале «сплошной фасадом», заключала в себе во много раз бóльшую плотность, чем улица иррегулярного города, где пространство свободно «разливалось» между усадьбами. Поэтому регулярный план даже при незначительном увеличении территории застройки аккумулировал в себе во много раз увеличенный градостроительный потенциал, и Тамбов приобрел в конфирмованном проекте огромный внутренний резерв, реализовать который он смог только к концу XIX века.

Изменение принципов застройки изменило и отношение к самому пространству. Оно понималось теперь не как естественная среда для построек, а как «материал», средство преобразования города. Улица, сплошь застроенная вдоль красной линии, становилась визуальным ограничителем, теперь она организовывала и направляла движение пространства, являлась основным пространствообразующим элементом. Каркас уличной сети, ложившийся в основу композиции города, был той канвой, на которую накладывалась система ансамблей городских площадей.

Формирование городского центра рассматривалось как особая композиционная задача. В классицистическом варианте городской центр превращался из компактно-концентрированного элемента в регулярно решенную пространственную систему. Эта система имела четкую дифференциацию по функциональным признакам. Расширение представительских функций потребовало выделения административной площади в особое пространство — им стала Соборная площадь. Отдельно формировались торговые Сенная и Хлебная площади, регулярная россыпь маленьких площадей фик-

сировала положение шести приходских церквей, по контуру градостроительного плана были сосредоточены четыре въездные площади.

Пространство городского центра из целостного статического положения перешло в состояние динамическое, оно перетекало, разливалось по вновь созданной системе площадей, удерживая на себе большие территории рядовой застройки. Чередование открытого пространства площади с узким «коридором» классицистической улицы, ведущей к новой площади, должно было создавать «пульсирующий» эффект.

Рассредоточение центра влекло за собой увеличение количества градостроительных осей. Рассматривая подтвержденный план Тамбова с композиционной точки зрения, можно сделать вывод, что в новом плане на роль планировочных осей претендовали пять улиц: улица Широкая (Дворянская), расширенная за счет бульвара, созданного на месте бывшего рва, Астраханская улица, с которой курдонером разворачивалась главная площадь — Соборная, и перпендикулярная ей Знаменская, соединяющая Соборную площадь с площадью Знаменской церкви и Сенной площадью, а также улицы Московская (Козловская) и Начальная с системой нанизанных на них площадей, фиксирующие смену планировочных направлений в градостроительной структуре. Практически каждая из них подтверждала свою пространственную значимость одной, а иногда целой системой вертикальных доминант. Но, четко прорисованные на плане, в реальности далеко не все они приобретали задуманный вид и играли отведенную им градостроительную роль. Это объяснялось тем, что подтвержденный план был своего рода градостроительным идеалом, тем желаемым образом, в духе которого создавались многие проекты екатерининского времени.

Удивительно, что современники воспринимали подтвержденный план именно как реальность. Пафос переустройства был настолько велик, что город, разбитый в натуре на кварталы, плоский, расчерченный еще только на земле и не получивший объемного выражения, уже воспринимался современниками тем городом, каким он был изображен на подтвержденном плане. Все последующие фиксационные чертежи, (например, план 1803 года⁷¹ или план конца 1820-х годов⁷²) полностью, до последней

⁷¹ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5837 (План города Тамбова подтвержденного в 178... году и выстроенного в 1803 г.).

⁷² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5839 (Прожектированный план города Тамбова).

детали соответствовали подтвержденному плану, хотя рисованные виды города давали несколько иную картину.

Достаточно вспомнить фразу М. Ю. Лермонтова, сказанную о Тамбове:

Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

Короче, славный городок⁷³.

«Три прямые улицы» в 1830-х годах заставляют несколько сомневаться в правдоподобии фиксационных планов Тамбова начала XIX века, обнаруженных в архивах. Поверить им можно только в том случае, если считать, что реализацией подтвержденного плана уже считались проведение землемерных работ и поквартальная расстановка столбов. Это не могло составлять значительных трудностей в тех частях города, где сохранялась дорегулярная планировка, в слободах, выгоревших от пожаров, и на территориях, предназначенных для перспективного роста.

Главные трудности реализации проекта оказались сосредоточены в тех градостроительных элементах, воплощение которых должно было начаться незамедлительно, и именно там, где черты пространственной утопии были выражены наиболее ярко и конкретно. Поэтому основные проблемы реконструкции Тамбова сконцентрировались в строительстве главной площади города — Соборной. Драматизм момента состоял в приспособлении пространственной утопии классицизма к провинциальной

⁷³ Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша // Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. И. С. Чистовой; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М., 1988. С. 529.

План Ю. Ф. Соймонова. Фрагмент

действительности. Восстановление этого процесса по архивным документам раскрыло перед нами интереснейшую картину длительной борьбы идеальных архитектурных замыслов с реальными возможностями. И здесь представляется интересным сравнить планировочные идеи трех рассмотренных выше проектов.

В проекте Соймонова главная площадь города была запроектирована на месте построенного в XVII веке кремля, от которого к концу XVIII века оставался только кафедральный Спасо-Преображенский собор. Здание собора подтверждало значимость места в культовом отношении. Символом государственной власти должен был стать дом наместника (А), располагавшийся по оси Знаменской улицы, административные функции оставались за зданиями присутственных мест (В), коммерческие задачи решались появлением здесь гостиного двора (Н). Присутственные места располагались не по контуру площади, а как бы внутри нее, тем самым сокращая ее общий размер. За присутственными местами перпендикулярно Астраханской улице, как бы дублируя

административное пространство Соборной площади, архитектор проектирует улицу для строительства целого ряда административных зданий: дом губернатора, дом вице-губернатора, комендантский дом, цейхгауз, почтовый дом; все постройки были отдельно стоящими усадебного типа.

Этот градостроительный прием вызывает ряд вопросов и сомнений: почему самые значимые в архитектурном смысле городские здания, способные украсить город и придать ему респектабельный вид, расположены на тупиковой улице, почему эта улица имеет слабую связь с остальной градостроительной структурой, почему на парадную улицу присутственные места выходят дворовым фасадом, который, как правило, выполнял хозяйственные функции и уступал по качеству главному, почему большое, если не сказать огромное, пространство самой площади так слабо зафиксировано застройкой? Но, пытаясь быть убедительным, архитектор очень четко оформляет чертеж, изображая все здания на плане: по размерам их контуров можно судить об их значимости; и, чтобы особо выделить дом наместника, придает ему сложный вид, пристраивая к прямоугольнику циркульные крылья с двух сторон.

За домом наместника предполагалось разбить сад или парк, выходивший на бровку высокого берега реки Цны. Отсюда открывались виды на живописные тамбовские окрестности. Судя по рисунку плана, парк предусматривалось завершить созданием смотровой площадки. Такой планировочный прием часто применялся в градостроительных проектах и вполне соответствовал философии Просвещения, в которой созерцание природных пейзажей являлось составной частью эстетических пристрастий.

План Соборной площади на подтвержденном плане 1781 года очень похож на план Соймонова, здесь совершенно очевидна преемственность в планировочных решениях. Возможно, к нему прилагались и проекты административных зданий, такой вывод можно сделать по фразе из екатерининского указа, где отмечено, что вместе с планом «...фасады представлены были»⁷⁴. Площадь так же фланкировалась с двух сторон одинаковыми по форме, но гораздо более скромными по размерам зданиями

⁷⁴ ПСЗРИ. Собр. первое. Т. XXI, № 15294. С. 343.

присутственных мест, а вот здание наместнического дома, как и все остальные административные здания, на плане показаны не были. Отводились только кварталы под их застройку, а их размер, характер и количество оставались неясны так же, как и судьба наместнического парка. Возможно, отсутствие жесткой конкретики давало больше свободы в осуществлении проекта. Размер Соборной площади значительно уменьшился: если в соймоновском плане ее глубина была почти в два раза больше ширины, то на плане 1781 года ширина площади осталась прежней, а глубина сократилась почти вдвое и стала даже уступать ширине в размерах.

В 1786 году в рамках работ, связанных с корректированием подтвержденного плана 1781 года, для Соборной площади было предложено новое планировочное решение. Ошибка Соимонова стала очевидна: не только дом наместника и присутственные места, но и дом губернатора, вице-губернатора, казначейство теперь должны были украсить главную площадь города, поэтому пространство выделенной ранее административной улицы было включено в Соборную площадь. Спасо-Преображенский собор теперь находился не в углу площади, а «обнимался» одним крылом генерал-губернаторского дома, подвинувшись ближе к центру. Так как количество объектов выросло, их предлагалось строить не внутри площади, а обстроить ее по контуру зданиями весьма внушительных размеров: в этом варианте размеры площади значительно увеличивались. Гостиный двор к этому моменту был уже выстроен в соответствии с подтвержденным планом 1781 года рядом с рекой Студенец, и на плане его положение и размеры соответствовали действительности. То, что реализация Соборной площади началась не с казенных зданий, а с возведения гостиного двора, можно объяснить тем, что строительство казенных зданий государство финансировало с большим трудом, а постройка огромного по размерам торгового ряда наверняка субсидировалась заинтересованными в нем местными купцами и здесь задержки быть не могло.

Здание гостиного двора — это всё, что осталось от идеи подтвержденного плана 1781 года. В новом проекте грандиозное, почти квадратное в плане пространство площади развивалось курдонером от главной улицы города — Астраханской (в ряде документов участок Астраханской улицы, расположенный вдоль Соборной площади,

назывался Дворцовой улицей. — *Н. Г.*). Оба угла Соборной площади были зафиксированы зданиями: присутственными местами Г-образной формы (9), с одной стороны и гостиным рядом (10) с другой. Длина присутственных мест вдоль Дворцовой улицы составляла 140 метров, вдоль Соборной площади — около 90 метров. Размеры сторон гостиного ряда были немногим меньше. Оба здания, расположенные одновременно и по Дворцовой улице, и по Соборной площади, как бы вводили пространство улицы в основной градостроительный элемент — главную площадь города.

Пространство площади продолжало развиваться: за зданием присутственных мест в одном створе предполагалось строительство вице-губернаторского дома; в одном ряду с гостиным двором был запроектирован дом губернатора. Таким образом, глубина площади значительно увеличивалась и составляла 250 метров. Огромное пространство замыкалось зданием генерал-губернаторского дома, расположенного, как и в плане Соймонова, по оси Знаменской улицы. Ширина Соборной площади от присутственных мест до гостиного двора составляла 135 саженей (287 метров). Длина фасада генерал-губернаторского дома (90 метров) при всём своем непровинциальном масштабе оказалась явно недостаточной для архитектурно-пространственной организации огромной площади, поэтому здание с двух сторон было завершено огромными крыльями-экседрами (назначение которых до конца неясно), получив совершенно невероятный размер — 280 метров. Откуда взялись эти идеи, как появилось это предложение по новому подходу в решении Соборной площади?

Удивительным было то, что размер Соборной площади на откорректированном плане 1786 года почти полностью соответствовал плану 1780 года, так же как идея наместнического дома с дугами крыльев. Только в последнем проекте административные здания были расположены не внутри площади, а по ее периметру и рисунок дома генерал-губернатора выполнен очень профессионально, имел сложную композицию и высокое художественное качество. Грандиозный размах проекта, созданного ранее коллежским советником Соймоновым, и отдельные его идеи оказались востребованными через шесть лет. Понять, что стало поводом к такому возврату, можно только в том случае, если обратиться к истории Тамбова.

С большой долей вероятности можно допустить, что одну из главных ролей в этом процессе сыграл Гавриил Романович Державин, который весной 1786 года был назначен губернатором Тамбова. Близким другом и «личным архитектором» нового губернатора был Николай Александрович Львов, личность для своего времени выдающаяся. Соймоновы были родней Львовых. Именно у них поселился Львов, приехав юношей из Черенчиц определяться на службу в бомбардирскую роту лейб-гвардии Измайловского полка, куда он был записан, как тогда было принято, еще во младенчестве. «Это была культурнейшая семья, известная в Петербурге своей патриотической настроенностью. Отец—Федор Иванович Соймонов—первый русский гидрограф, картограф, составитель карты Каспийского моря,—в последний год правления Анны Иоанновны был осужден по делу Волынского за выступление против Бирона и вместе с архитектором Петром Еропкиным приговорен к четвертованию. Правда, он избежал смерти, был бит кнутом на площади и сослан в Сибирь. Один из его сыновей—Михаил Федорович, президент Берг-коллегии горного ведомства,—был учредителем Горного института и первым его директором. Другой—Юрий Федорович—занимался строительством и гражданской архитектурой»⁷⁵.

Львов наверняка знал о градостроительном плане Тамбова, выполненном Ю. Ф. Соймоновым в 1780 году. Архитектурные работы, особенно такого уровня, не могли не обсуждаться родственниками, единомышленниками и коллегами; он вернулся к нему, когда в 1786 году по просьбе Державина практически возглавил (хотя и заочно, находясь в Петербурге) архитектурно-градостроительные работы, развернувшиеся в губернском центре. В основу отдельных идей откорректированного плана Тамбова 1786 года лег план Юрия Соймонова, но главную роль в его создании теперь уже играл Николай Александрович Львов. Композиционный рисунок нового плана Соборной площади и особенно форма дома генерал-губернатора явно говорят о высоком профессионализме. Участие Львова в градостроительных работах подтверждается и документально. Обсуждая с Державиным проекты общественных зданий, в одном из писем он писал: «...А площадь, если бы угодно было Ивану Васильевичу

⁷⁵ Архитектор Николай Александрович Львов // Приорат. <http://history-gatchina.ru/museum/priorat/lvov/lvov1.htm>.

(Гудовичу. — *Н. Г.*), то мне бы казалось лучше сделать по последнему плану»⁷⁶. Судя по этой фразе, проектов Соборной площади он сделал несколько, как минимум два. Участие в корректировке подтвержденного плана Тамбова и кирсановского землемера Григорова, и тамбовского губернского архитектора Усачёва, безусловно, отрицать нельзя. Но вряд ли им хватило бы смелости, профессионализма и таланта создать такое яркое и грандиозное по масштабу решение. Круг замкнулся, причинно-следственные связи восстановлены.

Проекты общественных зданий, выполненные в Комиссии строений и приложенные к подтвержденному плану 1781 года (если такие были), уже не могли удовлетворить грандиозные замыслы нового планировочного решения, поэтому возникла необходимость в новых проектах дома генерал-губернатора, губернатора и присутственных мест. Коллежский советник Юрий Соймонов в качестве архитектора в кругах искусствоведов не известен широко, и вряд ли мог заниматься разработкой чертежей для этих зданий, тем более что инициатива находилась уже в руках предприимчивого Львова. Возможно, первый вариант проектов был выполнен губернским архитектором В. А. Усачёвым (хотя его архитектурная квалификация была невысока), и в 1786 году вместе с откорректированным планом Тамбова они были отправлены на конфирмацию в Петербург. Исправлением присланных чертежей занимался Николай Александрович Львов, и, судя по его переписке с Державиным, проектные работы в Петербурге продвигались весьма успешно (этот процесс еще будет рассмотрен ниже).

В Тамбов проекты общественных зданий присылались по мере их выполнения, и на каждый проект губернским архитектором составлялась смета. 30 сентября 1786 года Василий Антонович Усачёв докладывал Г. Р. Державину «о зделании сметы сколько потребно кирпича, бута, извести и прочих материалов на будущее лето к постройке в Тамбове казенных присутственных мест»⁷⁷. То что составлением сметы занимался губернский архитектор, было вполне закономерно, так как петербургские архитекторы не могли знать местные расценки на строительные материалы и работы.

⁷⁶ Державин Г. Р. Сочинения (с объяснительными примечаниями Я. Грота). 2-е академич. изд. Т. 5: Переписка 1773–1793. СПб., 1876. С. 449.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 8. Л. 22.

Судьба чертежей остается пока неизвестной. Бесспорно, что они существовали и по этим чертежам в 1786 году на главной площади города должно было быть начато строительство. В документах Сената отмечено, что по распоряжению генерал-губернатора И. В. Гудовича «...заготавливаемы были и нужные материалы, но производство сего... по тогдашним военным обстоятельствам остановлено, и заготовленный материал распродан»⁷⁸.

Реализованы эти проекты не были, Тамбов лишился возможности оставить имя Н. А. Львова в своей архитектурной истории. Возможно, причиной этого стала именно развитая им пространственная утопия. Она оказалась действительно беспрецедентна по своему размаху и несопоставима с аналогичными проектами губернских центров, которые разрабатывались Комиссией строений не ранее, не потом. Размеры Соборной площади (286×280 метров) значительно превышали многие известные провинциальные образцы. Так, длина административной площади в Туле и Фонтанной в Твери составляла всего 127 метров, центральной площади Смоленска—227 метров⁷⁹. Даже размер Дворцовой площади в Петербурге от Зимнего дворца до арки Главного штаба составлял 225 метров и уступал по масштабу градостроительной утопии, созданной в тамбовском варианте.

Чем объяснить столь необоснованные претензии рядового губернского города на столичный уровень: непосредственной ориентацией на Петербург как на градостроительный образец или всё той же потребностью выдавать желаемое за действительное? Сказать трудно. Во всяком случае, необходимость строительства в Тамбове зданий такого масштаба вызывает большие сомнения. Даже многократно увеличенный по екатерининскому законодательству штат чиновников рядового губернского города составлял 80–90 человек, а общая площадь двух этажей в проекте присутственных мест составляла более 8000 кв. метров, то есть на каждого чиновника приходилось около ста. При этом надо помнить, что здесь же отдельно были запроектированы дома губернатора и вице-губернатора, казначейство и полиция.

Совершенно очевидно, что размер проектируемой площади во много раз превосходил не только функциональные потребности Тамбова, но и его реальные возмож-

⁷⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4838. Л. 15 об.

⁷⁹ См.: Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 72–75.

ности. Освоить эту среду, насытить ее, оживить город с населением около 14 тысяч человек вряд ли был способен, и этот проект был своего рода архитектурной утопией, основанной то ли на идеальных представлениях мечтателя-архитектора, то ли на провинциальных амбициях губернского начальства.

Существует еще одна версия причин создания несбыточной пространственной модели. Она высказана известным искусствоведом Г. З. Кагановым и напечатана в качестве комментария к одной из моих статей о Державине. Считая, что при пересказе или выборочном цитировании оригинальная догадка Г. З. Каганова потеряет блестящую логику и убедительность, нахожу необходимым привести ее практически без купюр.

«В самом деле, есть чему изумиться: чудовищные размеры „проектированного“ пространства выходят „из ума“, за пределы вменяемости и здравого смысла. Между тем оба сочинителя отнюдь не лишены были практической рассудительности. Державин показывал себя расчетливым и успешным домохозяином, а Львов был известен как толковый организатор и как высококвалифицированный эксперт по самым сложным техническим вопросам. Так откуда взялась эта химера? Как получалось, что два вполне нормальных человека всерьез затевали в небольшом и небогатом городке строительство архитектурного ансамбля таких размеров, которые не под силу были бы большинству европейских государств, располагавших ресурсами, не идущими в сравнение с таковыми в весьма скромной Тамбовской губернии?

Может быть, пылкий Львов слишком полагался на возможности своего могущественного покровителя, канцлера империи графа А. А. Безбородко? Львов, вместе с семьей живший прямо у графа во дворце, был у него совершенно своим, доверенным человеком, постоянно обсуждал с ним всякие проекты, состоял при нем неофициальным „министром вкуса“ во всех искусствах, много чего строил для него, выполнял его ответственнейшие поручения, в том числе международные. Вполне можно представить, что странный тамбовский проект пошел в ход тоже не без ведома графа, и значит, можно было рассчитывать на финансовую и организационную поддержку. Ведь помогал же Безбородко Львову получать и выполнять самые видные заказы: на собор

Св. Иосифа в Могилеве, на Невские ворота Петропавловской крепости, на „Почтовой стан“ (Почтамт) в столице. Почему бы не ожидать следующего успеха в Тамбове?

И всё же это только предположения. А раз так, то хочу прибавить к ним еще одно, лежащее совсем в другой плоскости: предположение о масонской природе тамбовской химеры. Меня навело на него одно замечание, как бы шутя сделанное Львовым в его письме Державину летом 1786: „...если ваш тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную“. „Протопить“ — потому что в то время Львов открыл месторождение каменного угля на Валдае. Стало быть, не надо больше ввозить дорогой уголь из Англии. Но дело сейчас не в угле, а в „каменном своде над светом“ — эта фигура воображения принадлежит топике, характерной для вольных каменщиков. Получатель письма наверняка улавливал и ценил такого рода обертоны, недаром за пару лет до назначения в Тамбов его настойчиво рекомендовал к принятию в орден влиятельный масон князь Н. Н. Трубецкой и притом советовал как можно скорее перевести в высокие градусы для избранных братьев. Правда, неизвестно, в какой ложе состоял (если вообще состоял) Гаврила Романович.

Неизвестно это и о Львове. Известно только, что он постоянно был окружен вольными каменщиками. Его заказчики и наиболее близкие ему сослуживцы, не говоря уж о друзьях, — сплошь масоны. Среди них много громких (не только в орденском кругу) имен... Заказчик-масон обычно подбирал архитектора, имеющего посвящение, чтобы свободно, не боясь разглашения орденских тайн, обсуждать с ним масонские сценарии будущих построек или парков. Строить без такого сценария члену ордена было бессмысленно и неловко. Недаром заседания лож назывались „архитектурными работами“, а отчеты о них — „книгами архитекторскими“... Как бы то ни было, в разных проектах и постройках Львова масонские мотивы не просто узнаются, но явственно доминируют, определяя композицию в целом. Так что нельзя исключить их наличия также и в проекте тамбовской площади.

...К тому времени, когда Державин с Львовым занялись тамбовской площадью, масонский образ невидимого храма как воздушного тела, окруженного каменным строением, уже вошел в отечественный архитектурный обиход. Предположение

мое собственно состоит в том, что городская площадь, окруженная застройкой, могла интерпретироваться на масонский лад как воздушное тело, по скрытому смыслу родственное внутреннему двору. В случае Тамбова обращает на себя внимание относительная близость размеров главной площади к размерам искусственной священной платформы, в центре которой некогда стоял Иерусалимский храм. „Мишна“ (трактат „Миддот“ 2.1) указывает для платформы размер около 250×250 м. Точно таковы размеры нынешней площади Харам аш-Шариф (букв. Благородная святыня) в самом центре Иерусалима. Она повторяет, вернее, представляет собой древнюю священную платформу и венчает библейскую гору Мориá, на которой царь Соломон построил первоначальный храм, впоследствии разрушенный, снова отстроенный и снова разрушенный.

Может быть, этой близостью размеров объясняется противный здравому смыслу гигантизм проекта Державина — Львова. Правда, их площадь не квадратная. Но ни в их, ни в чьем-либо еще распоряжении не было точных обмеров платформы в Иерусалиме — ни один неверный не мог до середины XIX века близко подойти туда, к одной из главных мусульманских святынь. А в касающихся платформы показаниях книг Ветхого Завета и старых еврейских трактатов, даже если бы друзья умели последние прочесть, есть много неясностей и разноречий. Поэтому многочисленные реконструкции Иерусалимского храма, выполненные в XVII–XVIII веках на основании библейских и других текстов, исходят из разных размеров и очертаний как платформы, так и зданий храма.

...Разумеется, при такой громадной площади менялся масштаб тайного масонского „делания“. Оно уже не замыкалось в узком кружке братьев. Но нельзя сказать, что от этого его субъектом становилось сразу всё население города, ведь тогда требовалось бы его поголовное посвящение. Нет, публичность площади скорее означала, что братья, затеявшие такое символическое пространство, берут на себя неявную наставническую роль по отношению к населению. Такое намерение тем понятнее, что в Тамбове ни тогда, ни потом лож не было, так что город погрязал в „невежестве“ (это был термин, означавший непричастность орденскому „деланию“). Другими словами,

братья как бы принимали на себя ответственность за „усовершенние“ душ горожан, за их мистическое просвещение в масонском смысле слова. Век Просвещения занимался именно этим, за что и получил свое название. Наверное, если детально изучить всю сценографию державинских публичных действий в Тамбове, то можно за стандартными ходами классических аллегорий прочесть их вторые — масонские — смыслы.

Если предположение о масонской подоплеке проекта тамбовской площади не лишено смысла, то проект этот можно считать первым заметным проявлением того орденского градостроительного мистицизма, который лет через двадцать пять реализовался на стрелке Васильевского острова в Петербурге»⁸⁰.

Предположение масонского влияния на проект плана Тамбова весьма интересное и вероятно оправданное еще и потому, что одним из заказчиков Львова был масон Петр Александрович Соймонов, генерал-поручик, член Российской академии, сенатор, статс-секретарь Екатерины II, в ордене — великий секретарь работ на русском языке Провинциальной Великой ложи, то есть крупный функционер в высших органах масонской иерархии. Ему Львов в середине 1780-х построил знаменитую дачу на правом берегу Невы. Документально неизвестно, был ли масоном автор градостроительного проекта Тамбова Юрий Федорович Соймонов, но он и Петр Александрович Соймонов были выходцами из одного старинного дворянского рода, почти ровесниками. Наверняка они были знакомы, и, возможно, масонские идеи были близки не только Петру Александровичу. Во всяком случае, этот факт добавляет веса предположению Г.З. Каганова.

Но мне, мало знакомой с масонской стороной дела, проще выстраивать фактические события на основе обнаруженных архивных документов, поэтому вернемся вновь к Соборной площади, которая вплоть до конца XVIII века оставалось всё еще не застроенной. К этому времени практически все общественные здания стали непригодны для эксплуатации. Сменявшие друг друга губернаторы докладывали в Сенат, что «...ветхость... острога и губернаторского дома час от часу увеличивается, а генерал-губернаторский дом угрожает неминуемым падением»⁸¹, «палаты казенная, суда

⁸⁰ Каганов Г.З. Масонский план Тамбова Гаврилы Державина // А+С (Art+ Construction). № 1. Киев, 2006. С. 103–104.

⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4838. Л. 3 об.

и расправы за крайней ветхостью переведены в выстроенную от приказа общественного призрения каменную больницу»⁸².

В 1797 году тамбовским губернатором Николаем Лаптевым на рассмотрение в Сенат был представлен новый проект Соборной площади города, подписанный губернским архитектором В. А. Усачёвым. Градостроительная идея плана 1786 года была полностью сохранена, хотя новое решение, видимо, было скромнее предыдущего, так как, по утверждению губернатора, «...здание присутственных мест противу прежнего уменьшилось, да и не стоит надобности в постройке генерал-губернаторского дома»⁸³.

Но уменьшение присутственных мест было относительным — вместо прежних 150 метров их длина стала составлять 118 метров, а место генерал-губернаторского дома занял губернаторский дом, на его месте соответственно предлагалось выстроить казначейство, которое ранее на площади размещать не планировалось. Размеры нового проекта губернаторского дома отличались от старого лишь отсутствием огромных крыльев. Причем, не желая отказываться от прежней планировочной идеи, архитектор сохранил и даже усилил форму полукружий губернаторского дома, изменив лишь их функциональное назначение. Судя по чертежу, это были уже не здания, а наружные экседры или проходные галереи. Учитывая парадно-торжественный характер площади и увлекаясь размахом градостроительной затеи, вполне уместно увидеть здесь ряды циркульных пропилей в качестве архитектурных кулис. Теперь пространство площади уже не было столь замкнутым, как в предыдущем проекте, оно получило визуальную связь с природным окружением. В этом варианте размеры Соборной площади (286×260 метров) практически ничем не отличались от проекта, выполненного в 1780 году и повторенного в 1786-м.

Грандиозный размер Соборной площади стал навязчивой идеей, к которой по непонятным причинам возвращались вновь и вновь. Истоки этой архитектурной фантазии, безусловно, вытекали из екатерининских времен, когда поводов убедиться в возможности реализации самых невероятных, идеалистических проектов было более чем достаточно. Но царствование Екатерины II уже год как закончилось, и на смену

⁸² Там же. Л. 14 об.

⁸³ Там же. Л. 16.

одним архитектурным пристрастиям пришли другие. Возможно, поэтому в Сенате, на просьбу тамбовского губернатора Лаптева выделить для строительства 350 000 рублей, отреагировали весьма сдержанно и приказали «иметь на сей расход сумму и... исправлять из оной нужные в казенных строениях ветхости»⁸⁴. Вопрос о строительстве в Тамбове общественных зданий был отложен, но ненадолго.

Уже в 1800 году, после проведения ревизии в Тамбовской губернии, сенаторы Д. П. Трощинский и князь П. П. Щербатов донесли императору Павлу I, «... что казенные строения не только в уездных городах, но и в губернском в такое пришли ветхое и совершенно разрушением угрожающее состояние, что далее поддерживать их никакой уже возможности нет»⁸⁵. Правительственный сенат снова затребовал из Тамбова «ведомость о всех таковых исправления требующих строениях» и проектные планы на них.

В это же время в казну была приобретена городская усадьба статского советника Д. Хвощинского, находившаяся напротив главной площади по улице Астраханской. Сюда, удовлетворяя требованиям доктора Гриша, из губернской больницы были переведены казенная гражданская и уголовная палаты. Вполне естественно, что размеры запроектированных для жилья зданий не могли соответствовать запросам городской администрации. Более того, один из купленных домов был, как затем выяснилось, «построен на слабом фундаменте и близок к падению» и в 1801 году его разобрали до основания. Приобретение было не совсем удачным, тем не менее именно оно коренным образом изменило градостроительную судьбу Соборной площади.

Теперь административные функции города оказались сосредоточены в двух небольших зданиях, расположенных по углам одного квартала вдоль Астраханской улицы, на противоположной стороне от Соборной площади. И стало совершенно очевидно, что для окончательного решения административных проблем присутственные места необходимо было возвести в промежутке между купленными домами. Новый проект присутственных мест, расположенных именно в этом месте, вдоль Астраханской улицы, был выполнен губернским архитектором В. А. Усачёвым в 1802–1803 годах (точно

⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 4838. Л. 57.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1258. Оп. 8. Л. 72.

не датирован). Должно быть, и он не удовлетворял требованиям Сената, и через два-три года (до 1806 года) Николаем Урюпиным, сменившим Усачёва в должности губернского архитектора, был разработан следующий проект.

В этом варианте не просто заполнялся промежуток между угловыми зданиями, но все они, два существующих и вновь проектируемое, были объединены в единое целое системой галерей-переходов и лестниц. Общая длина здания определилась, таким образом, размером квартала и составила немногим более 60 сажень (130 метров). Для обеспечения архитектурного единства фасады существовавших домов предполагалось переделать.

Предлагаемое архитектурно-планировочное решение демонстрировало блестящие профессиональные возможности губернского архитектора, но не реальные потребности местных властей. С утилитарной точки зрения проект вызывал большие сомнения, так как более трети его фронта было отведено под галереи-переходы и лестницы, но именно эта деталь дает нам возможность понять творческий метод зодчего. Он был далек от жесткого рационализма, от решения только функциональных задач, это было мышление пространственное, образное, причем не в масштабе одного здания, а в масштабе всего города. Искусственное увеличение размеров присутственных мест за счет коридоров, переходов, лестниц и галерей можно расценить как попытку формирования нового архитектурно-пространственного масштаба города в целом, масштаба, более соответствующего статусу губернского центра, ведь в этот период в Тамбове не набралось бы и десятка каменных двухэтажных зданий весьма скромных размеров.

И, вопреки скупой провинциальной действительности, творческая фантазия губернского архитектора рисовала свое представление о проектируемом здании, ориентируясь при этом не на реальность, а на умозрительный образ будущего, воображаемого города, на тот градостроительный идеал, который был создан в законодательстве Екатерины II и в подтвержденном плане. Но в высоких инстанциях проект рассматривали именно с утилитарных позиций. Министр внутренних дел Кочубей отклонил его по той причине, что «...предлагаемая вновь пристройка между двух существующих

корпусов составлена большей частью из лестниц, коридоров и галерей, кои занимают большое пространство, корпуса сии один от другого отдалены и не могут быть удобны для расположения присутственных мест, и при всём том требуют весьма значительных издержек свыше 50 000 рублей»⁸⁶. Материальные расчеты, как это часто бывает, оказались выше творческих идей.

Очередное проектное предложение, судя по документам Департамента государственного хозяйства и публичных зданий, было рассмотрено в Строительном комитете в ноябре 1808 года. Чертежи этого проекта неизвестны. Разработан он был губернским архитектором, но членов Строительного комитета он вновь не устроил, поэтому «фасад оному строению, который был бы приличен в таких случаях... по поручению комитета, членом оного господином коллежским советником Руско переделан и подан с оригиналом г. министру внутренних дел»⁸⁷. Это был шестой проект присутственных мест, учитывая проект 1781 года, и пятый, если не было других, за последние десять лет. Но и ему не суждено было воплотиться; история проектирования присутственных мест продолжалась дальше.

В 1819 году в Строительном комитете был выполнен еще один вариант присутственных мест, правильнее сказать, не выполнен, а откорректирован, потому что на листе фасадов стоит подпись: «Начальник чертежной Л. Шарлемань» и ниже написано: «на подл. подпись: Губернский архитектор Урюпин», копировал лист К. Лукини⁸⁸, а на листах поэтажных планов остались только подписи Урюпина, их, вероятно, не перерабатывали⁸⁹. Сопоставляя размеры этого проекта с действительными размерами здания по выкопировке с плана 1828 года и других более поздних планов, можно определенно утверждать, реализован был именно он, правда с небольшими изменениями. Произошло это в начале 1820-х годов. Таким образом, несмотря на то что материализованного архитектурно-пространственного результата не могли получить на протяжении почти сорока лет, процесс архитектурного проектирования продолжался постоянно и весьма активно.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 514. Л. 9 об.–10.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 105. Л. 46.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 253. Л. 2А.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 253. Л. 3, 4.

Дом губернатора имел столь же длительную проектную историю, как и присутственные места. Проектирование этих зданий происходило параллельно, а часто одновременно, когда рассматривалось архитектурное решение главной площади в целом. Интересно, что результатом сорокалетней работы губернских и столичных архитекторов над проектами губернаторского дома (из которых четыре обнаружено мною в чертежах, а общее количество вариантов точно назвать трудно) стало строительство в 1820-х годах «образцового» проекта, разработанного А. Д. Захаровым в 1804 году. Но располагаться в центре площади по оси Знаменской улицы, как это было предусмотрено планом 1786 года, он уже не мог: выстроенная в начале XIX века колокольня Преображенского собора ограничила такие возможности.

Безусловно, места для строительства губернаторского дома оставалось более чем достаточно; за сорок лет, прошедших со времени подтверждения плана Тамбова, на Соборной площади практически ничего не было построено и она представляла собой огромное открытое пространство, по сути дела пустырь. Но когда деньги на строительство губернаторского дома были выделены и, казалось, должна была наконец начаться застройка главной площади города, обнаружилось, что градостроительная идея откорректированного в 1786 году подтвержденного плана практически безвозвратно утеряна.

Присутственные места располагались теперь напротив площади, вдоль Дворцовой улицы, и наиболее масштабное, протяженное здание, способное организовать пространство, в сложившейся ситуации утратило для площади свою градообразующую роль; дом вице-губернатора и здание полиции также были построены (или куплены в казну) в других частях города, так это значится на плане. Единственным зданием, предназначенным для пространственной организации Соборной площади, оставался дом губернатора. Но и его градостроительные возможности оказались предельно сужены габаритными размерами образцового проекта, которые составляли всего лишь третью часть от размеров губернаторского дома, запроектированного планами 1786 и 1797 годов.

К моменту строительства здания, то есть к 1820-м годам, эпоха екатерининских идеалов уже успела отойти в прошлое. Поменялись не только политические взгляды, но и архитектурные вкусы. Идеальные образы екатерининского классицизма уступи-

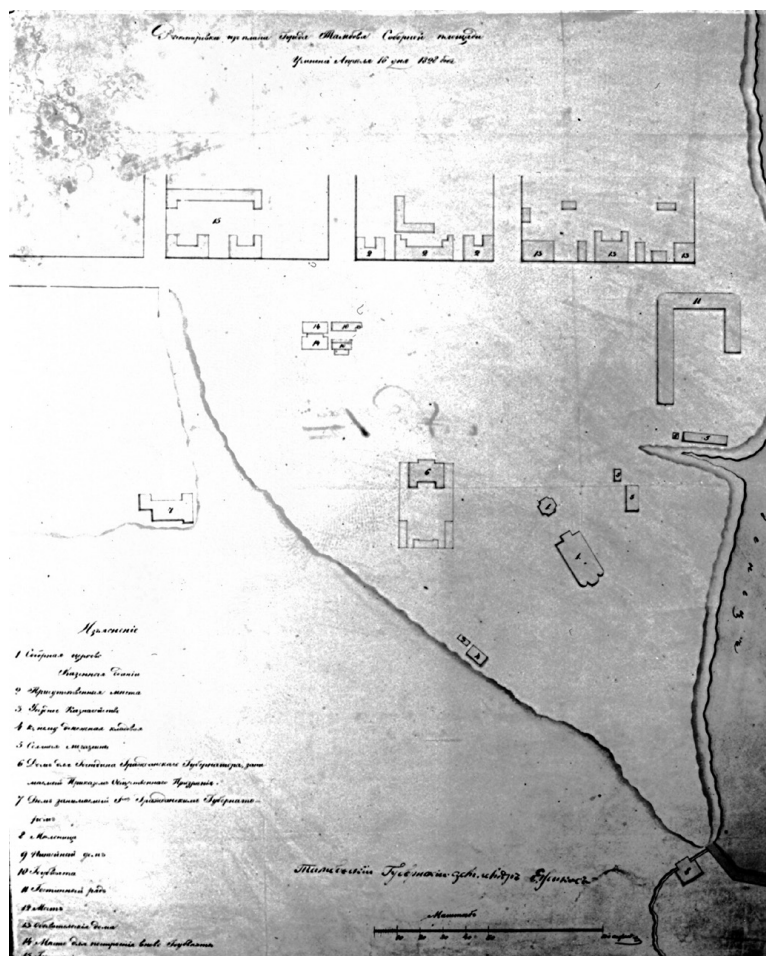
ли место более практичным «образцовым» (типовым) проектам, и всё, что не было реализовано в свое время, приобретало теперь совсем иную интерпретацию и совсем иной вид, и отличие здесь было принципиальным.

Проект Ю. Ф. Соймонова, проект подтвержденного плана 1781 года, при всей его условности, проект Н. А. Львова, известный только по градостроительному плану и описаниям, а также проект 1797 года, подписанный В. А. Усачёвым, можно назвать своего рода архитектурными программами. Их отличал, быть может утопический, но целостный взгляд на архитектурное пространство, создаваемое по единому градостроительному замыслу. Здесь существовал своеобразный сценарный план, где каждому зданию отводилась особая роль. Это было будущее пространство будущего времени, и соединением этих философских категорий воедино определялись смелость и цельность профессиональной идеи.

Проекты Соборной площади 1820–1830-х годов—это, по сути дела, выкопировки из плана города с указанием существующих построек и «привязкой» одного, часто образцового проекта, все градостроительные идеи в них оставались только на уровне благоустройства. Разглядеть за ними будущий образ, желаемый результат не представляется возможным. Широкое пространственное мышление классицизма уступило место более узкому объективному взгляду, абстрактное будущее было заменено конкретным сиюминутным моментом. В этих изменившихся условиях продолжалась дальнейшая застройка Соборной площади.

Скромные размеры образцового проекта губернаторского дома определили и более мелкий пространственный масштаб: здание было выстроено на одной оси с присутственными местами и значительно выдвинуто вперед. Глубина площади, таким образом, уменьшалась более чем на 20 сажень (45 метров). Но и оставшиеся 80 сажень (170 метров) для площади, имевшей в качестве визуальных ограничителей не архитектурную среду, а преимущественно естественные линии природного ландшафта, были размером более чем достаточным.

Строительство дома губернатора внесло некоторую определенность в рисунок площади, но о создании единого внутреннего архитектурного пространства речи

План Соборной площади. 1828 г.
 Источник: РГИА. Ф. 1488. Оп. 4. Д. 249

быть не могло. Утраченная градостроительная идея не получила достойной замены. И если на последующих проектных планах Тамбова, расцвеченных подкрашенными домами, зеленью деревьев, голубизной воды и прочими атрибутами архитектурной графики, проблема организации главного городского пространства не представляется столь критичной, то натурные съемки местности рисуют картину в градостроительном смысле очень неубедительную, можно сказать критическую. Особенно очевидно это проявилось на выкопировке 1828 года, где главное пространство губернского центра — Соборная площадь, не имея ограниченного контура, закрепленного в высотном измерении, не имея ясной читаемой формы, больше походит на пустырь.

Размытую территорию попытались организовать по форме и благоустроить, предложив создать (вероятно, оградой) полукруглую площадь вдоль Астраханской улицы и выведя ограду дальше, в надежде как-то зафиксировать визуальные грани-

цы. Судя по последующим планам, это предложение осталось только на уроне проекта. Возможно, для того чтобы как-то исправить положение или действительно «имея попечение» об отдыхе горожан, в 1830 году в канцелярии тамбовского губернатора родилось предложение о «создании в г. Тамбове публичного сада для отдыха населения»⁹⁰. Историк И. И. Дубасов в реферате «Г. Тамбов по Росписному списку 1745 года» пишет: «Тамбовский городской сад, обыкновенно называемый губернаторским, основан был в июне 1832 г., по инициативе губернатора Паскевича»⁹¹. Но, судя по приведенной выше ссылке на архивные документы, эта идея родилась еще при управлении губернией Ивана Семёновича Миронова, хотя и не получила при нем реального воплощения.

Под городской сад отводилась территория за домом генерал-губернатора, таким образом, главная площадь Тамбова должна была сократиться вдвое за счет посадки здесь зеленых насаждений. Архитектура уступила место благоустройству и ландшафтному дизайну; выполненный в 1832 году план Тамбова ярко иллюстрировал эту позицию. Именно в этом плане впервые пространство главной площади было поделено участком сада на два отдельных пространства — площадь перед домом губернатора и площадь перед собором. Причем явное предпочтение отдавалось светской власти, судя и по размерам административной площади, и по ее композиционному решению, в котором две симметричные относительно губернаторского дома аллеи центрировали градостроительную ось площади. То, что одна из проектируемых аллей перекрывала вид на собор и усложняла подход к нему, вероятно, было неважно. Авторы проекта на чертеже не указаны, скорее всего, это был местный губернский архитектор Александр Львович Шубин, так как время выполнения плана соответствует времени его службы в Тамбове, и, судя по выкопировке 1834 года, проект был реализован.

Но вскоре (в начале 1830-х годов) вновь появилась надежда на организацию внутреннего пространства Соборной площади всё-таки архитектурными средствами, когда по просьбе тамбовского купечества, желавшего расширить торговлю, здесь

⁹⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 869.

⁹¹ История Тамбовского городского парка культуры и отдыха. URL: <https://oldtmb.livejournal.com/4595.html>.

началось проектирование второго гостиного двора. Предприимчивые купцы, на «собственном иждивении» которых находилось строительство, сразу же выторговали себе право утверждения проекта, заранее оговорив, «чтобы... на помянутое строение план с фасадом сообщен был предварительно тому же купечеству в виде проекта, для сообщения с способом общества и местным удобством»⁹².

Строительство нового здания предоставляло, быть может, последнюю возможность создать из «размытого», неопределенного пространства целостный, законченный градостроительный элемент — главную площадь города и сделать это всё-таки архитектурными средствами. Вариант расположения гостиного двора был выполнен в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий именно исходя из общих градостроительных задач. Новое здание должно было располагаться параллельно старому гостинному двору; оно делило пространство Соборной площади на две части — светскую и религиозную. Административная площадь формировалась зданиями присутственных мест, дома губернатора, нового гостиного двора и гауптвахты. Выделение отдельного сакрального пространства для соборной церкви с возможностью отдельного подхода и визуальной связью с главной улицей города было решением логичным и профессионально грамотным. Размер административной площади при этом значительно уменьшился бы, и новый пространственный масштаб оказался бы в более гармоничном соотношении с вертикальными размерами построенных здесь зданий. Создавалось бы впечатление концентрированности застройки, градостроительной цельности пространства. Безусловно, Соборная площадь потеряла бы смелый замысел и размах планов 1780, 1786 или 1797 годов, тем не менее она приобрела бы скромные, но вполне реальные очертания и проблема ее формирования была бы наконец решена. Но в дело вмешались финансировавшие строительство тамбовские купцы, коммерческие интересы которых расходились с градостроительными задачами архитекторов.

По их просьбе тамбовский губернатор Гамалей доложил министру внутренних дел о том, «что Тамбовское купечество при рассмотрении выкопировки места,

⁹² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 984. Л. 371.

где должен быть построен гостиный двор, нашло для себя невыгодным и несообразным с целью желая постройки одного на сем месте; ибо общество просило устроить гостиный двор на Соборной площади лицом не косвенно к дому гражданским губернатором занимаемому, а вдоль улицы, начиная против домов Толмачева и Малина и проведя линию до старого гостиного двора, так чтобы торговля была проводима как во вновь устроенном гостином дворе, так и в старом, и что от таковой постройки соборная церковь по возвышенности своей ни мало не потеряет вида; естли же напротив того построить вновь гостиный двор на предлагаемом Главным управлением путей сообщения и публичных зданий основании, то оный будет к старому гостиному двору задом, следовательно, сей последний останется запертым и по прежнему от того, что в то время не будет никакой удобности занять оный торгующими и сами покупатели сочтут себе за тягость переходить из одного места в другое; купцы же вовсе не достигнут своего желаяния, а только могут понести от постройки окончательные убытки, почему и просят об исходотайствовании разрешить построить гостиный двор по их желаянию лицом к домам Толмачева и Малина, чем будет соблюдена их общая польза и выгода»⁹³. Дело дошло до Николая I, и «Государь Император Высочайше повелевать соизволил дозволить Тамбовскому купечеству произвести постройку Гостиного двора на избранном месте вдоль Дворцовой улицы, напротив домов, принадлежащих купцам Толмачеву и Малину»⁹⁴.

Гостиный двор был построен, и идея плана 1832 года оказалась неуместной. Проблема создания главной площади города зашла в тупик. В середине XIX века она приобрела совсем уже курьезный в профессиональном смысле вариант. Обнаруженный мной архивный документ находится в почти руинированном состоянии, но на нем всё-таки видно, что от Астраханской улицы, разветвляясь, шли две дороги — одна к Спасо-Преображенскому собору, вторая к дому губернатора. И если дорога, ведущая к собору, подходила прямо к главному фасаду и ко входу в церковь, то другая упиралась в угол губернаторского дома и как бы проходила мимо него; возможно, она вела в губернаторский сад. Начало дорог не лежало в створе с Липецкой (ранее Знаменской)

⁹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 984. Л. 371–372.

⁹⁴ ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 150. Л. 8.

Выкопировка из плана города Тамбова Соборной площади. 1834 г.

Экспликация: 1 — Соборная церковь; 2 — Колокольня при ней; 3 — Дом гражданского губернатора; 4 — Гаубт-вахта; 6 — Квартал занимаемый присутственными местами; 10 — старые Гостиные ряды; 11 — Положение к устройству каменных двухэтажных Гостиных рядов

улицей и никак не было связано в единое целое с градостроительной структурой окружения, что демонстрировало полную профессиональную беспомощность. Этот документ является тоже съемкой местности, так как составлен в качестве генерального плана при проектировании нового здания присутственных мест, то есть отражал не проектное (желаемое), а реальное положение вещей.

Строительство нового гостиного двора вдоль Дворцовой улицы не только не решило градостроительной проблемы, но и еще более осложнило ее. Здание гостиного двора не просто перекрыло вид на кафедральный Спасо-Преображенский собор, но и отрезало его от основных градостроительных осей. Более того, главная по статусу

сакральная святыня города оказалась на задворках гостиного ряда, и хозяйственные функции крупного торгового здания (подвоз товаров, а возможно, и их складирование) осуществлялись теперь практически на Соборной площади. Чтобы закрыть хозяйственный двор, его во второй половине XIX века обстроили рядом жилых и общественных зданий, выходявших на площадь уже главными или боковыми фасадами. Новый квартал занял значительную территорию, и реальная глубина главной площади города сократилась по сравнению с проектной вдвое.

Во второй половине XIX века территорию перед домом губернатора до Дворцовой улицы занял сквер, который горожане стали называть Нарышкинским в честь благотворителя и мецената Э.Д.Нарышкина, который субсидировал его создание и содержание. Это, в свою очередь, вдвое уменьшило ширину Соборной площади. Таким образом, в стороне от главных улиц города скрытое зданиями и разросшейся зеленью образовалось почти замкнутое, камерное пространство перед кафедральным собором, но назвать его главной площадью крупного теперь губернского центра было уже нельзя. За ним осталась только религиозная функция, более узкая по значимости на тот момент. Градостроительного пространства, которое отражало бы значимость светской власти, имело бы не просто административную, а представительскую функцию, создать в Тамбове так и не удалось.

Если бы градостроительный замысел, разработанный в проектах 1786 и 1797 годов, был осуществлен, Россия получила бы еще один замечательный образец провинциального классицизма. Но градостроительные идеи целого ряда столичных и губернских архитекторов оставались только на бумаге, их трагедия была в том, что архитектурная фантазия шла не навстречу реальности, а в значительной степени наоборот, к абстрактному умозрительному идеалу, поэтому разрыв между желаемым и действительным оказался непреодолимо велик. При таком подходе, спровоцированном, впрочем, самой императрицей, грандиозные замыслы, и политические, и пространственные, часто оставались в разряде недостижимого.

Так классицистические идеалы Екатерины II сыграли роковую роль в градостроительной судьбе Тамбова. И город долгое время не имел такого архитектурного

пространства, которое смогло бы по своим сакральным, представительским, градостроительным, эстетическим качествам выполнять функции главной площади города. Оно было создано, до некоторой степени искусственно, только во второй половине XX века, вдалеке от Соборной площади, на пересечении главной улицы города Интернациональной с улицей К. Маркса. По сути дела, это транспортная развязка, где современная Интернациональная улица, подходя к месту бывшего крепостного рва (ныне сквера), из дороги с двусторонним движением преобразуется в две дороги с односторонним движением, а градостроительная значимость площади была подтверждена идеологическими средствами — установкой здесь в 1967 году памятника В. И. Ленину.

Причина подобной неудачи, как представляется, заключалась в том, что главной площади небольшого провинциального города пытались искусственным путем придать несоответствующий ей столичный масштаб. Здесь был нарушен древнейший принцип русского градостроительства — принцип масштабной субординации⁹⁵. В этом случае градостроительные идеи, западноевропейские по своим истокам, оказались бессильны в борьбе со старым, так как градостроительная идея, выйдя за рамки профессионального приема, становилась частью национального менталитета, частью традиционной культуры.

Строительство главной площади города оказалось единственным сложным моментом в реализации конфирмованного плана Тамбова, и откорректированный план 1786 года был воплощен полностью, практически без изменений. Он имел огромный внутренний потенциал, поэтому реализация его растянулась на целое столетие. Только к концу XIX века реальный город достиг проектной величины. За это время несколько раз успели поменяться архитектурные вкусы и стили. Зданий эпохи классицизма здесь сохранилось крайне мало, и на градостроительную основу регулярного плана была привита замысловатая архитектура эклектики и модерна. Но даже тогда классицистический план продолжал влиять на городскую среду. Масштабом его кварталов определялся масштаб городской застройки, его планировочные оси и узлы намечали места строительства значимых в градостроительном отношении зданий. Это помог-

⁹⁵ См.: Бондаренко И. А. Градостроительное мышление средневековой Руси: традиции и идеалы: дис. ... д-ра арх. М., 1997.

ло городу оставаться единым целостным организмом, и в основе пространственной гармонии Тамбова конца XIX — начала XX века лежали классицистическая гармония и регулярный порядок подтвержденного плана 1786 года.

Российские города, перестроенные по подтвержденным екатерининским планам, и сегодня остаются носителями тех изменений, которые в конце XVIII века воспринимались как радикальные новшества. Только сегодня эти новшества перешли в статус градостроительного наследия, которое необходимо сохранять, так как именно оно определяет историческую уникальность и пространственный гуманизм современных российских городов.

ГЛАВА II.2.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: УСТРОЙСТВО ДОРОГ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

В мае 1767 году Екатерина II написала Вольтеру из Казани: «Приходится целый мир создавать, объединять, сохранять», описывая представший перед ней образ обширной многокультурной страны, который predetermined последующую государственную политику, направленную на упорядочение различий. Именно здесь она осознала необходимость учитывать многообразие империи, объединив населявшие ее народы вокруг общих европейских ценностей и культуры. Одной из таких универсальных ценностей, по мнению Екатерины II, была религиозная толерантность. Однако точно так же реализация плана «целый мир создавать, объединять, сохранять» приобрела отчетливое пространственное выражение через создание единой архитектурно-градостроительной среды, основанной на европейских художественных нормах регулярности. Административно-территориальная реформа распространяла идеал упорядочения на всё российское пространство, которое покрывалось равномерной сетью городов и селений, связанных между собой дорогами. Эта государственная модель организации имперского провинциального пространства, задуманная и начатая в правление Екатерины II, последовательно осуществлялась на протяжении всего «долгого» XIX века. Три составляющие этой модели — селения, города и дороги — определили структуру трехлетнего исследования, в ходе которого последовательно изучались селения (2021 г.)⁹⁶, города (2022 г.)⁹⁷ и дороги (2023 г.).

Традиционным для историков архитектуры предметом анализа являются градостроительные концепции, особенности градостроительного наследия того или иного региона или отдельного города, творческие замыслы разработчиков планов и степень

⁹⁶ Нугманова Г. Г. Глава II.3. Преобразование российской деревни в XIX — начале XX века // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 1 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2023. С. 104–142.

⁹⁷ Нугманова Г. Г. Глава II.3. Пространственное преобразование российской провинции XIX — начала XX века: проектирование городских планов в Казанской губернии // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 2 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2023. С. 92–128.

их воплощения, композиционные качества планировочных решений и т. п. Целью настоящего исследования стал собственно градостроительный процесс. Кто были его участниками, какие проблемы возникали и как они решались, как относилось к предполагаемому изменению архитектурно-пространственной парадигмы местное общество — вот те вопросы, ответы на которые предстояло найти. Выбор нижней временной границы обусловлен введением министерской системы, кардинально изменившей управление строительством в империи, а верхней — завершением монополии государства на архитектурно-градостроительные практики и делегированием части полномочий местным органам самоуправления. Территориальные рамки определены границами Казанской губернии. Выбранный «губернский» уровень анализа делопроизводственных источников позволяет проследить как сам процесс, так и диалог между его участниками.

Таким образом, темой данного заключительного этапа работы стал процесс устройства дорог. Коммуникации имеют стратегическое значение для функционирования империи и организации имперского пространства, которое организуется как утилитарно-функционально, так и символически, поскольку несет двойную задачу: обеспечивает эффективную власть и распространяет *idee imperialis* — идею империи⁹⁸. В работе на основе новых, не привлекавшихся ранее архивных документов реконструируется ход реализации новых правил дорожного устройства, введенных указами Александра I в 1817 и 1819 годов.

Указами Александра I от 13 декабря 1817 года⁹⁹ и 4 мая 1819 года¹⁰⁰ вводились новые правила устройства дорог в империи. Указ от 13 декабря 1817 года — именной, данный управляющему министерством полиции, с приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений. Хотя в его заголовок вынесены только города и селения, однако дорогам был посвящен первый раздел, состоявший из

⁹⁸ Сдвижков Д. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917]*. М., 2010. С. 77.

⁹⁹ ПСЗРИ. Собр. первое. Т. 34. № 27180 от 13 декабря 1817 г. Именной, данный управляющему министерством полиции. С приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений.

¹⁰⁰ ПСЗРИ. Собр. первое. Т. 36. № 27787 от 4 мая 1819 г. Высочайше утвержденные дополнительные статьи к правилам, изданным 13-го декабря 1817 года об устройстве дорог.

24 пунктов, где подробно излагались правила их устройства. Составлены они были лично Александром I («по собственному опыту») в качестве дополнительных статей к прошлогодним его замечаниям, сделанным в ходе обозрения губерний. Экземпляры указа были разосланы гражданским губернаторам «для неперменного исполнения, ибо единое попечение требовалось здесь, а не новые какие-либо издержки». Представленные начальниками губерний предложения рассматривались в Министерстве полиции управляющим генералом от инфантерии гр. С. К. Вязмитиновым и генералом от артиллерии гр. А. А. Аракчеевым. Затем, «по соображении оных» с отзывом исполнявшего должность главного директора инженер-генерала де Ф. П. Волана, а также с ранее изданными по данному предмету постановлениями, Правила 1817 года были доработаны и вышли в виде нового указа от 4 мая 1819 года под названием «Высочайше утвержденные дополнительные статьи к правилам, изданным 13 декабря 1817 года об устройстве дорог».

Наиболее бросающимся в глаза нововведением стало существенное увеличение ширины дорог по сравнению с предписаниями предшествующего столетия. Так, главные губернские дороги, по которым помимо проезда осуществлялся прогон скота, назначались шириной 30 саженей вместо 20 прежних. Той же 30-саженной ширины против ранее прописанных 10 полагалось придерживаться и при устройстве уездных дорог, предназначавшихся для почтового сообщения между уездами. С 2,5 до 3 саженей была увеличена минимальная ширина проселочных дорог, связывавших между собой уезды и селения. Мостам, гатям и плотинам надлежало быть не менее 4 саженей, в то время как ранее они предполагались шириной 2–2,5.

Дороги должны были иметь ровные гладкие поверхности, не иметь уступов, бугров, ям и рытвин. Дорожная полоса включала собственно проезд шириной 5 саженей при сухом и твердом грунте (10—при мягком и глинистом) и дорожные бока. На прямолинейных участках проезд должен был сохранять постоянную ширину, менять которую допускалось исключительно после какого-либо селения либо на поворотах. По сторонам проезда для стока воды параллельно рылись каналы (правила 1798 года обязывали устраивать их исключительно в мокрых, низких и луговых ме-

стах). По внешней стороне канав сажались аллеи. Остальное пространство дорожной полосы за аллеями использовалось для прогона скота, складирования дорожных материалов и объезда; соответственно, оно также очищалось от леса и по возможности уравнивалось. В тех случаях, когда дорожные бока оказывались занятыми пашнями, правила предписывали без нужды их не уничтожать.

Вдоль дорог требовалось устанавливать верстовые столбы по образцу на рисунке № 1, приложенному к указу 1817 года. На нем следовало показать крупными цифрами количество верст от одной станции до другой. Образец на рисунке № 2 предназначался для обозначения дорожной развилки с указанием, куда какая дорога вела, а также границ уездов. В последнем случае на нем по обеим сторонам прибивались круглые доски с надписью «граница такого-то уезда». На границах губерний устанавливался каменный мост, а при их отсутствии — деревянный, подобный верстовым, с изображением губернского герба и надписью «граница такой-то губернии» на досках. Уцелевшие от прежнего времени каменные верстовые столбы следовало сохранять, сделав на них новую надпись «сходно образцу».

В лесных губерниях предлагалось для обозначения пути в зимнее время вдоль дорог заводить аллеи, рассаживая деревья в два ряда на расстоянии в две сажени друг от друга и используя для этих целей липу, осину, березу, тополь и «другое вблизи растущее дерево». Первый ряд следовало располагать на расстоянии 1,5 сажени от наружного края канавы, а второй — через две сажени от первого, «дабы воздух имел свободное обращение и дорога не слишком была затеняема». Аллеи высаживались только на открытых местах и могли отсутствовать на участках, пролегавших через лес, а также на болотистых местах. В том случае, если лес располагался по одну сторону дороги, аллея могла быть посажена только на противоположной, открытой стороне. Так же следовало поступать и при устройстве дорог на косогорах. Мосты следовало стелить исключительно из тесаных бревен, снабдив их по обеим сторонам надолбами с перекладинами. В целях уменьшения ежегодных неизбежных расходов на устройство и починку гатей и плотин из дерева правила призывали стремиться делать их земляными в виде возвышенностей, покрыв их фашиной и засыпав землей или щебнем.

Развернувшиеся в стране масштабные работы по устройству дорог «по новым правилам» 1817 и 1819 годов совпали с кризисом местного управления в Казанской губернии. Сенаторская ревизия 1819–1820-х годов, выявившая в том числе многочисленные нарушения при производстве дорожных работ, завершилась отстранением от должности гражданского губернатора И. А. Толстого. Коротким оказалось и правление следующего губернатора, П. А. Нилова. Систематический характер дорожное строительство в губернии приобрело в 1822–1826 годах под правлением вице-губернатора А. Я. Жмакина, первоначально заменявшего Нилова, а с мая 1822 года назначенного исполняющим должность казанского губернатора. Материалы его переписки с уездными земскими исправниками дают представление о характере и объемах работ в этот начальный период преобразования дорожной инфраструктуры в губернии. Дорожное строительство, оказавшееся в центре внимания недавних скандалов и мало продвинувшееся со времени выхода правил 1817–1819 годов, неизбежно стало приоритетным в деятельности А. Я. Жмакина, особенно в ожидании его постоянного назначения на должность губернатора.

В начале 1822 года, наметив проведение большого объема работ в наступавший благоприятный для дорожных работ сезон междупарья (время между весенними и летними полевыми работами. — *Г. Н.*), он в первую очередь затребовал от уездных земских исправников сведения о существующем состоянии дел в уездах и степени исполнения указов 1817 и 1819 годов.

Сложившаяся в губернии дорожная сеть в значительной степени восходила своим формированием к последней трети XVIII столетия и ввиду отсутствия систематического государственного надзора за их содержанием находилась не в лучшем состоянии. Так, ветхий мост, возведенный в 1798 году, был отмечен даже на главной Московской дороге на общем участке селений Больших Юрт, Верхних и Нижних Вязовых Свияжского уезда¹⁰¹. «Построенный уже в давнем времени», пришедший в крайнюю ветхость и представлявший опасность для проезжающих мост обнаружился и в Цивильском уезде на тракте, соединявшем Цивильск с Чебоксарами¹⁰².

¹⁰¹ ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 1. Оп. 1. Д. 61 (Об устройстве больших почтовых дорог в Казанской губернии, 1822–1823). Л. 6.

¹⁰² ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 42–42 об. (Об устройстве дорог в Казанской губернии, 1825 г.).

Картина, вырисовавшаяся из поступавших от уездов сведений, показала, что обустройство дорог по новым правилам к началу 1822 года находилось в зачаточном состоянии. Так, оказалось, что в Лаишевском уезде устройство дорог и мостов производилось лишь в Кибецкой волости, где они «хотя еще не везде и несовершенно отделаны, однако ж немного оставалось употребить попечения». Лаишевский земский исправник заверял А. Я. Жмакова обо всех предпринятых им мерах: «Высочайшие именные повеления, в 13 день декабря 1817 и дополнительные правила в 4 день мая 1819 годов, состоявшиеся относительно чистоты, постройки селений, исправности дорог и мостов между оными, в выполнении по вверенному мне уезду распубликованы были в свое время посредством волостных правлений и подтверждаемы лично мною везде»¹⁰³. Однако несмотря на это, как он «с прискорбием сознавался», почти повсеместно и, в особенности в помещичьих имениях, «не сделано еще начала к новому устройству». Даже в тех селениях, которые первыми «по обширности и важности» должны были бы, по мнению исправника, показать всем пример в улучшении, он обнаружил мосты совсем разрушенными, а проезд представлявшим большую опасность. Крайнее его удивление вызвал тот факт, что многие владельцы, особенно в разнопомещичьих имениях, сами же и жаловались на неисправность своих мостов и дорог, явно не считая себя ответственными за их содержание, несмотря на прямое предписание закона 1817 года. Исправник указывал также на общее недовольство в уезде затеянным переустройством дорог по высочайше изданным новым правилам¹⁰⁴.

Противоречивые сведения поступили из Царевококшайского уезда. На плохое состояние дороги, соединявшей Казань с Царевококшайском, пожаловался губернатору, прося принять меры, директор казанского почтамта. По его сведениям, почта доставлялась с опозданием по причине того, что «худые мосты и гати чрез речки, реки и овраги ныне весеннею водою размыло и разнесло, а где оных нет, сделало множество ям», так что для проезда приходилось пользоваться объездными проселочными

¹⁰³ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 10.

¹⁰⁴ Там же. Л. 10–14.

дорогами, отчего почта и доставлялась с опозданием¹⁰⁵. Реагируя на жалобу, А. Я. Жмакин немедленно направил царевококшайскому исправнику именное предписание «О исправлении дороги, пролегающей от Казани к Царевококшайску». Однако оно вызвало недоумение у уездного исправника, из ответа которого следовало, что дело обстояло ровным счетом наоборот: «по большому Казанскому тракту Царевококшайского уезда мосты и гати в таком худом положении, как доведено Вашему Высококоридию казанским почтамтом, никогда не были, и с чего сие взято неизвестно, ибо мосты на оном тракте выстроены по образцам, все новые, и совершенно никакой остановки и неудобности в проезде не имеется, да и почта проселочными дорогами никогда провозима не была»¹⁰⁶.

Об удовлетворительном состоянии дорог доносил и мамадышский исправник, сообщивший А. Я. Жмакину, что большие тракты на территории уезда, ежегодно приводившиеся «в совершенное устройство», и «ныне находились, с постройкою вновь на них подлежащих мостов и гатей, исправленными»¹⁰⁷. В Чистопольском уезде с 1818 года даже приступили к высадке придорожных деревьев¹⁰⁸.

Среди предпринятых губернатором А. Я. Жмакиным мер в архивных документах упоминается учреждение им при губернском правлении Казанского комитета о устройстве дорог и мостов. В 1825 году он поручит ему составление проекта для усовершенствования и поддержания благоустройства дорог, «сообразного с местными сей губернии обстоятельствами»¹⁰⁹. Эта потребность упорядочить деятельность по дорожному строительству, подчинив ее определенному плану, появится в результате развернувшихся в 1822–1825 годах работ.

Уже в мае 1822 года лаишевский земский исправник докладывал А. Я. Жмакину о принятых им «решительных и строгих законных мерах» по устройству дорог по высочайше изданным правилам, намереваясь добиться того, чтобы к работам приступили одновременно во всех селениях, как казенных, так и помещичьих сразу после завер-

¹⁰⁵ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 58.

¹⁰⁶ Там же. Л. 61.

¹⁰⁷ Там же. Л. 121.

¹⁰⁸ Там же. Л. 135.

¹⁰⁹ Там же. Л. 32.

шения яровой пашни. В его планы входило: в паровых полях¹¹⁰ дороги провести в то же лето, отмерив три печатные сажени ширины; в засеянных полях придать дорогам необходимую ширину и прямизну после того, как будет убран хлеб; в лесах дороги расчистить на ширину 5 сажений; в низких затопляемых и болотистых местах сделать гати; мосты устроить непременно в соответствии с изъясненными в высочайших повелениях правилами в ширине, прочности и виде. Для успешного производства работ исправник просил дозволения избрать во всех селениях дорожных смотрителей («всего благонадежней бы из отставных солдат»), определив их число в зависимости от протяжения дорог и объема работ. Ответственность за общее исполнение «в точности прописанных правил» возлагалась в казенных селениях — на волостных голов и начальников селений, в помещичьих имениях — на владельцев, а в их отсутствие — управляющих, выборных и старшин. Земскому суду было поручено разослать его распоряжение во все волостные правления, удельные приказы и вотчинную рыбнослободскую контору. Волостным правлениям предписывалось объявить о нем в тот же день, собрать подписи о точном исполнении предписанного и через четыре дня доложить суду рапортом. Дворянским заседателям Есипову и Суворову было вменено наблюдение за Ключищенским, Кибецким, Карадульским, Ямашевским и Урасевским участками дорог. Исправник призывал «употребить всё свое усердие и деятельность привести в совершенное устройство все вообще сельские дороги и мосты нынешним междупарьем», в противном случае грозился о помещиках доложить гражданскому губернатору, а остальных предать уездному суду и подвергнуть полицейскому взысканию¹¹¹.

Устройством дорог губернатор озаботил и городских глав тех городов, через земли которых эти дороги проходили. Вследствие его отношения от 11 июля казанский глава учинил осмотр дорог, лежавших в черте города и городских дач, при этом обнаружилась необходимость в устройстве моста через топкое место вблизи Адмиралтейской слободы¹¹². Свяжскому городничему предписывалось «нащот улучшения дороги, в дачах города Свяжска лежащей», чтобы им «обращено было особенное

¹¹⁰ Паровые поля — вспаханные поля, оставляемые на одно лето незасеянными.

¹¹¹ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 10–14 об.

¹¹² Там же. Л. 32.

старание, так, чтобы она в незамедлительном... и для сего удобном времени была приведена в должное совершенство»¹¹³.

При создании дорог по новым правилам существующая дорожная структура подвергалась пересмотру в пользу выявления более эффективных, физически менее затратных и легче реализуемых маршрутов. Так, большая почтовая («столбовая») дорога, пролежавшая по Царевококшайскому уезду из Казани в Царевококшайск, первоначально пролежала напрямик через Кленовую гору (между деревнями Пимьял и Ушутьял), крутой подъем на которую со стороны Казани тянулся более чем на 100 саженьей. Новая дорога прокладывалась в обход горы, меняя свой курс у места пересечения с речкой Какандерой. Путь при этом становился на 62 версты длиннее, а перевозов стало два вместо одного — через реки Илеть и Ишим («Геометрической уменьшенной план Большой почтовой Столбовой дороги, лежащей по Царевококшайскому уезду из города Казани в Царевококшайск»)¹¹⁴.

Предложение по усовершенствованию направления дороги по Сибирскому тракту поступило от директора Казанского почтамта. Сославшись на рапорт чиновника осмотра почтовых мест и станций Мосолова, он сообщил губернатору следующее. От Казани Сибирский тракт пролегал через село Царицино, до которого дорога шла косогором. На этом участке во время дождей всегда образовывались промоины. Кроме того, в самом селе за мостом имелось «большое болото самое грязное, глубокое и топкое», через которое в ненастное время весной и летом проехать можно было с большим трудом. Первая станция по этому тракту находилась в селе Собакино. Мосолов полагал («по известности ему местного положения»), что дорогу к станции Собакино «с лучшим удобством» можно было бы проложить немного левее деревни Троицкой, где существующая с давнего времени дорога находилась в хорошем состоянии. Необходимо было только устроить мост через протекавший исток. В результате этого изменения, по мнению чиновника, расстояние до станции сокращалось по меньшей мере на три, а возможно, и до пяти верст. Директор почтамта подтвердил неудобность участка дороги в районе Царицино для проезжающих, так, что «во время дождли-

¹¹³ Там же. Л. 69.

¹¹⁴ Там же. Л. 85.

вое, также весеннее и осеннее, должны они или повреждать свои экипажи, или же подвергаться крайней от болотистых мест опасности». По его словам, ему не только случалось быть свидетелем, но и самому «претерпевать от происшедших от таковых неудобств, недалекие от совершенной гибели неприятности». Кроме того, он считал, что сокращение дороги станет выгодным для казны «по платежу прогонных за возку почт и эстафет денег». Губернатор 1 декабря 1822 года предписал губернскому землемеру освидетельствовать местность совместно с Мосоловым и, составив план нового маршрута, представить ему немедленно¹¹⁵.

Прокладка дополнительной временной дороги части Московского тракта вблизи Волги с переносом перевоза из села Васильево к деревне Куземестье было связано с разливами и затоплением основной дороги через с. Васильево¹¹⁶. Затоплению подвергалась и часть Симбирского тракта, пролегавшая от Казани через Волгу у с. Верхний Услон. Тогда и возникла мысль сделать весенний тракт на В. Услон постоянным, устроив перевоз в районе с. Моркваши. План временного пролегания маршрута Московского тракта до Симбирского был представлен губернатору в феврале 1826 года¹¹⁷.

В сезон 1825 года губернатор А. Я. Жмакин нацелился на то, чтобы окончательно привести в соответствие с высочайше предписанными правилами большие тракты, в первую очередь — Московский. Потребовав от уездных исправников, чтобы на дорогах рытвины и топкие места были уравнены песком или мелким камешком, бугры и все неровные места срыты «как потребует того местная удобность», посохшие березки посажены, а бока дорог усланы дерном и возвышены сообразно правилам, он велел доносить «об успехе» еженедельно¹¹⁸.

Главнейшая Московская дорога пересекала территорию трех уездов — Казанского, Свияжского и Чебоксарского. Чебоксарский исправник первым доложил о благополучном состоянии вверенного ему участка, сообщив, что на территории его уезда Московская большая дорога исправлена, выбоины на ней заровнены, а бугры срыты.

¹¹⁵ Там же. Л. 108–108 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 21.

¹¹⁷ Там же. Л. 56.

¹¹⁸ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 56.

Однако губернатор был возмущен донесением, сделанным, по его словам, «только для соблюдения приказного порядка», в то время как в действительности Московский тракт, по дошедшим до него от проезжающих сведениям, к проезду был весьма затруднителен, в особенности для экипажей, которые там ломались. Затребовав подробное и «истинное донесение», он пригрозил исправнику, что «все сие в последний раз ему предписывается, и если еще будут нелестные отзывы от проезжающих нащет московского тракта в чебоксарском уезде и заметится подобное нерадение его об исполнении предписаний как по сему, так и по прочим делам неосновательные донесения, то им, губернатором, будет предложено губернскому правлению об отрешении исправника от занимаемой должности»¹¹⁹.

Угроза побудила исправника учинить повторный обстоятельный досмотр. По его словам, на всём протяжении 83 верст между границами Козмодемьянского и Свияжского уездов выбоин и бугров, способствовавших поломке экипажей, не обнаружилось, а бывшие там «самомалейшие, и то не более как в местах пяти ямочки» при нем же и были заровнены. Имея за трактом собственный еженедельный надзор и честию своей удостоверяя, что тот находился в надлежащем исправном состоянии, исправник просил произвести освидетельствование во избежание в будущем «напрасных клевет от проезжающих»¹²⁰. Немного спустя растущие вдоль тракта березки были переменены, бока обложены дерном. Остались непокрытыми лишь участки, принадлежавшие заволжским селениям, к которым из-за сильных ветров и большого разлива Волги переправиться с лошадьми и телегами оказалось невозможным. В ожидании благоприятной погоды наступила пора пашни для посева ярового хлеба, и дорожные работы были приостановлены¹²¹. К концу сезона дело близилось к завершению — Московский тракт был «весь определен шириною пять сажень, усыпался хрящем или мелким камешником, а сверх оного по всей ширине оного песком»¹²².

В городе Чебоксары участок московского тракта формировала Московская улица. Ее осмотр чебоксарский городничий Кропоткин чинил совместно с городским

¹¹⁹ Там же. Л. 36.

¹²⁰ Там же. Л. 36 об.—38.

¹²¹ Там же. Л. 70.

¹²² Там же. Л. 83.

головой и уездным землемером. Кроме того, потребовали присутствия «с духовной стороны депутата» торговые лавки, принадлежавшие Рождественской церкви, — выстулавшие за плановую линию улицы, они подлежали переносу¹²³. В донесении губернатору городничий уверял, что все ветхие, «делающие безобразие» строения, с владельцев которых были взяты подписки, приводились «в лучший вид», а дороги уравнивались «по удобности местного положения»¹²⁴. Немного спустя он уже докладывал, что «большой Московский тракт... в непродолжительном времени исправлением кончен быть имеет»¹²⁵. Однако возникли затруднения. Город по причине его расположения в лощине регулярно подтапливало, и жителям было предписано участки перед домами засыпать щебнем. При этом часть проживавших вдоль Московского тракта горожан по бедности оказалась не в состоянии исправлять мостовые собственными силами. Тогда Кропоткин обратился в чебоксарскую городскую думу, но городской глава отказал ему, сославшись на статью 167 Городового положения, регламентировавшую разделение дорожных расходов. Он пояснил, что из городских доходов уже были исправлены дороги, лежавшие вне города на выгонной земле, и превысить установленную сумму издержек, приняв на себя исправление тракта, без особого разрешения губернатора дума не могла¹²⁶. Кропоткину пришлось обратиться к начальнику губернии, чтобы он предписал чебоксарской думе устроить тракт, пролегавший через город, из городских доходов и под его, городничего, надзором¹²⁷.

О приведении «в совершенную исправность» большой Московской дороги на козмодемьянском участке докладывал А. Я. Жмакину и козмодемьянский исправник. Сообщив, что тракт «обывателями уезда здешнего чрез сделанный ими наряд устроен и приведен сообразно высочайших правил в надлежащую исправность», он заверил губернатора, что тот «и впредь находиться будет во всякое время в таковом виде»¹²⁸. Вместе с тем из донесения следовало, что на прочих больших дорогах работы «по новому преобразованию» даже еще и не начинались, поскольку жители сначала

¹²³ Там же. Л. Л. 56.

¹²⁴ Там же. Л. 57.

¹²⁵ Там же. Л. 78.

¹²⁶ Там же. Л. 106.

¹²⁷ Там же. Л. 106, 110.

¹²⁸ Там же. Л. 39, 54.

занимались усовершенствованием Московского тракта, а затем были распущены по домам по причине окончания отведенного для дорожных работ времени¹²⁹.

Свияжский земский исправник, в отличие от своего коллеги, распорядился приступить к исправлению «соответственно Высочайшим замечаниям» одновременно обоих больших трактов — как Московского, так и Симбирского. При этом обнаружались неразмежеванные участки земли, межеванием которых занялся свияжский уездный землемер¹³⁰. Для усовершенствования трактов по Свияжскому уезду «в поставке верстовых столбов и в назначении по ним участков» был направлен чебоксарский землемер Селезнёв, которому предписали «всё, что до звания землемерского относится, преимущественнее прочих поручение выполнить»¹³¹. Вскоре и свияжский исправник рапортовал как о произведенных отводах земли, так и завершении работ на обоих трактах, которые были приведены жителями под его надзором в надлежащее устройство¹³².

Как и в случае с Чебоксарами, финансовая несостоятельность стала причиной отказа жителей Цивильска от участия в деле устройства дорог. Здесь подлежал замене мост через реку Большой Цивил, находившийся на тракте, соединявшем Цивильск с Чебоксарами. «Построенный уже в давнем времени не по Высочайшему фасаду», он, по словам цивильского уездного исправника, пришел в крайнюю ветхость и представлял опасность для проезжающих. Построить его надлежало за счет городских доходов на месте, назначенном уездным землемером Троицким еще в 1824 году. Однако, как докладывал исправник губернатору, Цивильская городская дума «до сих пор еще никаких действий по его возведению не предприняла»¹³³. Ответом на строжайшее предписание вице-губернатора «о учинении немедленного распоряжения к построению нового по случаю ветхости старого чрез р[еку] Б[ольшой] Цивил моста» стало собрание цивильского градского общества. Жители Цивильска — «живущие в городе г[оспода]: дворяне, чиновники, купецкое и мещанское общество, пахотные солдаты

¹²⁹ Там же. Л. 54.

¹³⁰ Там же. Л. 63.

¹³¹ Там же. Л. 65.

¹³² Там же. Л. 69–69 об.

¹³³ Там же. Л. 42–42 об.

и других сословий люди», выслушав предложение городничего, постановили: «как всех живущих в городе общество есть весьма малочисленное, составляющее весь город из 194-х домов, мещанское, пахотных и ясашных крестьян, даже и бедное, мост же сей должен быть обширный, то по неимению ныне в готовности леса, равно на покупку оного в Градской думе в наличности суммы, коей требуется весьма значительное количество, а по всем вышеизложенным причинам вскорости оный мост и выстроить невозможно — посему и предположили, так как существующий ныне старый мост до такой ветхости как г[осподин] городничий в своем рапорте описывает, еще не достиг, то оставить существующий мост»¹³⁴.

Дорожное строительство подходило к завершению и в Казанском уезде. В мае 1825 года казанский предводитель дворянства в ответ на запрос докладывал губернатору: «Устройство мостов и гатей на всех больших трактах Казанского уезда, где следовало, приведено к окончанию; верстовые и станционные столбы поставлены и дороги вообще в лучшем противу прежнего положении». Дело оставалось лишь за учинением надписей на столбах, как верстовых, так и станционных, поскольку не знал он, на кого возложить «обязанность тех надписей». Кроме того, у губернского землемера Пекова не оказалось сведений о том, «какое именно расстояние каждая станция имела от столиц». Предводитель просил губернатора сделать соответствующее распоряжение, «дабы соблюсти и в сем случае сообразно планам и правилам, предписанным на предмет оной»¹³⁵.

Планы и правила предписывали рассадку аллей вдоль дорог. В этом деле неожиданно большой отклик вызвал вопрос, касающийся ограждения придорожных деревьев. К устройству аллей в Казанской губернии приступили еще в 1818–1820-х годах, правда лишь в некоторых местах. Об этом, в частности, докладывал осенью 1825 года губернатору чистопольский земский исправник¹³⁶. К этому времени обнаружилось, что деревья «или сами собою от неполивки в летние месяцы посохли, или от непрочной загороды поломаны». Как бы то ни было, но «труды поселян остались

¹³⁴ Там же. Л. 47–47 об.

¹³⁵ Там же. Л. 71.

¹³⁶ Там же. Л. 135.

бесполезными», и большая Оренбургская дорога вплоть до этого времени пребывала без деревьев.

По словам исправника, он в первую очередь озаботился устройством самой дороги, желая обеспечить «безопасность и спокойствие проезжавшим», и только осенью 1825 года распорядился приступить к посадке деревьев¹³⁷. При этом он наказал их оградить, «по примеру прочих уездов и даже соседственной Оренбургской губернии», в целях защиты как от скота, который, по его словам, «в большом числе прогонялся гуртами», так и самих проезжающих, прокладывавших дороги произвольным образом не только зимой при больших наносах снега, но даже и летом в грязь¹³⁸. Ограждение кольями, по его мнению, могло защитить исключительно от ветра, но не от скота и проезжающих, а обнесение плетнями представлялось не только непрочным, но и безобразным. Поэтому, желая устроить более надежную и опрятную ограду, исправник предложил конструкцию из столбиков, соединенных между собой перилами, и даже рассчитал необходимое для этих целей количество леса. Уездный чиновник уверял, что, будучи простой в изготовлении, «загорода такого устройства» была признана полезной и удобной самими как поселянами, так и дворянами, однако для придания единообразия следовало бы дать образцы. Допуская, что для из изготовления может потребоваться большое количество леса, он тем не менее был убежден, что в действительности при изобилии в регионе лесов потребность эта была «не ощутительна» и многие поселяне уже якобы воспользовались имевшимися в их домашнем хозяйстве лесными отходами — «отпущенным им из подмочал и лубков с ельником, и готовым, на дворах имеемым для домашней потребности таковым лесом», выданным уездным лесничим по его, исправника, требованию¹³⁹.

Докладывая об этом губернатору, земский полицейский просил подтвердить предписанием сделанные им распоряжения, «дабы не последовало препятствие со стороны лесного начальства», тем более что лес был уже приготовлен и многими вывезен, а некоторые поселяне даже приступили к сооружению оград. Намереваясь бли-

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Л. 135 об.

¹³⁹ Там же.

жайшей осенью загородить только «две линии дороги», он и запрашивал пока лишь половину потребного леса¹⁴⁰.

Сделанные чистопольским исправником расчеты дошли через губернатора в Департамент государственных имуществ Министерства финансов, в ведении которого находился казенный лес. Здесь посчитали, что при общей численности казенных поселян в уезде, составлявшей 41 499 человек, предложенный способ расчета по числу душ повлечет за собой значительную вырубку леса. Министерство признало более целесообразным вычисление вести «по пространству», огораживая деревья не перилами, а кольями, причем каждое дерево отдельно¹⁴¹.

Министерское предписание было доведено до сведения всех земских исправников, а через них — и в волостные правления. Распоряжение губернатора «о не огораживании по большим дорогам посаженных березок пряслами и перилами, а иметь вместо оных для предохранения посаженных деревьев с трех сторон небольшие колышки» вызвало отклики из уездов¹⁴². Если тетюшский исправник лишь доложил о повсеместном его объявлении (там же), то из других мест последовали развернутые ответы, из которых вырисовывалось как сложившееся положение дел, так и отношение к вопросу. Так, из донесения свияжского исправника следовало, что во вверенном ему уезде деревья огораживались лишь местами, в то время как на водном участке по большим трактам посаженные березки вообще не обносились ни перилами, ни пряслами и плетнями¹⁴³.

Категорическое возражение против приказа, требовавшего «существующие по большой дороге загородки обсаженных дерев отменить и впредь не позволять поселянам делать оные», высказал спасский исправник. Обнесение деревьев тремя колышками он считал бесполезным: «а как чрез Спасский уезд прогоняем бывает ежегодно разного рода на продажу гуртами скот, и выгоняются по оным дорогам для пастбищ обывательские табуны, то никак от повреждения до совершенного их возраста без прочной огорожки спасти будет не можно, те поселяне неминуемо в обсадке вместо

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. Л. 129.

¹⁴² Там же. Л. 133.

¹⁴³ Там же. Л. 132.

поврежденных деревьев другими должны будут переносить затруднение». По его описанию, по большой дороге, пролегавшей через Спасский уезд, обсаженные деревья для предохранения от повреждений были уже огорожены прочным плетнями, надежность которых гарантировала обывателям, что «не навлечет им излишней проволоочки и ежегодной подсадки деревьев вместо повреждаемых». Указывая на данное обстоятельство, чиновник просил губернатора позволить «до совершенного их возмужания приказать оставить сию единообразную обгородку»¹⁴⁴.

Разработанные в 1832 году Комитетом об устройстве дорог в государстве предложения «об устройстве дорог в Государстве вообще», утвержденные императором Николаем I 26 апреля, вносили изменения в существующую Дорожную инструкцию и, в частности, отменяли устройство аллей вдоль дорог, рекомендуя ограничиться «обозначением направления дорог небольшими только кустами или клумпами деревьев»¹⁴⁵. Предложения вошли в изданные в 1833 году Правила об устройстве и содержании дорог в государстве, которые подтверждали принятое годом раньше упразднение придорожных аллей: «новых аллей по губернским и уездным дорогам не разводить; но для указания пути проезжающим случаев глубоких снегов и во время вьюги, делать особые знаки, как например, рассаживать в некотором друг от друга расстоянии по сторонам дороги клумбы деревьев, или сеять полосы кустарника; в степных же местах делать кучи из земли, или камней, ставить шесты и т. п.». Отмена посадки аллей вдоль дорог была вызвана стремлением «отстранить излишнее обременение обывателей», однако существующие аллеи требовалось поддерживать — «строго наблюдать за целостию аллей, не позволяя рубить растущих на них деревьев». Это предписание, распространенное в циркуляре министра внутренних дел в 1836 году, приобрело форму закона в императорском указе 1839 года, который к представленной ему редакции от себя добавил «поддерживать те аллеи, в коих две трети деревьев уцелели»¹⁴⁶.

Представление о дорожной системе как неотъемлемой части регулярного устройства страны, покрытой равномерной сетью городов и сёл, сложилось в по-

¹⁴⁴ Там же. Л. 134–134 об.

¹⁴⁵ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 7. № 5306 от 26 апреля 1832 г. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета об устройстве дорог в государстве.

¹⁴⁶ ПСЗРИ. Собр. второе. Т. 14. № 12895 от 16 ноября 1839 г. О поддержании существующих при дорогах аллей.

следней трети XVIII века в рамках общего переустройства российской провинции на принципах регулярности. Так оно воспринималось и в XIX столетии, подтверждением чему служит указ Александра I 1817 года, введивший дополнения к существующим правилам, сделанные им в ходе обозрения губерний и затрагивавшие все составляющие провинциального пространства — дороги, города и селения, причем именно в такой последовательности. Вынесение дорог в первый раздел, конечно, не было случайностью.

XIX столетие привнесло новшество в виде шоссе — широкие и прямые дороги с твердым покрытием, увиденные в наполеоновской Франции, дали импульс к постройке таких дорог в России, став тем вождленным идеалом, которого следовало достичь, покрыв страну сетью таких шоссе. Однако российские реалии — обширность территории и неустроенность существующих путей — изначально обозначили нескоро достижимость желаемого. Понимание того, что подавляющее большинство российских дорог еще надолго останутся в грунтовом состоянии, побуждало правительство озаботиться ими, заставляя в целях общего их устройства и функционирования отказываться от первоначальных атрибутов (замена аллей «клумбами» деревьев, отказ от боковых канав, размещение станционных домов в сельских избах вместо строительства новых по образцовым проектам и т. п.). Возложенное на сельское население дорожное строительство в провинции сопровождалось вовлечением массы людей, вынужденных ежегодно воспроизводить процесс устройства грунтовых дорог, уничтожавшихся российским климатом, как это показала практика Казанской губернии.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ КАК ГРАДООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Жители Петербурга знают этот плавучий подъемный кран. Если же кто-то в ответ на внезапно заданный вопрос не вспомнит его, то только по причине отсутствия интереса к техническим объектам. Следует оценить это замечательное сооружение. Особенно сильное впечатление производил кран вблизи в тех редких случаях, когда работа для него находилась у набережной Лейтенанта Шмидта (выше по Неве провести его было нельзя — слишком велик был кран, чтобы пройти узкие разводные пролеты мостов).

Живой памятник промышленной революции XIX века — ажурная клепаная громада из устремленных ввысь мощных стальных конструкций. Внутри этого организма тяжело дышала паровая машина. В душе зрителя пробуждалось странное волнение, подобное, вероятно, впечатлению от внезапной встречи в тропическом лесу с выжившей вопреки законам эволюции громадной первобытной рептилией, мирно пережидющей полуденный зной в водах реки.

Кран был огромен — выше других подъемных машин морского порта. Из центра города был хорошо виден его стройный ажурный корпус, возвышавшийся над другими машинами. Цел ли кран сейчас? Давно не был виден его силуэт в западной части невской панорамы. Возможно, это столетнее чудо техники уже разобрано на металлолом. Жаль, если так. Громадная машина, стоящая пред лицом величественного и прекрасного города, вносила звучную ноту в настроенную на романтический лад партитуру Петербурга.

Технические объекты на удивление естественно, вполне по-хозяйски входят в рафинированную архитектурную ткань Петербурга. Более того, их присутствие существенно дополняет городскую среду, внося в нее важные акценты, иногда обогащающие впечатления, а иногда создающие диссонанс, искажающий и даже разрушающий гармоничный архитектурный строй архитектурных ансамблей.

Техника по своей откровенно утилитарной сущности органически непричастна эстетике, с которой так уверенно вступает в контакт. Естественность, с которой входят технические объекты в художественный организм города, удивит внимательного зрителя. Напряжение в этой оппозиции создается тем, что техника как будто не по праву присваивает себе долю градообразующей активности, соизмеримую с долей художественных архитектурно-градостроительных факторов.

Однако судить о правах и долях преждевременно. В самом деле любой значительный по своим размерам объект активен в городской среде в той степени, которая определяется его физическими параметрами и эстетическими качествами. Причем — интересный момент! — архитектурная состоятельность здания не является достаточным условием его благотворного воздействия на городскую среду в случае, когда сооружение своим масштабом резко доминирует в застройке. Само доминирование, подавление малых по сравнению с объектом элементов целого представляет собой акт художественного насилия, склоняющий оценку участка городской среды к негативно окрашенным суждениям. Это, по-видимому, общее правило, о чем свидетельствует множество примеров разнородных градостроительных ошибок в разных концах планеты — от Большого дома в Петербурге до президентского дворца в Бухаресте. В сущности, все большие административные, «казенные» здания несут в себе врожденный дефект агрессивного доминирования. Причем связан он не с их архитектурными качествами, а именно с их масштабом — физическими размерами. Да и архитектура этих зданий в результате подчиняется их грандиозности. Размеры диктуют ее характер — как правило, нарочито помпезный, спекулирующий величию гипертрофированных неоклассических форм. Рядом с дворцами власти, их напыщенной, давящей архитектурой идеологически нейтральные технические объекты выглядят невинными младенцами, если и способными испортить панораму, то по крайней мере не убивающими город агрессивным натиском казенщины, одинаково безобразной во всех концах земли.

Итак, ясно видно значительное воздействие технических объектов на впечатления от города, на сложение его образа, особенно если это город промышленный.

Анализируя архитектурную среду, нельзя исключать из рассмотрения ее техническое наполнение. Утилитарные объекты входят в структуру города по принципу целесообразности, не предполагающему учета эстетического результата их влияния на город. Их строители реализуют потенциал воздействия техники на среду с полным равнодушием к архитектурному облику города. Строго говоря, существование утилитарных объектов в городской среде можно было бы назвать паразитарным по отношению к принявшему их архитектурно-градостроительному организму, если бы они сами не были необходимой частью этого организма.

В промышленном городе сосуществуют два слоя застройки, организованных каждый по своим законам, — один по правилам урбанизма и высоким требованиям эстетики городской среды, другой по соображениям технической целесообразности. Это сосуществование остается мирным и может даже до поры до времени не замечаться горожанами, в особенности когда элементы «слоя целесообразности», случайные и незакономерные с архитектурно-градостроительных позиций, вдруг случайным же образом оказываются в одной с художественным организмом города целостной системе в качестве не диссонанса, а дружественного звена, доступного эстетическому осмыслению наравне с «законными» звеньями художественной градостроительной композиции.

В таком соединении возникает квазиградостроительная структура. Приставка «квази-» уместна в этом случае именно потому, что сложение целостной общности происходит здесь в результате действия ряда случайностей, без единого замысла. Мы видим здесь процесс, схожий с путем сложения средневекового города. Его рост не направлялся целостным всеобъемлющим замыслом, урбанистической программой, а происходил спонтанно, правда в той мере, какую допускали немногие, но жесткие правовые и этические рамки. В первую очередь, это неприкосновенность частной собственности и общественных пространств, затем уважение к правам и интересам соседей и в целом сообщества горожан (этика горожанина, которая в условиях тесного сообщества, в котором все знают друг друга, где все поступки члена сообщества на виду и получают оценку не только ближайших со-

седей, но и всего города). Вторым определяющим фактором является естественный «фон» — географические условия, например рельеф, речная сеть, береговая линия в приморском городе и т. п.

В современном промышленном городе правовые рамки играют бóльшую роль, чем в городе европейского Средневековья. Правовое регулирование и связанные с ним ограничения приобретают всеобъемлющий характер. Любое действие обусловлено и ограничено различными регламентами. При этом этическое регулирование практически изгнано из управления градостроительной деятельностью, вытеснено в маргинальную зону общественных протестов, граничащую, по представлению власти, с криминалом.

В этой ситуации экспансия техники в городскую среду оказывается в льготных условиях. Если речь идет об утилитарном объекте общегородского значения, то его общественная значимость становится единственным достаточным условием реализации проекта. Искусствоведческие экспертизы, апелляции к национальной или мировой художественной значимости города, ансамбля, памятного места сметаются в этом случае агрессивным административным напором, в особенности если он подкреплён вложенным в дело капиталом.

Однако не всё фатально в современном городе. Во-первых, сами творцы технических экспансий всё же нередко ограничивают свою стратегию рамками вынужденной обстоятельствами этической самодисциплины, не доводя «градус» своей активности до критического значения, провоцирующего открытый протест общественности. Это относится в первую очередь к промышленному строительству — возведению и расширению промышленных предприятий. История Петербурга как главного в старой России промышленного центра знает множество признанных памятников архитектуры — промышленных зданий, возведенных с пониманием их архитектурно-градостроительной значимости. Собственно, до наступления времени деградации архитектурной культуры в эпоху «развитого социализма» сознание безусловной необходимости удовлетворительного в эстетическом отношении архитектурного решения промышленного здания было аксиомой.

Правда, это понимание распространялось на сферу градостроительства реже, чем на архитектуру, что приводило к массовому появлению градостроительных ошибок, а часто, особенно в малых городах, к разрушению городской структуры и полной утрате городом своеобразия. Таких примеров немало. Один из характерных — город Кашин Тверской области, где поставленное в самом его центре уродливое здание местного электромеханического завода полностью разрушило обаяние и мягкую красоту живописного русского города.

Возвращаясь в Петербург, следует отметить сложность и неоднозначность проблемы внедрения промышленного объекта в городскую среду. Есть, например, такой важный нюанс, который в определенной позиции амбивалентен, то есть двойствен по отношению к городу в зависимости от конкретных местных условий. Речь о таком непереносимом атрибуте любого петербургского завода, как кирпичная дымовая труба. Паровая машина была обязательной частью фабрики — приводом станков и механизмов. Фабрика не могла существовать без машины, а стало быть, без котельной трубы.

Стройная кирпичная труба, сложенная из фасонного кирпича каменщиками высокой квалификации, — элегантное сооружение. Соединяясь в случайном порядке, трубы образовывали живописные группы, оживлявшие однообразную панораму заводских окраин, которые в Петербурге конца XIX — начала XX века активно вторгались в картину невской акватории, систему архитектурных ансамблей центра.

«Промышленные пояса» Выборгской, Петроградской стороны (Нарвская застава по своей удаленности от центра в его панорамах не участвовала) внезапно вошли в общий ряд с ансамблем Стрелки и императорскими дворцами. Заводские трубы при этом сформировали на видах города новый для него пространственный слой, замесивший прежние предместья. Низкая застройка окраин до этого не запечатлевалась на видовых панорамах центра, поэтому промышленная застройка стала важным фактором обновления пространственного образа города.

Следует отметить, что котельные трубы редко где поднимались над застройкой отдельными вертикалями. Обычно это были группы вертикалей, как бы проецирующиеся на окружающую город невидимую воздушную стену, почему и допустимо

интерпретировать эти группы сооружений на панораме именно как пространственный слой.

Знаменательно, что при этом не нарушилась присущая Петербургу (наряду с другими крупными городами) черта, выразительно проявлявшаяся в разрежении акцентов и понижении высотности застройки от центра к окраинам и подчеркивавшая этим открытость города во внешнее пространство. «Промышленный слой» — слой новых доминант, представленный живописно сгруппированными трубами вместе с кирпичными громадами заводских корпусов, только несколько изменил прежний «градиентный» ход трансформации городского пространства, введя на место плавного понижения и разрежения застройки промежуточную границу — ступень. Это стало новшеством в пространственной организации города.

Однако вертикали котельных труб обладали и негативным для города потенциалом, когда они агрессивно и безапелляционно вторгались в сложившиеся композиционно уравновешенные градостроительные структуры. «Классический» пример — история застройки Коллежской площади на Стрелке Васильевского острова. Не останавливаясь на разрушительном для выдающегося архитектурно-градостроительного ансамбля вторжении в самое его «сердце» клиники Отта (клиника строилась в начале XX века), следует обратить внимание на частное обстоятельство — трубу котельной, обслуживавшей больничный комплекс. По мере возведения трубы нарастала обеспокоенность культурной общественности, убеждавшейся в происходящей ошибке. Труба находилась точно на оси градостроительной композиции, возвышалась прямо над кровлей томоновой Биржи, искажая вид на ансамбль Стрелки с невской акватории.

В те времена авторитетное слово художественной общественности было услышано, и высоту трубы уменьшили до безопасного для вида Стрелки значения. Однако история эта получила парадоксальное продолжение спустя более полстолетия. В 1970-е годы на значительном удалении от Стрелки на Кожевенной линии Васильевского острова была построена ТЭЦ, снабженная бетонной трубой, «выросшей» по фатальному стечению обстоятельств, как и в начале века, прямо над зданием Биржи.

Спустя несколько лет при расширении ТЭЦ ошибка была усугублена добавкой еще двух труб.

По-видимому, в этом случае градостроительный ущерб не рассматривался и не анализировался даже в оправдательном аспекте, основание для которого подсказывала удаленность труб от центра города. Но общественность безмолвствовала. В публичном пространстве не появилось ни одного вопроса о происходящем вандализме. И дело было, по-видимому, не только в обстановке политического застоя, которая придавала любому проявлению общественной критики оттенок нелояльности власти. Положение Общества охраны памятников (ВООПИК) всё же было тогда достаточно устойчивым для того, чтобы такое заявление не было воспринято как вызов.

Дело было, увы, в том, что мало кто даже в среде профессионалов заметил эту грубейшую градостроительную ошибку. Приходилось слышать рассказ свидетеля о том, что такое суждение с чувством высказывала архитектор-реставратор В. А. Бутми. Вспоминается также, что нарушение вида Стрелки возмущало Б. М. Кирикова. Но для пятимиллионного города это слишком мало.

Вторжение современных промышленных труб в градостроительную ткань Петербурга не исчерпывается ТЭЦ на Кожевенной линии. Подобные районные «централи» поясом окружают ядро городской застройки, а их трубы имеют высоту, несопоставимую с высотой котельных труб старых предприятий. Можно указать на трубу ТЭЦ у Витебской железной дороги, вторгающуюся в вид с Троицкого моста на юг — на Марсово поле, Михайловский сад и застройку исторического центра с его архитектурными доминантами.

Визуальный дискомфорт вызывает также неопрятный вид этих сооружений — их скучный, грязный в потеках, откровенный промышленно-бетонный облик, вызывающе, хотя и ненамеренно, декларирующий победу грубой целесообразности над эстетикой, победу безликой, серой, как материал этих сооружений — бетон, утилитарности над тонкой красотой городских архитектурных ансамблей.

В связи с проблемой описанных вторжений уместно указать на аналогичное положение дел в культурном ландшафте Подмосковья. Стороннего наблюдателя с не

«замыленным» привычкой взглядом очаровывает трогательная красота средней полосы. Разнообразный мягкий рельеф, богатая флора — деревья, растущие живописными купами или оторачивающие речные долины. Этот ландшафт словно предназначен для счастливой здоровой жизни и любования красотой. Но где бы ни оказался наблюдатель в современном Подмосковье, он, скорее всего, увидит «в кадре» уродливые следы, оставленные человеческим равнодушием, недоумием, какой-то фатальной неспособностью к восприятию красоты родного ландшафта, — локальные промзоны с непременными котельными с закопченными трубами, полуразвалившимися цехами со свалками вокруг. В лучшем случае это будет не промзона, а линия электропередач, грубо и с каким-то первобытным цинизмом «разрезающая» нежно нюансированный подмосковный пейзаж. Кажется, эти уродства имеют мистическое свойство притяжения к лучшему в ландшафте с целью разрушить его красоту. Это, конечно, не так: уродства не имеют ни разума, ни воли. «Убийство» пейзажей Подмосковья — на совести человека. Но в плане сравнения с городским ландшафтом Подмосковье дает наглядный пример того, как вторжение чужеродного, хотя и малого объекта может разрушить тонкое равновесие, унижить красоту, а вместе с этим и тех, кто к ней чуток.

Возвращаясь к промышленным поясам Петербурга и отметив негативное воздействие на эстетику города современных труб, грубо вторгающихся в архитектурные ансамбли центра, следует отметить, что котельные трубы старых предприятий в градостроительном отношении были и есть (где они сохранились) не так уж плохи. Достаточно вспомнить в этой связи так называемых «Трех сестер» — высокие трубы ткацкой фабрики Штиглица возле Большеохтенского моста. Эти три трубы, отличавшиеся в семействе петербургских труб своей высотой, были состоятельны в градостроительном отношении. Они удачно «держали» однообразную заводскую застройку Синопской набережной, как бы отражая в несколько сниженном — «деловом» регистре мажорный «всплеск» Смольного собора Растрелли, не вступая при этом с ним в спор. Однако именно эти три трубы были недавно снесены.

Аналогична ситуация на Выборгской стороне. Со времен перестройки начался процесс сокращения вплоть до полного свертывания деятельности промышленных

предприятий Выборгской стороны, большинство из которых располагалось между Большой Невкой и Сампсониевским проспектом. Заводы переносили производство в Ленинградскую область, а в старых переоборудованных корпусах устраивались бизнес-центры или малые предприятия. Вместе с этим уходил в прошлое колорит старой промышленной окраины. Первыми с панорамы района исчезали трубы промышленных предприятий. Следует отметить, что такая судьба труб определялась отчасти объективным обстоятельством — прямой зависимостью прочности этого специфического сооружения от режима его эксплуатации. Без постоянного использования по назначению трубы быстро приходят в негодность и делаются аварийными.

С особой образностью колорит Выборгской стороны отражен в творчестве Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой, которая хорошо чувствовала обаяние промышленного предместья и любила его, так как сама жила на Выборгской стороне, неподалеку от Финляндского вокзала. На поражающей своей кристальной пронзительностью гравюре «Выборгская сторона» трубы и извергаемые ими смазанные ветром шлейфы дымов — едва ли не главный мотив изображения.

Нечто эфемерное, переменчивое, не обладающее телесностью парадоксально получает в графическом произведении весомость, присущую образному строю монумента или архитектурного произведения наподобие триумфальной арки древних римлян. Легко можно представить, что этот лист принадлежит к числу произведений, которые, как сообщают знатоки творчества Анны Петровны и как писала она сама, резались ею штихелем прямо на доске с натуры, почему и обладают волнующей трепетностью эскизного документального изображения, словно выхваченного из потока жизни не одного только города, а шире, какого-то непостижимого вселенского космического бытия. Скромная с виду гравюра словно провещевает бессмертное ломоносовское «Открылась бездна...».

Отражение эстетического бытия Петербурга в изобразительном искусстве, ставшее за два столетия традиционным для города, в начале XX века пережило замечательный взлет в творчестве тонких эстетов — художников «Мира искусства». Прежде всего следует упомянуть графику Мстислава Добужинского. Художник чутко

передал специфическое — зыбкое, преходящее — состояние города. В годы активного роста Петербурга в его ландшафтах на краткое время причудливо соединились уходящие, но всё ещё сильные черты патриархального прошлого и мотивы урбанистического настоящего огромного промышленного центра, безвозвратно сметающие уютное прошлое окраин города. Пейзажи Добужинского можно назвать меланхолическими, так как меланхолией в русской традиции словоупотребления с XVIII века, благодаря «Письмам русского путешественника» Н. Карамзина, было принято называть душевное состояние, пограничное между радостью и грустью, напряженное в своем несоединимом двуединстве, но вместе с тем сладостное и притягательное.

Добужинский чуток к поэтике запустения, тонкому состоянию ландшафта городских задворков, замерших в предчувствии огненного вала, сметающего их с лица земли. Чем-то напоминают задворки Добужинского последние кадры «Меланхолии» Ларса фон Трира, полные обреченности и наглядной неотвратимости конца.

Издавна сложилась традиция соотнесения Петербурга с творчеством поэтов и писателей, в чьих произведениях глубоко отразился облик или, шире, культурный портрет города их времени. Так появились наименования «пушкинский Петербург», «Петербург Достоевского». Если в таких «координатах» рассматривать Петербург начала XX века, для которого характерно глубоко содержательное, полное образной силы смещение примет затуманенной временем старины века восемнадцатого, блестящей эпохи Александра I и грозных знаков наступающего времени страшных испытаний XX столетия, то не было бы ошибкой сказать о городе того времени: «Петербург Блока» (да так о нем нередко и говорят, вспоминая поэтические строки Блока: «В соседнем доме окна желты...»). Но если не ограничиваться литературными эпитетами, распространяя образный ряд на искусство изобразительное, то самой значительной фигурой в этом ряду справедливо следовало бы признать именно Добужинского, а эпитету «Петербург Добужинского» впору было бы стать определяющим для характеристики «лица» Петербурга первой четверти «железного» XX столетия.

Именно Добужинский более других художников-«мирискусников» разглядел в технических объектах мощный изобразительный потенциал, делающий их

генератором специфического настроения. Ноты затуманенного временем блестящего прошлого имперской столицы соединяются в нем с романтикой легкого запустения, неподвижной вневременности, схожей с поэтикой руин. За век до того эта меланхолическая поэтика процветала в садах романтизма. Казалось, с наступлением прозаического позитивистского века промышленных и научных революций эта поэтика навсегда ушла в прошлое европейской культуры. Но она возродилась, доказывая вечную потребность человеческого духа в том, что отрицает рациональный позитивизм и целесообразность. Причем (что важно!) средством и проводником нового романтизма начала XX века парадоксально становится то, с чем этот романтизм противоборствует. Руинами Новейшего времени вместо прежних искусственно состаренных имитаций античных или средневековых развалин становятся заброшенные и разрушающиеся корабли в замершем порту, паровые землечерпалки, буксиры, словно потерявшиеся на водных пространствах Невы, портовые краны, стальные мосты и эстакады, по которым в опустевшем городе некому ездить. Странный контраст прозаической техники и тонкой художественно организованной городской среды усиливает рождающийся в этой связке разрыв реальности, выводящий сознание зрителя за рамки обыденности и погружающий его в зону метафизики мирового эфирного пространства, необъяснимых пифагоровых музыкальных сфер.

Закономерно, что параллельно с видами задворков российской столицы Добужинский создает цикл графических произведений с изображениями городских видов Лондона, на которых, как и на петербургских видах, особенно выразителен передний план с мощными металлическими конструкциями мостов и эстакад. Очевидно родство двух великих городов, образные портреты которых складываются из схожих элементов: архитектуры и внеархитектурной, внехудожественной сети вездесущих инженерных конструкций, которые, подобно органическому мицелию, прорастают сквозь архитектуру, сквозь городскую среду и в конце концов становятся главным мотивом, определяющим образ городского пространства в целом.

В связи с пейзажами Добужинского, в особенности лондонского цикла, нельзя не вспомнить монументальные офорты Фрэнка Бренгвина, очарованного громадами

умерших судов, всё еще хранящих память о своем прежнем величии и силе, некогда подвигавших их выходить навстречу Мировому океану, противоборствовать с ним и побеждать. Несомненно, видение Добужинского складывалось не без воздействия впечатлений от пиранезианской графики Бренгвина.

Время тяжелых испытаний — революционные годы, Гражданская война — ввели Петербург в состояние оцепенения, вневременья, странным образом очистившего восприятие архитектурной атмосферы города от крикливой буржуазной шелухи, засыпавшей его площади и перспективы, замутившей красоту и величие города. Свежая атмосфера, прояснившая красоту города, произвела на свет «Руины и возрождение» Шиллинговского, цикл живописи по фарфору Адамовича.

Шиллинговский настолько увлечен руинной романтикой сладостного запустения, что начинает казаться, будто позитивное «возрождение» в названии серии дано лишь по практическим конъюнктурным соображениям — для получения разрешения на печать гравюр. Художник очарован именно руинами, а вовсе не пафосом созидания. На его гравюрах замершие стальные механизмы выглядят как причудливая декорация глобального уличного спектакля, разыгранного в городском пространстве. Такие действия в самом деле устраивались в Петрограде в первые годовщины революции. На этой «сцене» исчезает ощущение реальности бытия. Спектакль становится жизнью, а его декорация — истинной реальностью, плотью Петербурга. В сложении этой плоти, в ее мышцах, костях и жилах архитектура соединяется с заполняющей ее просветы машинерией, ибо природа города не терпит пустоты.

Точнее было бы назвать этот индустриальный антураж — реальный и виртуальный графический, домысленный художниками — «декорацией декорации», нюансирующей «большую» декорацию Петербурга с пространствами его улиц и площадей, сообщающей городу особую выразительность двуслойной художественной структуры, в которой смыслом наполнены оба слоя: архитектурная классика вещает, точнее, выразительно безмолвствует о былой имперской славе, вообще об ушедшем, но вечно сущем, индустриальный антураж возвращает зрителя в реальность упадка и разрухи, забвения и отрицания, тонкими намеками подводя зрителя Петербурга 1920-х годов

к пониманию природы «воды забвения», источаемой культом нового спасителя мира — пролетария, вошедшего в этот город со своим спутником механизмом, как триумфатор на коне, кондотьер новейшей истории (вспомним снятый в это же время «Метрополис» Фрица Ланга).

Буксиры, натужно пыхтя, вытаскивают баржи на кристально-архитектурный простор Невы. Барки, расталкивая друг друга, в два ряда швартуются у набережных Фонтанки. Землечерпалки и подъемные краны задирают вверх свои железные ковши и стрелы, споря с фронтонами, аттиками и башенками за верхний регистр городского пространства. Если представить без стальных монстров эти изображения и саму городскую натуру, с которой они взяты художниками, город вмиг опустеет и умрет в кристально-мертвенной чистоте абстрактной архитектуры. Петербург, захламленный чуждыми для его архитектуры машинами, похож на «Привалы разбойников» Маньяски, где архитектурная декорация была бы банальна и безжизненна без заполняющей ее «прозы» наваленного у колонн награбленного добра и развешанных всюду доспехов и оружия.

На показанных примерах видно, что технические объекты в структуре такого города, как Санкт-Петербург, город — художественный памятник, действуют преимущественно по принципу контраста и характер их действия заключается в умножении впечатлений зрителя, насыщенного эмоциями от обозрения архитектуры зданий и города как произведения градостроительного искусства. Механизмы на листах Добужинского и Шиллинговского, вкрапленные в городскую среду в местах, мало для них подходящих, местах, откровенно случайных, сильным ударом контраста «встряхивают» зрителя, обновляют застоявшиеся впечатления однообразной архитектурно-правильной красоты. Она, красота, от длительности восприятия не теряет своих достоинств, но ее дискредитирует именно однообразие, точнее, однородность, которую в условиях стилистической выдержанности памятника (ансамбля) не всегда возможно оживить «своими» художественными средствами. Технические объекты делаются в городе XX столетия необходимым для полноты эстетической удовлетворенности источником зрительной энтропии — неправильности, хаоса. Контраст противоположностей,

совмещенных в одном городском виде, в одной структуре, но не вносящий в систему разрушительный диссонанс, является средством, по своему действию подобным смене ракурса. Новый ракурс по-новому открывает вид, не меняя ясности эстетического сложения архитектурно-средового ансамбля.

Для полноты картины следует отметить в числе объектов, обладающих градостроительным потенциалом и, подобно другим портовым приметам петербургского ландшафта, вносящих в него ноту романтики, — речные суда, стоящие в ожидании ночной разводки мостов у набережной Лейтенанта Шмидта. В ночную пору, когда суда отправляются в путь по Неве, они обретают активность, сопоставимую с активностью береговых архитектурных объектов. Невские панорамы наполняются движением, добавляющим жизни города, его видам новое измерение.

Выше мы коснулись лишь отдельных, почти случайных в контексте систематического изложения объектов. Первыми заявили о себе подъемные краны в порту и на судостроительных верфях. Эта «случайность» на самом деле закономерна. Краны — самый романтический «персонаж» в ряду нехудожественных объектов Петербурга. На невской панораме города они выразительно свидетельствуют о морском естестве Петербурга, об открытости города в мировое пространство. Такой антураж словно приглашает зрителя в морской вояж с неопределенным пунктом назначения, а вернее, вовсе без чуждой романтике конечной утилитарной цели.

Второй рассмотренный объект, заводские трубы, не столь однозначны, а во многих случаях вредны для городских панорам, в формировании облика которых активно участвуют. Казалось бы, аналогичные трубам по степени воздействия на городские виды новые для Петербурга объекты — пилоны высоководных мостов Западной скоростной магистрали (ЗСД) должны были отрицательно повлиять на западную панораму города. Но действительность оказалась иной. Изящный абрис футуристических конструкций, поднявшихся в створе Большой Невы (если смотреть из центра города), нисколько не диссонирует с архитектурными красотами невской акватории. Пилоны действительно изящны, по своей «архитектуре» они родственны романтическим атрибутам морского порта — подъемным кранам. Прозрачность этих сооружений,

выдающая точный и сложный инженерный расчет, растворяет их силуэт во влажной дымке морского воздуха. Пилоны не препятствуют взгляду, пронизающему пространство невской акватории в поисках выхода на простор залива.

Говоря о новых петербургских мостах, нельзя не отметить два значительных сооружения. Они, впрочем, замечательны не столько своими градостроительными достоинствами или футуристическим обликом, обычным для подобных сооружений и хорошо знакомым жителям многих мегаполисов. Их значение для города состоит в том, что мосты эти дали городу новые неожиданно удачные видовые точки, обогатившие панорамы Петербурга и как бы доказывающие неисчерпаемость художественного естества города. Речь идет о мостах — пешеходном Яхтенном и автомобильном мосте Бетанкура.

Было бы несправедливо отказать Яхтенному мосту в градостроительном значении для части города, небогатой удачными в этом отношении решениями. Мост, с одной стороны, организовал визуальную композиционную связь спортивных сооружений на оконечности Крестовского острова («Газпром арена») с архитектурно звучной им застройкой Приморского района, прежде всего с доминантой торгово-развлекательного комплекса «Питерлэнд». В другом аспекте мост оформил предмостное пространство возле торгового комплекса, оформил не вполне удачно, но всё же придав ему смысл и определенность. Главной же удачей стало появление с постройкой моста новой замечательной видовой точки в этой части города. Мост стал заместителем утраченной со строительством эстакад ЗСД знаменитой Стрелки Елагина острова.

Прекрасные виды на Финский залив, открывавшиеся с оконечности острова-парка, действительно были перерезаны новыми мостами, и обаяние места было разрушено. Между тем традиция провожать закатное Солнце на елагинской Стрелке вошла в городской обиход еще в николаевские времена. Существует легенда о том, что рождение этой романтической традиции связано с капризом фрондирующей графини Самойловой, доказавшей в этот раз свое обаяние тем, что светская молодежь, узнав о новой прихоти графини — провожать Солнце на пустынной оконечности далекого от центра города острова, единодушно последовала за ней на Стрелку, пре-

небрегая даже балами в Зимнем дворце и раздражая этим императора. В советское время старая традиция не только не умерла, но была поддержана строительством на Стрелке по проекту Л. Ильина видовой площадки, украшенной классической балюстрадой и изваяниями львов Медичи. Утрата этой видовой точки со строительством эстакад ЗСД была болезненна для города, по сути не имеющего иной подобной точки для обозрения закатного неба, которое, можно сказать, предлагает жителям Петербурга даром и ежедневно замечательное природное явление, не менее впечатляющее, чем затейливые фейерверки, столь привлекательные для придворной аристократии XVIII столетия.

Свидетельством того, что горожане оценили новый Яхтенный мост именно как место любования простором залива и закатным небом, служит то, что станция метро «Зенит», первоначально открывавшаяся только в дни спортивных мероприятий, стала постоянно действующей. Настолько вырос поток пассажиров, пользующихся станцией ради прогулки по новой набережной и Яхтенному мосту.

Автомобильный мост Бетанкура дает иной, совершенно оригинальный пример градостроительной активности в центре Петербурга. Мост через Малую Неву, соединивший Петровский остров, Петроградскую сторону с Васильевским островом, находится неподалеку от центральной акватории Невы и Стрелки Васильевского острова, но как бы в «тылу» замечательного ансамбля Тома де Томона. Но тем и замечательно окраинное положение моста, что он дает неожиданный ракурс, открывающий невиданную доселе «изнаночную» панораму невских берегов и ансамбля Биржи. Этого вида, безусловно, не мог представить себе сам Томон, занятый эффектным раскрытием сооружений Стрелки на невский плёс против крепости и императорских дворцов. Но панорама с моста Бетанкура тем не менее состоялась, оказавшись немного сумбурной, «постмодернистской», но весьма эффектной.

Вопрос о новых мостах в аспекте рассмотрения роли технических объектов до некоторой степени спорный, так как мосты нельзя рассматривать исключительно как инженерные сооружения. Всё же мосты и эстакады традиционно относятся к архитектурным объектам, и при их проектировании исходят из архитектурной идеи,

образа. Инженерный же расчет претворяет этот образ в жизнь, следуя за творческим прозрением архитектора. Но представленный анализ оправдан тем, что направлен не на экстерьер сооружения, не на его градостроительную позицию, а на эффект, который, всецело завися от положения и качеств объекта, не привязан к каким-либо сугубо архитектурным его качествам.

К месту здесь сделать ремарку о необъяснимом отсутствии в художественной летописи Петербурга произведений, включающих изображение двух видных мостов через Неву — Большеохтенского и Финляндского железнодорожного. А ведь эти мосты, построенные в начале XX столетия «по архитектуре», как говорили в старину, вполне отвечали увлеченности Добужинского и других мирискусников благородной техникой в благородном же городском пространстве. Возможно, это объяснялось тем, что Большеохтинский мост получил критику, именно с тем и связанную, что представлялся недовольным эстетам слишком «инженерным» рядом с архитектурным ансамблем Смольного монастыря. Между тем время доказало излишнюю щепетильность критиков в этом вопросе. Большеохтинский мост ассимилирован общественным вкусом и во взаимодействии с памятниками архитектуры воспринимается тем самым необходимым для остроты и яркости впечатлений раздражителем, которыми небогат центр Петербурга. Досадно, однако, равнодушие как художников, так и специалистов по истории мостостроения к Финляндскому железнодорожному мосту.

Феномен моста Бетанкура (да и Яхтенного моста тоже) наводит на мысль о необходимости расширения в современном городе границ градостроительной модернизационной деятельности за пределы традиционных действий — планировки площадей и трасс улиц, компоновки крупных объемов и высотных доминант. Представляется, что содержание современной градостроительной модернизации в историческом городе должно предполагать также создание своеобразной «обратной связи», вектор которой направлен не *на объект*, как это предполагает традиционная практика, а *от объекта*, который сам становится генератором новаций — в этом случае осей и направлений, раскрывающих в новых ракурсах знакомую архитектуру и ландшафт исторического Петербурга.

Продолжая тему новых архитектурно-технических сооружений, нельзя не отметить высоковольтные трансформаторные подстанции. Как сугубо утилитарные объекты городского хозяйства в градостроительном аспекте они нейтральны. Их положение обусловлено исключительно техническими условиями (несколько новых подстанций охватывают город полукольцом, располагаясь на берегах Обводного канала). Но на своих местах они сделались значительными градостроительными центрами. Их крупные прямоугольные объемы отлично держат аморфную распадающуюся застройку района, так и не обретшего архитектурно-градостроительной определенности. Особо следует отметить хорошую архитектуру подстанций, базирующуюся на приемах прагматичного «кирпичного стиля» конца XIX века.

Итак, не подлежит сомнению существенное градообразующее значение технических объектов в Петербурге. Оно особенно знаменательно, поскольку город исторически не был к этому готов. Он изначально мыслился имперским центром и в своем градостроительном развитии не был подобен промышленным городам России, например уральским городам-заводам, для которых включение технических объектов в городскую ткань было естественным и даже во многих случаях необходимым.

Петербург в своем развитии шел иным путем. Для него в этом аспекте были существенными морское расположение и портовая функция. В Петербурге XVIII—первой половины XIX века порт с судами, пришвартованными к причальным стенкам или движущимися по Неве, входил в город в самом его центре, ведь располагался он в то время у Стрелки Васильевского острова. Никакие ухищрения, призванные прикрыть, замаскировать классической архитектурой непарадный промышленный антураж города-труженика, не могли выполнить эту задачу до конца. Но именно эта неполнота, порождавшая смешение художественного и рабочего, бытового в самом средоточии жизни, создала особую атмосферу, присущую только приморским городам-портам. Впрочем, в этом Петербург неоригинален, таковы многие города ганзейской Европы. Если же доискиваться того, чем российский город остро своеобразен, следует обратиться к способу, образу существования техники в городе.

Сложная судьба России, Петербурга как его столицы, смена периодов упадка и подъема создали особый способ существования машинерии в структуре города. Техника вошла в столицу и бытовала в ней наподобие античных руин в Риме Нового времени. Одно из сильных впечатлений в Риме связано с неожиданными «находками» остатков древности — обломков капителей, герм и проч. — буквально под ногами, в шаге от современности. С этим переживанием приходит наглядное понимание, осознание объективного существования здесь, в этом городе, особого «слоя вечности». Не мертвого, навсегда ушедшего в небытие, а актуального, но живущего скрытно, загадочной подспудной жизнью, пересекающейся с бытовой архитектурной современностью в случайных точках, изредка, нечаянно, каждый раз словно бы пугаясь этой встречи. Это настроение чутко улавливали (и ловко им пользовались) Пиранези, Клериссо, Гюбер Робер и с большим или меньшим успехом (но успехом неизменным) сонм их последователей — живописцев руин.

В Петербурге Добужинского, Шиллинговского, Остроумовой-Лебедевой и в нынешнем Петербурге как залог суверенного бытия этого города всё еще живы вневременной жизнью руин остатки машинного и инженерного мира прошлого, пополняющиеся, как и положено всему вечносущему, всяческим городским «хламом» современности, перетекающим, как в песочных часах, из сферы актуального в глубинные слои подспудного петербургского «Рима».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ В XX СТОЛЕТИИ

ГЛАВА III.1.

ОТ КВАРТАЛА К МИКРОРАЙОНУ: ПОИСКИ ПУТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ ЗОН В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ КОНЦА 1920-Х—1930-Х ГОДОВ

Советское градостроительство конца 1920-х—1930-х годов—это ответ на вызов, порожденный форсированными темпами советской урбанизации, с одной стороны, и идеологией нового, «социалистического города», с другой. Это сплетение породило один из исторических прецедентов модернизации городской среды, основанных на идее тотального преобразования. В то же время концепция «социалистического города», сформировавшаяся на рубеже 1920–1930-х годов, была вполне в русле модернистской идеологии, представлявшей машину решающим фактором в преобразовании среды бытия человека новой эпохи. Идеология и практика «машинизма» в городском планировании представляла город как слаженный механизм, функционирующий как «совершенная машина». Одним из ключевых элементов в этом процессе являлось структурирование городского пространства в целом и селитебной зоны в частности. Поиски ее оптимальной структуры—одно из главных направлений деятельности как проектных трестов, так и научно-проектных институтов в 1930-е годы.

Для низового звена структуры жилого города советское градостроение 1920-х—начала 1930-х годов и на законодательном, и на практическом уровне оперировало традиционным понятием «квартал», принципы проектирования которого были закреплены в ряде нормативных документов¹⁴⁷. На рубеже 1920–1930-х годов в это традиционное

¹⁴⁷ «Правила распланирования и застройки городов» (1925); Постановление СТО СССР «Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках» (1926); Постановление ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» (1927); «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных,

понятие квартала было внесено новое, «социалистическое» содержание: он получил двоякую составляющую — планировочную и социальную. Вторая имела своим истоком концепцию жилкомбината конца 1920-х годов, не получившую полноценного воплощения, но оказавшую решающее влияние на формирование идеи квартала со значительной ролью обобществленного обслуживающего сектора и понимание его как единого социального организма.

Первые попытки осмысления принципов организации советского квартала предпринимались уже в начале 1930-х годов¹⁴⁸, однако о сложившемся его понимании и методологии проектирования можно говорить с середины 1930-х годов, что стало результатом интенсивной проектной и строительной практики в годы первой пятилетки. Не случайно, что свое видение квартала представили к середине 1930-х годов все ведущие проектные и научные институты — Гипрогор, Горстройпроект, Гипроград, ЛНИИКХ, Академия коммунального хозяйства РСФСР¹⁴⁹. Новое понимание квартала было официально закреплено в Инструкции НККХ РСФСР «О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г.»¹⁵⁰. Во-первых, Инструкция определяла, что «жилой квартал является частью территории селитебного района, ограниченной со всех сторон магистральными улицами», и, таким образом, квартал выступал элементом планировочной структуры. Во-вторых, его связь с селитебным районом была как планировочной, так и социальной, поскольку квартал был связан с районом «единой системой сетевого обслуживания». В-третьих, Инструкция закрепляла структурное членение самого квартала на «жилые комплексы», в структуре ко-

курортных поселков». Инструкция НКВД (1928); «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений». Постановление ЭКОСО (1930); О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР № 135 (1933).

¹⁴⁸ Гольденберг П., Долганов В. Проблема жилого квартала / предисл. В. Н. Семенова. М.; Л.: Техника управления, 1931.

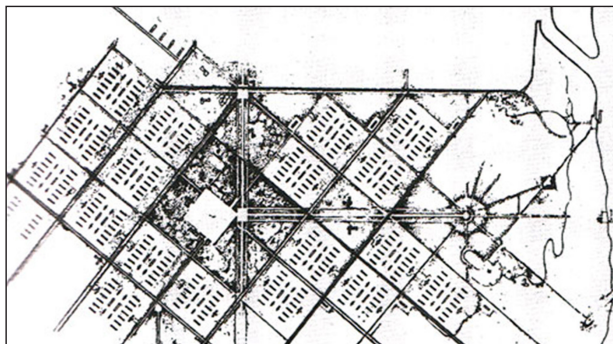
¹⁴⁹ Кругляков Ю. Г. Реконструкция жилых кварталов. Л.; М., 1933; Бродович Н. С., Кругляков Ю. Г. Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. Л.: ЛНИИКХ, 1937; Галактионов А., Соболев Д. Жилой квартал. Организация, нормы и условия планировки. М., 1934; Блохин П. Н. Типизация жилищ и общественных зданий при планировке населенных мест. Практика работ Союзстандартжилстроя 1932 г. М.; Л.: Госстройиздат, 1933; [Шелейховский Г. В.] Жилой квартал как низовое звено города, его элементы и нормативы // Планировка и социалистическая реконструкция городов. Вып. 1: Общие проблемы. М.: Власть Советов, 1934. С. 164–218; Стамо Н. Л. Жилой квартал // Сборник научных трудов сектора жилых и общественных зданий Академии коммунального хозяйства при СНК РСФСР. М., 1935 и др.

¹⁵⁰ О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкция НККХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. // Наше строительство. 1933. № 13. С. 338–341.

торых должны были быть предусмотрены низовые элементы обслуживания. И, наконец, в-четвертых, указана и стержневая ось этой системы социально-планировочной взаимосвязи структурных элементов (жилой комплекс — жилой квартал — жилой район) — сетевое общественное социально-бытовое обслуживание. Инструкция предусматривала следующую его структуру в квартале: общественное питание, воспитание детей, коммунально-хозяйственное и культурно-просветительное обслуживание. Территория квартала подразумевала соответствующее зонирование: жилая часть, детская зона, включающая детские сады и ясли; общественно-культурная зона, включающая здание клуба-примитива и сеть физкультурных площадок и сооружений; коммунально-хозяйственная зона, включающая прачечную, котельную, складские помещения или сараи, места для временного хранения мусора и т. д. Значительное свободное пространство квартала предназначалось для зеленых насаждений, рекреационных зон, спортивных и детских площадок, а также проездов.

Инструкция 1933 года в контексте рассматриваемой темы важна не только и не столько подробными установками о структурировании и зонировании квартала, сколько обозначением чрезвычайно важной новации — выходом за пределы понятия «квартал» и фактически указанием на необходимость выстраивания иерархической системы планировочных элементов, основой которой становилась ступенчатая система сетей обслуживания. Именно в 1930-е годы были разработаны и внедрены в проекты *последовательное иерархическое структурирование городского пространства и конструирование его из модульных единиц*. Первым шагом стали проекты организации городской структуры из «одноуровневых» типовых планировочных модулей — жилкомбинатов или кварталов. Характерными примерами такого рода можно назвать проекты А. А. и В. А. Весниных для «соцгородов» при Кузнецком металлургическом комбинате и для Сталинградского промышленного района (1930), конкурсный проект «города-коммуны» Автостроя (бригада МВТУ, рук. А. Г. Мордвинов, 1930), проект соцгорода «Новый Харьков» при Харьковском тракторном заводе (рук. П. Ф. Алешин, 1930) и др. Однако при значительном увеличении размеров и численности населения города двухступенчатая структура (жилкомбинаты / типовые кварталы с системой

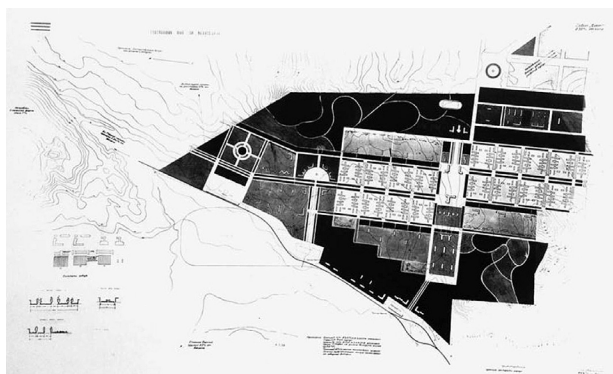
1

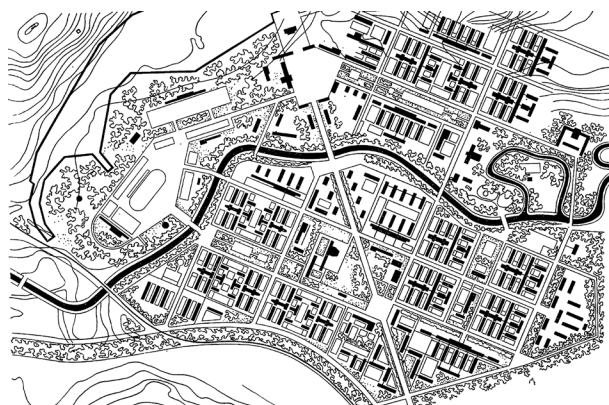
2

3

4

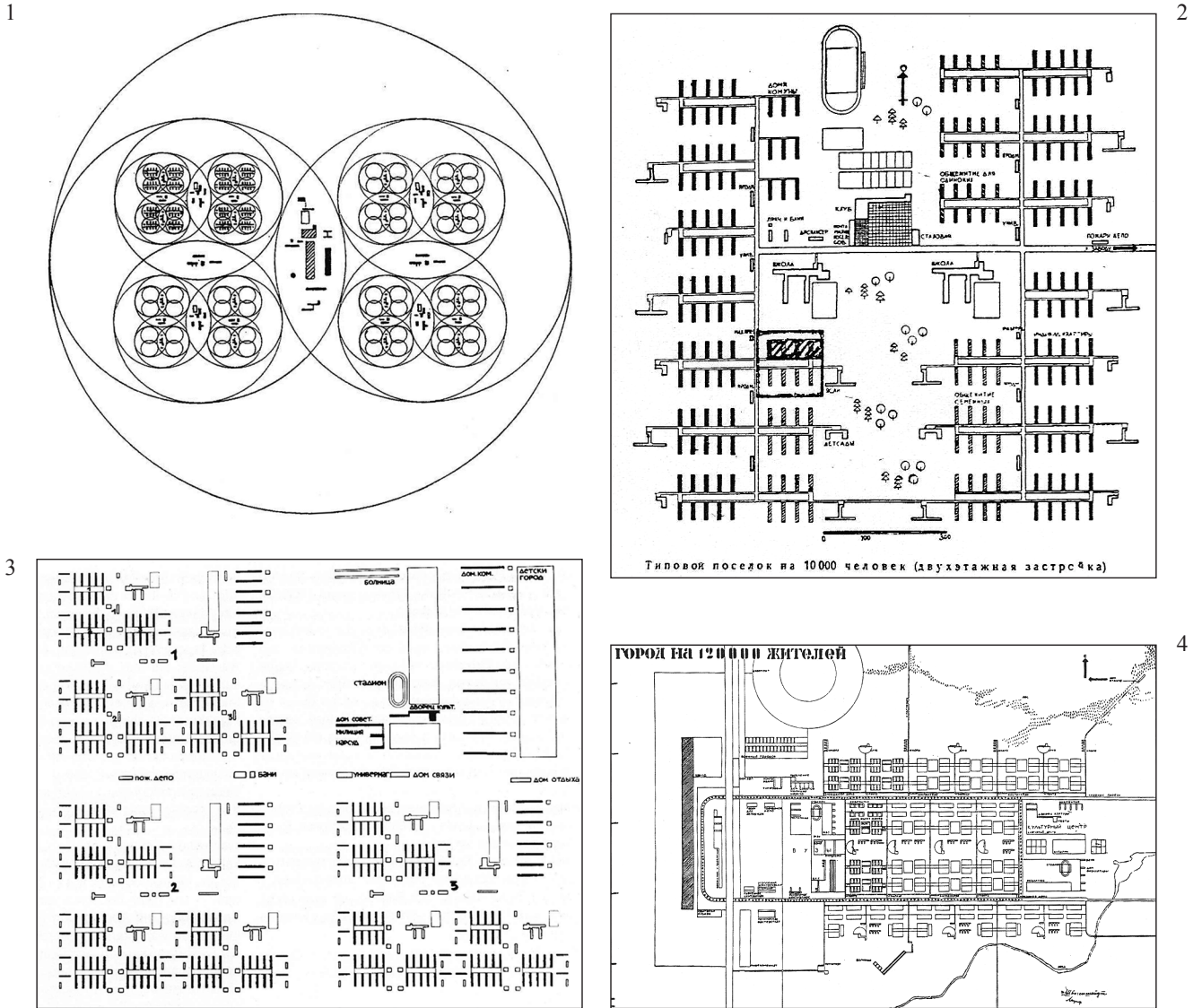

Проекты формирования городской структуры из типовых планировочных модулей

1—Бригада МВТУ (группа студентов под руководством А.Мордвинова). Конкурсный проект планировки и застройки «города-коммуны» Автостроя. 1930. Генплан. Перспектива; 2—Бригада МВТУ (группа студентов под руководством А.Мордвинова). Конкурсный проект планировки и застройки «города-коммуны» Автостроя. 1930. Генплан. Перспектива; 3—Р.Вальденберг, С.Леонтович, Д.Меерсон. Конкурсный проект планировки и застройки Магнитогорска. 1930. Генплан; 4—А.А. и В.А.Веснины. Проект соцгорода при Кузнецком металлургическом комбинате. Генплан. 1930

начального социально-бытового обслуживания и общегородские пространства и учреждения) не могла обеспечить эффективное функционирование городского организма. Насущной задачей стало создание иерархизированной системы планировочных элементов.

Общее поле практики планировки и застройки городов, как и взаимовлияние градостроительных поисков, породили в первой половине 1930-х годов методологический консенсус в крупнейших проектных трестах—Горстройпроекте, Гипрогоре, Гипрограде. При возможном различии в терминологии схема иерархически выстроенной структуры селитебной зоны выглядела примерно следующим образом: 1. жилая ячейка; 2. жилой комплекс (группа жилых ячеек / домов, объединенная элементами первичного культурно-бытового обслуживания); 3. квартал или «квартал-комбинат», объединяющий несколько жилых комплексов; 4. «комплекс кварталов», «укрупнен-

Проекты формирования городской структуры из иерархически выстроенных типовых модулей на основе ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания (концепция)

1— Схема организации социалистического города из модульных единиц. Стандартгорпроект. Архитектор В. Швагеншайдт, Х. Лаутер, 1931; 2— В. Швагеншайдт, Х. Лаутер. Проект типового поселка на 10 тыс. жителей из типовых планировочных модулей. Стандартгорпроект. 1931; 3— Схема района социалистического города, состоящего из типовых кварталов. Стандартгорпроект. Архитектор В. Швагеншайдт, Х. Лаутер, 1931; 4— Швагеншайдт, Х. Лаутер. Проект города на 120 тыс. жителей. 1931

ный квартал», «подрайон» или «микрорайон»; 5. жилой район. Каждый из планировочных элементов обладал «типовым набором» обслуживающих учреждений: в жилой комплексе — детские ясли и детский сад, физкультурные площадки; квартальный соцкультбыт включал магазин, столовую, клуб-примитив, сеть физкультурных сооружений и коммунально-хозяйственную зону; ядром комплекса кварталов являлась школа; район имел универмаг, кино, амбулаторию и другие объекты некаждодневно-го пользования. В проектах разных институтов и мастерских существовали вариации

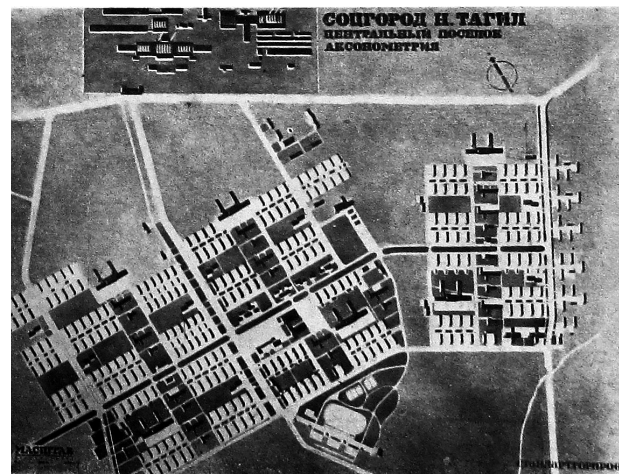
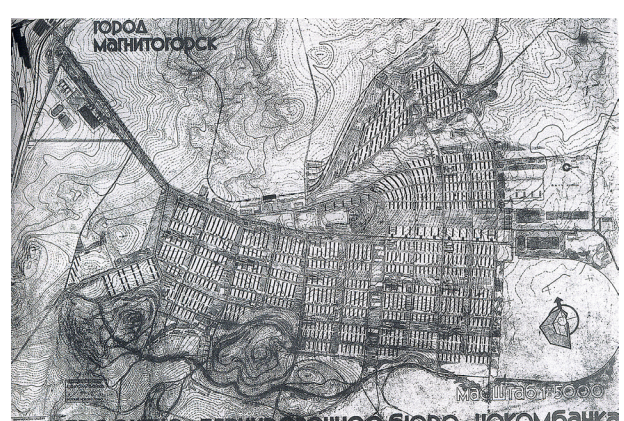
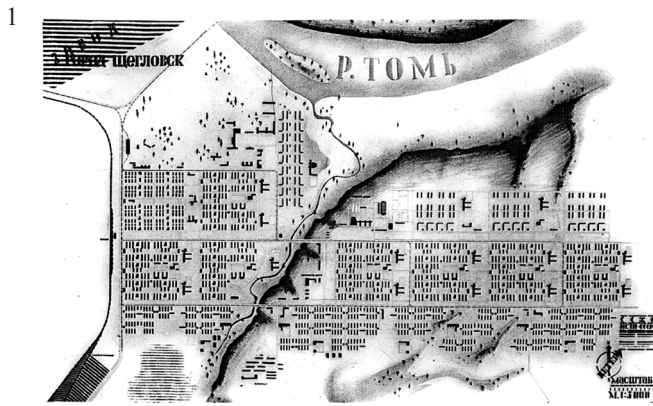
масштабов планировочных элементов, их архитектурно-планировочной организации и состава обслуживающих учреждений, а также дискутировались методы расчетов, проектные нормативы или ставился вопрос в целом о социально-экономической обоснованности «оптимумов» обслуживания. Однако в целом это был совершенно новый принцип градостроительного планирования — планомерная организация городского пространства «снизу вверх», от первичной единицы к целому на основе мультипликации стандартизированных единиц. Первые концептуальные разработки подобной структуры датируются уже 1931 годом, и начало было положено в проектном институте Стандартгорпроект. Основными разработчиками выступали иностранный специалист В. Швагеншайдт в сотрудничестве с П. Н. Блохиным, бывшим в 1932 году руководителем группы в Секторе рационализации и БРИЗ. В. Швагеншайдт изложил итоги совместной работы в феврале 1932 года в своем докладе в Эссене перед архитекторами германского Веркбунда¹⁵¹, П. Н. Блохин опубликовал ее результаты в советском профессиональном поле¹⁵². Теория сопровождалась концептуальными графическими схемами, которые нашли свою практическую интерпретацию в проектах «социалистических городов», разработанных в Стандартгорпроекте / Горстройпроекте в 1931–1932 годах (Магнитогорск, Новокузнецк (Сталинск), Кемерово (Щегловск), Ленинск, Н. Тагил и др.).

Именно этот принцип организации городского пространства «снизу вверх» заложил основы «микрорайонной» концепции. Основными центрами теоретических поисков и их практической реализации выступали крупные проектные институты — Гипрогор, Гипроград, Горстройпроект, а также Академия коммунального хозяйства и Ленинградский НИИКХ, которые вели собственные научно-практические исследования в области планировки селитебных зон.

Само понятие «микрорайон» было привнесено в советскую градостроительную терминологию, вероятно, в начале 1930-х годов из теории экономического районирования. Речь идет не только о терминологическом аппарате, частью которого

¹⁵¹ Hopmann E. Städtebau in der UdSSR // Die Form. 1932 № 5. P. 152–154.

¹⁵² Блохин П. Н. Жилой комплекс и типовые планы жилых зданий // Реконструкция городов в СССР. 1933–1937. Т. 1. М.: Стандартизация и рационализаторство, 1933. С. 295–314; Он же. Планировка жилых кварталов соцгорода. Опыт четырехлетней работы Стандартгорпроекта // Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 4–8.

Проекты решения городской структуры из типовых модулей на основе ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания (в применении к планировкам конкретных городов)

- 1—Проект планировки г. Щегловска (Кемерово). Схема генплана. Стандартгорпроект. Архитекторы Э. Май (рук. проектной группы), В. Швагеншайдт, 1932; 2—Э. Май и др. Проект соцгорода Магнитогорска. Стандартгорпроект. 1932; 3—М. Стам и др. Проект соцгорода Макеевки. Стандартгорпроект. 1932–1933; 4—А. Мостаков и др. Соцгород Нижний Тагил. Стандартгорпроект и др. 1932

были понятия макрорайон — район — микрорайон, но и о сути — членение страны на территориально-производственные комплексы было затем интерпретировано в методологии городской планировки. Так, в Гипрограде под руководством А. Л. Эйгорна была разработана методика «микрорайонирования территории города»¹⁵³, приме-

¹⁵³ Эйнгорн А. Л. Методика микрорайонирования территории городов // Проектирование социалистических городов. 1937. Вып. 6–7. С. 34–36.

ненная, в частности, в проекте реконструкции Харькова¹⁵⁴. По своему содержанию это была методика комплексного районирования города, подразумевавшая членение его территории по совокупности признаков (геологического, функционального, по характеру жилого фонда и т. п.) и формирование «сетки микрорайонирования», служившей основой для составления баланса территории, сетей культурно-бытового обслуживания и т. п. Работы по методологии районирования города активно велись также в Гипрогоре. Отражение проектных наработок института можно видеть в тексте «Архитектурно-планировочная структура города», написанном в конце 1930-х годов. для крупномасштабного итогового труда о советском градостроительстве В. А. Витманом, руководителем проектной мастерской, а с 1938 года — главным архитектором ЛенГипрогора¹⁵⁵. Термин «микрорайон» он употребляет по отношению к структурированию уже выделенных по функциональному признаку районов: «Районы города... образуются группой родственных элементов города. Внутри такого района эти элементы могут быть подвергнуты еще некоторой дифференциации по разным признакам... подразделение или микрорайонирование». Подобное микрорайонирование применялось и к промышленным, и к селитебным районам, причем проводилось оно исключительно по функциональному признаку — например, микрорайоны комплексов здравоохранения, вузовских городков, коммунальных сооружений. Селитебную территорию в части жилых кварталов также предполагалось делить на микрорайоны в случае, если она была расчленена какими-либо естественными условиями или искусственными сооружениями. Подобное заимствование метода «комплексного районирования» с переносом его на городскую структуру выглядит вполне естественным процессом, поскольку крупные проектные тресты, такие как Гипрогор, Госстройпроект, Гипроград, были вовлечены в составление проектов районных планировок.

Логично, что в рамках подобного функционального районирования и микрорайонирования сформировалось понятие «жилого микрорайона», которое употреблялось

¹⁵⁴Эйнгорн А. Л. Социалистическая реконструкция Харькова // Социалистический город. 1935. № 10–11. С. 10–17.

¹⁵⁵РГА в г. Самаре. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 66 (Социалистическое градостроительство в СССР. Часть 7. Витман В. А. Архитектурно-планировочная структура города (1939)).

в 1930-е годы по отношению к селитебной зоне именно с уточняющим определением «жилой». Термин «жилой микрорайон» использовался как синонимичный «группе кварталов», «укрупненному кварталу» или «жилому подрайону». В этом значении он разрабатывался, например, в Ленинградском НИИ коммунального хозяйства, и это получило отражение в работах Ю. Г. Круглякова¹⁵⁶. Структуру жилой зоны в работе 1933 года Ю. Г. Кругляков представляет следующим образом: 1. жилой район; 2. жилой подрайон (часть жилого района, жилой массив, не прерываемый улицами транзитного движения или иными крупными территориями нежилого назначения); 3. квартал (комплекс жилых зданий, культурно-бытовых устройств, санитарно-гигиенического оборудования и зеленых насаждений, представляющих собой единую социально-бытовую организацию, расположенную на территории, не перерезаемой проездами общественного пользования)¹⁵⁷. Однако уже в работе 1937 года, опубликованной совместно с Н. С. Бродовичем, понятие «подрайон» заменяется «микрорайоном» и в том числе указывается, что проектирование кварталов должно вестись с учетом микрорайонных связей и организации культурного и бытового обслуживания микрорайона¹⁵⁸. Важным представляется указание авторов на разрабатываемую в ЛНИИКХ научную тему о микрорайонном проектировании, лишь упомянутую в книге. Это упоминание подтверждается также архивными документами, свидетельствующими, что в институте разрабатывались вопросы о структуре и нормативах планировки «жилых микрорайонов»¹⁵⁹.

В середине 1930-х годов понятие микрорайона как части жилого района и/или синонима группы кварталов, вероятно, было уже достаточно распространено и как минимум являлось предметом научно-теоретических исследований. Элементом исследовательской работы Центрального института коммунальной санитарии и гигиены Наркомздрава РСФСР было изучение габаритов микрорайона (площадь и численность населения); организации пешеходного движения внутри микрорайона; оптимального

¹⁵⁶ Кругляков Ю. Г. Реконструкция жилых кварталов. Л.; М., 1933; Бродович Н. С., Кругляков Ю. Г. Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. Л.: ЛНИИКХ, 1937.

¹⁵⁷ Кругляков Ю. Г. Реконструкция жилых кварталов. Л.; М., 1933. С. 21.

¹⁵⁸ Бродович Н. С., Кругляков Ю. Г. Вопросы рационализации планировки жилых зданий и кварталов. С. 29.

¹⁵⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. Р.-275. Оп. 21. Д. 330, 331, 392, 472.

местоположения культурно-бытовых учреждений и хозяйственных точек; планировки зеленых насаждений¹⁶⁰. Преимущества микрорайонного проектирования обосновывались, прежде всего, с точки зрения эффективности организации территории жилой зоны, позволяющей «добиться определенной системы организации застройки, обеспечивающей правильное, четкое и функциональное распределение территории, расстановки зданий и обслуживающих элементов, а также и повышения плотности без ущерба для гигиены, санитарии и эстетики»¹⁶¹. Актуальной задачей признавалось также определение объема и содержания самого проекта планировки микрорайона¹⁶². К концу 1930-х годов фиксируются и опыты прикладной конкретизации — в Институте градостроительства Академии архитектуры СССР в 1940 году разрабатывалась крупномасштабная тема «Принципы планировки и застройки Юго-западного района Москвы». Жилая застройка района предполагалась в виде микрорайонов из ряда объединенных кварталов, при этом рассматривались архитектурно-планировочные принципы, просчитывались экономическая эффективность микрорайонной планировки и санитарно-гигиенические преимущества¹⁶³.

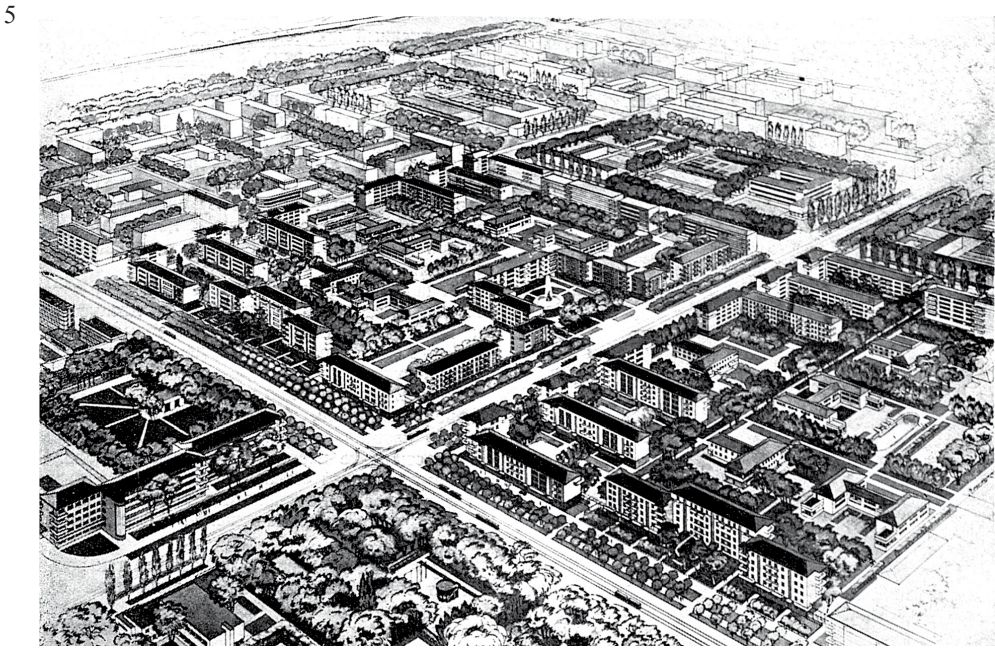
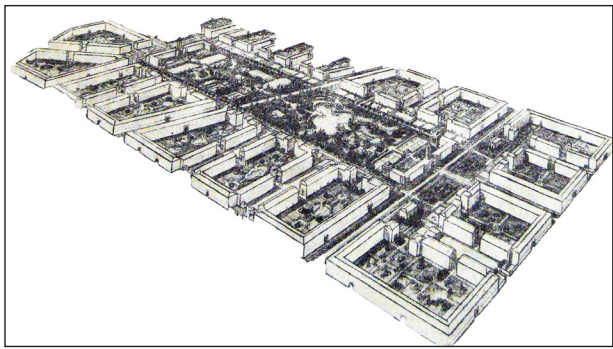
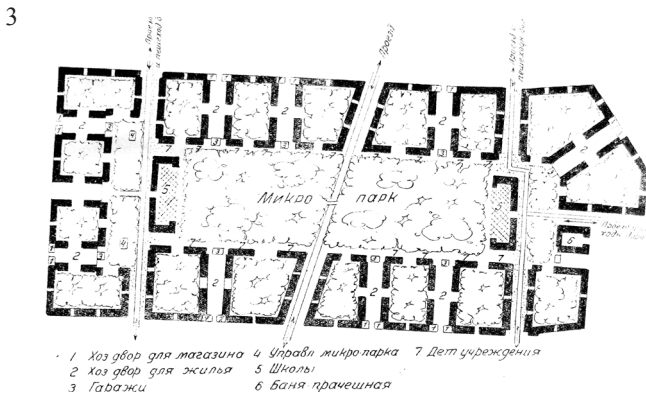
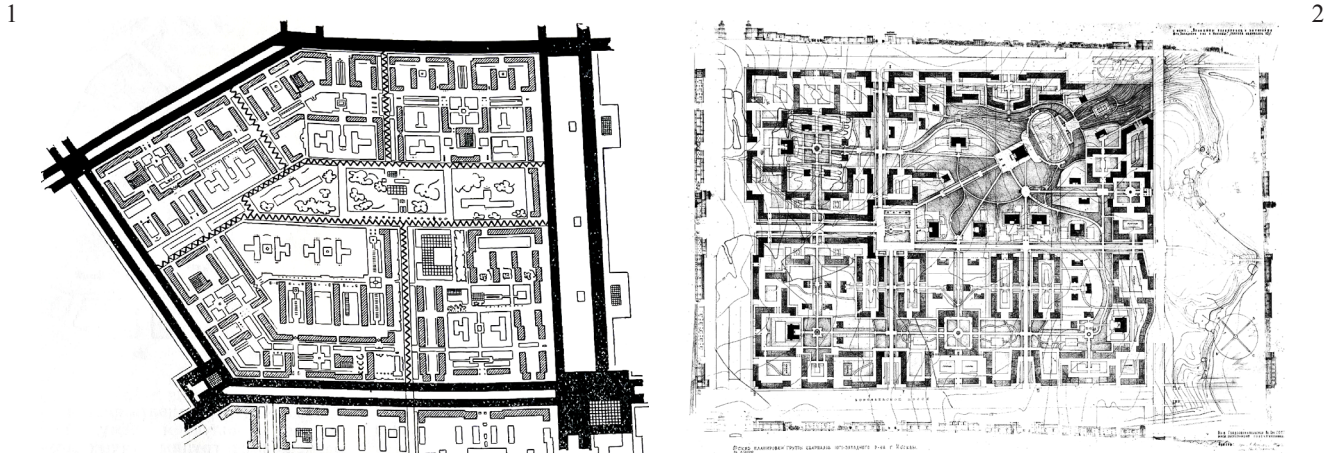
Передовой характер поисков советских градостроителей был сразу оценен западным профессиональным сообществом, прежде всего в США и Великобритании, где велись наиболее интенсивные теоретические поиски принципов структурирования городского пространства. В середине 1930-х годов специализированная архитектурно-градоведческая пресса писала о советском «микрорайоне» в тональности признания советского приоритета: «...принцип планировки городов, который назван „микрорайоном“ подборниками его в Англии и Америке и который нашел энергичных сторонников в США (План Нью-Йорка и его окрестностей), между тем как в настоящее

¹⁶⁰ Зеленко А. У. Современная планировка и проектирование жилых кварталов в области санитарно-гигиенической, культурно-бытовой и архитектурной // Материалы конференции по вопросу о жилом квартале 20–22 декабря 1936 г. М.: Издание Государственного центрального научно-исследовательского института коммунальной санитарии и гигиены, 1936. С. 96.

¹⁶¹ Баронян В. М. Правильно ли мы подходим к планировке наших городов // Социалистический город. 1937. № 2. С. 28.

¹⁶² Симонов Г. А. Планировка жилых кварталов // Архитектура Ленинграда. 1938. № 2. С. 36.

¹⁶³ Старостенко Ю. Д. Поиски принципов проектирования нового Юго-западного района Москвы в 1935–1941 годах (по материалам Института градостроительства Академии архитектуры СССР) // Academia: архитектура и строительство. 2022. № 2. С. 47–58.

Проекты укрупненных кварталов с системой социально-бытового обслуживания (середина — вторая половина 1930-х гг.)

1—Схема планировки укрупненного жилого квартала из нескольких жилкомплексов. Гипрогор. 1933; 2—Эскиз планировки группы кварталов Юго-Западного района Москвы. Мастерская экспериментального проектирования и планировки Института градостроительства Академия архитектуры СССР; 3—Проект микрорайона. Архитектор В. Баронян (Ленинград). План; 4—Проект микрорайона. Архитектор В. Баронян (Ленинград). Объемное решение; 5—Эскиз планировки кварталов смешанной застройки г. Магнитогорска (укрупненные кварталы). Ленгипрогор. Архитектор Б. В. Данчич и др., 1933

время он осуществляется в новых городах в России»¹⁶⁴. П. Аберкромби опубликовал в своей статье 1935 года схему ступенчатой структуры «социалистического города», разработанную под руководством В. Швагеншайдта и П. Н. Блохина в Стандартгор-проекте, и сопроводил ее подписью “Progressive unit planning”¹⁶⁵. В 1943 году во втором издании книги “Town and country planning” он снова вернулся к этому проекту: «Теория, которая была опробована в России, стремится построить всю городскую массу посредством всё более крупных и сложных единиц, достигающих кульминации в общественном центре»¹⁶⁶. Как прогрессивная и перспективная идея городского планирования расценивались не только концепция иерархической структуры, но и идея микрорайона как стандартизированного планировочного модуля, за что западные специалисты считали необходимым «отдать должное» русским коллегам¹⁶⁷. Советские разработки «микрорайона» 1930-х годов, как предмет интереса западных градостроителей, неоднократно упоминались авторами трудов-обзоров современного жилищного строительства Великобритании и США, выполненных в 1945 году по заказу Комитета по делам архитектуры¹⁶⁸. Передовой характер разработок 1930-х годов прекрасно понимали и советские архитекторы в середине 1940-х годов, в том числе это получило отражение в материалах конкурса на составление экспериментальных проектов жилого микрорайона 1945–1946 годов¹⁶⁹.

Однако во второй половине 1930-х годов характерной стала трансформация идеологии квартала от социально-бытовой единицы к элементу общего ансамблевого решения городской планировки. Акцентировка ансамблевой составляющей в советском градостроительстве второй половины 1930-х — начала 1950-х годов отодвинула на второй план массовое жилище и соответствующие поиски оптимального

¹⁶⁴ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 349 (Современные проблемы планировки микрорайона в Англии). Л. 19.

¹⁶⁵ Abercrombie P. Slum Clearance and Planning: The Re-Modelling of Towns and Their External Growth // The Town Planning Review. 1935. Vol. 16. P. 207.

¹⁶⁶ Abercrombie P. Town and country planning. London: Oxford Univ. Press, 1943. P. 150.

¹⁶⁷ Kaufmann E. C. Neighbourhood units as new elements of town planning // Journal of the Royal Institute of British Architects. 1936. Vol. 44. P. 170.

¹⁶⁸ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 348 (Вольфензон Е. Я., Гроссман В. Г., Коган Б. Л. Планировка жилого микрорайона в Англии); РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 349 (Лакаса Л. Современные проблемы планировки микрорайона в Англии).

¹⁶⁹ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 194. (Экспертные заключения по экспериментальным проектам микрорайонов за 1946 г.); Косенкова Ю. Л. Конкурс на составление экспериментальных проектов жилого микрорайона советского города // Архитектурное наследие. 1996. Вып. 40. С. 177–184.

функционального решения жилых зон. Кроме того, само существование относительно автономных социально-бытовых объединений в их собственной архитектурно-пространственной оболочке расценивалось как угроза господствующей идее целостности советского города и советского общества — «самостоятельные городки, оторванные от целого» были недопустимы¹⁷⁰. Это неприятие было перенесено на оценку западной идеи микрорайона как автономного «соседства» с неподконтрольными государству социальными связями: «стремление западноевропейских и американских планировщиков организовать микрорайон как замкнутый в себе социально-бытовой и территориальный организм ведет к отрыву и изоляции микрорайона от массовой общественно-политической деятельности, от общей жизни города. Такая трактовка микрорайона должна быть решительно осуждена как противоречащая структуре социалистического города»¹⁷¹. Всплеск интереса в середине 1940-х годов и к западным, и к предшествующим советским поискам, порожденный крупномасштабной задачей послевоенного восстановления городов, оказался кратковременным. Проблема была «заморожена» до начала осуществления политики массового жилищного строительства эпохи Н. С. Хрущева, когда идея микрорайона и в целом модульной структурной организации селитебных зон вновь стала актуальной.

Можно утверждать, что концептуальные поиски конца 1950-х — начала 1960-х годов опирались на теоретические разработки и практику 1930-х годов, даже если это не декларировалось публично. Речь идет прежде всего об идеологии «социалистического» квартала не только как планировочной единицы, а как социального организма; о формировании ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания; о методе последовательного иерархического структурирования городского пространства и его конструировании из стандартизированных модульных единиц. Речь идет также в целом об унификации принципов планировки и застройки, иначе говоря — концепции стандартизации городской среды. Эти основы теории и практики планирования индустриального города сохраняли актуальность вплоть до конца советской

¹⁷⁰ Мостаков А. М. Квартал в системе города // Архитектура СССР. 1940. № 9. С. 4.

¹⁷¹ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 194 (Экспертные заключения по экспериментальным проектам микрорайонов за 1946 г.). Л. 6.

эпохи. Однако попытки задать методами организации городского пространства специфическую «технология жизни», основанную на функциональном детерминизме, как и попытки игнорировать стихийное начало города как живого организма, оказались технократической утопией и породили поиски новых принципов организации и структурирования городской среды.

ИДЕИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Великая Сибирская железнодорожная магистраль, построенная на рубеже XIX–XX веков, предопределила перспективы преобразований восточных регионов России вплоть до настоящего времени. Самая протяженная железная дорога в мире, в кратчайшие сроки проложенная через непроходимую тайгу, топкие болота, широкие реки и скалистые горы, представляла собой грандиозное техническое сооружение. Она послужила могучим рычагом перестройки территориальной организации производительных сил восточных районов страны.

Железная дорога, имевшая для Сибири неопределимое значение, нанесла непредвиденный удар по экономическому состоянию одного из старейших русских городов Сибири — Енисейску. Она обошла его стороной, а «город оказался одиноким и всеми покинутым»¹⁷². В начале XX века очевидцы отмечали, что «Енисейск положительно производит впечатление города, остановившегося в своем развитии; безлюдье и тишина улиц, обилие запертых железными дверями и ставнями лавок, отсутствие стука экипажей и грохота телег, ряды темных неосвещенных окон в пустых домах, всё это показывает, что город идет не вперед, а назад в своем развитии»¹⁷³.

Однако, несмотря на столь удручающую предысторию, представители передовых общественных кругов Енисейска видели будущее развитие города и уезда в дальнейшем освоении природных богатств Сибири. Непременное возрастание значения города, в том числе как морского порта, местные власти связывали с постройкой новой железнодорожной ветки: «Железные дороги Ачинск — Енисейск или Томск — Енисейск получают тогда только свое важное колонизационное значение, когда они будут привязаны к Северному морскому пути; массовое передвижение сибирских грузов может действительно наступить, когда морские суда будут непосредственно без перегрузки в устье

¹⁷² ГАТО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 543 (Доклад Енисейской городской управы о возбуждении ходатайства о сооружении в г. Енисейске глубокого водного речного порта и очерк Енисейского городского общественного управления «Енисейский уезд и Туруханский край в экономическом отношении». 1917 г.). Л. 18 об.

¹⁷³ Енисей. 1902. № 121. 13 октября.

Енисея на речные суда подходить к Енисейску у окончания железной дороги, которая в свою очередь будет подвозить сибирские грузы из более отдаленных районов, тяготеющих к этому пути, и Енисейск должен сделаться внутренним отправным пунктом»¹⁷⁴.

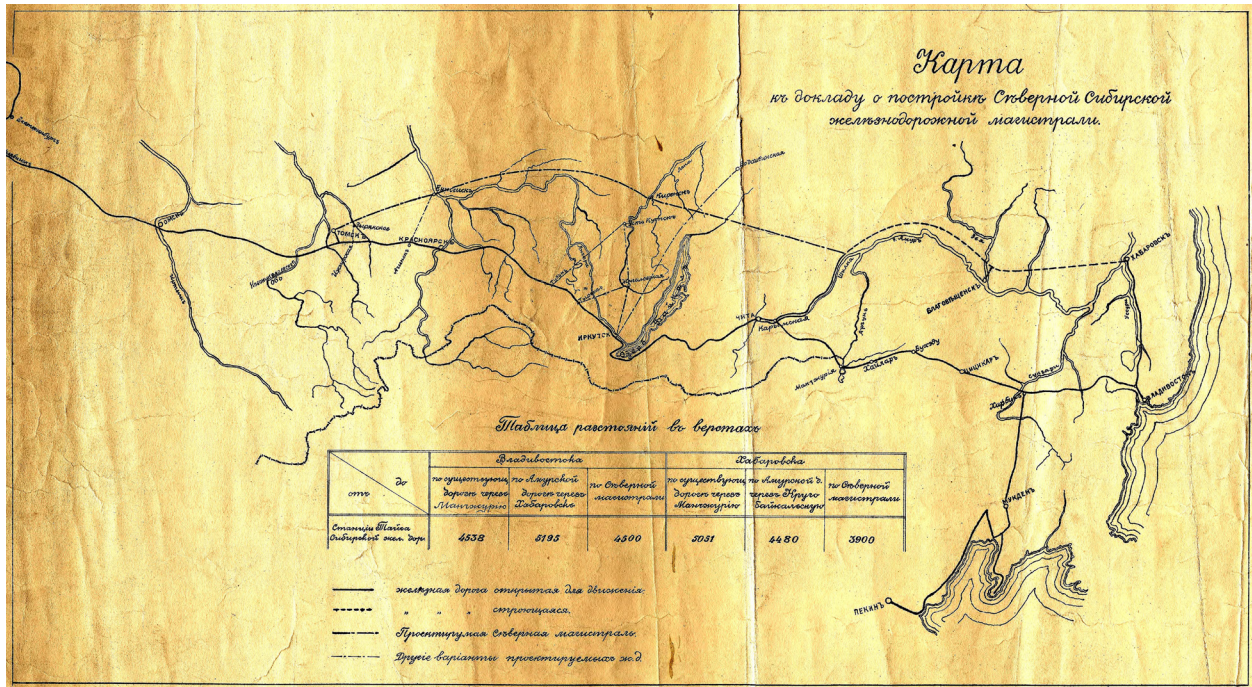
В начале 1913 года в Министерство путей сообщения поступила докладная записка из городского управления Томска, содержащая обоснование идеи строительства Северно-Сибирской магистрали. Город Томск (как и Енисейск), обойденный однажды Сибирской железной дорогой, естественным образом был озабочен «восстановить свое было первенствующее значение среди сибирских городов»¹⁷⁵. Военно-стратегическое значение будущей Северной магистрали (Томск — Енисейск — Киренск — Амурская железная дорога) обеспечивало надежные связи с Дальним Востоком. Важной задачей являлось экономическое оживление всего Северного края, «изобилующего неисчислимыми ископаемыми богатствами», а также приобщение к общей культурной жизни сибирских районов от Оби до Амура.

Головным участком Северной магистрали намечалась железная дорога Томск — Енисейск. Енисейская городская дума, окрыленная успешными перспективами, вновь занялась деятельностью по созданию грузового перевалочного порта на Енисее: «Железная идти навстречу интересам судоходства, как и будущности Енисейска, постановлением своим от 7 августа 1913 года определила: отдать в вечное владение ведомству путей сообщения часть городских земель в количестве, какое потребуется, по усмотрению министерства, для нужд затона»¹⁷⁶. В сопроводительных документах, предназначавшихся для правительственных чиновников, давалось обобщенное видение важнейших проблем и прогнозов: «Енисейское городское общественное самоуправление выдвигает в настоящей записке только самые наиболее важные вопросы края. Без разрешения этих вопросов немислимо дальнейшее движение вперед. Северный морской путь и железная дорога — это минимум того, что должно быть сделано безусловно. Полный расцвет экономической жизни края сделается возможным тогда, когда Сибирь получит демократическое земство, когда городские самоуправления будут реформированы,

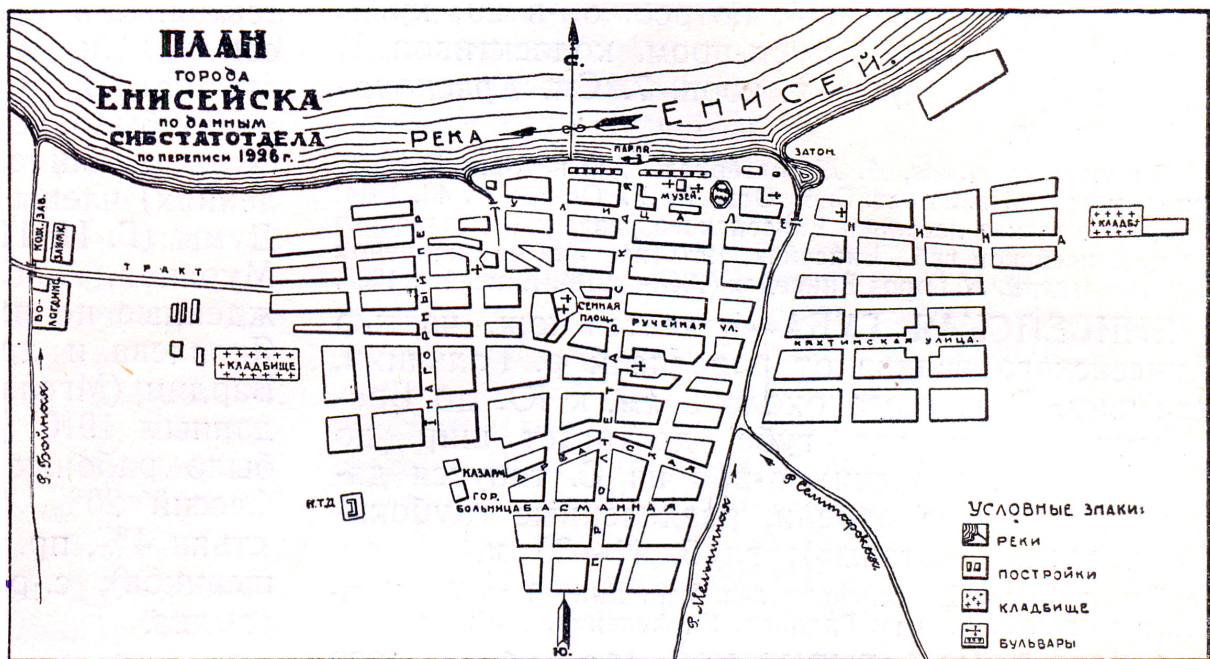
¹⁷⁴ ГАТО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 543. Л. 5.

¹⁷⁵ Архив города Енисейска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 24 (О проведении железнодорожного пути между Енисейском и Ачинском, Енисейском и Томском. 1913–1919 гг.). Л. 18 об.

¹⁷⁶ ГАТО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 543. Л. 5 об.

Карта к докладу о постройке Северной Сибирской железной дороги. 1910-е гг.
 Источник: Архив города Енисейска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 23 (О проведении железнодорожного пути между Енисейском и Ачинском. 1906–1913 гг.). Л. 58

План города Енисейска по данным Сибстатотдела по переписи 1926 г.
 Источник: Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадковского [и др.].
 Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. Т. 1: А–Ж. Стб. 886

когда основные вопросы государственной жизни получают разрешение в духе прогресса, культуры и общественности»¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Там же. Л. 20 об.

Однако идеям, возникшим в далеком сибирском городе Енисейске, не суждено было осуществиться в начале прошлого столетия, так как приближалось время великих потрясений, значительно изменивших всю Россию.

В первые десятилетия советской власти Енисейск находился в глубокой стагнации, что было отражено в Сибирской советской энциклопедии (1929 г.): «С упадком золотопромышленности и проведением сибирской магистрали Енисейск начал замирать и за последние 30 лет (1897–1926 гг.) его население сократилось на 50% (1897 г. — 11 535, 1926 г. — 5957 человек). Главные занятия жителей: ремесла, извоз, служба, отхожие заработки и в незначительной степени сельское хозяйство. Перспективы развития Енисейска находятся в зависимости от присоединения его к Сибирской железнодорожной магистрали и от развития золотопромышленности в Енисейском золотоносном районе, а также и дальнейшей колонизации северной части Красноярского округа»¹⁷⁸.

В 1920–1930-х годах архитектурный облик Енисейска претерпел немало первых утрат, лишивших его прежнего очарования. В соответствии с идеологическими установками новой власти, устремленными, как казалось тогда, в светлое будущее, резко разрывались все связи исторической преемственности, полностью отрицалась культурная ценность застройки ушедших эпох. В результате была уничтожена большая часть городских доминант церквей и соборов. По воспоминаниям коренных жителей: «Война с религией началась с первых дней 1920 года, и здесь, в Енисейске, первое насилие нанесено ей изъятием церковных ценностей в 1922 году как действием, проведенным во всероссийском масштабе. В следующем году в Первомайские празднества наглая насмешка над народной совестью устроена была над могилою чтимого простым народом старца Даниила. Могила была разрыта, кости разбросаны на земле и сфотографированы, а череп передан в музей. При ликвидации женского монастыря снесена была и каменная часовня над прахом этого старца»¹⁷⁹. В 1923 году была

¹⁷⁸ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / под общ. ред. М. К. Азадовского [и др.]. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. Т. 1: А–Ж. Стб. 886–887.

¹⁷⁹ Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг. / Сибирский федеральный университет; Енисейский краеведческий музей имени А. И. Кытманова; ред.-сост. М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. Ульверт; вступ. ст. А. П. Дворецкой, Н. В. Поздеевой. Красноярск: Поликор, 2019. С. 322–323.

закрыта и взорвана Христорождественская церковь, построенная в 1755 году, а также «превратили в кучи мусора и камня гостиный двор с 60-ю лавками и стольким же числом кладовых, постройка коего относится к первой половине того же XVIII столетия»¹⁸⁰. Только за первое десятилетие советской власти в Енисейске было «сломано 14 каменных зданий и не менее трех десятков деревянных домов и дворовых служб, построено же одно здание водного транспорта да общественный клозет»¹⁸¹.

В довоенный период разрушению подверглись многие старинные здания Енисейска. Исчезла былая привлекательность речной панорамы города, о чем с горечью вспоминали жители: «Постепенно да помаленьку год от года Енисейск теряет свою прежнюю физиономию „старого Кремля“, украшенного со стороны реки рядом красивых церквей, блестящих на солнце крестами и маковицами, солидными каменными зданиями и густолиственной зеленью городского бульвара. В момент, когда я пишу эти строки, перед глазами стоят полуразрушенные здания, груды щебня и мусора, смытые водою и дождем взвоза и набережные и почти целые кварталы пустырей, по которым публикою проложены уже проезжие дороги, сокращающие путь с одной улицы на другую»¹⁸².

За годы советской власти в Енисейске получили некоторое развитие предприятия, связанные с обслуживанием пароходства на Енисее и с местными нуждами. Например, Енисейские центральные ремонтно-механические мастерские, располагавшиеся в устье реки Мельничной, были предназначены для ремонта лесозаготовительного оборудования лесников Енисея и Ангары. Судостроительная верфь на базе существовавшего Енисейского лесозавода выпускала деревянные баржи.

В 1930 году вновь возродилась идея строительства железной дороги от Томска до Енисейска («Сибстрой»), но трасса дошла лишь до берега Чулыма (ныне станция Асино), а много позднее, в 1977 году, ветку протянут до станции Белый Яр. По окончании Великой Отечественной войны всплыла идея связать Енисейск железной дорогой с Большой землей, причем — напрямую с Красноярском, но и ей не суждено было

¹⁸⁰ Там же. С. 361.

¹⁸¹ Там же. С. 361–362.

¹⁸² Там же. С. 442–443.

Енисейск. Общий вид Спасского мужского монастыря. Фотография 1965 г.
 Источник: ГАКК. Ф. 2548. Оп. 3. Д. 2 (Заключение о художественной и исторической ценности построек бывшего Спасского мужского монастыря в городе Енисейске Красноярского края. 1965 г.) Л. 11

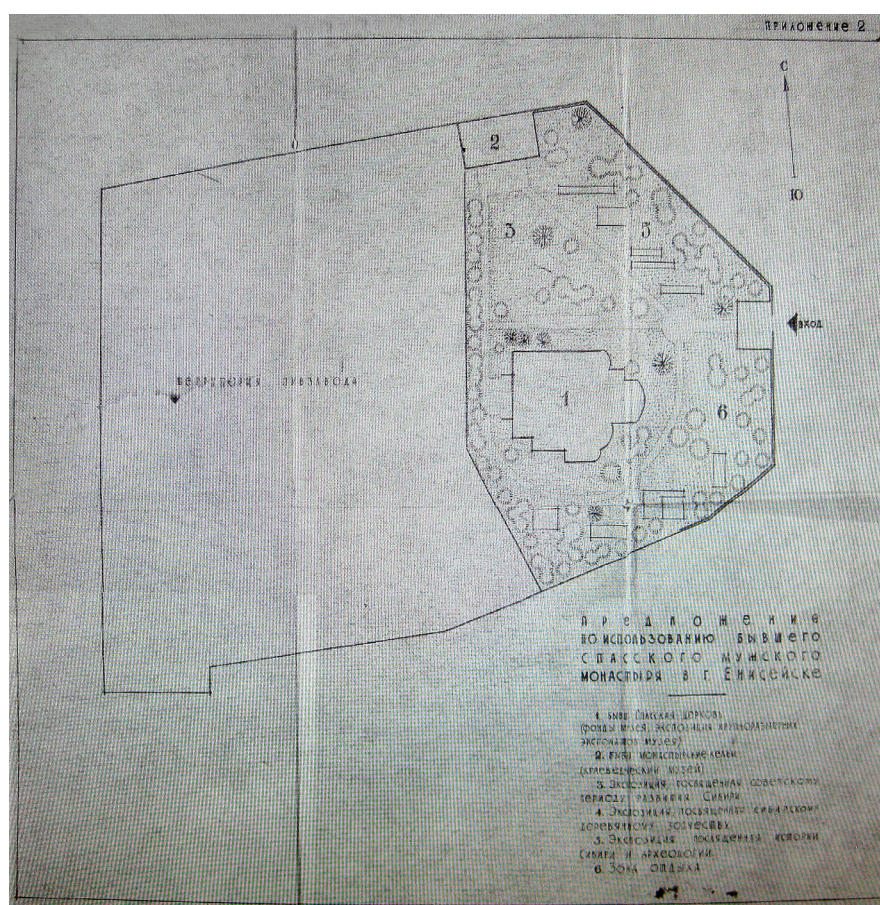

Схема предложений по использованию бывшего Спасского мужского монастыря в г. Енисейске. 1965 г.
 Источник: ГАКК. Ф. 2548. Оп. 3. Д. 2. Л. 26

сбыться. В 1955–1966 годах была построена одноколейная железнодорожная ветка Ачинск—Абалаково (с 1975 года—город Лесосибирск), которая не дошла до Енисейска всего 50 км¹⁸³.

Енисейск, находившийся в стороне от главных транспортных коммуникаций Сибири, пребывал в состоянии провинциальной отсталости до конца XX века. Однако именно благодаря этому в нем сохранилась самобытная образно-пространственная среда, которая, несмотря на утрату большинства храмов, всё еще богата памятниками истории, народной архитектуры, каменного зодчества¹⁸⁴.

В первые послевоенные годы в стране стали осуществляться мероприятия, связанные с выявлением и сохранением объектов исторического наследия, а вскоре вышло Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры». В 1950 году был утвержден «Список исторических памятников Красноярского края», в который вошли пять объектов города Енисейска, три из которых получили статус памятников общесоюзного значения, а два—республиканского и местного значения¹⁸⁵. Все они были связаны с историей революционного движения в Сибири. Например, в списке памятников оказался бывший Енисейский мужской монастырь, в котором в 1830 году содержался ссыльный декабрист Н. С. Бобрищев-Пушкин. В 1965 году архитекторы составили заключение о художественной и исторической ценности монастырских построек, в котором делались выводы о необходимости «незамедлительно поставить весь комплекс бывшего Спасского монастыря на учет в комиссии по охране памятников, принять меры к недопущению его разрушения, произвести детальный обмер и приступить к изучению и реставрации этого памятника архитектуры»¹⁸⁶.

На основании выводов заключения были составлены предложения по использованию территории и построек монастырского комплекса, которые в те годы занимал

¹⁸³ Кузнецов А. Лесосибирская одноколейка // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2019. № 5 (75). Октябрь. С. 20.

¹⁸⁴ Царёв В. И., Можайцева Н. В. Градостроительная летопись Енисейска XVII–XX веков. Красноярск: КрасГАСА, 2005.

¹⁸⁵ ГАКК. Ф. 2548. Оп. 1. Д. 3 (Список исторических памятников Красноярского края, утвержденный решением исполкома крайсовета от 12.06.1950 г. № 673. 1950 г.). Л. 10–11, 27.

¹⁸⁶ ГАКК. Ф. 2548. Оп. 3. Д. 2 (Заключение о художественной и исторической ценности построек бывшего Спасского мужского монастыря в городе Енисейске Красноярского края. 1965 г.). Л. 10.

пивоваренный завод. Предлагалось часть монастырской территории передать в пользование краеведческому музею, отделив участок пивзавода глухим забором и зелеными насаждениями.

Эти предложения не нашли отражения в первом проектном плане Енисейска советского периода, выполненном специалистами института «Красноярскгражданпроект» в 1966 году. В городе, как и во всех сибирских регионах тех лет, планировалось сохранить существовавшие и разместить новые промышленные предприятия для реализации грандиозных планов индустриализации восточных районов страны. Проблемы охраны памятников исторического наследия Енисейска не нашли должного отражения и в последующем генеральном плане города, разработанном специалистами Ленинградского Гипрогора в 1969 году, так как в стремительном порыве научно-технического прогресса российские города заполнялись бесконечными типовыми районами, безжалостно вытеснявшими старинную застройку.

На рубеже 1960–1970-х годов, казалось, в общество пришло осознание важной роли исторических объектов в формировании городов, что стало причиной выхода Постановления Госкомитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 от 31 июля 1970 года «Об утверждении списка городов и других населенных мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую ценность»¹⁸⁷.

В список 115 исторических городов и населенных мест РСФСР, имевших ценные градостроительные ансамбли и комплексы, природные ландшафты и древний культурный слой, был включен Енисейск. Специалисты Московского треста «Росреставрация» подготовили заключение по существовавшей городской застройке, в котором было отмечено, что архитектура Сибири до настоящего времени еще мало изучена и ждет своего исследователя, а по Енисейску были высказаны пожелания

¹⁸⁷ ГАКК. Ф. 2548. Оп. 1. Д. 9 (Документы по охранным мероприятиям исторического города Енисейска. 1970–1981 гг.). 94 л.

о создании охранных зон для отдельных памятников архитектуры и для всего города в целом, о возможно полной реставрации церквей, о создании в городе туристического центра¹⁸⁸.

Во второй половине 1970-х годов в Московском институте «Спецпроектреставрация» был разработан проект охранных зон и зон регулирования застройки памятников архитектуры, истории и культуры города Енисейска (утвержден в 1981 г.)¹⁸⁹. Он был выполнен с обширным научным искусствоведческим анализом историко-архитектурной ценности памятников зодчества прошлых эпох и являлся важным и своевременным документом, способствовавшим сохранению памятников архитектурного и культурного наследия города¹⁹⁰. В проекте впервые появились предложения по планировочной организации исторических зон города с целью их сохранения и восстановления. Они были направлены на выявление исторических памятников, на разработку и осуществление охранных мероприятий в зонах наибольшей концентрации памятников архитектуры и истории. По результатам проведенных исследований московские специалисты выполнили проекты реставрации Спасского и Богоявленского соборов, а в Красноярском филиале Сибирского института «Спецпроектреставрация» — проекты реконструкций Гостиного двора, присутственных мест, мужской гимназии и купеческих домов. В начале 1980-х годов в Енисейске под государственной охраной находились 56 памятников истории и культуры, из них 46 памятников архитектуры, на которых производились ремонтные работы фасадов, продолжались реставрационные работы по памятнику архитектуры Спасскому монастырю. На основании материалов проекта намечалась корректировка генерального плана Енисейска¹⁹¹.

Однако значительное количество памятников архитектуры использовалось без учета их архитектурно-художественной и исторической значимости. Например, Троицкая церковь оставалась приспособленной под гараж и мастерские, Богоявленский

¹⁸⁸ Там же. Л. 12–13.

¹⁸⁹ ГАКК. Ф. 2548. Оп. 3. Д. 40 (Проект зон охраны памятников истории и культуры г. Енисейска. Пояснительная записка. Т. 1. Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Москва, 1978 г.). 83 л.

¹⁹⁰ ГАКК. Ф. 2548. Оп. 1. Д. 9. Л. 66.

¹⁹¹ Там же. Л. 83–84.

Енисейск. Спасо-Преображенский мужской монастырь после реставрации. Фотография авторов, 2017 г.

собор — под котельную, в охранной зоне Спасского монастыря всё еще находились пивоваренный завод и овощехранилище¹⁹².

С учетом материалов работы института «Спецпроектреставрация» был выполнен очередной проектный план Енисейска (Красноярскгражданпроект, утвержден в 1985 г.), в котором кварталы исторического ядра Енисейска предлагалось реконструировать в комплексы, составляющие единое средовое пространство. Основные положения генплана предусматривали планомерное и комплексное развитие города как административного центра района и как города-памятника истории и культуры республиканского значения¹⁹³. Планировалось увеличение численности населения города с 22,5 тыс. человек (1982 г.) до 32 тыс. человек на расчетный срок¹⁹⁴.

На рубеже XX–XXI веков в Енисейске, всё еще находившемся вне системы региональных транспортных коммуникаций и под влиянием затухания социально-экономической деятельности в стране, значительно снизились темпы градостроительных

¹⁹² ГАКК. Ф. 2548. Оп. 1. Д. 32 (Документы по охраняемым мероприятиям исторического города Енисейска. 1982–1988 гг.). Л. 27.

¹⁹³ Там же. Л. 53.

¹⁹⁴ Там же. Л. 55.

преобразований, остановились работы по сохранению и реставрации историко-архитектурного наследия.

В начале XXI века наступил переломный момент в истории города, связанный с выходом правительственного указа «О праздновании 400-летия основания г. Енисейска Красноярского края» (23 июня 2014 г.). Был создан полномочный оргкомитет, намечены основные мероприятия, приуроченные к юбилейной дате — 2019 году. В рамках поставленных задач осуществлялась беспрецедентная по размаху работа по реставрации и приспособлению к современному использованию объектов культурного наследия. В ходе пятилетних реставрационных работ проведены масштабные археологические раскопки в границах выявленного объекта культурного наследия «Енисейское городище». Результатом данных работ стали обнаружение и сохранение значительного количества археологических артефактов, составляющих уникальную коллекцию предметов материальной культуры и быта жителей Енисейска XVII–XIX веков. Празднование 400-летия Енисейска стало отправной точкой для возрождения его исторического наследия. Работы по сохранению старинных зданий в городе Енисейске планируется продолжить и после юбилейной даты. Предполагается развивать туристический потенциал этого исторического поселения¹⁹⁵.

За прошедшие четыре столетия со дня основания Енисейска этот один из старейших русских городов Сибири испытал периоды яркого расцвета, когда на берегах Енисея бурно кипела деятельность, направленная на покорение новых неизведанных земель, и долгие десятилетия тихого существования в качестве маленького провинциального городка. В настоящее время вновь поднимаются вопросы о дальнейших перспективах города, о его месте и роли в экономическом развитии Сибири XXI века. Для более глубокого осмысления поставленных вопросов и поиска ответов на них, на наш взгляд, следует обратиться к относительно недалекой истории — в начало прошедшего столетия, когда городские власти настойчиво пытались искать пути выхода города из состояния стагнации и создать привлекательный образ будущего Енисей-

¹⁹⁵ Гутенков П. Е. Юбилей и масштабная реставрация // Наследие народов Российской Федерации. 2019. № 2/3. С. 6–9.

ска¹⁹⁶. Рассмотренные материалы о проблемах формирования Енисейска наглядно демонстрируют неразрывную взаимосвязь исторического процесса развития отдельного города и региона в целом. Социально-экономические преобразования Сибири определяются масштабными проектами строительства транспортных коммуникаций, в том числе новым этапом обустройства Северного морского пути. Принцип исторической преемственности, который должен являться основой составляемых сегодня прогнозов развития восточных территорий страны, позволит определить достойное будущее старинным городам Сибири.

¹⁹⁶ Царёв В. И., Царёв В. В. Прогнозы и практика модернизации городов Центральной Сибири в XIX—начале XX века // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 1 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2022. С. 145–169.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ И ГРА- ДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

Идеи, заложенные в понятие «устойчивое развитие», имеют достаточно давние традиции. Впрочем, на мой взгляд, более подходящим переводом на русский язык ставшего актуальным в последние годы словосочетания *sustainable development* мог бы быть привычный для нашего уха термин «стабильное, или сбалансированное развитие». Если ограничить глубину истории его формирования рубежом XIX и XX веков, то многие отечественные и зарубежные исследователи полагают, что идеи поддержания **глобального динамического равновесия**, необходимости в постоянной адаптации социумов к любым изменениям природной среды, которые стали позднее ядром концепции устойчивого развития, впервые были высказаны русскими учеными-космистами — Богдановым, Циолковским, Вернадским, Чижевским и другими. Их философия монизма утверждала единство человека и мира во всех его проявлениях, гармонию человека и техники, эволюцию человека и его преобразовательной деятельности, оказывающей воздействие на природу и видоизменение облика Земли.

Современная концепция устойчивого развития основывается на общей теории систем конца 1940-годов американского биолога-теоретика Л. Берталанфи и бельгийца (русского происхождения) физико-химика И. Пригожина, который перенес ее на структуры бытия. А также на фундаментальном законе кибернетики английского ученого-психиатра У. Р. Эшби относительно прогнозирования экономической и практической целесообразности разрабатываемой системы. В 1948 году американский математик Н. Винер кибернетику¹⁹⁷ определил как науку о связи и управлении как в живых организмах, так и в машинах, а в 1960-х годах британский ученый С. Бир расширил теоретическую базу кибернетики кроме экономических еще и на социальные системы.

¹⁹⁷ Кибернетика — от греческого термина «искусство управления».

Вместе с тем первопроходцем в создании теории систем, кибернетики и позднее синергетики¹⁹⁸ в настоящее время повсеместно признан русский ученый и мыслитель Александр Александрович Богданов. Его трехтомный труд «Всеобщая организационная наука: Тектология», трактуемая автором как «учение о строительстве» (от греческого «тектон»), была опубликована частями с 1913 по 1922 год. Свою концепцию Богданов называл «идеологией современного технического прогресса». По мнению Богданова, тектология, как философия нового уровня, должна была вобрать в себя знания, полученные всеми науками в истории человечества. Он предполагал, что эта «организационная наука» со временем сформирует и новые общественные отношения и поможет осуществить переход к новому интегральному устройству общества, в котором фактор неорганизованности, отражающийся в существующих социальных противоречиях, будет преодолен. Идеи Богданова были развиты его единомышленником Николаем Ивановичем Бухариным в «Теории подвижного равновесия», которая содержала основные положения системного подхода и теории самоорганизации систем. Как известно, в России теории Богданова и Бухарина были подвергнуты критике и преданы забвению на долгие десятилетия. Только в середине XX века они были заново прочитаны и послужили фундаментом для формирования современных теорий и, в частности, концепции устойчивого развития.

К концу второго тысячелетия стало ясно, что тот путь развития, по которому уже несколько веков идет развитие цивилизации, рано или поздно приведет к глобальному кризису. Очевидно, что запасы ресурсов на планете ограничены и стремительно сокращаются, что биосфера не справляется с переработкой загрязнений, что разрушение природных экосистем становится причиной негативных изменений природной среды, а основными источниками загрязнений являются города, которые неуклонно разрастаются и множатся.

В начале 1980-х годов, в контексте всё более нарастающих темпов потребления и технического прогресса, обозначились экологические проблемы в масштабах всей планеты, которые требовали решения. Образованная при ООН Международная комиссия по

¹⁹⁸ Синергетика — от греческого понятия «сотрудничество для образования целостной системы».

окружающей среде и развитию в 1983 году в качестве декларации подготовила и предложила мировому сообществу «Принципы устойчивого развития». В последующие годы было проведено несколько форумов, в том числе в Москве в 1990 году, под девизом «За выживание человечества», и разработаны официальные документы в качестве международных обязательств по их выполнению. К 2010 году рабочей комиссией ООН были сформулированы следующие признаки устойчивого города: это город, который не потребляет больше энергии, чем производит; не производит больше отходов, чем может переработать; не является токсичным для себя или соседних экосистем; его социальный порядок отражает принципы честности, справедливости и разумного равенства; это город, который обладает хорошей планировкой, обеспечивающей высокую пешеходную доступность. «Зелеными» городами были названы Рейкьявик (Исландия), Цюрих (Швейцария), Бристоль (Великобритания), Мальме (Швеция) и Копенгаген (Дания).

Важной вехой в борьбе за устойчивое развитие стало Парижское соглашение 2015 года, которое призвало страны, участницы конвенции ООН об изменении климата, к разработке собственных конкретных планов по сокращению к 2050 году глобальных выбросов в два раза, а к концу XXI века — их к нулю.

Исходя из разных методик подсчета, города производят от 40 до 70% глобальных выбросов, влияющих на загрязнение природной среды. Британские архитекторы Норман Фостер и Ричард Роджерс были одними из первых, кто обозначил важную роль архитектуры в движении к устойчивому развитию.

Основываясь на собственном опыте, архитектурное бюро Фостера (Foster + Partners) пришло к выводу о том, что существующая на тот момент экологическая сертификация устойчивости зданий недостаточна для достижения целей Парижского соглашения по ограничению повышения глобальной температуры в указанные сроки до полутора градусов по Цельсию. В 2019 году Фостер опубликовал Манифест устойчивого развития, разработанный совместно с коллегами, в котором предложил свою методологию профессиональному сообществу. Этот манифест, по мнению его авторов, показывал проектировщикам возможные пути достижения желаемых целей. Разработанная методика имела более широкий охват и предназначалась для количе-

ственной оценки общего объема выбросов углекислого газа, производимых не только в процессе эксплуатации, но в течение всего срока службы здания, включая его проектирование, строительство, отделку и будущую реконструкцию.

Хотя качество проектирования и строительства в наибольшей степени определяет перспективы сокращения загрязнения среды и благоприятного существования в городах, архитектура и урбанистика, как виды деятельности, сегодня наименее представлены среди прочих групп ООН, разрабатывающих стратегию устойчивого развития. Вопросы, связанные с проблемой выбросов углекислого газа от зданий, впервые были рассмотрены только на климатической конференции 2022 года. Чтобы исправить такое положение Норман Фостер подготовил текст декларации с изложением принципов устойчивого и инклюзивного проектирования в градостроительстве и архитектуре. Эта декларация получила название «Декларация Сан-Марино» по названию места, где она была ратифицирована и символически подписана известными архитекторами-участниками 83-й сессии Комитета ООН по градостроительству, жилищному хозяйству и землепользованию в октябре 2022 года¹⁹⁹. Эту декларацию этических стандартов для архитекторов и урбанистов Фостер расценивает как клятву Гиппократа. Архитекторы, говорится в декларации, «держат в руках ключ к более устойчивому будущему»²⁰⁰, а стороны, подписавшие декларацию, должны взять на себя обязательства проектировать здания и города таким образом, чтобы ограничивать затраты энергии и использовать только устойчивые — возобновляемые источники, собирать и использовать дождевую воду, ограничивать применение других природных ресурсов, а также использовать переработанные материалы, где это возможно; осознавать в своей деятельности социальную ответственность перед обществом.

Ниже полностью приведены принципы Декларации по устойчивому городскому дизайну и архитектуре, предложенные для климатической конференции ООН.

Ориентированность на людей, социальная ответственность и инклюзивность: городское планирование, дизайн и архитектура должны поощрять и поддер-

¹⁹⁹ Hahn J. Architecture “lagging behind all other sectors” in climate change fight says IPCC report author. URL: <https://www.dezeen.com/2022/04/06/ipcc-cl>.

²⁰⁰ Draft San Marino Declaration. URL: <https://unece.org/isu/documents/2022/05/session-documents/draft-san-marino-declaration>.

живать социальную ответственность и интегрировать разнообразие и равенство посредством должного учета потребностей отдельных лиц и домохозяйств всех рас, возрастных групп, пола, культуры, способностей и уровня доходов.

Культурная самобытность, ценности и наследие: городское планирование, дизайн и архитектура должны уважать самобытность и культурное наследие мест и зданий, а также культурные ценности и традиции сообществ.

Эффективность и цикличность использования ресурсов: каждый город, городская инфраструктура и здание должны быть спроектированы таким образом, чтобы ограничивать использование энергии, использовать только устойчивые источники энергии, повторно использовать дождевую воду, ограничивать использование других природных ресурсов и сокращать потери ресурсов. Кроме того, каждый город, городская инфраструктура и здание должны, насколько это возможно, по проекту: использовать переработанные материалы; предусматривать возможность повторного использования зданий и пространств для нового — иного назначения; сократить объемы сточных вод и предусматривать их повторное использование; поощрять производство продуктов питания посредством городского сельского хозяйства, предусматривать обустройство садов и парков.

Безопасность и здоровье: каждый город, городская инфраструктура и здание должны основываться на общепризнанных стандартах качества, а также стандартах безопасности для работников и граждан, включая пожарную безопасность. Дома должны обеспечивать комфортное, безопасное и здоровое жизненное пространство, а города и городские пространства должны проектироваться с учетом требований обеспечения безопасности и здоровья граждан; обеспечение безопасных и устойчивых систем передвижения, включая железнодорожные, автомобильные, внутренние водные пути, а также места для прогулок и встреч, зеленые зоны и городские парки, доступные для всех. Портовые города должны обеспечить соответствие портовых сооружений международным стандартам транспорта и безопасности.

Уважение к природе, природным системам и процессам: каждый город, городская инфраструктура и здание должны быть спроектированы таким образом,

чтобы ограничивать их воздействие на экосистему окружающих пространств, в том числе за счет бережного отношения к растениям, животным и другим организмам, а также с вниманием к погодным и природным условиям места их обитания. Это подразумевает проведение предварительной оценки воздействия на окружающую среду, предоставление возможностей для поддержания биоразнообразия, использование натуральных материалов и методов сборки и демонтажа продукции преимущественно с низким уровнем воздействия на окружающую среду. Эти принципы также потребуют от архитекторов уважать самобытность и культурное наследие мест и зданий.

Первоначально сосредоточив внимание на архитекторах, Фостер призвал к соблюдению декларации всех, кто занимается искусственной средой. Свой доклад он сопроводил иллюстрацией собственных проектов последнего времени, таких как Трафальгарская площадь в Лондоне и генплан города Дуйсбурга в Германии.

В проекте реконструкции Трафальгарской площади наиболее значительным шагом было закрытие северной стороны площади для движения транспорта и создание новой широкой террасы, которая формирует более удобный подход к зданию Национальной галереи и связывает ее лестничным пролетом с основным пространством площади. Под террасой находится новое кафе с местами для отдыха на открытом воздухе, что создает комфортные условия для посетителей.

Новый генеральный план центральной части города Дуйсбург, разработанный в бюро Foster + Partners, является развитием ранее успешно реализованного проекта реконструкции района его Внутренней гавани и должен способствовать превращению Дуйсбурга в привлекательный зеленый город с продуманным балансом культуры, бизнеса и высоким уровнем предоставляемых удобств для его жителей. Генеральный план второго по величине города Германии осваивает обширные новые территории для застройки, которые в основном предполагаются для жилья, но также включают офисы, торговые, культурные и развлекательные объекты. В результате ожидается, что население центральных районов города значительно увеличится за счет привлечения жителей более широких социальных слоев с различным уровнем достатка. Прежние

территории парковок и проезжих частей, согласно проекту, должны снова стать частью городского центра для восстановления исторической ткани города, а знаковые сооружения, планируемые для возведения в ключевых точках на въезде в центр города, будут соответствовать изначальным амбициям Дуйсбурга.

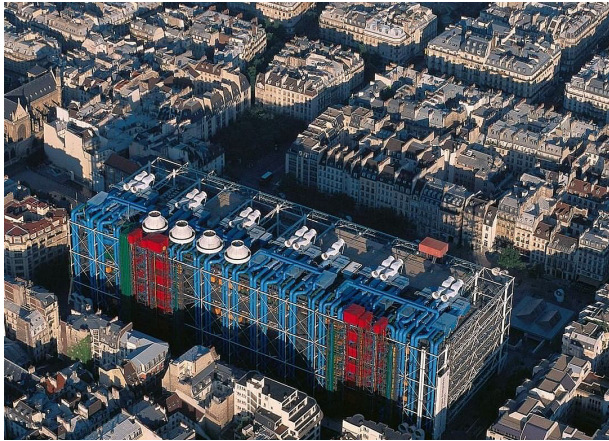
В процессе представления Декларации Фостер также продемонстрировал наиболее важные и показательные примеры из своей архитектурной практики — реконструкцию Рейхстага в Берлине (1999 г.) как «переработанное здание», и штаб-квартиру информационной компании Блумберг в Лондоне (2017 г.) как пример «нового здания» с титулом самого устойчивого офисного здания в мире.

Важным новым шагом, способствующим реализации идей разработанной Декларации, стало создание Института Нормана Фостера на базе Фонда Фостера в Мадриде. Практика показала, что реализация концепций устойчивого развития возможна лишь при системном подходе к процессу проектирования начиная с самых ранних этапов и с участием специалистов в различных областях: социологов, конструкторов, девелоперов, экологов и других специалистов узкого профиля. По словам устроителей институт предназначен для «нестандартных мыслителей, ищущих целостный подход к будущему дизайну городов и управлению ими»²⁰¹. Он начал свою работу в январе 2024 года и будет сочетать обучение в классе с реальным опытом работы на местах в трех «пилотных городах» совместно с городскими планировщиками и администраторами.

Проблема кризисного состояния современных городов и призывы к их гуманизации и поиску путей устойчивого развития впервые были публично озвучены лидером архитектуры хай-тек Ричардом Роджерсом. Уже в 1987 году Ричард Роджерс ввел термин «экосити» — экологически здоровый город. Проблема строительства в крупных городах стала актуальной для него в 1970-е годы в процессе проектирования первых крупных сооружений в Париже и Лондоне — Центра Помпиду и здания страховой компании Ллойд. Первое располагалось в одном из самых депрессивных районов города, а второе — в суперзатесненном центре делового Сити. С начала 1980-х годов, периода массовой приватизации и мало контролируемой застройки центра Лондона

²⁰¹ URL: <https://www.dezeen.com/2023/06/06>.

1

2

1 — Центр Помпиду в Париже. Архитекторы Р. Роджерс, Р. Пиано;
2 — Макет для выставки «Лондон, каким бы он мог быть». Архитектор Р. Роджерс

эпохи тэтчеризма, городские проблемы обозначились особенно остро. Собственные представления о том, на каких принципах должен развиваться город, Роджерс пытался, хотя и безуспешно, представить в нескольких конкурсных проектах, направленных на ревитализацию центра Лондона. В 1986 году вместе с проектами двух других участников выставки «Лондон, каким бы он мог быть» — Норманом Фостером и Джеймсом Стирлингом Роджерс представил в Королевской академии художеств свой масштабный проект обновления Лондона. Эти проекты несколько последующих за выставкой лет экспонировались в RIBA (Королевском институте британских архитекторов), бурно обсуждались, но не воспринимались приемлемыми для реализации в силу радикальности предложений, требующих гигантских финансовых затрат.

Переключив свою энергию в плоскость обсуждений этической стороны архитектуры и связанных с ней проблем социального устройства общества, что для него всегда было первичным в профессии, Роджерс начал выступать с лекциями, в которых поднимал насущные проблемы современных городов. Некоторые из этих лекций были опубликованы. В первой, небольшой по объему книге «Архитектура. Современный взгляд» (*Architecture. A Modern View*, 1990) Роджерс изложил глобальные представления о том, какими могут быть города будущего. Роджерс стал первым среди архитекторов, кто наряду с другими выдающимися деятелями культуры был приглашен для чтения лекций на британскую радиовещательную корпорацию Би-Би-Си. Впервые и убедительно он обратил внимание сограждан на кризисное состояние современных

городов. На то, что все более угрожающие планете экологические проблемы зависят в первую очередь от нерешенных социальных проблем. В 1995 году на основе материалов этих лекций под редакцией коллеги и сотрудника Роджерса в его фирме RRP (Richard Rogers Partnership) Ф. Гумучджяна (Philip Gumuchdjian) была опубликована книга «Города для маленькой планеты» (Cities For A Small Planet). Две главы этой книги имели названия “Sustainable cities” и “Sustainable architecture” («Устойчивые города» и «Устойчивая архитектура»). Эта книга была переведена на многие языки мира и имела громкий международный резонанс, а сам Роджерс стал восприниматься лидером движения к устойчивому развитию городов.

В своих публикациях Роджерс настаивал на том, что использование в архитектуре новых методов проектирования и строительства с применением усовершенствованных инновационных материалов дает мощный инструментарий для более рационального и экономного использования природных ресурсов, а также создания более дешевой, энергосберегающей, экологичной и социально ориентированной архитектуры. В свою очередь, всё это должно обеспечить для широкой массы людей более высокий жизненный и культурный уровень и способствовать развитию городов в гармонии с человеком и природой. Большинство градостроительных проектов Роджерса были направлены на решение именно этих проблем. По мнению многих исследователей творчества Роджерса, наряду с созданием экстраординарных, пионерских по своим новаторским качествам сооружений он внес не меньший, а возможно и более значимый вклад в архитектуру именно как урбанист.

Чтобы выяснить причины всё более ощутимого упадка городов Великобритании конца 1980-х годов, по просьбе британского правительства Ричард Роджерс в 1998 году создал Службу по городским делам. По результатам ее работы был сформулированы более ста рекомендаций по городскому дизайну в документе под названием «О городском возрождении». В двухтысячных годах Роджерс в течение нескольких лет занимал должность председателя в Правлении Большого Лондона по делам городского строительства, а позднее — советника мэра Лондона и Барселоны по градостроительным вопросам. Согласно реализуемому в последние годы градостроительному проекту Род-

1

2

1 — Вид на собор Св. Павла из жилого комплекса Ривер сайд на Южном берегу Темзы, Лондон;
2 — Ландшафтный парк комплекса Ривер сайд, Лондон. Архитектор Р.Роджерс

жерса по ревитализации Лондона, возрождение экосистемы города ведется путем обустройства заброшенных территорий бывших складских зон и доков на Южном берегу Темзы с созданием новых комфортных и разнообразных по своей финансовой доступности зон для жилья. В 2014 году компания Роджерса RSH+P завершила строительство

высотного здания Лиденхолл-122 в центре Лондона. Авторы приподняли его на опорах на высоту семи этажей и смогли организовать под ним новую крытую городскую площадь, что стало весьма актуальным для затесненного района Сити. Отдельной темой в творчестве Роджерса и его компании RSH+P является разработка проектов и строительство жилья эконом класса из типовых сборных компонентов, которое должно соответствовать всем требованиям устойчивой архитектуры.

В архитектурной практике Нормана Фостера принципы экологичности и рациональности являются главными. Еще в годы учебы в Йельском университете (США) Фостер оказался под сильным влиянием идей создания комфортной искусственной среды Бакминстера Фуллера, а позднее стал его единомышленником и коллегой. Громкий резонанс в эти годы имел футуристический проект Фуллера 1960 года, который предполагал создание над Манхеттенем купола с собственным микроклиматом. Про-

1—Проект купола над Манхеттенем, Нью-Йорк. Архитектор Б. Фуллер; 2—Перекрытие двора Британского музея, Лондон. Архитектор Н. Фостер; 3—Здание Свисс-ре, Лондон, Сити. Архитектор Н. Фостер; 4—Выставочный павильон Сейнсбери-центр, Норвич. Великобритания. Архитектор Н. Фостер

странства, образованные с помощью металлоконструкций с собственным регулируемым микроклиматом, можно найти во многих работах Фостера. Это павильон для выставок Сейнсбери-центр в Университете западной Англии, перекрытие гигантского внутреннего двора Британского музея в Лондоне и многие другие.

Здание, построенное в 2004 году для страховой компании Свисс-ре в Лондоне, стало своего рода манифестом его идей. Одна из самых крупных перестраховочных компаний мира, управляющая рисками обычных страховщиков и потерями в случае природных катаклизмов, должна была в новом здании продемонстрировать свое минимальное участие в процессах глобального потепления. Проблему составлял размер отведенного под строительство участка в сильно затесненном деловом районе Сити. Форма и облик этого фаллического по форме сооружения высотой 180 метров, полностью образованного спиралевидной сетчатой конструкцией, были продиктованы отнюдь не авторскими амбициями с претензией на оригинальность. В нем были продемонстрированы возможности оптимального существования архитектурного сооружения в условиях сложного средового контекста. Геометрически выверенная форма и высота объема, расположенного на крохотном участке, обеспечили размещение необходимых рабочих площадей и перераспределили ветровую нагрузку, чтобы снизить завихрения потоков воздуха в узких проходах вокруг здания, а двойная скорлупа остекления позволила совместить искусственную и естественную вентиляцию, управляемую с помощью электроники. Использование солнечных батарей вдвое снизило обычные затраты на обеспечение здания энергией, а компактное размещение офисных пространств вокруг центрального стержня минимизировало затраты на искусственное освещение. В свое время это здание было признано в Великобритании самым экологичным.

Здание, построенное в 2017 году Foster + Partners для лондонской штаб-квартиры информационного агентства Блумберг, по разработанной в Великобритании оценочной шкале BREEM получило рейтинг самого устойчивого офиса в мире с оценкой 98,5% из 100% возможных. BREEM оценивает здания не только по таким очевидным параметрам, как их экономическая и экологическая эффективность, но также по совокупности целого ряда потребительских параметров. Среди них: грамотное

расположение в средовом контексте — объект не должен доминировать или искажать сложившийся облик участка; комфортность как в использовании здания, так и с точки зрения визуального комфорта его восприятия; предоставление условий, способствующих сохранению здоровья потребителей с устройством поблизости озелененных пространств с зонами отдыха; создание условий, обеспечивающих социокультурные запросы граждан в пределах шаговой доступности и удобство транспортного сообщения²⁰². Весь этот перечень предъявляемых к зданию требований был полностью успешно реализован в этом комплексе, удостоенном наиболее престижной в Великобритании премии Стирлинга.

В том же 2017 году в Купертино (Калифорния) был завершен масштабный офисный комплекс Apple Park — штаб-квартиры компьютерного гиганта Била Гейтса. В соответствии с особым статусом заказчика он проектировался архитекторами компании в тесном контакте с сотрудниками Apple на основе идей перфекционизма и считается самым экологичным и самым инновационным кампусом в мире. Здание в виде бублика из стекла площадью 260 000 кв. м функционирует почти полностью на возобновляемых источниках энергии. Благоприятная атмосфера для офисных сотрудников достигается слиянием рабочих пространств с природой за непрерывными стеклянными витражами. Внутри кольца разбит парк и сад для отдыха сотрудников²⁰³.

В 2008 г. компанией Foster+Partners было начато проектирование первого в мире экогорода, будущего с нулевыми выбросами — Masdar City в Абу-Даби (ОАЭ). Проект площадью 640 гектаров является ответом на инициативу правительства Абу-Даби по развитию перспективных жизненных пространств на основе возобновляемых источников энергии и чистых технологий, исключающих использование нефти.

Проект Masdar City рассчитан на 45–50 тысяч жителей и такое же количество приезжающих сотрудников для работы в Институте науки и технологии и головном офисе Международного агентства по возобновляемым источникам энергии. Город должен привлечь специалистов самого высокого уровня и станет центром продвижения новых идей в этой области. Он сочетает в себе современные технологии

²⁰² Bloomberg's European HQ / Foster + Partners. URL: <https://www.archdaily.com>.

²⁰³ URL: <https://www.fosterandpartners.com/projects/apple-park>.

1

2

3

4

Архитектор Н. Фостер: 1 — Штаб-квартира компании Эппл, г. Купертино, Калифорния, США; 2 — Стекланные фасады здания Эппл; 3 — Здание штаб-квартиры информационного бюро Блумберг, Лондон; 4 — Стена с зеленью в рекреационной зоне буфета, здание Блумберг

с принципами планирования традиционных арабских поселений в условиях пустыни. Среди них такие принципы, как конфигурация домов, предполагающая много тени; городские стены, защищающие город от пустынных ветров; ветряные башни на крышах для естественного кондиционирования воздуха и множество фонтанов. Проект

Воздухозаборная башня для охлаждения пешеходных улиц в г. Масдаре. Архитектор Н. Фостер

предусматривает охлаждение воздуха с помощью высокой трубы, затягивающей холодный воздух из верхних слоев. Планируется использовать полностью возобновляемые источники энергии — такие, как солнечные батареи, ветряные электростанции, энергия приливов, геотермальная энергия, водородная электростанция и опреснительные установки морской воды с повторным ее использованием. Сам город должен стать первым современным сообществом в мире, где на улицах не будет автомобилей, работающих на ископаемом топливе. Затененные улицы и дворы, проложенный линейный парк, защищенные от экстремальных проявлений климата, обеспечат возможность пешеходных прогулок. Максимальное расстояние между остановками городского транспорта не будет превышать 200 метров. На территории вокруг города предполагаются ветряные и фотоэлектрические установки, а также поля и плантации для исследовательских работ. Генеральный план предполагает поэтапную разработку и строительство отдельных его частей, чтобы иметь возможность использовать преимущества появления новейших технологий и учитывать уроки, извлеченные в ходе реализации начальных этапов в процессе его реализации²⁰⁴.

²⁰⁴URL: <https://www.fosterandpartners.com/expertise/climate-and-sustainable-design>.

Интерьеры с искусственным микроклиматом для жилья и офисов в г. Масдаре. Архитектор Н. Фостер

Завершение проекта планировалось на 2016 год, но было перенесено на 2030 год, поскольку амбициозные планы сталкиваются как с неопределенностью и изменчивостью самого определения нулевого выброса, так и со сложностями в его реализации, включая огромные финансовые затраты. Когда планировалось завершение строительства, менеджеры отказались от фундаментальной цели проекта — города с нулевыми выбросами парниковых газов. Власти признали, что эта цель не будет достигнута, даже если город когда-либо будет полностью построен. Вместе с тем полученные в процессе проектирования знания уже помогли разработать в Абу-Даби собственную рейтинговую систему устойчивого строительства — «Эстидама». Хотя проект города Масдара представляет собой индивидуальный ответ в условиях его специфического местоположения и климата, лежащие в его основе принципы применимы в любой точке мира. В этом смысле он может рассматриваться как ценный эксперимент с практическим опытом по созданию устойчивых городов будущего²⁰⁵.

²⁰⁵ URL: <https://royaldesign.ua/ru/masdar-city-pervyyiy-v-mire-eko-gorod-buduschego.bX69f/>.

Справедливости ради нужно заметить, что небольшие здания с нулевыми выбросами сегодня уже существуют, но построены они либо из дерева, либо из такого экзотического материала, как конопляный бетон — материал, способный поглощать углерод²⁰⁶.

И всё же история показала, что многое из того, что впервые предлагали лидеры архитектуры хай-тек и казалось невозможным для широкого применения, со временем стало распространенной практикой в архитектуре и строительстве. Внедрение в архитектуру технологических новаций позволило значительно улучшить ее потребительские качества. Переход на новые стандарты, сокращающие нелимитированный расход ресурсов и снижающие загрязнение экологии, постепенно дают ощутимые положительные результаты. Этические проблемы архитектуры, поднятые Роджерсом три десятилетия назад, сегодня становятся значимым пунктом в решении задачи устойчивого и безопасного развития городов. По мнению Фостера, настало время, когда концепция устойчивого развития должна стать современной идеологией. Принципы, обозначенные в разработанной им Декларации, призывают архитекторов и урбанистов к работе по достижению этой цели.

²⁰⁶ URL: https://www.dezeen.com/2023/04/14/aron-himmelfarb-lasting-joy-brewery-tasting-room-hudson-valley-new-york/?li_source=base&li_medium=rhs_block_1.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРЫ

ГЛАВА IV.1.

АРХИТЕКТУРА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Есть основания полагать, что сформировавшееся в XX веке отношение к понятию «современность» во многом изменилось и продолжает меняться у нас на глазах. Это влечет за собой появление нового тренда развития архитектуры, существенно отличающегося от авангардистского новаторства. Задача данной статьи заключается в посильном улавливании происходящих изменений и логическом осмыслении их причин и следствий.

Мировая история полна примеров более или менее радикальных преобразований действительности по политическим и идеологическим мотивам, под влиянием экономических обстоятельств и научно-технических достижений, смены художественных вкусов и мод. Всякий раз возникала некая новая, современная для своего исторического момента культурная парадигма. Сам термин «современность» не содержит претензий на длительное господство, поскольку указывает лишь на сопричастность происходящего какому-то отрезку постоянно текущего и ускользающего времени.

Но в прошлом веке это слово стараниями революционно настроенных политиков, футуристов и лидеров архитектурного модернизма — «Современного движения» — было наполнено иным, гораздо более весомым смыслом, претендующим на радикальное разделение мира на старый и новый. Игра в слова привела к закреплению за понятием «современность» того, что лишь нарождается, противопоставит старине и должно обязательно возобладать в будущем. Всё созданное ранее и существующее обречено на отмирание в силу своей ретроградности, отсталости, «несовременности», то есть несоответствия идеалам модернизма.

Архитектура нового мира

Архитектура авангарда рождалась в условиях эйфории от достигнутых и грядущих достижений научно-технического прогресса. И романтически настроенным футуристам, и прагматически мыслящим архитекторам с инженерным уклоном казалось, что настало время совершить рационализаторскую революцию в сфере всего градостроительства, дабы покончить наконец с хаосом и несправедливостью прежней жизни²⁰⁷. Реальный процесс формирования модернистской архитектуры был не столь однозначен и прост, однако он состоялся. Без твердой веры основоположников и их последователей в истинность избранного пути этого бы не произошло.

В СССР не допустили свободного саморазвития профессии, хотя социалистическая революция породила здесь кардинальные перемены и в жизни, и в архитектуре. Заместившую леворадикальный авангард программу освоения лучших достижений прошлого всё же нельзя определить однозначно как консервативную, ибо она строилась на той же идеологии противопоставления нового старому, на демонстративном отсечении прямых линий исторической преемственности с капиталистической и феодальной формациями. В массовое сознание тогда удалось внедрить мысль о том, что октябрь 1917 года стал точкой отсчета принципиально новой эры, которая будет бесклассовой, коммунистической, непреходяще-счастливой.

Исторические архитектурные формы в 1930–1950-е годы оказывались востребованы постольку, поскольку могли успешно использоваться для нужд современного проектирования. Они теперь целенаправленно ставились на службу современности и уже не имели права вызывать ностальгию по прошлому. Былые романтические настроения как «упаднические» обязаны были уступить дорогу оптимистической романтике строительства нового общества средствами качественно иного — «социалистического» реализма. Реконструкция Москвы наглядно демонстрировала радикальное преобразование многих ее старинных улиц и площадей.

Реформы Н. С. Хрущева отличались резкостью. Многим показалось тогда, что тяжелая страница истории перевернута, «железный занавес» поднялся, настала «отте-

²⁰⁷ Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с франц. М.: Стройиздат, 1976.

пель», за которой последуют бурный рост и процветание²⁰⁸. Отмежевание от истории при этом еще более усилилось — благодаря приобщению к западной модернистской эстетике. Интеллигенцию потянуло к ней, как свежему глотку воздуха. Пробудился интерес и к советскому авангарду, задушенному сталинизмом. К этому добавились зримые практические достижения в естественно-научных и инженерно-конструкторских отраслях, среди которых на передовые позиции вышло освоение космоса. Получилось так, что и «физиков», и «лириков» охватило воодушевление, сходное по сути своей с тем, что было и на заре «Современного движения».

Возник особый стиль, объединивший искренние творческие поиски образа «светлого будущего» с тем, что навязывала официальная идеология агитационного характера. Ситуацию отягощала подавленность архитекторов-проектировщиков гегемонией строительного комплекса. Отсюда проистекает двойственность в оценках достоинств советской архитектуры и искусства 1960–1970-х годов. Слишком много тогда появилось строений, не отвечающих понятию «архитектура». Я помню, как удивлялся тому, что разработчикам некоторых типовых проектов не хотелось, чтобы их авторство становилось известно широкой публике. (Помню и то, как за соседним столом проектировались интерьеры для госдач с обильной барочной позолотой — без оглядки на нормативы и сметы, это тоже признак того времени.)

Ситуацию усугубляло еще и стремление художников-монументалистов обогатить примитивное панельное домостроение плодами своего творчества, отошедшего от соцреализма ради всё того же выражения «духа современности». Зачастую это получалось претенциозно, не очень умело и просто безвкусно. Дело доходило до конфликтов архитекторов с художниками. Мне это известно по работе в ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений им. Б. С. Мезенцева, а потом — во ВНИИТАГе. Особый накал страстей проявился тогда на Украине, где в КиевНИИТАГе было предложено вовсе не считать архитектуру искусством, дабы не зависеть от воли Союза художников. Доктор архитектуры А. П. Мардер в своем фундаментальном труде обосновал тезис о том, что не искусство, а архитектура является высшей формой эстетической

²⁰⁸ Казакова О. В. Понятие «современность» в архитектуре «оттепели» — от этики к эстетике // Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / сост. и отв. ред. О. В. Казакова. М.: Росспэн, 2013. С. 161–173.

деятельности²⁰⁹. При этом «утилитаризм» (определение С. О. Хан-Магомедова) массового индустриального домостроения выглядел удручающе, сколько бы за него ни агитировали.

Но, несмотря ни на что, людей объединяло ощущение принадлежности к обществу «современности», в котором предстоит устранить лишь «отдельные недостатки», как говорилось с высоких трибун. Даже те, кто считал эти недостатки системными, требующими социально-политических перемен, уповали на скорое воцарение во всём цивилизованном мире демократии, справедливости и всеобщего благоденствия. Образ современности излучало манящее будущее.

Утопия или заблуждение?

А. И. Иконников определил главную особенность и беду всей мировой архитектуры XX века словом «утопия»²¹⁰. Из логики его рассуждений следует, что огромную энергию, направлявшуюся на достижение недостижимого идеала, следовало бы потратить на реалистическое жизнестроительство. Это принципиальная позиция, имеющая прямое отношение к рассматриваемому нами вопросу о том, что считать современностью.

Надо напомнить, что во главу угла модернистского движения ставилось решение как раз самых насущных социально-экономических, функциональных и инженерно-технических задач. На американской почве развитие современной архитектуры активно направлялось «философией прагматизма»²¹¹. В Советском Союзе приоритет отдавался тоже решению реальных практических задач. Другое дело, что тут понадобилось выдвинуть на передний план показательные успехи на идеологическом фронте. Вот почему в архитектурно-градостроительной политике советского времени обнаруживаются вопиющие противоречия²¹².

Однако успешное «жизнестроительство» всё же никак не может обходиться без достойного целеполагания, относящегося к сфере культуры и искусства. В противном

²⁰⁹ Мардер А. П. Эстетика архитектуры: Теоретические проблемы архитектурного творчества. М.: Стройиздат, 1988.

²¹⁰ Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2002.

²¹¹ Птичникова Г. А. Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада: На примере США и Швеции: дис. ... д-ра арх. 18.00.01. М., 2005.

²¹² Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к приемам строительства. 2-е изд. М.: URSS, 2009.

случае теряется всякий смысл в обсуждении вопросов архитектуры да и самого понятия «современность», коль скоро это понятие мировоззренческое. В 1930–1950-е годы у нас, как известно, культивировался стилизаторский «ансамблевый» стиль. Там же, где возобладал модернизм, развитие получили художественные приемы абстракционизма — дизайнерские по своей природе. Но и в том и в другом случаях архитектура XX века получилась не столько отвечающей действительным потребностям и чаяниям людей, сколько навязывающей им образы придуманного будущего, к которому будто бы неизбежно и закономерно движется настоящее. Недаром не раз высказывались суждения о принципиальном сходстве модернистского радикализма с тоталитаристским.

Нельзя сказать, что идеология создания нового мира и нового человека была заведомо утопической, то есть благостной, но нереализуемой. Она упорно внедрялась и реализовывалась, разрушая традиции. Ее беда заключалась не в несбыточности, а в той насильственности, с которой унифицировались человеческие потребности, желания и судьбы исходя из предвзятых, якобы объективных и научно обоснованных прогнозных установок, принятых на вооружение господствовавшими политическими режимами. Весьма различными режимами, но имевшими и некоторую общность, свойственную революционно-индустриальной эпохе. Иными словами, модернизация мира получалась отнюдь не лучезарно-утопической, а очень болезненной, обманчивой и просто ошибочной, преследующей зачастую совершенно антигуманные, ложные цели. Вот почему плоды архитектурно-градостроительной деятельности XX века приносили разочарования и вызывали протесты.

На самом деле люди ждут от современной архитектуры гораздо большего, чем она дает им фактически. Они вынуждены смиряться и с примитивизмом, и с формалистическим экспрессионизмом, и с показным традиционализмом как мерами навязанными и временными, но в действительности им нужна среда красивая и разнообразная, умиротворенная и безопасная, человеческая и природосообразная, то есть по-настоящему жизненная, благодатная²¹³. Хорошо, что, несмотря на все лозунги

²¹³ Кузьмин А. В. Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН. М., 2015. URL: http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад_А.В.Кузьмина.pdf.

и преобразования, в XX веке среда эта еще во многом оставалась сложившейся исторически и полустихийно. Новые же проекты, осуществленные и неосуществленные, получались утопическими в том смысле, что не обретали духовной глубины, истинной долговечности. Отсюда и проистекает неудовлетворенность итогами прошлого века, выраженная А. В. Иконниковым и далеко не только им. Вывод таков: архитектура XX столетия, отразив свое время, потеряла теперь право символизировать современность.

Дух модернизма и его преодоление

В последние десятилетия стало принято называть архитектуру времени правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева «советским модернизмом»²¹⁴. С этим определением согласны не все. В частности, Д. Е. Фесенко²¹⁵ и Д. И. Михейкин²¹⁶ настаивают на том, что это было временем постепенного прихода постмодернизма. О появлении и развитии в СССР постмодернистского метода проектирования, нацеленного на преодоление шаблонности массового индустриального домостроения, высказывался и я, приводя примеры из собственного опыта проектирования²¹⁷. Надо признать, что метод этот у нас получился своеобразным, во многом «доморощенным», поскольку мы были в стороне от эпицентра событий, связанных с критикой теоретических постулатов модернизма и с эпатажными творческими попытками создать ему альтернативу. Вдохновляли нас преимущественно шедевры классиков модернизма, в которых акцентировалось внимание на самых ярких индивидуальных художественно-пластических достоинствах.

Заметным признаком перемен в нашей стране, как и во всём мире, стало повышение интереса к архитектурному наследию, формирование поначалу робкого, а потом довольно широкого и уверенного движения за сохранение исторических памят-

²¹⁴ Советский модернизм. Формы времени. [Каталог выставки] / авт.-сост., куратор О. В. Казакова. М., 2012.

²¹⁵ Фесенко Д. Запоздалый расцвет. О постмодернизме в советской архитектуре // Сайт intelros.ru: [ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия]. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/teoriy_arh_processa/6774-zapozdalyj-rascvet-o-postmodernizme-v-sovetskoj-arxitekture.html (дата обращения: 25.09.2021).

²¹⁶ Михейкин Д. И. «Советский модернизм» и начало эпохи постмодернизма // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 1 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб: Архи.ру; Коло, 2022. С. 341–349.

²¹⁷ Бондаренко И. А. О возможности развития города на традиционной основе: архитектурный «ренессанс» Нижнего Новгорода // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 1 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2022. С. 373–386.

ников и ансамблей. Архитекторы-практики начали всё чаще обращаться к образцам прошлых эпох, особенно знаковых для отдельных народов и конфессий. Это допускалось, а иногда и поощрялось, становилось даже обязательным (как в случае, например, ташкентских построек Е. Г. Розанова), но только с оговоркой насчет того, что современному производству архитектуры надо непременно придавать черты и дух «современности». Именно так нас учили в МАРХИ в 1970-е годы.

И позже на всех смотрах, конкурсах и обсуждениях такое требование звучало или подразумевалось как совершенно обязательное. Хорошо помню, как С. О. Хан-Магомедов призывал комиссию по присуждению медалей и дипломов РААСН попросту не принимать к рассмотрению работы, не содержащие признаков новаторства авангардистского толка. Это было тогда, когда уже появились добротные стилизации построек классицизма, модерна и пр. В. Л. Хайт очень сетовал по поводу такой жесткой позиции Селима Омаровича. Другие же члены академии (А. А. Белоконов, например) высказывались в ее поддержку, вплоть до обвинения Владимира Львовича, когда он был вице-президентом РААСН, в поощрении эклектического «дурновкусия».

Вопрос отражал серьезные разногласия между сторонниками демократизации общества, а значит, и профессиональной деятельности, возвращающейся в таком случае в традиционную «сферу услуг», и теми, кого пугала перспектива утраты архитекторами высокомерной прерогативы определять заодно с власти предрежащими структуру и облик городов и всей среды жизнедеятельности в целом. В. Л. Хайт тогда пропагандировал западный «метод соучастия» в архитектурно-градостроительном проектировании простых жителей²¹⁸, а я рассуждал о необходимости восстановления того непосредственного контакта проектировщиков с заказчиками и пользователями, благодаря которому в былые времена и достигался столь высокий художественный уровень архитектуры. Наши противники считали, что это ведет к снижению уровня профессионализма в угоду плебейской массовой культуре.

К сожалению, традиция объединения всех российских архитекторов в одном творческом союзе и одной академии не позволила даже обсудить эти принципиальные

²¹⁸ Хайт В. Л. Проектировщик и потребитель в формировании городской среды // Хайт В. Л. Об архитектуре, ее истории и проблемах. М.: URSS, 2003. С. 384–393.

позиции открыто и всесторонне, не говоря уже о создании противоборствующих течений в теоретической и практической деятельности. Всем было легче придерживаться компромиссов, «дружить» и «закруглять углы».

Полагаю, так получалось потому, что слишком долго современность противопоставлялась истории. Наследие ценилось, но только как свидетельство культурных достижений безвозвратно ушедших эпох. Использование этих достижений казалось возможным лишь в избирательном и нарочито трансформированном, модернизированном виде.

На Западе современная архитектура тоже продолжила контрастировать с исторической, хотя и не всегда так резко, поскольку постмодернизм привел к реабилитации многостилья. Но такие течения, как хай-тек, деконструктивизм, минимализм, даже не попытались достигнуть гармонии с архитектурным наследием. Они продолжили так или иначе интерпретировать всё те же модернистские приемы радикального инженерно-технического преобразования действительности.

При этом позиции либералов и консерваторов по многим вопросам переплелись и спутались. Самое яркое свидетельство тому — беспощадное архитектурное преобразование Сити и других районов Лондона. Оно развернулось в годы правления консерваторов во главе с Э. Тетчер, но продолжилось и при лейбористах, выдвигавших прекрасные лозунги о том, что городское строительство должно быть «этичным» и «дружелюбным»²¹⁹.

Новое чувство современности

И всё же мало-помалу подошло время формирования иного чувства и образа современности. XX век стал историей, для стариков близкой, а для молодежи довольно далекой, вызывающей усиливающийся исследовательский интерес. При этом футуристические прогнозы столетней давности, во многом подтвердившись, оказались вовсе не интересными и даже удручающими. Недаром так много стали говорить об экологии, традиционных культурных ценностях и необходимости гуманизации городской

²¹⁹ Возвышаева Т. И. Между академизмом и практикой. Работы последних лет компании RSH+P // Современная архитектура мира. Вып. 19 (2/2022). М., СПб.: Нестор-история, 2022. С. 123–143.

среды. Весомый авторитет приобрел контекстуальный подход к проектированию новых вставок в сложившееся волею судеб архитектурное и природное окружение. Приняв девиз «Не навреди!», архитекторы дали коллективное согласие на ограничение своей новаторской креативности. Таким образом, главным критерием качества новой архитектуры оказалась уже не эффектная оригинальность, а уместность.

Конечно, появляются здания, вносящие диссонанс, и просто неудачные, но именно этот критерий позволяет наиболее определенно осуждать их. Конечно, ведутся споры о вкусах, несмотря на известную поговорку, призывающую этого не делать, однако общая установка на примирение многообразного в городской среде весьма и весьма окрепла. В этой связи следует отметить важность и своевременность постановки темы «диалога» и «полифонии» искусств в городе И. А. Азизян²²⁰. Эта тема удачно подхвачена и развита М. В. Дущевым в его новейшей теории «художественной интеграции»²²¹.

О многом говорят изменения в практике строительства и реконструкции односемейного усадебного жилища, где лучше всего проявляются вкусы частных лиц. Я хорошо помню, как многие хозяева в 1960–1980-е годы старались придать своим старым избам современный вид при помощи облицовки асбестовыми плитами или пластмассовым сайдингом, создания изломанных, асимметричных, а то и плоских покрытий, резкого увеличения оконных проемов и установки в них стандартных городских рам с огромными цельными стеклами. Теперь же от этих несуразных преобразований повсеместно отказались в пользу традиционных двускатных крыш и окон с рамами нормальных габаритов и членений. Более того, всё чаще можно видеть, как сами жители любовно поновляют старые оконные наличники и прочую домовую резьбу.

А в местах строительства новых богатых коттеджей виден небывалый подъем стилизаторского, эклектического архитектурного формотворчества. В России это формотворчество при индивидуальном строительстве отличается вольностью, в Европе же сдерживается регламентами, предопределенными характером местной традиционной застройки.

²²⁰ Азизян И. А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: ЛКИ, 2008.

²²¹ Дущев М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013.

Так, во Франции, под Лионом, мелочно следят и за уклонами кровель, и за окраской стен, дабы все новые односемейные дома совершенно не спорили со старыми. Под Парижем, в городке Сен-Реми ле Шеврез, гораздо больше разнообразия. Тут встречаются и милые традиционные домики, покрытые на два ската, и нарочито минималистские ящикообразные строения, как бетонные, так и обшитые некрашеной, чернеющей вагонкой. Такой суперэкономный «контейнерный» стиль считается современным — этичным и экологичным, ресурсосберегающим и деликатным благодаря своей аскетичной нейтральности. Хотя на свежий взгляд он воспринимается как чуждый столь живописной местности, малохудожественный, унылый и, по сути дела, устаревший, давно исчерпавший себя.

Он поощряется здесь муниципальным архитектором, следящим за соблюдением правил градорегулирования, включающих общие габаритные ограничения для новых частных домов и общественных зданий²²². При всей тщательности разработки архитектурно-строительных регламентов иногда, по свидетельствам очевидцев, происходят инциденты, когда втискивание на небольшой участок подобного рода неорганичного строения вызывает обиды и даже резкое неприятие соседей²²³. В это легко поверить, особенно если провести параллели между новейшими «домами-ящиками» и их лапидарными прототипами, созданными новаторами прошлого века, нигилистически настроенными по отношению к старине в принципе. Впрочем, архитектура бывает и гораздо более агрессивной.

В последнее время улавливаются явные признаки того, что сам образ высоко-развитой цивилизации в общественном сознании становится совершенно иным, нежели в XX веке. Ту эпоху называют индустриальной, а нынешнюю — с приставкой «пост». Футуристические прозрения для нас потеряли отчетливость и привлекательность. Туманные представления о будущем затмеваются восхищением удивительными достижениями прошлого и желанием сохранить, регенерировать, воскресить некоторые из них. Идеализированные представления о былом всё более увлекают людей

²²² PLU de Saint-Rémy-lès-Chevreuse / Règlement / Février 2017 // <https://www.ville-st-remy-chevreuse.fr/wp-content/uploads/2017/10/Règlement-PLU-fev-2017.pdf>.

²²³ В сборе и анализе французских материалов активное участие приняла О. И. Бондаренко.

и становятся активными составляющими современной духовной жизни. Самые существенные перемены состоят в том, что мы теперь склонны не уходить в историю, порывая с современностью, а извлекать из истории и привносить в современность нечто интересное, волнующее, жизнеспособное. В этом отношении наше время начинает сближаться типологически с эпохами, последовавшими за Ренессансом.

Показательны изменения в отношении восприятия классической музыки. В 1960–1980-е годы ее поклонники считались людьми старомодными. Любители рок-групп откровенничали насчет того, что от симфоний и опер безнадежно веет «нафталином». Теперь всё не так. Музыкальные произведения XIX, XVIII, и XVII веков стали восприниматься удивительно свежо. Вполне можно сказать: современно. Они «пронзают» время, оставаясь без коррозии и патины.

Иными словами, образ современности превращается на наших глазах в нечто многогранное, многосоставное, разнородное, вполне допускающее сосуществование вещей совершенно разного происхождения и свойства. Содействие тому оказывает философия постмодернизма и постструктурализма, связанная с новейшими научными открытиями и гипотезами как в гуманитарной, так и в естественно-научной сферах.

Картина мира стала совсем не той, что прежде. Ее отличительной особенностью являются теперь исключительная сложность, бесконечная динамичность и зыбкость, недосказанность и предрасположенность ко всё новым и новым сюрпризам. Особенно важны поиски физиков в области взаимодействия материи и энергии, частиц и волн. Квантовая запутанность заставляет воображать невообразимое. Биологи и медики открывают удивительные психофизиологические законы работы мозга и призывают создавать архитектурно-пространственную среду на их основе. Возникло даже творческое течение с впечатляющим наименованием «нейроархитектура», правда, оно вызывает настороженность и критику²²⁴. А генетики в содружестве с лингвистами обнаруживают такую информационную кодировку ДНК, которая наводит на мысли об изначальных связях телесного с бестелесным²²⁵.

²²⁴ Добрицына И. А., Коптева Т. В. Нейронаука как методологическая трансгрессия в пространство архитектурного мышления // Архитектура и Строительство России. Новейшая архитектура. 2021. № 1 (237). С. 10–15.

²²⁵ Золян С. Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 57–77.

Параллельно с этими тончайшими научными исследованиями в широких слоях общества происходит стихийный субъективный пересмотр материалистически упрощенного отношения к религии и мистике. Что бы ни говорили об этом, нельзя не признать существенных изменений в мироощущении человека нашего времени.

Наше время — это и есть современность. Понятие это уже потеряло модернистскую коннотацию, так как стало восприниматься в прямом смысле слова, гораздо более традиционно. Сегодняшняя современность не может отождествляться с той, которая грядет и нам еще неизвестна. Проектная деятельность всегда рассчитывается на будущее, однако сегодня эти расчеты перестали претендовать на долгосрочность и вообще на точность, ибо все понимают, что занимаются решением уравнений со слишком большим количеством неизвестных. Очевидно, именно поэтому происходит болезненный отказ от традиционных генеральных планов городов и переход к туманным стратегическим мастер-планам в сочетании с автоматизированными системами мониторинга текущих процессов²²⁶.

Зато современное сознание, как профессиональное, так и общественное, всё больше и больше вбирает в себя прошлое — изучаемое, приближаемое и оживляемое по мере его научного и художественного освоения. Ведь в сферу наших культурных интересов стали входить на равных артефакты самого разного происхождения и свойства. В почете и авангард, и академизм, и классицизм, и барокко, и готика, и романика, и античность, и древность, и далекая экзотика, и так близкая всем безыскусная простота.

Что касается прогнозов на перспективу, то их стремятся делать реалистически, осторожными, а главное — неидеологизированными. Надежды на успехи научно-технического прогресса остались, но сам этот прогресс получил совершенно не тот образ, что в эпоху индустриализации. Жесткие пространственные конструкции, взгроможденные на башню Президиума РАН, воспринимаются сегодня как анахронизм. Передовая фундаментальная наука перестала ассоциироваться с такими схематиче-

²²⁶ Альбрехтс Л., Антонов А. и др. Стратегический мастер-план: инструмент управления будущим / под общей ред. А. Муратова; Московский урбанистический форум, КБ Стрелка, Институт медиа, архитектуры и дизайна Стрелка. М.: А Принт, 2014.

скими абстракциями. А прикладные инженерные разработки приобретают формы всё более утонченных, компактных, природоподобных и малозаметных среди окружения систем, так что знаменитый прием раскрытия инженерной начинки, использованный в Центре Помпиду, выглядит теперь, как нелепая забава.

Это, безусловно, расширяет творческие возможности архитекторов и дизайнеров, которые могут вскоре вовсе перестать заботиться о нуждах технического обеспечения работы инфраструктуры. Отсюда вытекает обнадеживающий вывод о том, что модернизация памятников старины, так же как и всей исторически сложившейся среды, получит возможность стать гораздо более щадящей и деликатной. То же касается и встраивания архитектуры в естественные ландшафты. Надо сказать, что забота об экологии, о совместимости архитектуры с биосферой²²⁷ требует не только применения безопасных строительных материалов, не только минимизации вредных выбросов, экономии энергии и ресурсов, но и выработки таких средств архитектурной выразительности, которые бы наглядно демонстрировали желание человека жить в содружестве с природой²²⁸.

Неслучайно уже довольно давно обрела своих сторонников «архитектурная бионика», а следом и «биоморфная», «лэндморфная», «геоническая», «симбиотическая» архитектура. Появляются всё более изощренные дигитальные проектные и материально-технические возможности осуществления столь сложных, «текучих» конструкций и форм в реальности. В качестве новейшего примера стоит упомянуть яркий проект «симбиотической архитектуры» индийского архитектора Манаса Бхатии, созданный с помощью нейросети Midjourney, в котором многоэтажные дома подобны исполинским деревьям. Архитектор лишь в словесной форме давал задание нейросети и корректировал поступавшие от нее предложения, чтобы добиться органического встраивания человеческого жилища в природную среду.

Данный проект производит впечатление научно-фантастического, но в отношении целеполагания он разумен. В наше время создается немало весьма привлекатель-

²²⁷ Ильичев В. А. Биосферная совместимость: Технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. М.: УРСС, 2012.

²²⁸ Бондаренко И. А. Сохранение природных и культурных ценностей как приоритет градостроительства будущего // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия. «Строительство и архитектура». 2013. № 31, ч. 1. С. 36–40.

ных архитектурных объектов, не столь экстравагантных, но тоже природосообразных и удачно подхватывающих жизнестойкие этнокультурные традиции. Достаточно назвать имя выходца из Африки — Дьебедо Френсиса Кере, удостоенного Притцеровской премии 2022 года. Его конек — дешевое строительство для беднейших стран с использованием подручных материалов, но обязательно художественное, одухотворенное, улавливающее и передающее неповторимый колорит местной культуры.

В своей статье Н. А. Коновалова хорошо представила этого мастера в качестве яркого представителя рождающейся сегодня архитектуры «смирения», как ее назвал Кэнго Кума в противовес архитектуре «амбициозной», бесцеремонно подстраивающей под себя любое окружение²²⁹. Основные наблюдения Н. А. Коноваловой оказались очень близки моим.

Независимо от этого, но практически синхронно в России, во Владимирской области, получил реализацию проект под говорящим названием «Доброград». Автор его планировки и общей концепции, А. В. Кузьмин, стремился воплотить тот градостроительный идеал, по которому истосковались люди, живущие в казенных многоэтажных городах, до недавнего времени считавшихся самыми современными и перспективными.

Радует тот факт, что каток глобализации, унифицирующей архитектуру, натолкнулся на сильное сопротивление локальных культур, без которых теперь не мыслится будущее мирового сообщества. Ответной реакцией стало возрастание заботы об историко-культурном и природном наследии, о поддержании признаков неповторимого своеобразия, национальной, региональной, индивидуальной идентичности городов и сельских населенных мест. Звездные архитекторы еще задают тон по всему миру, но их всё настойчивее критикуют за неуместную «амбициозность» тиражируемых фирменных манер²³⁰. Знаменательно то, что устойчивых интернациональных стилей и даже мод больше не возникает. Модернизм из монополиста превратился в один из образцов для подражания, причем всё менее популярных, «набивших оскомину» сво-

²²⁹ Коновалова Н. А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: «смирение» vs «амбициозность» // Современная архитектура мира. Вып. 19 / отв. ред.-сост. Н. А. Коновалова. СПб.: Нестор-история, 2022. С. 11–26.

²³⁰ Там же. С. 17.

ей навязчивой однотипностью. Стандартизация среды не состоялась, так же как не состоялось «выковывание» универсального человека — «винтика».

Как видно, настрой на построение принципиально нового будущего уступил место усиленной работе по усовершенствованию имеющегося. Современность стала ощущаться как настоящее — сегодняшнее, реально существующее. Это настоящее является здесь и сейчас, но одновременно склонно к расширению своих временных рамок и вбиранию, пополнению, актуализации и консервации всевозможных культурных ценностей. Если жить настоящим, согласно заповеди, то путь развития будет направляться не из крайности в крайность, а вглубь и ввысь, ко всё большему улучшению того, что накоплено и имеется в распоряжении человечества.

Вопрос о том, каковым же становится или должен стать стиль архитектуры нашего времени, получает, таким образом, довольно ясный ответ: многообразным. Я не хочу сказать эклектичным. Его многообразие вызывается индивидуализацией, которая идет на смену пресловутой стандартизации. Мне уже доводилось высказываться о том, что закончилось время больших «стилей эпох» и мы сосредоточиваемся теперь на «стилях вещей», то есть на эксклюзивных решениях проблемы целостности и красоты каждого отдельного объекта²³¹. Если логика таких рассуждений подтвердится, то развитие современной архитектуры будет направляться не на поиски чего-то совершенно нового, невообразимого, а на достижение внеисторической, вневременной гармонии и красоты, которая присуща естественной природе.

²³¹ Бондаренко И. А. От стилей эпох к стилям вещей // Современная архитектура мира. Вып. 2. М., СПб.: Нестор-история, 2012. С. 9–14.

**ГЛОБАЛЬНОЕ И ИДЕНТИЧНОЕ В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ И РЕКРЕАЦИОННЫХ
ПРОСТРАНСТВ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)**

Сегодняшняя популярность средовых инициатив и повышенное внимание к вопросам благоустройства в определенном смысле смещают ценностные ориентиры в понимании пространства жизни. Происходит замещение понятий, некоторая их подмена, что, кстати, вообще характерно для «архитектуроцентристского» взгляда. Но если раньше данная проблема была сугубо профессиональной, то сегодня она распространилась на мнения большинства. Представляется важным не потерять из вида крупные сущностные понятия, вечные ориентиры человека в окружающем его пространстве — как в плане созидания, так и в вопросах использования. Полезно заметить, что оба термина, «глобальное» и «идентичное», допускают игру смыслов. В окружающих реалиях в первую очередь они понимаются в аспекте глобализации как сопричастные явлению тенденции: родственная универсализации и обратная ей. В том же смысловом поле идентичное мыслится как простая репрезентация узнаваемых символов места. В нашем исследовании не хотелось бы принимать упрощенных значений. Пускай сохранится некоторая двоякость трактовки, расширяющая, а не сужающая рассматриваемую проблематику. Ведь глобальное вместе с понятными потребительскими чертами современности выражает и нечто крупное, сильно превосходящее человека, как превосходят его природа, культура, история. Идентичное — веер разноплановых идентичностей, традиционных и актуальных, общих и личных, антропных и природных, незыблемых и проходящих.

Подчеркнем, что, помимо факторов комфорта и порядка, существуют «духи» и энергии места, укорененные в его сути, выращенные в природном и культурном измерениях. Они весьма объемны и вместе со многим содержат значимые пространственные характеристики: диалог горизонтали и вертикали, открытого и закрытого, земли и неба, далекого и близкого... Часто нам не хватает дистанции, чтобы оценить

значимость и жизнеспособность этих характеристик при реновации и модернизации среды, отразить, как происходит трансформация пространственной энергии. Именно в этом русле важнейшим ориентиром для нас выступает поиск «вневременной гармонии и красоты», к чему последовательно призывает И. А. Бондаренко²³².

Тем не менее избегать актуальной ориентации городских сообществ, бизнеса и управления, текущих архитектурных вкусов тоже не следует. Именно поэтому наряду с вечными понятиями и мотивами обратимся к сегодняшним, временным, возможно, в чем-то даже сиюминутным, но зачастую определяющим в работе с городскими пространствами.

Актуальные приоритеты при работе в городской среде:

— обновленные городские функции (физкультура и спорт, обмен книгами, разные игры);

— культура потребления и досуга и вовлеченность пользователя;

— медийность, интерактивность;

— экологичность, экоориентированная эстетика, выбор натурального материала;

— доступность, навигация и универсальный дизайн;

— «дружелюбный город» и эмоциональные сценарии;

— событийная идентичность;

— новые символы, навигация и городская айдентика.

Вместе с указанными особенностями упомянем и упрямое стремление быть современным, выраженное определенными «метками», шаблонами нового. Действительно, уже не раз отмеченная схожесть приемов и материалов — далеко не случайное и не поверхностное качество и не знак слабости проектировщика, а признак нынешней средовой философии: выглядеть частью единого крупного дела обновления среды. Отсюда набор повторяемых сухих фонтанов, качелей, настилов, консольных смотровых площадок (при наличии бюджета) и т. д. В свою очередь, потребитель ожидает воспользоваться современным «оборудованием» и соприкоснуться

²³² Бондаренко И. А. Архитектура в эпоху модернизации образа современности // Современная архитектура мира. Вып. 20 (1/2023) / гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-История, 2023.

с соответствующей эстетикой, отметив для себя удачу обновления в узнаваемых приемах. Неоднозначный момент, в какой-то степени повторяющийся в истории (те же каноны советского модернизма в свое время), однако крайне настораживающий в плане возможности увидеть уникальность места в будущем, считать ее за «ширмой» из типовых элементов.

Важным вопросом всегда выступало соотношение формы и наполнения, текущих значений и памяти места, ежедневных занятий горожан и традиционных ритуалов²³³. Как связаны понятия городской морфологии и мифологии? Первое чаще выступает в качестве универсального измерения, содержащего вневременные морфотипы (вспомним К. Линча²³⁴). Второе, вероятно, в каждом конкретном случае проявлено адресно, отсылая к местным легендам. Вместе с этим явно существуют и некие «вездесущие духи»: духи стихий, духи места, духи отдельных вещей. Сегодняшний участник реновации и модернизации среды оказывается в их окружении и не имеет права пренебрегать как характеристиками формы пространства, так и душой, атмосферой, аурой.

В кандидатской диссертации, посвященной концепции памяти в архитектуре, и в ряде статей Д. В. Бакшутова²³⁵ выделила ряд подходов, среди которых особенно примечательны коллажный и палимпсестный, а также варианты их интеграции. Предложенная терминология представляется полезной для нашего исследования и отражает как раз то, что чаще всего происходит в модернизированной общественно-рекреационной среде: коллаж, т. е. столкновение разного, или палимпсест — сложное одновременное наложение «текстов». Еще более существенный вопрос состоит в том, что желает или способен воспринять, считать и понять пользователь среды? В основном сегодняшний адресат идет двумя путями: ищет некую условную «цельность», соподчиненность классического ансамбля, что выступает идеалом порядка в его логике, либо следует моде и жаждет экстремальной новации и выразительности — в высоте,

²³³ Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего: материалы Междунар. науч.-практич. конф. Саратов, 2003. URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm. (дата обращения: 04.04.2023).

²³⁴ Линч К. Образ города / К. Линч ; перевод с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.

²³⁵ Бакшутова Д. В. Подходы к выражению феномена памяти в новейшей архитектуре // Архитектон: известия вузов. 2021. № 1 (73). URL: http://archvuz.ru/2021_1/1/.

в форме, в чем угодно. К счастью, новые средовые инициативы, в частности в Нижнем Новгороде, чаще всего профессиональнее, глубже и разностороннее, в большинстве случаев сохраняя драгоценное живое звучание места.

Нижний Новгород. Энергии места. Мифология или морфология.

Модернизация рекреационных пространств Нижнего

Я стремился показать, как те, кто был
изгнан из Рая, могут найти себе дом в городе.

Ричард Сеннет. «Плоть и камень»²³⁶

Рассматривая реновацию и модернизацию общественно-рекреационной среды Нижнего Новгорода, следует предложить простую, но понятную классификацию, учитывающую не только географический принцип, но и центральный принцип идентичности, взятый за основу архитекторами. К одной группе можно отнести пространства, где сохранена и подчеркнута главенствующая природная составляющая, — это в основном лесопарки, например Щёлоковский хутор. Другая группа объединит зоны внутри исторического центра, где выбрана тема сбережения или воссоздания образа традиционной историко-культурной идентичности со следами прошлого. В этой группе явно важна дифференциация по объему и ценности. К крупным, особо значимым относятся такие места, как площадь Нижегородской Ярмарки, а к камерным, внутриквартальным пространствам отнесем, например, сквер Я. М. Свердлова (2-ю очередь). Еще одна группа — полифункциональная среда отдыха, обладающая выигрышным видовым потенциалом; сюда войдут в первую очередь набережные. Также есть смысл выделить в отдельную условную группу пространства интегральные, сочетающие многие функции, разные темы идентичности и разные масштабы: парк Швейцария, Стрелка, набережная Федоровского. Большинство таких знаковых мест и многоплановых средовых ансамблей было рассмотрено ранее²³⁷. Сейчас за рядом исключений ориентируемся

²³⁶ Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016.

²³⁷ Дущев М. В. Архитектурная среда Нижнего Новгорода — диалоги с идентичностью. Часть 2. Обновленные рекреационные пространства // Приволжский научный журнал. Н. Новгород, 2023. № 1. С. 187–192.

на локальных проявлениях, которые мы также обнаружим в характерных для города пространствах.

Размышляя об идентичности как о далеко не однородной характеристике, приходится задумываться о ее вероятных проявлениях в наполненных разными историческими контекстами и современными функциями локациях. Что первостепенно: подлинные свидетельства ушедшего, знаки памяти или вновь возникающие символы обновленного мира? Либо же некие сквозные присущие месту морфотипы, «энергии», «духи»? Идентификация будет отличаться и зависеть в том числе от наблюдателя и выбранной им оптики. Вот почему в ряде научных работ автором данного текста уже акцентировалась возможность «дрейфующей» формы идентичности, словно гибко меняющей свои основания в разных условиях²³⁸. Особо возрастает роль интегральной формы идентичности, вмещающей целый пучок, спектр кодов, предполагающих индивидуальное прочтение. Не думаю, что при некотором сходстве это тождественно постмодернистскому двойному (и более) кодированию, так как имеет в приоритете естественность и средовую погруженность, а не навязчивую смысловую игру. Достоинства большинства актуальных решений легче и точнее увидеть сквозь призму витальных качеств, позволяющих оценить их наполненность жизнью, востребованность человеком сегодня. Вероятно, вот эти зоны сближения, «срастания» личных, социальных, культурных, природных и эстетических мотивов особенно интересны и показывают особую форму средового консенсуса. Сегодня такие стыковки на уровне городской среды могут быть названы урбанистикой, средовым дизайном, но кажется, что данные определения многое скрадывают из таящихся внутри достоинств или противоречий. Рассмотрим модернизированные пространства города, не пренебрегая разными факторами, повлиявшими на их становление в современных условиях.

Событийная память места. Заповедные кварталы. «Асирис». Том Соьер Фест

Инициативы по сбережению и реставрации памятников силами непрофессионалов изначально родились в фестивальном формате Том Соьер Феста и по-прежнему не-

²³⁸ Дущев М. В. Архитектурная среда Нижнего Новгорода — диалоги с идентичностью. Часть 1. Теоретические аспекты // Приволжский научный журнал. Н. Новгород, 2023. № 1. С. 181–186.

свободны от ряда вопросов (моменты выбора территорий, финансирования, профессионализма, наконец). Сегодня данное начинание представляет осмысленную концептуально цельную историю, имеющую поддержку власти и определенную локацию в городе: в районе улиц Короленко и Новая — так называемый квартал церкви Трех Святителей. Сейчас, когда у организации «Асирис» достаточно заметное имя в городе, сложно сказать, что важнее: их локальные пространственные инициативы, или стратегический проект, или же сумма проектов — будь то Школа реставрации или образовательная программа «Лидеры наследия», либо активности, обращенные к горожанам.

Сегодня квартал живет полноценной жизнью вне жилой функции. То, что здесь удалось реализовать на впечатляющем уровне, это разнообразный событийный ряд, содержательная сторона среды: городские пленэры, концерты, экскурсии, которые проходят регулярно. К примеру, вспомним театрализованные выступления певцов или артистов пластического театра в атмосфере старого двора, сохранившего характерный масштаб и дух места, что сопровождается самоваром, традиционными угощениями и прочими «дополнениями», помогающими погружению зрителя. Невольно убеждаешься, насколько прав был П. Цумтор, упоминая в своей статье «Атмосфера» звуки и температуру пространства, свет на объектах, уровни интимности, связанные с дистанцией восприятия, и даже «окружающие объекты», т. е. те аутентичные, настоящие артефакты, коими сами люди без ведома архитектора наполняют свое окружение. Интеграция перечисленных факторов порождает синестетический эффект, одновременно усиливающий линию исторической памяти и художественную составляющую.

Мерцающие идентичности. Площадь перед Нижегородской ярмаркой

Нижегородская ярмарка исторически, с момента переноса из Макарьева в XIX веке занимала достаточно внушительную территорию, и зоны ее влияния простирались гораздо дальше, чем сейчас. По сути, к ярмарке относился и Староярмарочный собор, построенный О. Монферраном, согласно легенде, как макет Исакия, и так или иначе территория Стрелки, где причаливали суда по берегам и располагались склады продукции. В новейшей истории ярмарка пережила свой взлет на волне 1990-х, когда

Площадь перед Нижегородской ярмаркой (бюро Megabudka): зеркальный выставочный павильон № 1 (первоначально бюро «Архстрой») и выставочный павильон № 2 (архитектор С. В. Горшунов). Фотография М. В. Дуцева, 2023 г.

здесь стали регулярно устраиваться всевозможные выставки, форумы, культурные и коммерческие мероприятия. Именно благодаря растущим потребностям в площадях возник павильон № 1 по проекту архитекторов бюро «Архстрой» (архитектор А. Б. Дехтяр), а сама территория была буквально усыпана «временными» павильонами и павильончиками разного калибра, которые делали свое дело.

В самой актуальной истории (речь идет о последних пяти годах) приоритеты и ориентиры существенно поменялись—было принято решение провести реновацию и модернизацию территории, расчистить вид на Главный ярмарочный дом с воды и с самой площади, выполнить благоустройство. Как следствие, множественные павильоны исчезли, освободив впечатляющее своим масштабом пространство, а павильон периода начала расцвета нижегородской архитектурной школы был перелицован в новые «одежды» и дополнен вторым объемом. Первый павильон стал зеркальным. Выставочный павильон № 2 по проекту бюро Горшунова ГОРА (архитектор С. В. Горшунов), уже собравший множество профессиональных наград, интерпретирует приемы советского модернизма и скорости нынешнего времени. Пилоны речного фасада как бы разворачи-

ваются по ходу движения по магистрали, а входная группа с торца оформлена реально поворачивающимися стенами-лопастями, открывающими или закрывающими доступ в здание. Получился почти периптер, своеобразный «храм» коммерции.

Строго говоря, площадь состоит из трех частей, каждая соотносится со своей историей: «Ярмарочная площадь» исторической ярмарки, «площадь Ленина» и «Выставочная площадь» перед вновь выстроенным павильоном (возможно, к указанным площадям можно присовокупить сквер Бетанкура). Кулисами для ансамбля площадей служит историческая, типовая и новая архитектура, а главными ориентирами — фонтан XIX века, памятник В. И. Ленину с одной стороны и неординарный вход павильона № 2 в диалоге с новыми скульптурными группами модного художника Дмитрия Аске с другой. Таким образом, концепция «лоскутного одеяла» авторов модернизации общественного пространства вполне закономерна. Архитекторы бюро Megabudka обнаружили здесь эти «лоскуты» истории и дополнительно акцентировали на них внимание в благоустройстве²³⁹. Так появились идеи интеграции в пространство регулярного сада, смысловой навигации (например, инфостенд «Шухов парк»), металлических плиток с историческими сведениями о ярмарке в мощении. Примечательно появление небольшого мелкого канала с водой — говорящей отсылки к знаменитому подковообразному каналу А. А. Бетанкура, некогда окружавшего всю ярмарку. Некоторые проектные предложения остались нереализованными, отдельные интересные замыслы, возможно, не столь видны публике (как упомянутый «канал»), но в целом идея диалога разных историй подтвердилась и живет в обновленной среде.

По итогу модернизации этого более чем значимого для города места есть о чем поразмышлять. Город, безусловно, приобрел благоустроенное пространство с адресной идентичностью для рекреации и проведения масштабных культурно-массовых мероприятий (что уже не раз апробировано), а также детские, выставочные и озелененные зоны. Здесь открылось больше простора, яснее, беспрепятственно обозначилась связь с рекой и верхней частью города, что эмоционально включило ярмарку в череду по-нижегородски открытых пространств, таких как Стрелка или городские

²³⁹ Территория Нижегородской ярмарки // Программа развития городской среды Нижнего Новгорода. URL: <https://sreda800.ru/yarmarka/>.

набережные, наполненные сильными вольными энергиями и стихиями. С другой стороны, избавление от «замусоренности» и суеты ознаменовало потерю своеобразного обаяния и определенной идентичности, свойственной хаотичному ярмарочному торгу. В сознании современного человека всё же побеждает такое «регулярное» представление о порядке и достоинстве, когда речь идет об ответственных решениях. И всё же отметим удачу авторов, которым удалось сохранить образные намеки на многообразие и сложность контекста в деталях сформированной среды, интегрировать в нее своего рода «светоч памяти» в красноречивой терминологии Дж. Рёскина²⁴⁰.

Временной транзит. Сквер Я. М. Свердлова (2-я очередь)

«Нет такого места, где не обитали бы мириады немых призраков; кто-то может их „вызывать“, кто-то нет. Человек может жить только там, где обитают и призраки».

М. Де Серто. «По городу пешком»²⁴¹

Выбранная территория стала продолжением первой очереди сквера, примыкающего к главной улице города, сохранившей остатки исторических земляных укреплений (городского вала), памятник Я. М. Свердлову и другие темы идентичности. Открытие первой очереди в свое время имело ощутимый резонанс и презентовалось как флагманский результат обновления среды города Институтом развития городской среды Нижегородской области (ИРГСНО). Время подтвердило успех достигнутого результата — нижегородцы с радостью пользуются многоуровневой зоной отдыха, детской площадкой, фудкортом, издавна существующим здесь стихийным «блошиным рынком». Совершенно естественно, что от второй очереди авторы-архитекторы ИРГСНО ожидают закрепления и развития столь удачного и популярного начинания. Однако но-

²⁴⁰ Рёскин Д. Семь светочей архитектуры / пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухарева; под. науч. ред. А. Раппапорта. СПб.: Азбука-классика, 2007.

²⁴¹ Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.

вая часть сквера имеет свои особенности, и ее следует отнести к местам исторической памяти более камерного масштаба, несмотря на обещанные амбициозные функции. Сквер расположился преимущественно внутри квартала, и его отличительная черта заключается в том, что никакого исторического сквера на этом месте не существовало. Наоборот, здесь до недавнего времени еще сохранялась двухэтажная деревянная застройка, расположенная весьма живописно.

Возникшее рекреационное пространство — это лучший итог (возможно, промежуточный) действия различных сил и инициатив. По генеральному плану еще конца 1970-х на этом месте предполагалась трассировка так называемого Октябрьского бульвара — крупной магистрали, призванной прорезать центр города и разгрузить существующие дороги. От инициативы и сегодня до конца не отказались, но она как-то ушла с самой актуальной повестки, «затаилась». Именно ради задуманной дороги пострадали домики, однако расчищенная площадка, уже благодаря благородным инициативам тотального благоустройства, превратилась в рекреацию и даже больше. По замыслу авторов, модернизированная среда должна послужить сочетанию разных, порой полярных активностей, характерных для современного города: удобного

Сквер Я. М. Свердлова (2-я очередь). Институт развития городской среды Нижегородской области (ИРГСНО), 2023. Фотография М. В. Дуцева, 2023 г.

городского транзита от главной пешеходной улицы Большой Покровской до улицы Алексеевской, зрелищных, выставочных и иных культурных мероприятий, а также активного и тихого отдыха детей и взрослых²⁴².

Характерной чертой пространства стало намеренное, концептуальное смешение общественных и частных функций, гибридизация среды в направлении функциональной многослойности. Практически напрямую прочитываются отсылки к Яну Гейлу²⁴³ и его концепции дружелюбного общественного пространства, города как квартиры под открытым небом. Действительно, пользователями в рассматриваемой ситуации могут выступить жители, пешеходы, туристы, постояльцы отеля Меркури, примыкающего к этой территории. Это далеко не полный список, так как для авторов идеи важна не только сухая социальная градация, например по возрасту, но, скорее, творческая окраска местного сообщества или каждого пользователя отдельно. Отсюда возникает потенция к событию, т. е. активация места «точками», в которых разные события способны произойти, как в концепции парка Ля Виллет Б. Чуми, что по-прежнему относительно ново для отечественного опыта. Ожидаемым образом здесь пока нет буйства зеленых насаждений, хотя проектом предусмотрено со временем разнообразное озеленение. Организованы сцена и «амфитеатр» по рельефу, детские и выставочные зоны, буккроссинг, спортивные тренажеры.

Основным художественным сюжетом стали «призраки» канувших в Лету жилых домов, условно воспроизведенных в форме красных каркасов, именуемые в проекте «городскими гостиницами», которые пространственно выделяют ту или иную функцию. Конечно, для знатока городского центра это грустное напоминание... В этом смысле радует вход с Алексеевской, обрамленный правдивыми кирпичными и деревянными строениями и сохранивший другие идентичные детали, например местную водоразборную колонку. Кстати, она так же, как и все детали, включая каркасы и светильники, выкрашена в сигнальный красный цвет (вместо привычного сине-голубого), что переводит элементы в единое художественное измерение, чуть отрывая их от реальности.

²⁴² Сквер Свердлова // Программа развития городской среды Нижнего Новгорода. URL: <https://sreda800.ru/sverdlova/?ysclid=lnsq14cs33705960219>.

²⁴³ Гейл Я. Города для людей / [пер. с англ. А. Токтонов]. М.: Концерн «Крост»: Альпина Паблишер, 2012.

Реализованная среда в меру преемственна, в меру нова и вполне жизнеспособна, не претендуя на вечность.

Место силы и естественная витальность среды. Нижегородская Стрелка

Ранее мы уже касались преобразований среды в этом показательном для города и вместе с тем противоречивом месте, когда работы по его модернизации еще не были завершены²⁴⁴. На сегодняшний день Стрелка Волги и Оки (концепция ИРГСНО) освоена под эгидой временного благоустройства территории сроком на пять лет, включая зеркальные павильоны внутри конструкций бывших пакгаузов (архитектурное бюро СПИЧ / SPEECH). Таким образом, можно сказать, что всем воплощенным сегодня начинаниям отводится своя роль в истории места, заведомо ограниченная, но важная. Наиболее существенным, по сути прорывным стал сам факт доступа человека на мыс, чего не было на протяжении всей современной истории. Да, когда-то, в период функционирования ярмарки на этом месте велась активная жизнь, сопутствующая торговле: швартовались лодки, складировались грузы — все очень насыщенно и живописно (как мы видим на фотодокументах). В советский период здесь размещалось режимное предприятие Горьковского грузового порта, закрытое для посещения. Правда, это не помешало проведению здесь двух запоминающихся художественных акций по инициативе французского художника и «сценографа» городской среды Ксавье Жюйо (2011, 2012 гг.).

Жюйо предложил театральную и в то же время глубокую, объемную трактовку потенциала среды. Вспомним, что по берегам обеих рек на тот момент еще сохранялись портовые краны, а само место не только было выразителем геологических сил и очевидной религиозной составляющей, обусловленной собором Александра Невского, но еще выступало носителем производственно-технической памяти. Все эти мотивы подвигли художника к мечте о тотальной инсталляции, представляющей парящую, развевающуюся под воздействием ветра оболочку, дополненную проекциями достижений

²⁴⁴ Дущев М. В. Театральность как путь модернизации архитектурной среды современного города // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 1 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи. ру; Коло, 2022. URL: <https://archi.ru/lib/book.html?id=2146113846&fl=2&sl=2>.

местной инженерной мысли на причальную стену (в первую очередь, изобретений Р. Алексеева). Весь противоположный высокий берег мыслился амфитеатром, своеобразным зрительным залом для этого спектакля. Мечтам мастера и его сподвижников суждено было сбыться только отчасти на уровне притворенных в жизнь экспериментов с разными материалами «паруса», однако именно они утвердили здесь значение и силу стихии, а также социальную привлекательность пространства.

Стрелка как место силы сегодня на редкость витальна, перформативна, театральна... Ее открытый, продуваемый ветром простор вовсе не ошибочен и не случаен. Пространство мыса дает возможность беспрепятственно жить и перерождаться во времени театру стихий, с которым человек вступает во взаимодействие. Оконечность и набережная Стрелки дарят обновленный взгляд на верхнюю историческую часть города, доступны небольшие смотровые вышки и спуск к причалу. Появились ожидаемые потребительские функции, включая рекреацию для детей и взрослых, а также культурные — в форме выставочного и концертного залов в пакгаузах. Но всё же эмоциональной и ментальной основой среды служит непревзойденный визуальный ресурс, благодаря которому спектаклем становится всё: от закатов, множущихся в отражениях, до концертов на фоне кремля, который виден через стеклянную стену концертного павильона. Визуальные эффекты среды Стрелки востребованы и любимы, так как по природе принадлежат далеко не поверхностной, а вечной красоте.

Социальный заказ. Набережная Гребного канала с реновацией бывшей судейской вышки

Гребной канал — это место с родовой спортивной функцией, которая прочно закреплена здесь. Канал возник на карте Нижнего Новгорода в 1976 году, когда искусственная дамба соединила берег Волги и остров Печерские пески — узкий (100–150 м) и неглубокий (около 5 м) рукав идеален для занятий греблей. Следует сказать, что по профессиональным спортивным меркам на этом участке созданы все условия для серьезных соревнований, которые, к сожалению, практически не проводятся. Сегодняшний режим функционирования канала — это тренировки гребцов, популярный пляж (офи-

Набережная Гребного канала (бюро «Новое») и реновация бывшей судейской вышки (Ю. Н. Карцев и С. А. Касаткин, 1988 г.; «ГОРА / Бюро Горшунова», 2021 г.).
Фотография М. В. Дуцева, 2023 г.

циальная возможность купания в Волге всегда под вопросом), прогулки и пробежки вдоль водных панорам с одной стороны и не менее выразительных видов города на горе (с Печерским монастырем, а с недавнего времени со станцией канатной дороги и колесом обозрения) с другой. Итак, сквозная тема модернизации — развитие физкультурно-оздоровительной функции, не мешающей взгляду. Так, возникновение просматриваемого насквозь навеса-павильона уместно и хорошо дополнило образ места. В своей концепции авторы, бюро «Новое», отмечают стремление к синхронизации развития территории с остальными городскими участками у воды для создания связанной системы набережных внутри городского каркаса.

Роль главного акцента, доминанты, по-прежнему играет адресно реконструированная судейская вышка, в которой разместилось кафе быстрого питания. Сооружение с отсылкой к неоконструктивизму было построено в 1988 году для проведения II Всесоюзных юношеских игр по гребному спорту, архитекторы Ю. Н. Карцев и С. А. Касаткин. Оно действительно может быть смело причислено к жемчужинам местной

архитектуры и считается одним из предвестников ее расцвета, так как родилось на самой границе, чуть раньше бравурного шествия нижегородской архитектурной школы. Вероятно, отсюда чистота стиля и свобода от постмодернистских цитат, некая высокая универсальность — почти «классика», позволившая сегодня состояться успешной реновации («ГОРА / Бюро Горшунова», 2021 г.) и органично войти в актуальный контекст.

Примечательно, что данная модернизация стала зеркалом социального запроса. Демократичное кафе сменило спорт высоких достижений, однако приоритеты здорового образа жизни не растворились: вокруг тренируются бегуны, велосипедисты, скейтеры, а чуть дальше — волейболисты и разного рода «многоборцы». Только теперь все эти определения могут быть взяты в кавычки, так как относятся к непрофессиональному спорту, по сути, к досугу. Следовательно, проницательны те исследователи, кто отмечает «модернизацию» потребительского сознания в сторону обязательного включения культуры — в питание, в заботе о теле, об интеллекте, о ресурсах и экологии. В этом плане предложенные авторами реконструкции настилы и столики с видом на канал естественным образом дополняют идею места. При этом среда не перегруже-

Парк Моховые горы. «ГОРА / Бюро Горшунова», г. Бор, Нижегородская область, проект 2020 г., реализация 2021–2022 гг. Фотография М. В. Дуцева, 2023 г.

на дизайном, что оставляет свободу крупным энергиям и стихиям. Простор, скорость, демократичность... встреча горизонтали воды и видимого горизонта с вертикалью вышки, ветер с реки — вот качества эмоциональной идентичности среды, сохраненные и уместно интерпретированные при модернизации.

Настоящая природа. Щёлоковский хутор

«Щёлоковский хутор» является памятником природы внутри города — само по себе уникальное и ценное место, что подсказало Институту развития городской среды Нижегородской области (ИРГСНО) основу концепции «Природа и Культура»: «создать баланс уникального фрагмента внутригородской природы и уже существующей активности горожан, в той или иной степени сконцентрированной вдоль озер»²⁴⁵. Проект стартовал еще в 2018 году в рамках муниципальной программы «Формирование комфортной городской среды». Благородная идея взаимодополняющего сосуществования настоящей природы и городского человека на этом месте, безусловно, преемственна. Другое дело, что под культурой понимается только «цивилизованный» отдых у воды, ранее явно не отвечавший этому эпитету.

Пространство лесопарка представляет одну из хорошо знакомых и любимых горожанами рекреационных зон, известную своими «озерами», лесным массивом, а также музеем-заповедником деревянного зодчества и традиционного быта, куда по инициативе организаторов были перевезены некоторые уникальные памятники. Реновация коснулась променадов вдоль береговой линии озер и выражена в создании непрерывных деревянных настилов, ограждений, мест отдыха, детских зон, приспособлений для занятия физкультурой, а также необходимых павильонов проката и т. п. Всё это сделало использование территории весьма комфортным при минимальном вмешательстве в природную сущность места. При благоустройстве акцент ставился на обеспечении пешеходных транзитов удобной навигацией и необходимым освещением. Особое внимание уделено лыжным трассам, расположенным на залесенных склонах, что дало возможность тренироваться и спортсменам, и отдыхающим.

²⁴⁵ Институт развития городской среды Нижегородской области. URL: <https://irgsno.ru/projects/shhelokovskij-xutor/1-ya-ochered>.

Сегодня, когда в городе существует целый ряд гораздо более «современных» и модных общественных пространств, парков и скверов, Щёлоковский хутор, как это ни парадоксально, воспринимается более естественно и порой с бóльшим теплом. Сюда притягивает чувство подлинности — настоящий лес, раскинувшийся по рельефу, доступность воды или, соответственно, льда (зимой), и не в последнюю очередь деликатность и функциональность рукотворного вмешательства. Если мы вспомним о феномене коллективной памяти, то в этом со-природном контексте реализуется память горожанина о жизни до цивилизации, причем в непосредственной близости от современных ритмов крупнейшего в официальной классификации города.

В диалоге с человеком. Парк Моховые горы (г. Бор)

Формально данная рекреационная зона находится за границами Нижнего Новгорода — «на Бору» (городской округ Бор расположен на левой стороне Волги и соединен с верхней частью Нижнего канатной дорогой). Парк Моховые горы (проект-победитель конкурса «Малые города и исторические поселения» в 2020 г., г. Бор, Нижегородская область, «ГОРА / Бюро Горшунова», проект 2020 г., реализация 2021–2022 гг. Рабочий коллектив: С. В. Горшунов, М. В. Юдина, Е. В. Будько). Нижегородцы знают это место и стремятся его посетить, так как сам путь представляет увлекательный аттракцион, связанный с «полетом» над Волгой посредством канатной дороги, к слову, самой длинной в Европе. Живописное место с рельефом, пляжем, соснами приобрело определенные сценарии посещения и действительно притягивает желающих провести время на природе. Парк наполнен популярными сегодня средовыми приемами: амфитеатр, павильоны, настилы, мостики, консольная смотровая тропинка, закручивающаяся петлей над верхушками деревьев. Все элементы ожидаемо сделаны из дерева. Естественная среда — главный мотив парка и сердцевина авторской концепции, что определило тему диалога человек — природа на каждом уровне.

Можно заметить, что решение среды реализует идею, близкую концепции «показа» (например, у Весниных) периода авангарда, только теперь приоритеты другие и акценты явно смещены от любования архитектурой к созерцанию и многоуровне-

вому взаимодействию с естественным началом. В дополнение к пространственному сценарию удачно использованы арт-объекты в форме воронок, напоминающих то ли волшебные подзорные трубы, то ли звукозаписывающие устройства наподобие патефона. Как отмечают авторы проекта, это звуковые трубы — устройства для усиления окружающих звуков: «как звучит сосновый лес, Волга, поют птицы». Как здесь не вспомнить тезис П. Цумтора о «звучании пространства»²⁴⁶ или же позиции современных философов, исповедующих принцип плоской онтологии и размышляющих о равенстве всех «актантов» в процессе взаимодействий: «Люди и не-люди всегда исполняли друг с другом замысловатый танец. Не было такого времени, когда человеческая агентность являлась чем-то иным, нежели складчатой сетью людей и не-людей; игнорировать их смешение сегодня становится все труднее»²⁴⁷. В любом случае обнадеживает, что парковая история не осталась на уровне декорирования или повтора универсальных приемов, а приобрела форму материального носителя актуальной сегодня философской мысли, стала проявлением более чуткой позиции человека в окружающем мире.

*Культурные трансформации среды. Фестиваль видеопроекций «Интервалы»
(08.2023)*

INTERVALS — ежегодный фестиваль медиаискусства в Нижнем Новгороде, объединяющий городскую медиавыставку, образовательную и музыкальную программы, истоком которого послужила неформатная «вечеринка» в одном из нижегородских клубов (2015–2017 гг.). Создатели и ключевые кураторы — студия dreamlaser. В августе 2023 года в Нижнем Новгороде прошел очередной Международный фестиваль аудиовизуального искусства «INTERVALS FESTIVAL 2023», существенно расширивший свою географию (четырнадцать локаций), собравший множество зрителей и охвативший не только внешние поверхности, но и внутреннюю среду зданий²⁴⁸. В фестивале

²⁴⁶ Выгулева К. О. «Мерцательность» как принцип репрезентации современной архитектуры // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком / сост., отв. ред. И. А. Добрицына. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 128–143.

²⁴⁷ Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / пер. с англ. А. А. Саркисянца. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

²⁴⁸ Программа фестиваля INTERVALS 2023. URL: <http://intervalsfest.com/program.html>.

Студия светового дизайна dreamlaser, динамическая световая инсталляция на архитектуру объекта.
Международный фестиваль аудиовизуального искусства «INTERVALS FESTIVAL 2023».
Стрелка Волги и Оки. Фотография М. В. Дуцева, 2023 г.

участвовали работы известных медиахудожников из России, Австралии, Испании, Китая, Японии и Индонезии, что предполагает заведомо временные акции, выводящие среду из привычного состояния: Aizek, Терминал А; The Fox, The Folks, Академия Маяк; Сао Yuxi Горадром (внутри); Bestereo, Академия Маяк; Александр Абрамов, КЗ «Юпитер»; Kit Webster, Сквер ИФИЖ ННГУ им. Лобачевского; Shohei Fujimoto, Нижегородский хоровой колледж; Ковычка, Башня с часами ансамбля зданий Государственного банка в Нижнем Новгороде; LYM PRO, Выставочный пакгауз; Дмитрий Корниенко, Башня с часами ансамбля зданий Государственного банка в Нижнем Новгороде; Яр Кирсанов, Алекс Зарипов, КЗ «Юпитер»; Покрас Лампас, КЗ «Юпитер»; 618 / LedPulse / UNIVERSE_design, Ярмарочная фильтровальная станция; Inty, Горадром (снаружи); Filip Rosa, Академия Маяк; Dreamlaser, Академия Маяк, Стрелка; С Е Т А П, пространство ЦЕХ *.

Видеомэппинг сегодня представляет достаточно противоречивое направление в актуальной городской и художественной культуре. С одной стороны, он дает практически неограниченные возможности по трансформации образа любого объекта, пространства, среды. С помощью проекций доступны самые изощренные манипуляции с восприятием. Да, это весьма остроумный вид средового творчества, театрализованной игры с городским окружением. Однако в большинстве случаев данный обширнейший ресурс представлен набором ожидаемых клише, мало чем отличающихся от обычной рекламы. Создать истинное произведение непросто в любом материале! Пожалуй, работа с цветным светом и движущимися кадрами, несмотря на кажущуюся доступной привлекательность, как раз усложняет задачу, поскольку неизменно ассоциируется с кино или с развлекательным шоу. Зритель настолько привык в равной степени как к кинематографу (фильм можно смотреть и на открытом воздухе), так и к легковесности сияющей мишуры оформления городских праздников или концертов, что по инерции продолжает аналогично воспринимать любое зрелище.

У подобного городского искусства (я уверен, что оно может считаться таковым) иные цели и приоритеты. Представляется, что оно в своих удачных проявлениях способно достичь воистину многомерного диалога архитектурного пространства, автора-художника и адресата-зрителя, равно как и впечатляющего выхода в иную интегральную реальность (на определенное время). Не только взаимосвязь воображения, амбиций новизны, визуальной провокации и незыблемой материи, при которой последняя нисколько не страдает физически, но и встреча людей, общение с городом, а также синтез идей и технологий. Во многом мэппинг наследует принципы «сайт специфик арт», обладая серьезным преимуществом, которое, как водится, определяет и главный риск всего начинания: проекции в сила практически полностью трансформировать место, даже не изменить, а «заменить» его, предложить другую картинку. Вот здесь, думается, и кроется главный нерв и корень сомнений.

Тем не менее даже такой уже распространенный способ, как динамическая проекция на плоский фасад исторического здания, может открыть определенный новый

опыт, отличный от просто «фильма на экране» (как в инсталляциях медиастудии Bestereo^o или The Fox, The Folk — команды мультимедиа-художников из Индонезии). Так, наиболее удачной представляется работа с тектоникой фасада, интерпретация его структуры, основных членений, пилястр или горизонтальных тяг, поясов, карнизов. Речь идет об уже не раз опробованной локации — о бывшем банке Рукавишникова по проекту Ф. О. Шехтеля, выходящем своим трехчастным неоготическим фасадом на Нижне-Волжскую набережную (динамические проекции, медиахудожник Filip Rosa). Естественно, здесь художник рушит привычный физический образ фасада, но эти нарушения не на пустом месте — они словно вырастают из заданной и естественной для объекта идентичности, а уже далее творятся разные «чудеса». На основе реальных проемов и пилонов появляется и по-разному масштабируется световая решетка, исчезают фрагменты стен, архитектура пульсирует, плывет, становится подвижной 2D-сеткой. Но всё это именно архитектурное в своей основе или праоснове — в чем-то сродни динамическим закручивающимся линиям и кругам А. Родченко.

Отдельный, своего рода нарративный подход связан с визуализацией текстов разного размера на поверхностях фасада (реализовал на уличных экранах концертного зала «Юпитер» мультидисциплинарный художник Покрас Лампас, известный своими масштабными каллиграфическими проектами). Текстовые проекции, казалось бы, не самая оригинальная история, однако имеющая свои достоинства. Архитектура исчезает в темноте вечера — остаются и светятся слова и фразы разного «веса» и разного размера. Город исчезает — остается текст... Данная метафора, конечно, дает незапланированный, побочный, но красноречивый эффект. Что ценить больше: форму или содержание? И такими же строчками по завершении инсталляции высвечиваются имена авторов и спонсоров. Поле смыслов смешивается...

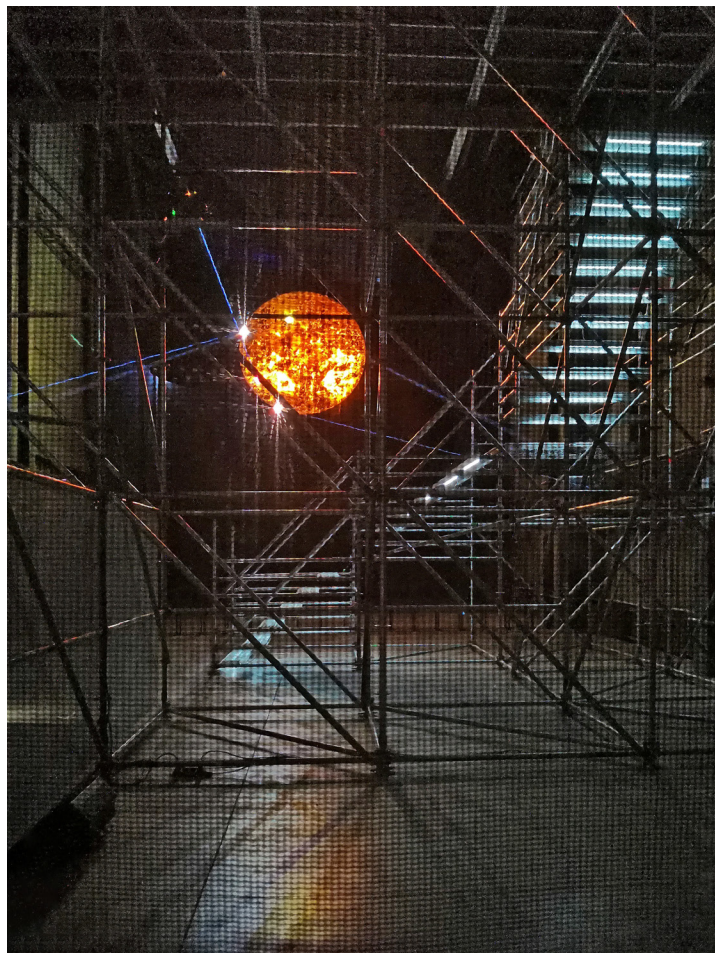
Рассмотрим другой пример, в котором свет заполняет не поверхность, а объем. К слову, он же оказался и более объемным по воздействию. Данная «динамическая световая инсталляция на архитектуру объекта» от студии dreamlaser развернулась на месте спуска к воде в непосредственной близости к самому мысу Стрелка (Волги и Оки). Здесь ступени, спускаясь к небольшому причалу, предназначены для созерца-

ния противоположного берега. В момент работы инсталляции всё пространство приобрело какой-то неземной образ — люди погружались в волнообразные световые потоки, как в фильме «Солярис» А. Тарковского. Всё сошлось воедино: водные аллюзии, «измененное сознание» (на момент «погружения»), медийная привлекательность аттракциона. Существенно, что общение с публикой состоялось посредством созданной атмосферы и с обязательным участием физических координат пространства, ведущего вниз, к воде. Сплав света и реально осязаемых характеристик среды дополнен водной темой, словно расширившей, благодаря медиа, свою идентичность. В вечерние часы фестиваля мы могли не просто приближаться к Оке, а нырять в какую-то альтернативную «воду», в потусторонний океан переливающегося света.

Безусловно, идея временной, преображенной в новую реальность среды старого города в фестивальном формате продуктивна и жизнеспособна. Событие вызывает неподдельный интерес публики, порой близкий к ажиотажу. Город заполняется возбужденными толпами, курсирующими от площадки к площадке. Празднично! При этом несколько дико и искусственно. Наверное, здесь следует поразмышлять над возможностью бытования художественных (не информационных или рекламных) светопроекций в повседневном городском ритме. Возможно ли естественное сосуществование человека с новыми эфемерными реальностями, будет ли оно столь же гармоничным, как жизнь в материальных стенах исторического города? Сегодня уже немало примеров новой медиа-архитектуры, но здесь мы говорим о трансформациях именно пространства с историей, которое имеет привычный «дневной» образ. Вероятно, в этом вопросе есть смысл искать верные и в каждом случае индивидуальные сочетания характера места, таланта художника, необходимых затрат и временных интервалов — частоты воздействия.

*Притяжение света. «Солнце», «Смешанная техника». ЦЕХ *, Нижполиграф*

Иммерсивное искусство проникает сегодня как во внешнюю, так и во внутреннюю среду, что уже не является сильным новшеством. Мое внимание привлек один конкретный проект, который приоткрывает чуть больше средовых возможностей в контексте художественной интеграции. Инсталляция «Солнце» Владимира Чернышёва

В. Чернышёв. «Солнце». Металл, канифоль, световые приборы, лазерная проекционная система. Выставка «Смешанная техника». ЦЕХ *, Нижполиграф. Фотография М. В. Дuceва, 2023 г.

(металл, канифоль, световые приборы, лазерная проекционная система) стала частью выставки «Смешанная техника» четырех разных авторов и во многом приобрела статус ее кульминации. Выставка — итог совместной лаборатории студии «Тихая» и студии dreamlaser²⁴⁹. Зритель проходил через ряд инсталляций по разноуровневому лабиринту в грандиозном темном пространстве бывшего печатного цеха, чтобы в финале его встречал впечатляющий «горящий» диск. Даже по беглому описанию понятны истоки работы — достаточно прозрачно прочитывается отсылка к известному проекту «Погода» в Тейт Модерн О. Эллиассона, но это вряд ли недостаток. Скорее, наоборот — принадлежность к определенной линии искусства, работающей с непосредственными состояниями человека в архитектурном пространстве, с атмосферными эффектами стихии, пускай и воссозданными искусственно. В отличие от прославленного коллеги,

²⁴⁹ Выставка «Смешанная техника». URL: <https://www.tseh.space/mixedmedia/?ysclid=lnuuc84y1g170366451/>

автор нижегородской инсталляции использует канифоль, тающую под воздействием лазера, т. е. привлекает наше внимание к реальному физическому процессу. «Солнце» не вечно и постепенно иссякает — завораживающее зрелище внутри черной комнаты в центре города...

Свет работает с материалом во времени и в пространстве, создавая атмосферу, объединяя качества процессуальности, театральности, перформативности. Возможно, что для нашей темы важнее другое — то, что благодаря масштабной инсталляции создается городское архитектурно-художественное пространство промежуточного значения, единственная функция которого — созерцание процесса, далекого от повседневных забот, от событийности или городской идентичности; новая форма бытования современного искусства в среде, дающая возможность погружения в метафизическое измерение среди реальности.

Модная тенденция разного рода мультимедийных акций рождает новые пространства и необычные городские функции. Фестивальный сценарий, который был рассмотрен выше, далеко не единственный: медиа плотнее входит в городской обиход, становится частью образа жизни. Так, сегодня идут работы по модернизации комплекса бывшего Нижполиграфа, одним из резидентов которого как раз и является студия светопроекций dreamlaser. Выставки проходят в масштабном многосветном пространстве «Цех *» некогда полиграфического цеха — идеальный black box для работы с искусственным светом. Здесь экспонируются концептуальные авторские инсталляции, но сам факт регулярности происходящего сделал место точкой городского притяжения. Световая функция вышла наружу — часть комплекса теперь оборудована медиафасадом, сообщающим об обновленной идентичности. От медиа прежнего формата (газеты и журналы) Нижполиграф повернул к нематериальным средствам коммуникации. Световые проекты сориентированы на создание именно средовых эффектов (пусть и в закрытом помещении). Становясь значимым и уже известным пространством (среди молодежи особенно) в городе, оно словно превращается в продолжение городских маршрутов, среды города. Для определенных сообществ — логично дополняет среду Нижегородского стрит-арта, а это уже своя полноценная линия, свой

«текст»: граффити на уютных исторических домиках, непарадные городские маршруты и «дрейфы», так называемые «заброшки» (неиспользуемые и во многом деградированные бывшие производственные территории), наконец, световые концептуальные превращения... В целом — еще один культурный код Нижнего Новгорода.

Глобальное или идентичное? Размышления на полях

Глобальное и идентичное — две условные категории, два крайних полюса, вряд ли существующие сегодня в чистом виде. Да, современности свойственны неожиданные связи, сомнения, гибриды. Примечательно, что по-настоящему глобальное проникло в отечественную потребительскую культуру и среду больше в бытовом масштабе (в форме гаджетов, индивидуальных средств связи и прочего), чем на уровне архитектурной среды крупного провинциального города. Идентичное в нарицательном смысле практически нежизнеспособно, так как предполагает точный повтор, распространение копий (будь то историческая или иная среда). К жизни больше приспособлено интерпретированное или интегрированное, чем ортодоксально идентичное. В силу привычки мы продолжаем широко использовать термин «идентичность», манифестируя ценность чего-то неизменного или, наоборот, — желаемую непоколебимость определенных ценностей. Однако всё находится в движении и если не проходит вовсе, то метаморфирует, о чем живо свидетельствует мудрая природа. Вместе с этим современный человек при всех недостатках всё же приобрел уважение к своей индивидуальности, а значит, и к своей персональной оптике, и к личной самоидентификации в окружающем пространстве. Глобальное и идентичное сосуществуют и ведут диалог.

Какой же в таком случае может быть пространственная иерархия? Вероятно, плюсом к сакральным или исторически обусловленным видам можно причислить ее более подвижную форму, в которой достоинством будут считаться слоистость образов и объемность значений. Иерархия, при которой наличие связей, притяжений, их комбинаций ценнее составляющих. Но не только это! Безусловно, «крупные энергии» и стихии места, фундаментальные пространственные характеристики, архетипические сю-

жеты, городская морфология и мифология, рожденные в культурном и историческом контекстах, играют особую роль. Нижний Новгород в этом плане — показательный пример. Сила рек, Волги и Оки, значение «пустого», свободного от чрезмерной заботы человека речного простора и заречных далей (умышленно не застроенных пойменных лугов на противоположном берегу), высотные отметки рельефа — всё это формирует своего рода интегральное энергетическое и эмоциональное поле притяжения в сознании профессионала, жителя или туриста. Морфотипы вечного порядка, казалось бы, проживающие свою глобальную историю вне человека, не только без его обязательного вмешательства, но, возможно, и без необходимости его присутствия здесь как такового, оказываются наполненными самыми сильными антропными смыслами. В Нижнем указанные категории исторически перевешивают остальные, включая всю местную архитектурную историю: кремль, ярмарку, деревянное зодчество, незначительный слой классики, богатое наследие нижегородской эклектики или отдельные памятники и градостроительные ансамбли советской архитектурны, достижения нижегородской архитектурной школы... Отрадно, что авторы текущей средовой модернизации интуитивно считали и не оставили без внимания эту идентичную черту города.

Нижний Новгород представляет несколько текстов — каждый своего времени и своего происхождения. Историко-культурный нарратив, событийный ряд, следы аутентичной старины, новые «сообщения» актуальной культуры, а также природный ландшафт, традиционно сильный и вневременной. Отмеченная многослойность вдохновляет на творчество и в чем-то даже залечивает раны от тяжелых материальных потерь в исторической среде, так как сохраняет и побуждает созидать город в духе сложного единства. И, конечно, нельзя не принять во внимание актуальные «записи», основанные на актуальных средовых и иных популярных приоритетах. Отметим, что авторами упомянутых новшеств становятся не только архитекторы, что, в общем, тоже знак времени, — модернизация среды предполагает и перестройку отношений во многом в сторону организации пограничных межпрофессиональных коллабораций.

Промежуточные итоги жизни ряда обновленных городских пространств подталкивают к следующим размышлениям. Очевидна ориентация на ряд универсальных

тенденций, сопровождающих неминуемый и порой неукротимый процесс глобализации. Однако в этом русле прослеживаются момент их адаптации к условиям и специфике места, истории и культуры, а также интерпретация локальных черт. Местная идентичность выражена чаще всего в ландшафтном или событийном ключе, что, вероятно, объясняется исконно сильными «нижегородскими» энергиями: разгулом стихий (водной, воздушной, земной в характерных формах рельефа) и своеобразным типом купеческого «ярмарочного» темперамента, отличающего нижегородца от жителя иной провинции. И если второе утверждение, скорее всего, не бесспорное, то первое относится к фундаментальным средовым основам Нижегородской земли.

Авторами исследования уже не раз говорилось о роли и жизнеспособности вневременных качеств в среде, подвергнутой реновации и модернизации²⁵⁰. К их ценности есть смысл вернуться и сейчас, подводя итоги. Нами был очерчен ориентировочный круг понятий: «дрейфующая» идентичность, динамическая коммуникативность, театральность и театрализация, аура и атмосфера, витальные качества, художественная интеграция. Как уже отмечалось, все они тесно связаны, выражены в специфических для рассматриваемого пространства формах и переплетены в некое единое объемное поле, помогающее, как нам кажется, существовать местам человеческой жизнедеятельности вне зависимости от воплощенных преобразований и даже от некоторых не самых тяжелых ошибок. Театр становится продолжением нижегородского ландшафта — сама природа здесь театральна и предстает в завораживающем «театре стихий». К слову, и витальные качества значительно расширены благодаря праву на жизнь естественной среды в городе. В отношении человеческой витальности хотелось бы не ограничиваться только многолюдностью, популярностью средовых пространств (что тоже служит показателем), а осмыслить их содержательную и образную наполненность, потенции, вызвать к жизни мотивы прошлого на метафизическом уровне. Не случайно французский историк, культуролог и социальный философ, автор «Изобретения повседневности» (1980) М. Де Серто пишет об особом опыте повседневности

²⁵⁰ Дущев М. В. Модернизация архитектурной среды города — в диалоге с идентичностью (на примере общественных пространств Нижнего Новгорода) // Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория. Кн. 2 / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.: Архи.ру; СПб.: Коло, 2023. С. 262–287.

сти горожан — они «обращают город в огромное хранилище памяти, где процветает множество поэтик»²⁵¹.

При этом внимание к прошлому и событийности, словно наследующей некоторые важные мотивы из истории (публичные выставки, концерты, праздники), снова возвращает нас к теме «мерцающих» или «дрейфующих» форм идентичности. В частности, нижегородская программа модернизации изначально опирается на признание ценности локальных качеств, их предварительного изучения авторами проектов, что сопровождает проектную философию. Воодушевляет и то, что иммерсивное (цифровое) и мультимедийные искусства, способные преобразовать среду до неузнаваемости, практически повсеместно основываются на аутентичной среде в качестве своего носителя. Особое внимание к подлинной истории города наблюдается со стороны цивилизованной части потребительской и молодежной культуры, готовой воспринять не окаменевшую схему города-музея, а живую интерактивную концепцию среды, вмещающую и музейную составляющую. Природная идентичность сопутствует перечисленным формам, часто превосходя их по силе, но еще чаще вступая в симбиотические продуктивные союзы.

Одной из противоречивых тенденций выступает распространенная универсализация решений, что одинаково касается и функции, и эстетики. Сегодня они становятся частью канона, можно сказать, нового «стиля», унаследовавшего черты функционализма, минимализма, урбанистики и поп-арта, смешавшись в вольном игровом ключе. Кто-то может увидеть в этом лишь проявление потребительских вкусов, кто-то — черты метамодернистского дискурса (хотя, как правило, он трактуется сложнее), кто-то — банальное повторение полюбившихся публике приемов. Анализ опыта показал, что проектные команды (зачастую также относящиеся к разряду молодых или условно «молодежных») задают именно этот гибридный вектор с характерным вниманием к экологическому дизайну, игровым сюжетам, городским активностям.

Художественная интеграция в архитектуре на определенном этапе подошла к необходимости пересмотра своих оснований — сегодня они явно сместились из

²⁵¹ Серто М. Призраки в городе. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html>.

сфер гармонии, красоты и единства к потребностям в новых формах целостности. Напомним, что онтологически данная категория не вполне идентична с целым, хотя и предполагает его наличие. Целостность указывает на соотнесение и взаимную выраженность части и целого. Сегодняшние спонтанные проявления новых языков и форм выразительности (на грани с социальной проблематикой, цифровым миром или экологической повесткой) вполне допустимо считать предвестниками новых целостностей, так как они выражают крупные актуальные сдвиги культуры. Новое художественное качество среды всё чаще уже недостижимо без участия вышеуказанных характеристик, казалось бы, пришедших из иных сфер жизнедеятельности.

Недостатком используемой сегодня концепции художественной интеграции представляется явное недоверие к художнику в классическом понимании — отсюда редкое обращение к рукотворным мотивам, к скульптуре или монументальной живописи, мозаике. С большей готовностью пространства обращены к уличному искусству, занимающему отдельную нишу в городской культуре. Например, стрит-арт традиционно подпитывается идентичными мотивами, интерпретирует, зачастую укореняется именно в них. Уличный театр, «сайт специфик» или акционизм — также активные соучастники среды. С другой стороны, в город смело шагает «художник» цифровой, оставляя свой след внутри и снаружи, т. е. в закрытом общественном пространстве и на улицах города.

Обозначив общие моменты, следует резюмировать ряд адресных для Нижнего Новгорода положений. Завершившиеся исследования актуальной проблемы идентичности исторического города с позиции художественной интеграции и целостности основаны на использовании круга авторских понятий в обновленной системе критериев оценки жизнеспособности архитектурной среды: аура, атмосфера, витальность, театральность, природа и органические закономерности, проблема реальности, коммуникация, перформативность, динамическая идентичность.

Анализ ряда новых модернизированных общественных пространств Нижнего Новгорода показал общие подходы к решению социального использования, а также определенные универсальные приемы объемно-пространственных, художественных решений, предметного наполнения среды. Диалогичность, интерактивность и инклю-

живность пространств следует отметить как продуктивные качества их обновления. Типизация архитектурно-художественных качеств, ведущая к нивелированию культурной идентичности, вызывает серьезные опасения. При этом природная ориентированность большинства реализованных проектов служит сохранению ландшафтной идентичности, исторически характерной для города.

К наиболее актуальным способам интеграции художественных практик в среду Нижнего Новгорода на сегодняшний день следует отнести стрит-арт, а также световые и видеопроекции. Наиболее удачные примеры видеомэппинга показывают рождение синтетических пространственных произведений нового качества, в которых материальная и «нематериальная» среда выступает на равных, формируя целостный эмоционально-смысловой образ.

В заключение повествования немного вспомним начало наших размышлений. Итак, тема глобального и идентичного привлекает «игрой слов», вернее, игрой их значений: глобальное как потребительское и глобальное как масштабное, объемное, превосходящее человека, а идентичное — как повторяющее аналог или как укорененное в данном месте, уникальное в своем роде. Следовательно, рассмотренные понятия могут быть сегодня далеко не одномерно поняты и по-разному выражены, даже взаимно выражены, как в случае столь идентичного для Нижнего глобального масштаба стихии, «размаха» приречных пространств и бесконечности далей, а также, наоборот, — в контексте повторяемых универсальных приемов, идентичных друг другу, но совершенно не индивидуальных. Таким образом, и сами выводные тезисы следует не напрямую сопрягать с обсуждаемыми понятиями, а, скорее, усматривать и открывать в них существенные закономерности для жизнеспособных, витальных комбинаций, сближений, симбиозов. Обозначим, как и обещали, «на полях» эти важные характеристики:

- значение связей, слоистость и объемность образов;
- крупные энергии места, духи памяти, фундаментальные пространственные характеристики;
- межпрофессиональные взаимодействия и интегративные союзы.

Благодаря перечисленным условиям глобальные и идентичные качества среды жизнедеятельности вступают в диалог, образуя подобия актуальных «гибридов» потребительских функций и вневременных ориентиров, возвышенных идеалов, формируя базу для коммуникации профессионала с пользователем и как такового пространства с человеком, рождая новые формы востребованной сегодня сложной целостности.

БУДУЩЕЕ РЕСТАВРАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Российские города развиваются, благоустраиваются, модернизируются, что совершенно естественно и необходимо. Вместе с тем нельзя забывать об уникальной историко-культурной ценности каждого из них. Это относится и к относительно молодым городам, основанным или активно преобразованным в советское время. XX век ушел в историю, и его наследие стало нам дорого. Оно действительно заслуживает внимания и серьезного изучения.

Невозможно сохранить всё, что было когда-то задумано, спроектировано и построено. Хотя во всём есть свой смысл и культурная значимость, пусть лишь для узкого круга людей, живших в том или ином месте и любивших его. Поэтому перед нами стоит важнейшая и труднейшая задача ранжировать архитектурные ценности и обосновывать решения об их сохранении либо принесении в жертву ради обновления жизненной среды. Особого внимания заслуживают паллиативные решения, предполагающие такую модернизацию, при которой старое не исчезает вовсе, а продолжает жить и напоминать о себе под новыми напластованиями. Сегодня это определяют завлекательным термином «палимпсест».

В прошлом веке исторические города подверглись угрозе уничтожения архитектурного своеобразия со стороны напористой и беспощадной глобализации. Это в большой мере затронуло Россию несмотря на то, что советская идеология противостояла миру капитализма и империализма. В 1920-е годы авангард, а начиная с 1960-х модернизм и постмодернизм были явлениями интернациональными, унифицирующими архитектуру самых разных стран и народов. Многие поселения тогда потеряли свое лицо, признаки своей «идентичности», как теперь принято выражаться.

Действие всегда вызывает противодействие. В советском, а тем более постсоветском обществе стало усиливаться движение в защиту памятников архитектуры

и градостроительного искусства. В зарубежных странах после Второй мировой войны это движение тоже обрело немалый вес и авторитет, попав под эгиду ЮНЕСКО. Всё это так, однако практика современных градостроительных преобразований зачастую приносит такие плоды, которые вызывают по меньшей мере споры, а то и явные разочарования. Главная причина тому видится в постоянной борьбе неравноценных и неравносильных противоположностей. Охрана наследия признана делом государственной важности, но не имеет под собой столь привлекательных экономических стимулов, как радикальная реконструкция и новое строительство, что проще и выгоднее строительному комплексу.

Насущной задачей является поиск путей перехода от борьбы противоположностей к их примирению и органическому единению (в рамках архитектурно-градостроительной деятельности). Исходная идея заключается в том, что культурная самоидентификация общества совершенно необходима для подлинного цивилизационного развития. В противном случае это развитие оборачивается деградацией и самоуничтожением.

Основания надеяться на успех в этом деле дают новейшие политические процессы, нацеленные на преобразование однополярного мира в многополярный.

Архитектурное наследие России обладает большим своеобразием. Это надо признать и оценить по достоинству. Но оно очень разное ввиду обширности территории страны и длительности ее истории. Поэтому никак нельзя ограничиться небольшим набором «знаковых» образов для формирования общего представления о России и тем более тиражировать на такой основе огрубленные, искусственно созданные стереотипы некой специфичности русской архитектуры. Каждая местность, каждый населенный пункт, тем более крупный город требуют глубокого изучения и всемерного поддержания своего неповторимого характера. Как говорили в старину, что город, то и норы. Унификация архитектурно-планировочных решений идет явно во вред делу.

Пришло время отказаться от противопоставления архитектуры традиционной и новаторской. Наоборот, именно традиции — родные, дорогие людям и остающиеся жизнеспособными, должны служить опорой и источником вдохновения для совре-

менных проектировщиков, если они хотят создавать архитектуру, уместную в России, украшающую и прославляющую ее города и веси.

Это не значит, что надо отказаться от поисков нового и изолироваться от мира. На протяжении всей истории архитектуры происходили контакты между этносами, государствами, конфессиями. И контакты эти бывали весьма продуктивными в профессиональном отношении. Всё дело в том, насколько органичными получались новации и заимствования. А это зависело от успешности их освоения и адаптации к местным условиям. Нередко и иностранным зодчим удавалось так чутко откликнуться на ситуацию и пожелания заказчиков, что их произведения становились национальным достоянием России.

К сожалению, глобализация привела к распространению в России чужеродной и зачастую нелепой, вторичной, но кажущейся модной современной архитектуры. В Москве последнего времени появляется всё больше крупногабаритных «коробок» в дизайнерской «упаковке», не имеющей отношения к собственно архитектурным традициям. Такая «техническая эстетика» может быть привлекательной благодаря качеству исполнения. Однако она производит впечатление явления временного, преходящего, неспособного укорениться здесь.

Принципиально важным является пересмотр отношения к понятию «современность». Признаки этого всё отчетливее улавливаются в последнее время²⁵². Долгие десятилетия доминировало представление о том, что прогрессивная современность — это альтернатива консервативному историзму. Отсюда культ новаторства и бесконечная погоня за европейской и американской модой. Теперь всё изменилось. Звездные архитекторы всё еще стараются задавать тон, создавать новые творческие течения, но стойких международных стилей не возникает. Все самые яркие архитектурные решения эксклюзивны. И обосновываются они чаще всего желанием ответить на конкретную пространственную, природно-климатическую и культурно-историческую ситуацию²⁵³. Наиболее современными зданиями и сооружениями оказываются те, в формах

²⁵² Бондаренко И. А. Архитектура в эпоху модернизации образа современности // Современная архитектура мира. Вып. 20 (1/2023) / гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-история, 2023. С. 11–32.

²⁵³ Коновалова Н. А. Стратегии устойчивости современной архитектуры: «смирение» vs «амбициозность» // Современная архитектура мира. 2022. Вып. 19 (2/2022) / гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-история, 2022. С. 11–26.

которых ощущаются глубокие связи с этой ситуацией, с местными обычаями, традициями и идеалами.

Иными словами, образ современности на наших глазах расширяет свои временные границы, всё более захватывая в них наследие прошлого. Такое заключение не должно удивлять: вспомним, сколь активную, вдохновляющую роль играло историческое наследие в европейском искусстве и архитектуре, начиная с эпохи Возрождения. И такое заключение позволяет надеяться на значительный прогресс в деле охраны памятников архитектуры и исторически сложившихся поселений.

Радует то, что современная архитектура может теперь не контрастировать с исторической, а деликатно подлаживаться к ней, становиться соответствующей ее стилистике, пластике, масштабности. Города, таким образом, получают возможность развиваться преемственно, органически, гармонично. Конечно, к этому надо целенаправленно прилагать немалые интеллектуальные и творческие усилия.

Новизна ситуации в области охраны памятников архитектуры заключается в резком увеличении числа нуждающихся в реставрации объектов недавнего прошлого. В большинстве своем это очень крупные объекты, опасные в техническом отношении. Поэтому на передний план выходят задачи их инженерного укрепления и переоснащения.

Дом Наркомфина М. Я. Гинзбурга, недавно восстановленный его внуком, — яркий пример не классической, а модернизационной реставрации, сопряженной с заботой о повышении комфорта и коммерческой привлекательности обновленного жилища²⁵⁴. Очень многие здания XX века требуют именно этого — капитального ремонта лишь с элементами научной реставрации. Данный факт обрекает на тесное сотрудничество специалистов совершенно разных профилей и жизненных установок. Причем поборники сохранения наследия оказываются тут в явном меньшинстве. Хорошо, если их интересы находят точки соприкосновения с задачами современных девелоперов и дизайнеров.

²⁵⁴ Гинзбург А. В., Николаева Е. И., Боровикова Е. А., Старостина А. С. Как построен дом Наркомфина: мифы и практика реставрации. Строительные технологии архитектуры советского авангарда 1920-х годов // Архитектурное наследие. 2020. Вып. 73. С. 278–285.

Понятно, что такого рода опыт уже накопился и на более старых объектах, «приспосабливаемых к современному использованию». Однако признание ценности наследия XX века дает мощный толчок для «облегчения» отношения к проблемам «серьезной» реставрации. Опасность заключается в том, что стимулируется рождение новых поколений практикующих архитекторов, считающих себя вправе заниматься реставрацией.

К этому надо добавить обилие деградировавшего наследия промышленной архитектуры, с которым во всём мире обходятся весьма вольно, несмотря ни на какие хартии. Кстати, послабления вносятся и в основополагающие официальные хартии и рекомендации, касающиеся даже объектов всемирного наследия, находящихся под защитой ЮНЕСКО²⁵⁵.

«Молодые» памятники архитектуры решительно снимают с повестки дня тему сохранения «духа времени». Некоторым хотелось бы погрузиться в советскую эпоху, но только без ее грязи и зашарпанности. Постройки тех лет, на их взгляд, должны выглядеть как новенькие, без намеков на темные стороны действительности. Это устраняет препоны для новоделов.

Поклонники советского наследия возмущались по поводу сноса и строительства заново гостиницы «Москва», однако заказчикам это показалось делом рациональным и предпочтительным. И проектировщик нашелся с легкостью — Моспроект-2. Не реставратор, но использующий умения реставраторов. Из толщи стен, повидавших многих деятелей партии и правительства, ушел дух сталинской эпохи. Но возникает вопрос: разве это так уж плохо? Разве не содержит рационального зерна мысль о том, что давящие интерьеры сталинских высоток да и прочих «дворцов для номенклатуры» следовало бы модернизировать, дабы облегчить, раскрепостить их, или, образно говоря, «вливать новое вино в старые мехи»?

Недавно было объявлено о долгожданной реконструкции Дворца пионеров на Воробьёвых горах. Обращает на себя внимание термин «реконструкция», примененный в нарушение ФЗ-73, коль скоро это признанный объект культурного наследия.

²⁵⁵ Карпова Е. С. Современные концепции сохранения культурной ценности историко-архитектурного наследия: автореф. дис. канд. арх. М.: МАРХИ, 2023.

Но можно не сомневаться в благих намерениях руководства: дворец будет лучше прежнего! Мне посчастливилось в него много ходить, начиная со второго класса школы. Там было замечательно. Но сейчас подозреваю, что если попаду туда после реконструкции, то не расстроюсь, а только порадуюсь за его судьбу, ибо улучшить в нем хотелось бы многое.

Заботы властей о городском благоустройстве ведут к очевидному «вытягиванию» из прошлого и новых, и старых памятников архитектуры. Всё наследие стараниями реставраторов «омоложается» и как будто приводится «к общему знаменателю» сегодняшних представлений о качестве жизни. Городская среда становится одинаково «современной», оставаясь многообразной по историко-архитектурному наполнению.

Мастерство архитекторов-реставраторов вызывает гордость градоначальников, но на самом деле условия заказа угрожают ему потерей научно-художественной тонкости и глубины. Как с этим бороться? Путем укрепления внутривидового взаимопонимания. Для этого и нужны фундаментальная историко-теоретическая наука и серьезные научные конференции.

Линию на «омоложение наследия» проводят и церковные власти. Их можно понять: они устремлены от мира преходящего к вечному. Церквям и монастырям нужна «лепота» как наглядное свидетельство возрождения веры²⁵⁶. Научной принципиальности классической консервационно-реставрационной школы приходится ретироваться. Впрочем, насколько весомы у этой принципиальности мировоззренческие основания? Вопрос этот упирается в давнее философское противостояние идеализма и материализма.

Поборники строгой охраны наследия находят для себя опору в понятии подлинности. Создателям «Венецианской хартии» казалось, что ради достоверности представлений о ходе истории консервацию памятников следует предпочитать реставрации, новоделов же не допускать вовсе, дабы не вводить людей в заблуждение. Что погибло, того не воскресить, — жестокая, безнадежная атеистическая идея.

²⁵⁶ Вятчанина Т. Н. Научная реставрация и постсоветские воссоздания исторических памятников: диалог парадигм // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 12. СПб.: Коло, 2022. С. 286–299.

Жизнь оказалась сложнее и заставила поступать прямо противоположным образом: «залечивать раны» и создавать целостные реставрации с большой долей воссозданий утраченных архитектурных форм и декора. Достаточно вспомнить сильно поврежденные войной дворцы в пригородах Ленинграда. Там дело дошло до тончайшей имитации исчезнувшей вовсе Янтарной комнаты.

Периодически заявляет о себе интерес людей увидеть воочию не руины Парфенона, а шедевр античной архитектуры во всей его красе. То же касается и других памятников древности и Средневековья. Всерьез ставить вопрос об этом сейчас никто не смеет. Раздаются лишь шутки типа того, как поступил бы с Колизеем Ю. М. Лужков, будь он мэром Рима. Но даже и такие шутки говорят о том, что вопрос не отмирает.

И воссоздание сказочного дворца Алексея Михайловича, и пресловутое превращение руины в законченный Екатерининский дворец в Царицыно — все это знамения времени, которые не следует игнорировать. Есть также резоны в реализации некоторых исторических архитектурных проектов, оставшихся только на бумаге.

На конференции ЦРНИМ 2023 года главный архитектор этого уважаемого учреждения С. Б. Куликов совместно с коллегами поставил вопрос о реализации неосуществленного замысла О. И. Шервуда в процессе предстоящей реставрации Исторического музея. Хочется поддержать эту идею. Я предварительно высказывал ее еще в 1991 году, публикуя проектные цветные фасады Исторического музея, обильно украшенные изразцами, из собрания ГИМ в книге «Красная площадь Москвы: архитектурный ансамбль»²⁵⁷.

Встает вопрос: не может ли добротный воссозданный в первоначальном виде памятник претендовать на подлинность? Даже на бóльшую подлинность, нежели его законсервированные обломки, вызывающие лишь профессиональный интерес у ученых и грусть у романтически настроенных туристов? Всё зависит от того, что считать более ценным: материалы для дальнейших научных исследований или эмоциональный контакт с выдающимся произведением былого строительного искусства.

²⁵⁷ Бондаренко И. А. Красная площадь Москвы. Архитектурный ансамбль. М.: Стройиздат, 1991. С. 168–169, 275.

В этой связи надо обратить внимание на недавнее высказывание Святейшего Патриарха Кирилла относительно того, что археологические исследования, конечно, нужны, но негоже оставлять Кремль полем раскопок. Полагаю, что придет время, когда всё-таки решатся на воссоздание Чудова и Вознесенского монастырей.

Древние артефакты слишком загадочны, чтобы допускать в них творческие вмешательства. То есть их научная ценность намного превосходит художественную, поскольку восприятие последней зависит от глубины наших познаний, которой явно недостает.

С памятниками Нового и Новейшего времени дело обстоит проще. Зачастую имеются и проектные чертежи, и фотографии, позволяющие в точности восстановить и даже построить заново буквальную копию плохо сохранившегося или уничтоженного здания. Раздаются голоса против такого метода, поскольку и за короткое время меняются вкусы и технологии, новодел никогда не будет эквивалентом памятника архитектуры, какого бы возраста он ни был. Тем не менее восстановление архитектурных форм бывает гораздо важнее некоторых разночтений технического плана. С. О. Хан-Магомедов настоятельно призывал не бояться новоделов, аргументируя это тем, что в памятниках архитектуры главное — это формы и образы, а не материалы и конструкции. Понятно, что такая категоричность суждений сформировалась у него на базе изучения наследия авангарда. Та архитектура была мечтательной, и ее создатели были бы счастливы увидеть в будущем свои композиции в лучшем техническом исполнении. Хотя Селим Омарович высказывался аналогично и по поводу снесенных московских церквей.

Размышления над тем, какова доля истинности в приведенном суждении признанного мэтра, заставляют вникнуть в вопрос о традиционном отношении к проблеме сохранения и обновления ветшающих зданий. Испокон веков люди заботились о сбережении священных реликвий. Объекты мирские, профанные не удостоивались такой чести и должны были, как и все смертное, стареть, обрушаться и уступать место новым.

Но залогом стабильной жизни считалось старательное поддержание преемственности между поколениями. А для этого требовалось не только наследование реликвий, но и формоподражание, внешнее сходство нового со старым. Вот почему

культурную ценность представляли как вещественные святыни, их частицы, мощи, так и архитектурно-художественные формы, воспроизводящие авторитетные образцы, не обязательно в точности. Основания для таких двух подходов к поддержанию преемственности восходят к еще дохристианским магическим практикам, подразделявшимся на два типа — контагиозную и имитационную²⁵⁸.

Погружение в данную тему заставляет вдумываться в вопрос: что такое «подлинность» архитектурного наследия? Материя была важна, но не всякая, а только сакрализованная. Форма же была необходима для реализации идеального образа, архетипа, нисходящего свыше.

Это помогает объяснить существующее и сегодня отношение широких слоев населения к проблеме сохранения и модернизации построек и окружающей их среды. Людям бывает важна не столько документальная точность, сколько узнаваемость в современных постройках дорогих сердцу образов. Зачастую они довольствуются лишь приблизительными воспроизведениями этих образов в новых условиях и с удовольствием принимают их «улучшенную», идеализированную интерпретацию.

Модернизм приучил нас ставить во главу угла горделивые профессиональные представления о нужном и должном, игнорируя психологию потребителей, простых обывателей. А ведь у них есть своя житейская мудрость, имеющая глубокие традиционные корни. И, между прочим, из их среды выходят влиятельные начальники, заказчики, инвесторы.

Будущее нашей профессии зависит от того, в каком направлении будет развиваться общественное сознание. Довольно ясно угадывается тенденция к возрастанию интереса к наследию и восстановлению преемственных связей с ним. Но при этом никто не хочет отказываться от комфорта и «гламура» современности. Из этого следует вывод: специалисты в области изучения и реставрации памятников архитектуры будут нужны, но далеко не всегда для целей серьезной реставрации.

Яркий пример из моего недавнего опыта. В Муроме решили воссоздать усадьбу Ильи Муромца. Обратились ко мне, чтобы придать проекту научную основательность,

²⁵⁸ Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. С. 420–432.

хотя достоверных материалов нет. Но ведь и театральные декорации требуют знаний. Я привлек А. Б. Бодэ. Мы провели консультации, сделали эскизы. Однако деньги муниципальным заказчикам надо было освоить до декабря 2022 года. Всё закончилось созданием очередного «арт-объекта» руками местных умельцев. Нам даже постеснялись его показать. Так был выполнен пункт государственной культурной программы. Реставраторы для такого не годятся, но к ним, как видно, пытаются взывать о помощи. Можно, конечно, наглухо отгородиться от такой несерьезной деятельности, однако принесет ли это пользу?

Не может не радовать нарастающая популяризация темы своеобразия исторических городов. Признаки их «идентичности» специально отыскивают и придумывают. Ну что может получиться из этого без участия настоящих специалистов?

Многие частные заказчики хотят воспроизвести у себя образы очаровавших их в детстве императорских дворцов. И для этого находят проектировщики, но, как правило, плохо знающие историю архитектуры.

Отрадно, что возрастает забота об органическом включении новых построек в исторически сложившийся контекст. Но разве можно оставлять такую заботу на совести людей, зная не знающих о настоящей ценности этого контекста?

Из всего перечисленного следует такое общее умозаключение: профессия архитектора-реставратора будет приобретать еще бóльшую востребованность, но одновременно с этим — опасную размытость границ. В эпоху господства модернизма было гораздо проще определять, кто есть кто в нашем деле. Реставраторы были совершенно особой профессиональной кастой. Теперь же, с возрождением архитектурного стилизаторства, ситуация сильно изменилась. Это наглядно подтверждается и в смежных областях искусства. Всюду растет запрос на мастеров имитации, подделки «под старину». Лучшие специалисты в этом деле, — несомненно, реставраторы.

Что же делать ортодоксальным, добропорядочным архитекторам-реставраторам? Выше уже говорилось — надо консолидироваться на базе фундаментальной науки. Но из этого мало что получится, если наглухо замкнуться в себе. Насущной зада-

чей представляется рассмотрение реставрации в общеархитектурном потоке перемен, вкратце охарактеризованном выше.

Надо не допустить превращения элитных профессионалов в прислужников практиков, легкомысленно заигрывающих с историческим наследием. В противовес этому следует выстроить ясную систему субординации между всевозможными градациями научно-творческих изысканий с закреплением на ее вершине главных хранителей знаний о великом искусстве архитектуры. Тогда эти хранители, находясь в своей «башне из слоновой кости», смогут оказывать должное воздействие на происходящее вокруг — от мала до велика. И им будут говорить только спасибо. Если же «башни» не будет и все разбредется в поисках «подножного корма», тогда нам грозит смешение жанров и падение вкусов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать оптимистический прогноз относительно будущего российских городов, где растет число охраняемых и реставрируемых памятников архитектуры и градостроительного искусства. Очень важно подчеркнуть проявление всё большей заботы о создании для них подходящего контекста. Стремление к поддержанию своеобразия каждого поселения и окружающей его сельской и природной среды позволяет надеяться на то, что в России сформируется своя особая архитектурно-градостроительная культура, которая станет фундаментальным вкладом в общемировой процесс развития профессии. В таком случае снимется острота проблемы сохранения наследия, ибо новая архитектура будет не противиться, а содействовать органическому единению разновременных частей целого и формированию достойного образа современного и одновременно исторического города.

Для того чтобы этот позитивный процесс не давал сбоев, надо чтобы направляли его настоящие профессионалы — крупные ученые и творческие личности. Каждому муниципалитету требуется авторитетный общественный совет во главе с такими профессионалами.

Организацией, настроенной на достижение этой стратегической цели, является Российская академия архитектуры и строительных наук. Ей подобает возглавить

разработку инновационной программы создания поистине самобытной отечественной архитектуры, опирающейся на богатейший исторический опыт и учитывающей неповторимое своеобразие национальной культуры в ее самых ярких проявлениях на федеральном, региональном и местном уровнях. Необходимо разумно объединить усилия по сохранению историко-культурных ценностей с современным архитектурным творчеством. В этом вопросе требуется преодолеть все межведомственные барьеры.

Важно сделать акцент не только на научной инвентаризации культурного наследия, накопленного на обширных территориях страны, но и на осуществлении новых проектных разработок непременно на его основе, с учетом локальных особенностей, неповторимого колорита и «духа» места, с целью всемерного поддержания этнокультурной и конфессиональной идентичности российских городов, пригородов, сел и обживаемых природных ландшафтов.

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАСТРОЙКА И СОВРЕМЕННЫЙ УРБАНИЗМ

В российских городах на сегодня остается еще немало так называемого «частного сектора». Это и фрагменты исторических посадов, и деревни, попавшие в расширенные границы городов. Их особенно много в «городских округах», созданных в последние десятилетия взамен районов. Округа эти сразу же стали отождествляться с самими городами, хотя там расположены не только деревни, но и дачи, садоводческие товарищества, поля, луга и леса. Сходная участь постигла многочисленные поселения, вошедшие в состав Новой Москвы. Запретить урбанизацию субурбии нам не под силу, но хотелось бы высказать аргументы в пользу сохранения традиционной усадебной застройки и там, где территории считаются городскими.

Нас долго приучали к мысли о необходимости «стирания различий между городом и деревней». На самом деле эти различия надо культивировать и обострять, коль скоро у людей есть потребность и в том и в другом типе среды. К тому же теперь стали цениться города исторические, а они всегда включали в себя односемейные дворовладения.

Нельзя не заметить, что современные города стали больше походить на «гнездовья» привольно раскинувшихся слобод, нежели на былые компактные крепости. Поэтому тесная многоэтажная застройка не вправе быть определяющим признаком урбанизма. Да и насколько хороши были города-крепости в свое время? Они защищали граждан, но их высокая плотность была вынужденной, свидетельствующей о временах опасных, отнюдь не благоприятных. Недаром в древнерусских городах жизнь кипела на просторных посадах, а тесные дворы в кремлях оставались «для осадного сидения», по выражению современников²⁵⁹.

Градостроительная политика XX века была настроена негативно по отношению к деревне, которая считалась наследием отживающего мелкобуржуазного прошлого. Локомотивом прогресса однозначно считались города. Селам, отнесенным

²⁵⁹ Писцовая и Переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. СПб., 1896.

к разряду перспективных, надлежало преобразовываться в поселения «городского типа», а остальным — исчезать с лица земли. Хотя и тогда преимущества жизни в усадьбе были очевидны для начальства, которое пользовалось госдачами. До конца 1950-х годов большому числу номенклатурных работников полагались не только дачи, но и дома с участками в городской черте.

Генеральный курс на индустриализацию и коллективизацию, принятый в СССР, не дал хода возникшей было концепции децентрализации крупных городов²⁶⁰. Популярный и в Европе, и у нас в начале века говардовский кооперативный «город-сад» переродился в советский рабочий поселок²⁶¹, а в конечном итоге — в казенный многоэтажный «зеленый город». Советская власть целенаправленно разрушала очаги сепаратизма, возникающие там, где есть территориальные соседства, землячества. Ей было удобнее и безопаснее иметь дело с «трудящимися массами», организованными в профессиональные сообщества по месту работы. Поначалу после революции повели борьбу и с родовыми, семейными отношениями, на что нацеливались обобществление быта и государственная система воспитания детей.

Как видно, причины уничтожения традиционного городского дворовладения укоренены в леворадикальной идеологии, которая не прошла испытания временем и потому уже давно должна была бы утратить свою действенность. Однако слишком велика у нее сила инерции. К тому же никак не ослабевает убеждение в том, что разреженная застройка в городе экономически нецелесообразна. Город не должен расплзаться, распадаться на слабо связанные между собой части, терять концентрированность функций — всё это произносится как заклинание, направленное против реального положения дел. Как справедливо отмечал Е. Н. Перцик, предпринималось немало усилий по сдерживанию роста городов и агломераций, но все они оказывались малопродуктивными²⁶².

²⁶⁰ Косенкова Ю. Л., Меерович М. Г. Районная планировка в СССР: от децентрализации крупных городов к обслуживанию военно-промышленного комплекса // Советское градостроительство. 1917–1941 / отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 115–179.

²⁶¹ Меерович М. Г. Концепция города-сада и ее трансформация в послереволюционный период // Советское градостроительство. 1917–1941 / отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 31–76.

²⁶² Перцик Е. Н. Крупные городские агломерации: развитие, проблемы проектирования // Проблемы развития агломераций России. М.: УРСС, 2009. С. 41–43.

В европейских городах, в том числе крупных, столичных, таких как Париж, многоэтажная застройка чередуется с исторически сложившейся одно-двухэтажной, сохраняющей придомовые участки. Этот факт убеждает в том, что нет острой необходимости в отказе от нее в условиях капиталистической экономики. Мало того, в городах Северной Европы в ходе современной «реновации» районов массового индустриального домостроения происходит увеличение доли индивидуальных домов, на что нацелено движение «социально управляемого градостроительства»²⁶³.

Вместе с тем практика проектирования новейших городских районов по большей части создает впечатление, будто сейчас весь мир сошелся на том, что у односемейных особняков в городе нет будущего.

В 2018 году, будучи членом жюри международного конкурса на проектирование нового города в Китае, я задал вопрос представителю Нормана Фостера: «Вы сказали о широкой палитре типов жилья, заложенной в вашем проекте. Но я не вижу в нем традиционных китайских односемейных домов с внутренними дворами. Где они?» Ответ был категоричным: «Теперь в городах такой частной застройки быть не может». А ведь китайские архитекторы, участвовавшие в том же конкурсе, говорили, как сильно местные жители хотели бы сохранить свои родные поселения, попавшие в черту нового города!

В Европе последних десятилетий сдерживается высотное строительство и отдается предпочтение высокоплотной застройке, схематически имитирующей исторически сложившуюся, которая считается гуманной и экологичной. Там устраивают кое-где крошечные дворики при квартирах на первых этажах. Они являют собой жалкое зрелище, надо признать. В Германии есть примеры реконструкции панельных домов с пригораживанием к ним земельных участков капитальными стенами. Наличие своих клочков земли явно привлекает жителей в опустевшие районы. Конечно, так лучше, удобнее, уютнее. Но почему бы не дать людям нормальные участки? Ведь свободного пространства кругом немало.

²⁶³ Птичникова Г. А. Реновация жилых районов и формирование новых подходов к организации жилой среды в городах Северной Европы // Реновация городской среды: исторические прецеденты / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2021. С. 194. URL: <https://archi.ru/russia/92212/renovaciya-v-istoricheskoi-perspektive>.

Вместо позволения желающим жить в своем доме с садом и огородом муниципалитеты предпочитают выделять землю для выращивания овощей между многоквартирными домами. Это какая-то пародия на социализм. Таким способом гражданам прививают любовь к сельскому хозяйству, а заодно и к дикой природе, образы которой в виде некошенных трав вошли в моду с легкой руки ландшафтных дизайнеров, создавших хайвей на заброшенной железной дороге в Нью-Йорке.

Ландшафтный дизайн может выглядеть эффектно, однако ни по грядкам, ни по эстетскому бурьяну ходить нельзя. Людям остаются только площадки перед подъездами, узкие тротуары, велодорожки. Большим достижением считается освобождение дворов от автомобилей, хотя это страшно удорожает район и делает его попросту неудобным. Забота об инвалидах видна в устранении ступенек перед входными дверями. А как же инвалиду добраться до машины? И как подъехать скорой помощи, службе доставки, полиции?

Но главный недостаток таких районов состоит в том, что человека принуждают жить в среде переуплотненной, плохо инсолируемой, давящей, зачастую агрессивной и строго запрограммированной раз навсегда амбициозными архитекторами и дизайнерами. Такая среда предназначена для арендаторов, а не для собственников, коль скоро они тут заведомо бесправны.

Ясно, что насыщенная инфраструктурой земля города имеет высокую цену. Однако расчеты можно проводить по-разному. Экономика умеет подлаживаться и к свободам, и к запретам. Что выгоднее: лифт или автомобиль? — вопрос, на который нет и не будет однозначного ответа. Работавший долгое время в НИИТИАГе эконом-географ А. С. Эпштейн любил обращать внимание на разницу понятий «экономно» и «экономично, выгодно и эффективно»²⁶⁴. Экономическая сделка может быть выгодной на сегодня, но в перспективе вовсе не эффективной и ошибочной.

Загнанные в многоэтажки горожане находят отдушину в сезонном жилище на дачах. Но иметь два дома — это большая роскошь, которую не могут себе позволить европейцы среднего достатка. И не всегда это удобно. Многие предпочли бы коттедж

²⁶⁴ Эпштейн А. С. Губернаторы и наука // Независимая газета. 08.04.2000.

или хотя бы таунхаус в черте города. Сейчас они возникают у нас, но слишком робко и только на периферии.

Интенсификация использования селитебных территорий ущемляет интересы горожан и выглядит как минимум бестактно по отношению к коренным жителям. Вспоминается пресловутая практика «подселения» новых жильцов в коммунальные квартиры на основании унижительных нормативов.

Конечно, расплозание городов создает неудобства. Однако повышение плотности и высотности застройки отнюдь не устраняет, а только усугубляет эти неудобства, коль скоро территории городов не становятся от этого меньше. Ошибочной представляется и борьба против «спальных» районов путем насыщения их всевозможными функциями. Тут нужны учреждения для детей, домохозяек и пенсионеров. При этом необходима тишина, и не только ночная, но и дневная. А для активной части населения места приложения труда, престижные вузы, учреждения культуры и досуга в силу своей уникальности неизбежно останутся на значительном удалении от жилища. Поэтому скоростной транспорт и впредь будет необходим. Большой город не может стать пешеходным.

На Западе проблему смягчает преобладание арендного жилища, позволяющего легко менять место работы и обитания. У нас этого не получается. И есть большие сомнения в целесообразности увеличения доли арендаторов, ибо у них формируется совершенно не та психология, нежели у собственников, пускающих корни, становящихся старожилками и их законными наследниками.

Мне доводилось высказывать предложения о возвращении природе рекультивируемых промышленных территорий Москвы (в частности, вдоль Яузы и на месте завода «Серп и молот») путем размещения на них усадебной застройки. Это вызывало усмешку: кто же на такое пойдет при столь высокой цене на московскую землю?! Но ведь в Москве отводятся площади под общественные скверы и парки, и на это выделяется немалый бюджет. Если принять подобное предложение, то городу, конечно, придется поначалу вложить средства, но потом всё будет обустроиваться и благоухать за счет частных собственников. Территории окажутся прекрасными и полезными для

города и в экологическом, и в эстетическом отношениях, но будут не общественными, а частными.

В самом деле, почему богатые москвичи должны кучковаться на Рублевке? Они могли бы иметь виллы и в срединной части города. А на участках, подвергающихся «реновации», полезны были бы коттеджи для среднего класса.

Удивляет тот факт, что в прошлом не только состоятельные, но и совсем бедные горожане из века в век обитали в своих наследственных дворовладениях, а сейчас, при повышении общего благосостояния, все стали квартирантами. Почему застройщиками стали выступать только крупные фирмы? Почему обычному человеку не под силу построить свой дом в городе? Наверняка дело заключается не только в дороговизне земли, строительных материалов и услуг.

Есть еще фактор образно-эстетический, престижный. «Частный сектор» находится под угрозой уничтожения из-за своего «нестройного» вида. Это тот самый эпитет, который в XVIII веке использовал при характеристике панорамы центра средневековой Москвы архитектор В. И. Баженов, предлагая свой одиозный проект императорского дворца во весь Кремль²⁶⁵. В наше время начальникам бывает стыдно за деревенскую застройку, и они говорят: «Нельзя же так жить в XXI веке!»

Еще в середине 2000-х годов я полемизировал с бывшим главным архитектором Новосибирска, который заявлял, что великой стране не к лицу маленькие домики. Мой контраргумент состоял в том, что в многоэтажных корпусах люди мельчают, а в своем частном доме хозяин становится большим человеком²⁶⁶.

Недавно ярославский архитектор Илья Клягин заявил в интервью, что люди в «частном секторе» живут «в грязи» и никакой инвестор не возьмется оплачивать им современную инфраструктуру. Поэтому рациональнее переселять их в многоквартирные дома²⁶⁷. Но вопрос ему был задан даром. Ярославские старожилы крайне обеспокоены такой перспективой. Многие познали преимущества жизни на земле

²⁶⁵ Михайлов А. И. Баженов. М., 1951. С. 108.

²⁶⁶ Бондаренко И. А. Городам нужны усадьбы // АCADEMIA. Архитектура и строительство, № 1. 2007. С. 13–16.

²⁶⁷ Автор ярославского планетария — об исторической и современной застройке: «Архитектурное месиво — это здорово». Большое интервью с Ильей Клягиным о том, как надо строить в Ярославле. URL: <https://76.ru/text/realty/2023/02/13/72047189>.

в своем доме. Там не грязь, а живая природа. Локальное инженерное оборудование у всех сделано. Вдоволь пространства — и для семьи, и для общего пользования. Нет проблем с парковкой. А главное — есть к чему приложить свои собственные творческие силы.

Мне известно не понаслышке о том, как подмосковные обитатели «частного сектора» боятся и ненавидят архитекторов, которые, будучи на службе у властей и крупного бизнеса, в любой момент готовы запроектировать убийственную реконструкцию. В лучшем случае — оштрафовать за нарушение каких-нибудь невыполнимых регламентов. Это очень серьезный вопрос, обнажающий катастрофическое падение престижа профессии архитектора в глазах простых людей (не раз вынужден был объяснять соседям, что я архитектор не практикующий, а только историк и критик).

Во всём мире модернистское движение привело к расхождению интересов обывателя и архитектора, взявшегося за решение глобальных жизнеустроительных задач. Возникшая проблема довольно давно замечена. На ее устранение направлен «метод соучастия», заключающийся в привлечении к поиску проектных решений не только специалистов, но и самих жителей²⁶⁸. На Западе этот метод применяют с энтузиазмом, хотя, по сути дела, он является лишь психологической компенсацией того чувства неудовлетворенности, которое испытывает человек, оторванный от своего окружения и не имеющий возможности распоряжаться им по собственному разумению. Поучаствовав однажды в обсуждении проекта, житель потом должен оставаться всем только доволен, несмотря на вынужденные компромиссы, вероятные просчеты и появление новых потребностей. Архитектура, созданная для него, ему неподвластна. Это аналогично обитанию в экстравагантном дизайнерском интерьере. Он подходит для общественного заведения, но никак не для личного постоянного жилища.

Можно согласиться с тем, что разнокалиберные дома за заборами, сквозь которые проглядывает садово-огородный хлам, выглядят непарадно. А почему бы не возродить традиционную «ковровую» застройку с внутренними дворами, только не многоквартирными, а индивидуальными? Такая застройка очень помогла бы «залечиванию»

²⁶⁸ Хайт В.Л. Проектировщик и потребитель в формировании городской среды // Хайт В.Л. Об архитектуре, ее истории и проблемах. М.: URSS, 2003. С. 384–393.

повреждений в ткани исторических городов и придала бы горожанам недостающую полноту возможностей выбора образа жизни.

Определение застройки как «частновладельческой» нуждается в уточнении. В постсоветской России, как и во всём мире, города застраивают частные компании. Подавляющее большинство зданий принадлежит фирмам и учреждениям, то есть юридическим лицам. Такая застройка может получаться и разнообразной, и выразительной. Однако в отличие от застройки, принадлежащей физическим лицам, она оказывается «архитектурно-дизайнерским товаром», создающимся не для себя, а на продажу, для сдачи в аренду, для получения прибыли. В этом и заключается причина отчуждения современной архитектуры от человека и порабощения человека этой архитектурой.

Что можно сделать полезного в данной ситуации? Во-первых, признать безусловную ценность и преимущества традиционного типа усадебной застройки. Во-вторых, развеять миф о недоступности ее для «простых смертных». В-третьих, позаботиться не только о сохранении, но и о возобновлении строительства односемейных дворовладений в современных городах, что послужит снижению нагрузки на их территории, расчленению массивов многоэтажной застройки благоприятными в экологическом отношении буферными зонами. В-четвертых, осознать важность возвращения к архитектурному творчеству по индивидуальным заказам городских особняков при отказе от композиционно-стилистической унификации застройки в пользу ее постепенного, «индуктивного» сложения и естественного саморазвития, как это было свойственно историческим городам.

Звучат призывы к возрождению местного самоуправления, то есть общинных традиций, которые должны быть присущи гражданскому обществу. Эти призывы хочется приветствовать. Но могут ли они быть осуществлены в городах, где безраздельно господствуют «юридические лица», а у «лиц физических» явно недостает свобод и полномочий в отношении архитектурной организации среды обитания и жизнедеятельности?

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУРОРТНОЙ СРЕДЫ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Касаясь проблем сохранения курортной среды прославленных здравниц Кавказских Минеральных Вод (далее — Кавминводы, КМВ), необходимо подчеркнуть значение связей со всей проблематикой представлений о курортах, перешагнувших черту своего роста. Здесь важно напомнить, что весь этот регион как неповторимый курортный комплекс России сложился в основных чертах к концу XIX века и продолжил свое полноценное развитие в XX столетии. На протяжении почти всей истории этой местности осуществлялась государственная забота о благоустройстве каждого курорта — Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска²⁶⁹. Все они превращались в крупные оздоровительные центры страны, именуемые в дальнейшем городами-курортами КМВ. Их 200-летие было торжественно отмечено в 2003 году²⁷⁰.

Важно также отметить, что различные специалисты еще в прошлом отмечали, что по качеству и составу климатобальнеологических ресурсов этот регион не имеет себе равных во всей Евразии. Но сохранил ли этот уникальный регион те особенности курортов, которые выделяли его еще в недалеком прошлом? Вопрос непростой, и разросшемуся слою управленцев, как составной части власти предрежащих, он никак не по нутру. Именно в этом видится и основная угроза полноценному существованию курортов, подверженных нежелательным деформациям.

На различных этапах своей истории весь регион КМВ «облагораживался» различными распоряжениями и указами²⁷¹. В соответствии с Указом Главы Российской Федерации от 27 марта 1992 года и соответствующим постановлением Правительства, всему району Кавминвод (вместе с городами и поселками и окружающей их местностью) общей площадью в 5828 кв. км придан статус особо охраняемого эколого-

²⁶⁹ Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. Пятигорск, 2004.

²⁷⁰ Кавказские Минеральные воды. К 200-летию основания // Памятники Отечества. М., 2001. № 49; Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею. 1803–2003 // Наследие народов Российской Федерации. 2003. Вып. 2.

²⁷¹ Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. С. 3–5; Кавказские Минеральные Воды / под ред. д-ра мед. наук Н. Г. Кривобокова. М., 1994. С. 200–203.

курортного региона Российской Федерации²⁷². В соответствии с современным административно-территориальным делением территории в состав основной охраняемой части региона вместе с городами-курортами, относимыми к Ставропольскому краю РФ, входят также участки Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик, расположенные в основном к югу.

Предполагается (согласно официальным версиям), что рассматриваемые курорты и ныне еще обладают значительными ресурсами и возможностями. Тем не менее приходится принимать во внимание различные данные, характеризующие курорты. Если в 1985 году на отдыхе и лечении на КМВ побывало около миллиона человек, то в 1990-е годы их численность резко сократилась. В новом столетии число прибывших на курорты стало заметно возрастать. При этом общая тенденция к наращиванию «мощностей» (количества койко-мест и т. п.), как уже отмечалось, начинала тяготеть к гипертрофии уже в последней трети XX века. Эта тенденция оказалась чреватой последствиями с негативными отклонениями. Связано это прежде всего с тем, что определенные ведомства стремились максимально удовлетворить возрастающие потребности в пределах своих санаторных хозяйств, что приводило к расширению и городского хозяйства. Весь этот процесс не раскрывается и остается в тени... В конечном счете вся эта вольготная структура хозяйствования и увеличение управленческого аппарата приводили к определенному истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, о чем вскользь упоминалось в одной из редких публикаций²⁷³.

Ввиду рассматриваемых опасений по поводу будущего курортов сошлемся на упомянутый указ, в котором четко выделена цель постановления: сохранение природных свойств курортов Кавминвод с их «уникальными лечебными и оздоровительными факторами, историко-архитектурным и культурным обликом»²⁷⁴. Данная формулировка крайне важна и на новом этапе формирования рассматриваемых курортов, применительно также и к вопросам сохранения курортной среды на Кавминводах в целом.

²⁷² Краснокутская Л. И., Михайленко В. И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. С. 79–80; Кавказские Минеральные Воды. М., 1994. С. 202.

²⁷³ Кавказские Минеральные Воды. М., 1994. С. 201 и др.

²⁷⁴ Кавказские Минеральные Воды. М., 1994. С. 202.

Проводившимися исследованиями было выявлено, что на примере Кисловодска, расположенного в предгорной зоне Главного Кавказского хребта к северу от Эльбруса, наиболее наглядно прочитываются ныне все те противоречия, которые вызывают озабоченность. Это связано с особенностями его неповторимого климата, контрастно выделяющего данный курорт на фоне других здравниц рассматриваемого региона. На климатические особенности Кисловодска обращали внимание различные специалисты и представители различных сословий еще в XIX веке. Уместно также напомнить, например, что к 100-летию юбилею Кавминвод (к 1903 году) бывший врач Управления КВМ В. В. Святловский издал книгу, посвященную полубившемуся ему региону. Касаясь Кисловодска, он даже привел слова одной госпожи о воздействии кисловодского воздуха: «это *волшебная* (выделено мной. — С. М.) страна, где сама природа обладает особыми свойствами, здесь вдыхаешь веселость, удовольствие, счастье, всё заставляет веселиться: прекрасный вид, ... ясное небо, чистый и живой воздух и, наконец, общество, единственная цель которого наслаждение»²⁷⁵. Здесь важно осознавать значение слов «чистый и живой воздух» (!). И по моим собственным наблюдениям, сделанным лет сорок—пятьдесят назад: всегда подвижный воздух, спускающийся с альпийских склонов окрестностей Кисловодска, отличался особенной свежестью даже в наиболее жаркие летние дни. Именно поэтому за этим курортом закрепилось такое емкое и действительно содержательное определение, как «волшебный Кисловодск», которое произносили еще в XIX веке и закрепили в заглавии книги, посвященной курорту Кисловодск в объемном издании федерального уровня, выпущенном к 200-летию Кавказских Минеральных Вод²⁷⁶.

Раскрывая тему сохранения курортной среды КМВ, невозможно не касаться на современном этапе наиболее жгучих вопросов окружающей среды в целом. Многолетние исследования проблем курорта показывают, что РАЗВИТИЕ, ориентированное только на прирост количества койко-мест, когда в отчетах управленцев властвует «цифра» (отражающая количество приезжих) затушевывает проблему качества. Особенно,

²⁷⁵ Святловский В. В. К 100-летию юбилею Кавказских Минеральных Вод. Екатеринославль, 1898. С. 203.

²⁷⁶ Кавказские Минеральные Воды. К 200-летию юбилею. 1803–2003 // Наследие народов Российской Федерации. 2003. Вып. 2.

если касаться перспектив развития курортов. ПРОБЛЕМА соотношения количества и качества — это не только философская проблема. Эта проблема не обнаруживала свое надлежащее место применительно к развитию курортов. Рассматриваемая тенденция приводила и продолжает приводить не просто к обострению противоречий — к истощению ресурсов, но и к деградации культуры курортного строительства²⁷⁷.

Исследования архитектуроведческого характера показывают, что любые мероприятия, направленные на воссоздание приемлемой курортной среды, в которой реализовывался бы принцип баланса воздействий природных факторов (еще полностью не утраченных) и человеческой деятельности, требуют соответствующего подхода, связанного с кардинально иными взглядами на механизм управления хозяйствования на курортах в целом. Необходима разработка системы мер с опорой на научные данные, чтобы переломить психологию восприятия потребительского отношения к курорту, как к особенному виду поселения, в котором должна решаться только одна задача на данном этапе — реабилитация и повышение здравоохранных функций курорта в пределах всей его территории.

В свою очередь, дальнейшее развитие курортной среды должно реализовываться с учетом воздействий богатейшего культурного наследия с особенностями ландшафта, выявляемых и весьма поучительных традиций строительства курорта в недалеком прошлом, благотворно влияющих на лечебный процесс в целом. По одним только старинным фотографиям мы в большей степени узнаем о роли неповторимых панорам в развитии представлений о природной среде тех местностей, куда вторгся человек, осваивая их²⁷⁸.

Рассматриваемая тема, раскрывающая господствующие тенденции по модернизации курортной среды, начавшиеся еще в последней трети XX века, наталкивается на недооценку особенностей сложившейся курортной среды и на не выявленные рецидивы грубых подходов и вторжений в историческую застройку. Эта же тенденция в недооценках роли наследия в целом сказалась и на реконструкциях ряда

²⁷⁷ Кислицин В. Как расти курорту? // Кавказская здравница. 1987. № 80.

²⁷⁸ Маилов С. А. Роль панорам и визуальных связей в формировании особенностей Кисловодска // КМВ Экспресс. 2018. № 44. С. 8.

важных участков не только в черте города, например Кисловодска, но и в курортных зонах других курортов. Касаясь такого крупного курорта, как Пятигорск, в котором длительное время находилось Управление курортами КМВ (вплоть до 1920-х годов), отметим характер неумной модернизации центральной ул. им. Кирова (бывшей Царской), превращенной в основной бульвар городского значения еще в прошлом. Всю центральную пешеходную променаду (на протяжении двух километров) в период перестройки в начале нашего столетия начали занимать удлинённые магазинчики и павильончики, стесняя пространство для людей, которые по традиции из разных соседних улиц выходили на бульвар, чтобы провести свой досуг: отдохнуть, с кем-то встретиться и насладиться качеством этой курортной исторической среды, среды цветущего бульвара — и городского, и курортного одновременно.

Те же самые проблемы выявляются и в Ессентуках, расположенных по соседству западнее Пятигорска. Характерным примером неумной модернизации исторического центра в Ессентуках может служить улица, связывающая вокзальную площадь с центром курорта. Здесь у входа в центральный курортный парк появились внешне отстраненно привлекательные торговые центры, архитектурно сдавливающие еще уцелевшие старинные 2–3-этажные жилые дома с магазинами на первом этаже.

Затрагивая тему «качество среды», тем более в исторических городах-курортах, следовало бы признать, что здесь имеются определенные недоработки общегосударственного масштаба, несмотря на некоторое число полезных, но разрозненных публикаций отдельных специалистов. Некоторые среди них важны, в особенности те, которые непосредственно касаются архитектурной и градостроительной деятельности при взгляде «изнутри». Приведем заново, к примеру, некоторые очень важные суждения московского архитектора-практика, бывшего главного архитектора столицы, президента РААСН А. В. Кузьмина относительно того, какими идеями должны руководствоваться проектировщики при попытках встраиваться в исторически значимые пространства: «...главное — ничего не навязывать. Важно изучить историю места: без понимания прошлого не сделать шаг вперед. Чего сейчас не хватает, так это именно таких знаний... Проект всегда должен начинаться с „литературы места“ — с доско-

нального изучения его исторической ценности, культурного прошлого, традиций и легенд. Нас губит желание сделать лучше там, где уже хорошо...»²⁷⁹. Здесь особенно важна для нашей темы последняя фраза, когда недооценки результатов архитектурной деятельности предыдущих поколений на курортах приводят к диким конфузам при модернизации непосредственно даже в курортных зонах рассматриваемого региона. Именно в этой связи в двух своих публикациях я пытался обосновать тезис о необходимости реализации тотального ВСЕОБУЧа предмета архитектуры — основных проблем о пространстве, взаимосвязанных как в архитектурной, так и в градостроительной деятельности²⁸⁰. Именно ввиду того глухого состояния, в которое мы попали, необходимы коррективы общенационального характера, особенно в представлениях о среде обитания. Начинать обучение на тему архитектура надо в средней школе и с продолжением этого обучения во всех других учебных заведениях. Только такие, на мой взгляд, тотальные мероприятия способны сдвинуть существо основных проблем в архитектуре с «мертвой точки», препятствующей прогрессу общего жизнеустройства²⁸¹. Чтобы в обществе появился некий консенсус на многие важные вопросы, чтобы заработали активно подлинно общественные организации для всеобщего блага, необходима реализация особенных усилий в познании архитектуры и градостроительства. Иначе бесконечные разночтения и недопонимания в различных слоях общества и в структурах его управления по животрепещущим вопросам будут оказывать свое разрушительное воздействие и в дальнейшем.

Некоторый просвет в осмыслении подходов архитектуре дает, например, В. Л. Глазычев, поясняя, что «теория... обгоняя норму профессионального сознания в одних своих элементах... непременно отстает от практики в других, оказываясь не в состоянии уловить размытые контуры новых явлений в четкую сеть категорий»²⁸². Среда как «всеобъемлющая тема», выражающая общественное и гуманистическое на-

²⁷⁹ Как управлять глобальным городом? Монолог президента. Актуальное интервью // URBAN magazine. 2015. № 2. С. 3–13.

²⁸⁰ Маилов С. А. Проблемы освоения архитектуры как феномена деятельности в условиях современной цивилизации // Научный альманах Центрального Черноземья. 2021. № 1. С. 3–6; Маилов С. А. Архитектура, среда, пространство в условиях современной модернизации // Дельта науки. 2023. № 1. С. 7–11.

²⁸¹ Маилов С. А. Архитектура, среда, пространство... С. 7–11.

²⁸² Глазычев В. Л. Эволюция творчества в архитектуре. М., 1986. С. 387.

чало, никак еще не обнаруживает свое, подобающее ей место в мировоззрении профессионального и общественного сознания.

В предыдущем отчете приводил я примеры, когда, скажем, «средовой подход» применительно к архитектурной деятельности сыграл какую-то положительную роль. Это подтверждается и в изречении известного московского архитектора А. А. Скокана, когда роль этого подхода состояла, например, в том, что вводились «средовые характеристики», которые стали учитываться «при проектировании». Что эти характеристики стали влиять «на отношение согласующих инстанций к рассматриваемому проекту»²⁸³. Однако в ходе дальнейших своих рассуждений архитектор вскрыл и появившиеся барьеры, связанные с коммерческой целесообразностью, преодолеть которые часто никому не удается²⁸⁴. Секрет этого «барьера» раскрывается сполна, когда четко поясняется, что у «каждого серьезного проекта» есть значительный «согласовательный бюджет», влияющий на решения утверждающих инстанций именно данного проекта.

Недостаточно развитые взгляды на совершенствование курортов вытекают, как устанавливается, из пренебрежения к урокам истории строительства тех же самых курортов... Отсюда и недооценка принципов, заложенных в Положениях об охране «особо охраняемого эколого-курортного региона»... Исследования также выявляют, что любая деятельность в пределах региона: особенно строительная, связанная с отдельным объектом или комплексом, должна в большей степени учитывать значение фактора преемственности в развитии курортов. Рассматриваемые положения должны стать определяющими в формировании новых подходов к любым видам деятельности на курортах: управленческим, пространственно-планировочным, архитектурно-объемным, композиционным, ландшафтным, реконструктивным и др.

Наиболее существенные нарекания вызывают подходы к возведению зданий повышенной этажности, которые разрушают не только визуальные связи панорамного характера, необходимые при раскрытии многих, зафиксированных фотокамерами кар-

²⁸³ Скокан А. А. Проблемы средового подхода в современной московской архитектуре // Архитектура и строительство Москвы. 2001. № 2–3. С. 27.

²⁸⁴ Там же. С. 31.

тин курорта, обогащающих его восприятие, но также и в физическом отношении, образуя своеобразный заслон движению воздушных масс при характерных для Кисловодска слабых ветрах. Так, например, громоздкие 10-этажные строения, возведенные на возвышенности против центральной городской площади (Октябрьской) у начала Курортного бульвара, создают невероятный дискомфорт с учетом той загазованности, которая вызвана интенсивным движением автотранспорта. Рассматриваемый дискомфорт зафиксирован не только моими личными проверками и наблюдениями, но отражен был кратко в публикации одного из центральных журналов²⁸⁵. Заслоны, вызванные громоздкими сооружениями, появившиеся в последние годы, усугубляются новыми предложениями по возведению 23-этажной гостиницы «Интуриста» вместо 7-этажного корпуса Дома связи Кисловодска, построенного в начале 1970-х годов. По инициативе краевых чиновников делалась попытка убедить кисловодчан в том, что устаревшее здание Дома связи, расположенное в центре города, необходимо заменить 23-этажным зданием Интуриста, то есть вместо 7-этажного блока-«громадины» вставить, на счастье всем, 23-этажную и на сотню метров протяженную. Дважды заседавший собранный для утверждения новой гостиницы архитектурно-художественный совет Кисловодска (годами не собиравшийся!) данное предложение, идущее сверху, единодушно отверг. На членов этого совета сыпались реплики в их отсталости и отрешенности от насущных проблем.

Другой вид модернизации курортной среды, воспроизводимой в последние два-три года, связан с попытками облагородить общие пространства курортной зоны, превращая газоны улиц и полотна проспектов в новые каскадные лестницы с большим числом каменных ограждений, выявленным в предыдущем отчете. Определенные сомнения вызывает и «перелицовка» проезжей части (необходимая транспорту) Ленинского проспекта в каменные бульвары с маршами лестниц. Во всех этих мероприятиях положительно только одно: это стремление увеличить число пешеходных зон. Однако вместо того чтобы поручить проектирование рассматриваемых курортных зон местным архитекторам, в большей мере познавшим особенности Кисловодска, бывший

²⁸⁵ Зимина Т. Курортные сюрпризы // Наука и жизнь. 2015. № 11. С. 76, 77.

руководитель города возложил сложные задачи рассматриваемого проектирования на чужаков, на так называемых специалистов отдаленных городов. В результате мы получили такое нагромождение каменных форм (облицованных дорогостоящим материалом, не всегда уместным), что даже намеренное благодушие не способно будет сдержать критику в адрес осуществленной реконструкции одного из важных участков курортной зоны.

В соответствии с рассмотренными в этой работе положениями предпринимается попытка глубже раскрыть (опираясь на известные данные) некие «механизмы», которые способствовали бы более выверенным подходам по дальнейшему формированию своеобразия города-курорта как составной части остальных здравниц в пределах КМВ с безусловным учетом острых проблем по сохранению той части курортной среды, которая вполне уместна, и не пытаться «сделать лучше там, где и без нас всё хорошо».

Необходимо признать, что под воздействием той самой хрупкой природной среды, которая на современном этапе развития цивилизации вызывает всевозрастающие опасения со стороны значительного числа специалистов (если брать в целом): экологов, геофизиков, курортологов, бальнеологов, медицинских работников, а теперь еще и архитектуроведов²⁸⁶, значение природного фактора по улучшению среды в любых его ипостасях должно стоять во главе угла.

Возвращаясь к теме анализа данных, появляется необходимость напоминания того исторического факта, что природные особенности Кавминвод и их ландшафт относились к числу уникальнейших на нашей планете. В результате человеческой деятельности регион превратился не просто в антропогенный (как обычно) и исторически значимый курортный феномен. Рассматриваемые курорты вне их архитектурно выстроенных ландшафтов уже немыслимы. Вместе с тем нас должен настораживать тот факт, что баланс природного и рукотворного (абстрагируясь от частного к общему)

²⁸⁶ Кавказские Минеральные Воды. М., 1994; Кислицин В. Как расти курорту? // Кавказская здравница. 1987. № 80; Мартиросов П. Курорт Кисловодск — угрозы существования мировой здравницы // Огни КВМ. 2011. № 33. С. 7; Маилов С. А. Архитектура, среда, пространство...; Зими́на Т. Курортные сюрпризы // Наука и жизнь. 2015. № 11. С. 76, 77; Кузьмина Е. Г., Маркова М. М., Соколова О. Г. Геоэкологические проблемы города курорта Кисловодск // Градостроительство. 2016. № 2. С. 20–35.

достиг на Кавминводах определенного апогея, внушающего серьезные опасения ввиду дальнейшего экстенсивного развития всего региона. Именно поэтому сложившееся положение вещей требует особенного отношения к курортам, проявления бóльшей ответственности (затрагивая и непомерные государственные затраты), пока общая картина с тенденциями хаотичности не подвела нас к черте, «спровоцировав» необратимый процесс не только их нивелирования, но и отката в сторону деградации курортов, стирания их своеобразия и различий.

Каждый город-курорт Кавказских Минеральных Вод (КМВ) и впредь должен определяться исключительно сферой государственных интересов, особенной специализацией — обладать оригинальными лечебно-бальнеологическими свойствами своих здравниц не в ущерб их дальнейшего развития на базе строго научных комплексных разработок, ориентированных на лечение и выздоровление граждан, приехавших на курорт. Общее же состояние градостроения как единого организма должно быть в бóльшей степени раскрыто для всего народа, включая местных жителей. И чем глубже и разностороннее будет развита тематика особенностей Кавказских Минеральных Вод, тем отчетливее и яснее предстанут перед нами аспекты будущего курортов.

К сожалению, подавляющая часть изданий, посвященная КМВ, ориентирована на курортников-курсовочников или просто туристов, потребности которых ограничены их известными интересами. Публикации, затрагивающие более сложные вопросы современных курортов как городов со своей спецификой, обнаружить весьма затруднительно. Тем не менее следует особенно отметить заслуживающий внимания труд специалистов НИИТАГ РААСН «Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Города и новые типы поселений»²⁸⁷, в котором на высоком фундаментальном уровне были впервые более комплексно раскрыты основные черты первоначального формирования отечественных курортов, в том числе и на Кавминводах. Особенно ценными для данного отчета окажутся положения Е. И. Кириченко (под редакцией которой создавался этот труд), которые связаны со значением воздушного бассейна, базирующегося над обширной зоной уникального курортного парка в Кисловодске,

²⁸⁷ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Города и новые типы поселений. Кн. 2 / под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

служащего резервом для инфильтрации воздушных масс над самим городом. На эту тему мною был сделан доклад на конференции в НИИ изобразительных искусств Российской академии художеств в Москве в июне 2023 года, на котором был раскрыт малоизвестный сюжет, связанный с так называемой «модернизацией курортной среды». Еще в 1970-е годы реализовывались вторжения в пределы этого парка. Особенно примечателен факт, когда на бровке Джинальского хребта над парком вездесущее ведомство, курировавшее спорт в СССР, захватив участок на высоте 1200 м, приступило к строительству Олимпийского тренировочного центра. Ныне, в последнее десятилетие, этот комплекс создал целое поселение со зданиями, виднеющимися с расстояний в несколько километров.

Тем самым мною показано, что для истории вопроса охраны курортной среды представляют интерес не только капитальные работы, посвященные особенностям формирования курортов на рубеже прошлых веков, но и те исследования, которые наряду с раскрытием природных богатств КМВ раскрывают неразумные действия значительных масштабов, игнорирующие возможности более целесообразных подходов. Представляются важными в этой связи и те работы, в которых поднимаются вопросы подземных «кладовых» и их лечебных свойств. «Любые изменения состояния хрупкой системы, — заключает одна из них, — вызванные природными силами, например землетрясением, засухой, паводками или деятельностью человека, неизбежно сказываются на состоянии подземных вод»²⁸⁸.

С другой стороны, нельзя в стороне оставлять и вопросы ограничения территориального расширения курортов. Сильно разросшийся современный Пятигорск фактически слился с большим поселком Горячеводский и другими поселениями к югу и к северу. Он приблизился новыми районами к горе Бештау, за которой расположен другой курорт — Железноводск. Приблизился чрезмерно Пятигорск и к Эссентукам в западном направлении.

Расширение территории приводит к появлению массивов строений, разрушающих целостность панорамы курортов. В формировании исторического Пятигорска

²⁸⁸ Кавказские Минеральные воды. К 200-летию основания // Памятники Отечества. М., 2001. № 49. С. 15 и др.

исключительную роль играли и еще играют природные доминанты. Его планировочные особенности, несмотря на известную регулярность, подчинены рельефу. Гора Машук пока еще гордо высится над всем городом, над многими его районами и историческим курортным центром. Она не только ориентир, но и символ курорта. Всмотревшись в одну из старинных открыток с видом на достопримечательность Пятигорска, убеждаешься в том, что роль столь важного градоформирующего компонента в былые времена осознавалась сполна. Гора Машук как природная объемно-пространственная доминанта в формировании данного курорта должна и впредь сохранять свое значение, символизируя основание столь важного курорта в нашей стране: она должна сохранять свой первоначальный облик, т. е. оставаться незастроенной как в пределах всех ее склонов, тем более лесистых, так и пространственно с учетом основных направлений ее обзора, — качеств этого визуального обзора.

Разросся также и Ессентуки. Он расширился, а слившись с поселком «Белый уголь», стал приближаться и к Кисловодску²⁸⁹. Чтобы не превратиться в обычный средний город и не затмить общей застройкой роль курорта, необходимо сдерживать натиск «новостроя» по всем направлениям и в особенности на его историческое ядро вместе с курортным парком и памятниками архитектуры. Разработанная и научно обоснованная регламентация застройки городов-курортов должна реализовываться с бóльшей ответственностью. Как представляется, следует учитывать значимость и роль ценнейших природных компонентов, продолжающих прославлять Кавминводы.

В условиях опасности деградации существующего природно-градостроительного комплекса, объединяющего уникальный природный ландшафт Кавказских Минеральных Вод и города-курорты как единое целое, представляется важным на всех этапах его раскрытия и попыток реконструкций возвращаться к анализу рассматриваемого феномена с позиций тех значений и мотиваций, которые ставились во главу угла при первоначальном освоении данного региона.

Казалось бы, имеющаяся в нашем распоряжении картография с планами городов-курортов, нанизанных на одну железнодорожную ветвь, подводит нас к одному,

²⁸⁹ Маилов С. А. Роль панорам и визуальных связей в формировании особенностей Кисловодска // КМВ Экспресс. 2018. № 44. С. 143–144.

на мой взгляд, однажды опрометчиво высказанному положению относительно всего региона КМВ, что это «единый крупный „город-курорт“ под общим названием „Кавказские Минеральные Воды“»²⁹⁰. Вместе с тем, соглашаясь с тезисом о комплексном характере решения многих проблем на курортах, не имеет смысла сводить их в агломерацию, как это пытаются представить, например, некоторые молодые специалисты²⁹¹. Агломерация (по общему определению — скопление, нагромождение и т. п.) как форма управления курортами неприемлема. Она приведет к их нивелированию, сведению на нет их отличий, а в конечном счете к их полной деградации. Города-курорты всего региона не должны превращаться в агломерацию с массивами ее нагромождений (в угоду строительному комплексу) чужеродных градостроительных структур, специфические особенности которых выявляются современными исследователями²⁹².

В заключение следовало бы сказать, что реализуемая в последние годы модернизация городов-курортов КМВ носит в основном черты обостренно декоративно-рекламного характера, тесно связанного с коммерческой деятельностью, ориентированной на сиюминутную прибыль. Наряду с этим проявляются тенденции искажать или игнорировать те генеральные планы городов-курортов, которые разрабатывались в свое время Гипрогором, в особенности для Кисловодска с указаниями на ограничения строительной деятельности в обширных охранных зонах курорта. Выявляются три вида основных деградаций курортов: природно-климатический; визуально-пространственный (ландшафты, панорамы); локально-зональный, территориальный местного значения.

²⁹⁰ Боглачев С. В. Кавказские Минеральные Воды в исторических очерках. Пятигорск, 2012. С. 8.

²⁹¹ Бавина К. В. Агломерация Кавказские Минеральные Воды: развитие и управление // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 12. С. 335–345.

²⁹² Малоян Г. А. Агломерация — градостроительные проблемы. М., 2010.

**ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ
ПРИ РЕНОВАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА И КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ
ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Последние несколько лет программы реновации жилого фонда и обеспечения комплексного развития территорий фактически являются локомотивом определенного преобразования среды жизнедеятельности в нашей стране. Как известно, первая программа «реновации» началась в Москве в 2017 году. Эта модель, опробованная в столице и подлежащая копированию как положительный опыт, в том или ином виде была спроецирована потенциально на все города страны и постепенно принята в других регионах. «За основу нового законопроекта о комплексном развитии территорий (имеется в виду Законопроект № 1023225-7, внесенный в Государственную Думу 18 сентября 2020 года²⁹³. — Д. М.), была взята московская программа реновации пятиэтажек. При этом в проекте закона на 119 страницах слово „реновация“ ни разу не упоминается, речь идет о реконструкции и комплексном развитии территории»²⁹⁴. В сущности, имеется в виду снос так называемого «ветхого», близкого к аварийному или аварийного жилья, а именно многоквартирных домов этажностью до пяти этажей включительно в случае московской программы реновации, ради высвобождения городских площадей для последующего строительства новой жилой застройки с бóльшей высотностью, что дает возможность, повысив показатели плотности населения, экономически обосновать данные мероприятия. Получаемые новые площади, и не только жилые, призваны окупить бесплатную замену старого жилья на новое жителям — собственникам квартир в домах, которые попадают в программу реновации.

²⁹³ Законопроект № 1023225-7: в архиве: О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий (о совершенствовании института комплексного развития территорий и механизмов расселения аварийного и ветхого жилья) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1023225-7> (дата обращения: 07.11.2023).

²⁹⁴ Велесевич С. Всероссийская реновация: как предлагают расселять аварийное жилье // Сайт РБК-Недвижимость. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5f6c471f9a79474bd88cf818> (дата обращения: 07.11.2023).

Сначала обратимся к безусловно положительным сторонам программ реновации с точки зрения горожан.

Во-первых, обмен старой квартиры на новую декларируется качественно неравнозначным, то есть новое жилье должно быть качественно лучше: комфортнее, больше по площади с учетом перерасчета показателей минимальной жилой площади на одного жильца, что, в общем, видится действительным благом для жильцов-собственников.

Во-вторых, ровно то же касается и общих качественных показателей новой городской среды, формируемой программой реновации именно комплексно, которая должна становится комфортнее и предположительно визуально привлекательнее. Сам по себе принцип комплексного подхода в рамках очень жесткой нормативной базы, по идее, должен дать достаточно положительные фактические результаты программ реновации именно на уровне новой генерации городской среды, однако же исключительно на базе исходной архитектурной среды и ее самооценности.

В-третьих, здесь срабатывает важный и расхожий житейский подход: «новый дом всегда лучше старого», что само по себе является очевидным плюсом для обывателя, но он, впрочем, сильно расходится с реальностью, если рассматривать каждую ситуацию конкретно, а также учесть опыт роста и реконструкции исторических городов в советское и постсоветское время, когда исчезали огромные исторические части городов, которые в наше время, скорее всего, были бы хотя бы частично сохранены; а также новые части нередко довели над историческими, разрушая их целостность. Сформулируем этот принцип точнее: новый дом должен в идеале на порядок превосходить прежнее сносимое строение в архитектурном плане, то же касается и применения современных технологий строительства, современных оптимальных конструктивных решений, а также инженерных систем и коммуникаций. Причем последнее — бесспорный факт применения более современных инженерных коммуникаций по сравнению с коммуникациями в сносимых домах — является одним из ключевых в этой житейской логике и плотно затмевает все прочие качественные факторы, обуславливающие архитектурный облик нового здания.

А так как программы реновации носят подчеркнуто комплексный, а не точечный характер, то данный аспект необходимо рассматривать шире: новая городская среда и составляющие ее новые ансамбли должны быть на порядок бóльшего архитектурно-художественного качества исходной среды в тех ее сносимых частях, где такая имеет характер «ветхой, маргинальной, не подлежащей целесообразному ремонту и реконструкции». Более того, новая среда в идеальном пределе призвана сохранить все лучшие черты прежней: ее привычную морфологию, ландшафт и «зеленый» каркас, а также войти в органичный композиционно-пространственный и смысловой симбиоз с сохраняемыми существующими частями, в том числе историческими, которым более 50–60 лет, например, с участками так называемой «сталинской» застройки, оригинальным архитектурным наследием 1960–1970-х годов и так далее.

В-четвертых, применена достаточно демократичная выборная система включения тех или иных жилых домов, претендующих на попадание в программу реновации, с помощью прямого голосования. В случае московской программы собственникам жилья предлагалось проголосовать, и при последующем подсчете большинством голосов, а именно двумя третями, решалось, включается или не включается данный конкретный дом в программу реновации. Это правило впоследствии оставили неизменным и в Федеральном законе № 494-ФЗ о комплексном развитии территорий²⁹⁵. Более того, жильцы имеют право проголосовать еще раз на общественном собрании, и если всего треть собственников (плюс один голос) решит выйти из программы, то данный дом из нее исключат. «Для выхода из программы будет достаточно более одной трети голосов от общего числа всех собственников помещений в многоквартирном доме», — пояснил «РБК-Недвижимости» один из авторов законопроекта, заместитель председателя Совета Федерации Николай Журавлев²⁹⁶. С одной стороны, мнение жителей действительно учитывается, данная процедура вполне прозрачна и логична, и это, по-видимому, единственно верный способ учесть мнение по крайней мере большин-

²⁹⁵ Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300039?index=1> (дата обращения: 07.11.2023).

²⁹⁶ Велесевич С. Всероссийская реновация: как предлагают расселять аварийное жилье.

ства, а в случае возможного выхода из программы вообще учитывается мнение меньшинства, что говорит о тяготении закона к презумпции сохранения существующего уклада. Но, с другой стороны, сама по себе постановка тотального голосования по каждому конкретному случаю приводила в Москве к казусным ситуациям, когда под снос с «благословения» жильцов попадали дома с вполне выдающейся и самобытной архитектурой, которые так важны в особенности на периферии города, где относительно новым архитектурным формам «как воздух» требуется исторический контекст из той же «сталинской» застройки с характерными чертами «классической» архитектуры. Известны скандальные ситуации, когда в когорту «типовых пятиэтажек» попадали не только прекрасные «сталинские» дома, но даже дореволюционные здания, что немыслимо с точки зрения сохранения историко-культурного и архитектурного наследия. Несмотря на то что эти здания не обладают статусом памятника, с профессиональной точки зрения они крайне важны для формирования будущей здоровой среды жизнедеятельности, основывающейся на преемственности традиции, принятия и объективного переосмысления истории, оставления ее «следов» в формируемой новой архитектурной «ткани». Этот вопрос в принципе переадресовывается к поспешности составления списков адресов тех многочисленных зданий для включения в программу реновации, а также герметичности этой процедуры. И здесь для исправления явно ошибочных ситуаций в дело вступало буквально «ручное» управление, когда уже после голосований целые перечни домов, жители которых фактически проголосовали за их снос, выводили в ранг не сносимых, а подлежащих сохранению и реконструкции, но с возможностью изменения исходной жилой функции. Этот процесс был также достаточно закрытым, в нем участвовали и некоторые общественные организации, и ряд инициативных архитекторов, историков и общественников, и, по-видимому, диалог строился в том числе и с непосредственным участием администрации главного архитектора Москвы. И тем самым многие значимые для городского облика здания и, возможно, ансамбли были сохранены.

В-пятых, расселение жильцов сносимых домов декларируется строго в рамках исходного района, более того, в соседние будущие дома, что, исходя из данных

достоверных источников, полностью соответствует заявленным планам. С учетом острой обеспокоенности по этому вопросу жильцов и собственников квартир в домах, подлежащих сносу по программе реновации, такое реальное положение дел решает данную проблематику. И, безусловно, такой подход к расселению является единственно верным.

В целом программы реновации сквозь призму данных пяти позиций, перечисленных выше, видятся безусловно положительным явлением, в своей принципиальной основе призванном максимально улучшить среду жизнедеятельности пространства городов нашей страны. Однако всегда есть аспекты в градостроительных крупных проектах и тем более в таких мегапроектах, как программы реновации и обеспечение комплексного развития территорий, растянутых на десятилетия, которые требуют пристального внимания и, возможно, значительного переосмысления и последующей коррекции.

Так, сама по себе основополагающая идея преобразования плотности в значительно бóльшую сторону может быть подвергнута сомнению в своей основе, в особенности если рассматривать каждый конкретный проектный случай в рамках программ реновации в отдельности. С учетом того, что программы реновации не происходят «в поле», а именно значительно преобразовывают (и порой до полной неузнаваемости) существующую среду, остро поднимается вопрос о том, выдержит ли существующая транспортная, инженерная и социальная инфраструктура такие демографические изменения на той или иной конкретной территории. Эти аспекты с чисто математической и логической точек зрения в общем разрешимы с помощью специализированных предпроектных исследований на базе соответствующих научно-исследовательских институтов, анализа значительных массивов статистических, социологических и прочих данных, но, принимая во внимание и долю неопределенности будущей реальности прогнозируемых процессов, есть пределы этого проектного прогнозирования. Можно также обратить взгляд в относительно далекое будущее, когда те новые высотные дома и, в общем, сверхплотные городские среды также будут требовать по крайней мере капитального ремонта и реконструкции, новой реновации. Насколько это

реализуемо в таких промышленных масштабах, ведь в мировой практике пока еще нет достаточного опыта и прецедентов в данных вопросах реконструкции и преобразования так называемой «массовой» высотной и сверхвысотной застройки, так как именно на настоящий момент средний срок существования таковой не более 30–40 лет, что с эксплуатационной точки зрения не такой большой срок, чтобы говорить, например, об их сносе. Становится острым вопрос, куда отправится население этих домов во время проведения капитального ремонта и тем более после их сноса, ведь схема сегодняшней реновации по принципу значительного увеличения плотности населения уже не будет работать, так как у любого уплотнения есть свои пределы. Значит, такая экономическая схема не будет действовать, оперевшись в естественные пределы роста. А сейчас этажность зданий в новых проектах реновации вполне зашкаливающая, и увеличить плотность еще в отдаленном будущем в перспективе 50 лет вряд ли получится, не говоря уже о том, что этого вряд ли захотят будущие горожане. Конечно, можно отнести данный ореол вопросов к разряду малопрогнозируемых, но не задаться ими просто невозможно, ведь городская среда традиционно существует сотнями лет и не наблюдается предпосылок, что это естественное правило сильно нарушится при всех возможных технологических новшествах и движении научно-технического прогресса.

Сами по себе эстетические качества массового высотного жилья достаточно специфичны. Жизнь на высоких этажах, а также жизнь среди высотных зданий, вплотную расположенных друг к другу, по нраву далеко не всем. Однако произошел некий слом в сознании, и складывается такое ощущение, что современные реалии городской «спальной» среды стали восприниматься обществом как единственно возможная форма существования крупных агломераций и урбанизации как таковой, и в то же время как вынужденный компромисс между естественной нуждой в жилье и реальностью новой городской среды, где красота архитектуры да и архитектура вообще остались в прошлом, в истории, а реплицирующаяся повсюду новая, по существу, достаточно агрессивная своей урбанизированностью среда есть «машина для жилья» (эта живучесть модернистской формулы Ле Корбюзье говорит о том, что ее адепты находятся

в модернистской картине мира, которой уже почти 100 лет, и она давно неактуальна), к которой многие, а в особенности более молодые поколения привыкли как к единственной данности в силу инерции индустриального домостроения СССР вплоть до настоящего времени и которая выгодна крупным застройщикам. В то же время очевидна альтернативная ветвь развития российских городов в сторону хотя бы частичного сохранения прежней плотности при комплексной реконструкции (реновации) и, наоборот, ее понижения, в особенности при строительстве на новых, отдаленных от центра территориях, в субурбиях, приближаясь к формуле «одна семья — один дом», к которой, например, часто обращается А. В. Боков в своих рассуждениях о пространственном развитии территории Российской Федерации²⁹⁷. «Собственный дом разделяет судьбу других изгоев — малого города и пригорода, для которых он предназначен. Их развитию препятствует позиция крупного российского застройщика, который старается любой ценой оставаться в пределах большого города, избегая затрат на развитие инфраструктуры и эксплуатирующий имеющийся культурный и хозяйственный потенциал. Тот же застройщик, но в приобретенной им сегодня роли землевладельца, „лендлорда“, успешно препятствует не только установлению твердой градостроительной дисциплины, эффективному зонированию, но, прежде всего, появлению малоэтажной и коттеджной альтернативы. Искусственно создаваемый дефицит земель поселений, земель под застройку, в сочетании с отсутствием со стороны государства попыток стимулировать развитие инфраструктуры — существенные препятствия пространственного преобразования и оздоровления среды жизнедеятельности россиян»²⁹⁸.

Смешивая разные плотности застройки и повышая ее показатель в основном в зависимости от приближения жилой застройки к высокоскоростным транспортным хабам, таким как метро, можно получить ту самую «живую» многослойную городскую «ткань», которая будет более пригодной в ментальном плане в силу своих естественных архитектурно-художественных качеств, обращенных прежде всего к понятию «красота». Более того, в случае сохранения элементов исторической «ткани» и ряда

²⁹⁷ Боков А. В. О стратегии пространственного развития // АМІТ. 2018. № 4 (45). С. 13–37. URL: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/PDF/01_bokov.pdf (дата обращения: 07.11.2023).

²⁹⁸ Там же. С. 31.

элементов существующего ландшафта и сложившейся городской морфологии, что и подразумевает понятие «реновация», такая разнообразность в принципе уже имеет место быть, и другой вопрос, что фактически сохраняемых объектов, не подлежащих к сносу, не так уж и много, хотя и они уже оказывают значительное положительное эстетическое влияние на новую синтетическую среду (за счет их сохранения). То есть процесс в зачаточной стадии, благодаря этому, уже запущен, но следовало бы его усугубить и расширить до системного применения. И здесь уже не обойтись без изменения первичной понятийной базы.

Понятие «красота» в наше время низложено за счет смещения фокуса к его глубокой субъективации, что в целом достаточно преувеличено. Почему-то понятия «комфортность», «эффективность» и прочие подобные считаются наиболее объективированными, хотя это также не совсем соответствует реальности, так как за данными понятиями стоят в основном количественные показатели, однако показатели ментального и духовного благополучия, вызванные новыми архитектурными средами, вынесены далеко за скобки и находятся в лучшем случае в поле остаточного внимания архитекторов и градостроителей после выполнения огромного пласта нормативных ограничений, а также «рациональных» экономических показателей. На первый план в официальной отчетности и информационной риторике выходит такой показатель, как квадратные метры. Но стоит ли объяснять, что «голые» квадратные метры, лишённые образности и смысловых конструкций, не могут считаться таким образом эффективным показателем. То есть жилая среда может быть лишена элементарных удобств, но быть эстетически высокого уровня, и в то же время современная среда, насыщенная утилитарными благами (канализация, водоснабжение, пожарная безопасность и прочее), очень часто сильно уступает в эстетических качествах историческим средам, и это обстоятельство видно общественному большинству невооруженным взглядом. То есть экономическая рациональность здесь идет вразрез с рисками духовного и ментального кризиса, который порождает или может породить в перспективе десятилетий монотонная урбанизированная среда, созданная миром нормативов, призванных спасти жизнь и обеспечить первичные показатели жизнеобеспечения человека, что,

безусловно, также первостепенно важно, но не является единственно определяющим качеством среды жизнедеятельности. На первом плане и несколько выше утилитарности должна присутствовать и диктовать свои вполне универсальные традиционные правила архитектурно-художественная образная составляющая. Из этих соображений вопросы красоты выходят на первые позиции, и если в ветвях модернизма и его прямых определенных трансформациях и транскрипциях присутствует диктат неразрывности следствия «функциональное есть эстетическое», то есть «функция есть красота», то предлагается обратиться к более традиционной трактовке искусства архитектуры, где «красота есть первоначало», а функция есть переменная и ее временная производная. И «красота» здесь прежде всего понимается, как «смысл», как «образ» (архитектурный образ). При этом определение «красота как метод», получившее свое движение в модернизме первой половины XX века и свое переосмысление в постмодернизме второй половины XX столетия, не является тождественным с определением «функция есть красота». Иначе бы поиски «красоты» архитектуры сводились в основном до формалистских, по существу, ложных игр в «современные и исторические стили». То есть понятия «метод» и «функция» («функциональность») четко различаемы и не связаны между собой, так как понятие «метод» прежде всего обращено к смыслам. Как формулировал выдающийся архитектор Л. Н. Павлов, по-видимому, уже в 1970-е годы в одной из своих «экстрем», описывающих сущность архитектурного творчества: «Архитектура — не функциональна. Архитектура, как правило, переживает форму своего функционального использования, получая со временем всё новое и новое значение. Современная архитектура должна быть рассчитана на подвижную технологию. Она не может вести мелочную²⁹⁹ опеку функции. Архитектура стремится в пределе к такому обобщению функции, который сделает ее многофункциональной и тем самым независимой от функции. Переменная функция — это четвертое измерение архитектуры»³⁰⁰. Также Ф. А. Новиков обращался к этой сложной теме примерно

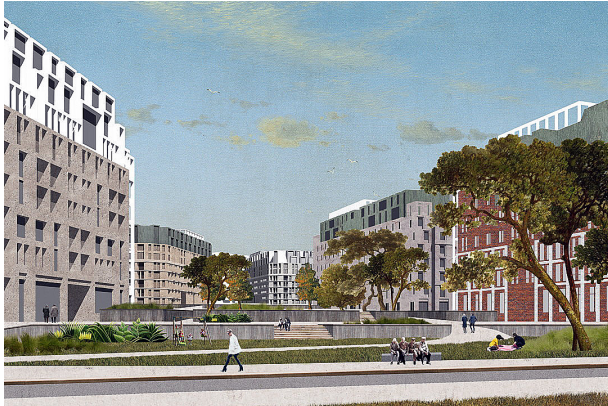
²⁹⁹ «Мелочную» — в авторской версии расшифровки фотографии рукописи на с. 63, «вечную» — в варианте расшифровки текста на с. 62 (Леонид Павлов / ред.-сост. А. Броницкая; авт. ст. О. Казакова, Л. Павлова. М.: Electa Architecture, 2015. С. 62–63).

³⁰⁰ Броницкая А. Леонид Павлов / ред.-сост. А. Броницкая; авт. ст. О. Казакова, Л. Павлова. М.: Electa Architecture, 2015. С. 62–63.

в это же время. Размышляя об известной триаде Витрувия «польза — прочность — красота», он вывел свою новую авторскую транскрипцию: «архитектура = (науки + техника) × искусство»³⁰¹, где «искусство», терминологически заменившее «красоту», есть множитель в «формуле» Ф. А. Новикова, и если он равен нулю, то архитектура обнуляется, отсутствует, а остается технологическое строительство.

Безусловно, формальной композиционной красотой всегда озадачены авторы-архитекторы по крайней мере на уровне ремесла. И проекты реновации, безусловно, отличаются своей эстетической составляющей и в ряде случаев искусством архитектуры, однако методологически многие архитектурно-пространственные решения вытекают из известных методик модернизма и неомодернизма. Богато представлены и постмодернистские поиски, которые видятся наиболее перспективными в силу обращения в том числе и к традиции далеко за пределами исторических рамок модернизма при всей его многогранности и сложности. Хотя и сам модернизм воспринимается авторами уже как устойчивая традиция, и этот фактор является «краеугольным камнем». Архитекторы достаточно часто трактуют традицией то, что отрицало саму традицию и преемственность в моменте своего сложного рождения и возникновения в начале XX века у нас и в мире. Обращаясь только лишь к «верхнему слою» богатого наследия русского и советского авангарда, мирового модернизма и далее, к постмодернизму, авторы формализуют авангард, обожествляя его до «Нового начала», что отчасти соответствует истине, но надо помнить, что сам по себе авангард также опирался на определенные компоненты традиции, отрицая ее на самом деле далеко не полностью. А в архитектурной среде культивируется именно якобы «полное низложение» всего предшествующего авангардом, что принимается и понимается как «метод», как руководство к действию. Но и это не так опасно, как формалистское обращение к приемам модернизма и постмодернизма по линии ремесленного копирования и микширования. В особенности это проявляется в крайне экономичных решениях, что, скорее всего, связано с пределами технологической сущности индустриальных стандартизированных и унифицированных методов строительства, появившихся именно во времена модернизма.

³⁰¹ Новиков Ф. Говорят архитекторы // Архитектура СССР. 1981. № 6. С. 38.

Площадка «Царицыно» (ЮАО): 1 — Конкурс реновации жилищного фонда в Москве. Здесь и далее источник: <https://tehne.com/event/koncepty/20-proektov-konkursa-konceptsiy-renovacii-zhilyh-kvartalov-moskvy?ysclid=lnomq94k70390864558>; 2 — Генеральный план. ООО «АБ «Студия 44»

Рассмотрим в целом проекты финалистов архитектурно-градостроительного конкурса на экспериментальные площадки реновации жилищного фонда в Москве, который стартовал 25 апреля 2017 года³⁰². Проекты разработаны крупными консорциумами, представленными известными ведущими проектными организациями, как отечественными, так и иностранными, в том числе проекты, не вошедшие в список финалистов³⁰³. Пилотными площадками были приняты районы Кузьминки, Царицыно, Головинский, Хорошево-Мневники и Проспект Вернадского. Анализируя все 20 проектов-финалистов, складывается такое впечатление, что все они за редким исключением вышли из-под пера практически одного авторского коллектива. О чем это может говорить? Прежде всего о крайне прагматичном подходе к решению такого, в общем, глубоко концептуального по своей сути и многокомпонентного вопроса, как экспериментальное проектирование реконструкций территорий на перспективу по крайней мере 40–50 лет и более. И данный подход, не обогащенный особым концептуализмом, проявился как раз на первой стадии — «концепция». Стоит ли говорить, что

³⁰² Выставка проектов финалистов конкурса реновации открылась в Москве // Официальный сайт Архсовета Москвы. URL: <https://archsovet.msk.ru/article/sobytiya/vystavka-proektov-finalistov-konkursa-renovacii-otkrylas-v-moskve> (дата обращения: 07.11.2023); Определены 20 финалистов конкурса на концепцию застройки кварталов реновации // Официальный сайт комплекса градостроительной политики и строительства Москвы. URL: <https://stroimsk.ru/news/opriedeleny-20-finalistov-konkursa-na-razrabotku-konceptsiy-zastroiki-piati-kvartalov-rienovatsii?ysclid=lnomq7809i848272950> (дата обращения: 07.11.2023); 20 проектов конкурса концепций реновации жилых кварталов Москвы // Сайт tehne.com. URL: <https://tehne.com/event/koncepty/20-proektov-konkursa-konceptsiy-renovacii-zhilyh-kvartalov-moskvy?ysclid=lnomq94k70390864558> (дата обращения: 07.11.2023).

³⁰³ Михайкин Д. И. Анализ некоторых архитектурных концепций организаций — участниц реализации «Программы реновации жилищного фонда в городе Москве» // Реновация городской среды: исторические прецеденты / отв. ред.-сост. И. А. Бондаренко. М.: СПб.: Архи.ру; Коло, 2021. С. 310–328. URL: https://archi.ru/files/files_uploaded/1485.pdf (дата обращения: 22.03.2021).

1

2

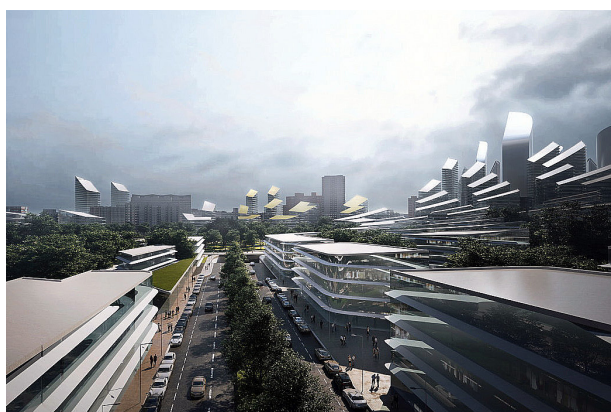
РАЙОН ХОРОШЕВО-МНЕВНИКИ
AI ARCHITECTS

Проектное предложение

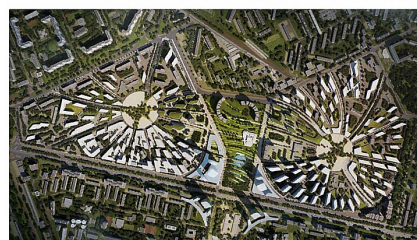
Существующее положение

Площадка «Хорошево-Мневники» (СЗАО): 1 — Конкурс реновации жилищного фонда в Москве; 2 — Площадка «Хорошево-Мневники» (СЗАО). Генеральный план. ООО «АИ-Архитектс», архитекторы Ю. Шередега, А. Вайсфельд, С. Мягков, А. Марулин

1

2

РАЙОН КУЗЬМИНКИ
ZAHA HADID
ARCHITECTS

Проектное предложение

Существующее положение

Площадка «Кузьминки» (ЮВАО). 1 — Генеральный план; 2 — Перспектива. ООО ТПО «Прайд», Zaha Hadid Architects, ARTEZA, Transsolar, Tyrens, KPMG, KROST, Habidatum

градостроительные концепции в процессе последующей разработки теряют значительную часть своего первичного «очарования», теряют ряд смыслов за счет сложно осуществимых замыслов. Но здесь ситуация обратная: абсолютно все проекты крайне реалистичны и лишены всякого полета фантазии, пусть даже наивной или едва реализуемой на данном этапе, но с надеждой на подобную реализацию в будущем. Всего этого, к сожалению, нет в предложенных проектах. Если сравнить этот конкурс с любым советским конкурсом времени конца 1950-х — 1960-х годов, не говоря уже о конкурсах 1920–1930-х годов, то по образной составляющей и с позиций новаторства все конкурсные проекты 2017 года похожи на «ученические» вторичные работы по отношению к проектам мастеров отечественной архитектурной школы и устойчивой традиции инновации прошлого столетия. Потрясает и общее, так скажем, в формально

Площадка «Хорошево-Мневники» (СЗАО). Перспектива.
ООО «АИ-Архитектс», архитекторы Ю. Шередега, А. Вайсфельд, С. Мягков, А. Марулин

Конкурс реновации жилищного фонда в Москве. Площадка «Кузьминки» (ЮВАО).
ООО ТПО «Прайд», Zaha Hadid Architects, ARTEZA, Transsolar, Tyrens, KPMG, KROST, Habidatum

стилистических решениях, и это уже говорит об идентичных методах проектирования, а именно в рамках неомодернистского дискурса, даже если решения близки к постмодернистским поискам. Остается только предполагать, что само по себе техническое задание на проектирование с прицелом на возможности крупных застройщиков и их потенциальной максимальной выгоды задало такой крайне утилитарный взгляд на общие схожие методики разработки проектных решений.

Тем не менее выделяются определенной относительной оригинальностью по отношению к конкурентам три проекта: проект ООО «АБ „Студия 44“» для площадки

«Царицыно» (ЮАО), проект ООО «АИ-Архитектс» для площадки «Хорошево-Мневники» (СЗАО), а также проект для площадки «Кузьминки» (ЮВАО) от консорциума ООО ТПО «Прайд», ARTEZA, Transsolar, Tyrens, KPMG, KROST, Habidatum во главе с Zaha Hadid Architects.

Первые два проекта близки с экспериментами со средневысотными домами, формирующими кварталы с дворами, где присутствуют силуэты традиционных скатных кровель, а также мансарды. В особенности тема мансард развита в проектном предложении «АБ „Студия 44“», которая уже была осуществлена ими в здании гостиницы «Новый Петергоф» в Санкт-Петербурге, открытой в 2010 году, а сам проект разрабатывался с 2004 года³⁰⁴. В обоих проектах присутствует вполне удачная попытка обратиться к традиционным архетипам жилища разного времени и эпох. В проектах «АИ-Архитектс» и в особенности «Студии 44» происходит морфологическое смешение условного европейского города XIX века и его современная «реинкарнация». Однако же некие попытки обратиться непосредственно к собственной культуре не просматриваются.

Проект консорциума во главе с Zaha Hadid Architects с позиций формально объемно-пространственной композиции, безусловно, самый живописный, как и большинство проектов этого бюро, наследников характерных плавных линий Захи Хадид. И в этом как раз и кроется его определенная неоригинальность, ведь Хадид создавала эти первообразы и методики еще в своих бумажных сериях в 1970-е и 1980-е годы, обращаясь и вдохновляясь в том числе русским авангардом, супрематизмом К. Малевича и так далее. Однако трактовка огромной структуры как единого законченного ансамбля сама по себе вполне нова в контексте современности в силу забвения и низложения самого понятия «городской ансамбль» в современной архитектуре и градостроительстве.

Тем самым остро встает вопрос об образности архитектурной формы и архитектурной среды, который непосредственно связан с понятиями «красота» и «искусство» (в контексте триады Ф. А. Новикова). Приходится констатировать, что даже на первичной концептуальной стадии на примере конкурсных проектов московской реновации

³⁰⁴ Мартовицкая А. Павильоны в парке, или Скромное гостеприимство // сайт archi.ru. URL: <https://archi.ru/russia/28162/pavilony-v-parke-ili-skromnoe-gostepriimstvo> (дата обращения: 07.11.2023).

2017 года по большому счету отсутствуют и глубокое обращение к традиции, и новейшие трактовки симбиоза «старого и нового», и, главное, поиск национальной сущности, своей идентичности едва заметен, и приходится предполагать такой поиск всего в двух относительно близких друг другу проектах. Сложившаяся ситуация, вообще говоря, критическая, так как с такими подходами к проектным задачам такого уровня и масштаба наша страна имеет все основания остаться безликой в пространственном плане, лишенной своей образности, во всяком случае — новой образности и своих собственных смыслов, исходящих из корней и оснований многогранной и многонациональной русской культуры³⁰⁵.

В связи с этим видится целесообразным в последующем приглашать к таким значимым проектам и широкую профессиональную общественность на открытой конкурсной основе, а в общих положениях указывать пункты о сверхзадачах столь ответственных начинаний по изменению облика городов, а именно включать в технические задания пункты об обращении к теме национальной идентичности, всё время требующей естественного обновления с каждым витком современности.

³⁰⁵ Михейкин Д. И. Проблемы модернизации и поиски самоидентичности в современной архитектуре и градостроительстве России // Современная архитектура мира: основные процессы и направления развития: материалы международной научной конференции 3–4 октября 2022 года / [НИИТИАГ]. 5 октября 2022. URL: <https://archi.ru/elpub/97723/problemy-modernizacii-i-poiski-samoidentichnosti-v-sovremennoi-arkhitekture-i-gradoustroistve-rossii> (дата обращения: 11.10.2022).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДЫ: ЖЕЛАЕМОЕ, ВОЗМОЖНОЕ, ДОПУСТИМОЕ

ГЛАВА V.1.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ ВО ВЗГЛЯДАХ НА АРХИТЕКТУРНУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ СРЕДЫ

Противоречивая современность

Современная архитектурная и градостроительная деятельность осуществляется под давним лозунгом — «Всё во имя человека, всё на благо человеку». Вместе с тем заметна ее подчиненность небескорыстным интересам строительного производства и бизнеса. Реальные потребности и желания людей воспринимаются слишком обобщенно и как нечто само собой разумеющееся, хотя на самом деле остаются слабо изученными. Выборочные социальные опросы, как и медико-биологические исследования, не обеспечивают полноты представлений о том, что требуется современному человеку от архитектуры и градостроительства.

Большинство людей теперь горожане, вынужденные довольствоваться скромными квартирами — ячейками в огромных жилых корпусах. Их личное пространство ограничено интерьерами. Модернизация экстерьеров и окружающей среды стала прерогативой городских властей. Архитекторы и инженеры работают как могут над повышением уровня комфорта и эстетических качеств многоквартирного жилища. Пользователи это ценят и не отказываются от приобретения новых квартир, тем более что существует программа реновации жилого фонда, позволяющая делать это бесплатно и на условиях льготной ипотеки, искусственно стимулирующей спрос на штампуемую продукцию стройкомплекса.

Вместе с тем раздается и критика, вплоть до протестов. Людей беспокоит переуплотнение среды, и им явно недостает свободы и богатства выбора не только квартир

и домов, но и самого образа жизни в современных городах, особенно крупных. Им дорогá старина обжитого пространства, хотя их влекут и новостройки, они не желают терять жилище, с которым сроднились, в том числе традиционного сельского образца, попавшего в черту разросшегося города, но и тянутся в гущу урбанизации, в высотные дома, где, как известно, лучше всего продаются помещения на верхних этажах — с впечатляющим обзором. Город концентрирует в себе множество нужных и привлекательных функций, которые могут создавать уникальный синергетический эффект. Однако в погоне за этим эффектом приносятся в жертву потребности человека в просторе, покое, уединении.

Горожане очень разные по своим характерам, воспитанию, вкусам, и, конечно же, доходам. Им хочется иметь и квартиру, и дачу, и возможность путешествовать. К тому же потребности у них меняются с возрастом. Поэтому невозможно опереться на некое твердое и однозначное общественное мнение и выработать на его основе оптимальное архитектурное решение — раз и навсегда. Попытки решить все проблемы на якобы научной основе при помощи типизации и стандартизации планировки и застройки с настойчивостью предпринимались в XX веке, но жизнь показала их несостоятельность.

Другая крайность — во всём идти на поводу у интересов экономики и капризов потребителя. В шоу-бизнесе, в сфере моды и дизайна поп-культура порождает порой нелепые и пугающие своей эпатажностью образы, которые заражают отчасти и архитектурное творчество. А это творчество требует повышенной ответственности в силу капитальности и «недвижимости» своих плодов, в непосредственном контакте с которыми приходится жить многим поколениям. И жить, и формировать образ поведения, психику и мировоззрение молодежи.

Отсюда следует весьма актуальный постулат: архитектурная организация городской среды не должна отдаваться на произвол стихии рынка, так же как и вольного формотворчества, и эгоцентрического субъективизма. Профессионалы обязаны неуклонно осуществлять возложенную на них благоустроительную социально-культурную миссию.

Правда, встает вопрос: как судить о верности избранного пути, когда существует множество разноречивых вызовов и запросов? Понятно, что необходим высокий уровень не только профессиональной, но и общей культуры, органически сопряженной с моральной ответственностью. Но и обладая всем этим, архитекторы просто не в состоянии исправно выполнять свои обязанности, если заказчики и представители власти не солидаризируются с ними. Вот почему необходимы общеобязательные законы и подзаконные акты, основанные на адекватной идеологии, целеустремленной государственной политике и общественном согласии. Работа в этом направлении ведется, она приносит плоды, но завершить ее никак не удастся, ибо задача не менее сложна, чем решение уравнения со множеством неизвестных, да еще меняющих свои значения в зависимости от ситуации.

Видя, как тяжело иметь дело с обширной гуманитарной областью знаний и суждений, многие деловые люди предпочитают ограничиваться техническими регламентами, рассчитанными на некоего среднестатистического обывателя. При наукообразном оформлении такие регламенты могут казаться убедительными, но только на первый взгляд, ибо строятся они заведомо схематично на сильно упрощенной базе данных. Сегодня мы всё еще пожинаем плоды философии прагматизма первой половины XX века, усвоенной технократическим модернизмом³⁰⁶. Это проявляется в установлении приоритета прикладных разработок, не имеющих под собой фундаментальных научных оснований.

Никакие архитектурные и градостроительные решения не могут обходиться без общих представлений о среде жизнедеятельности и о функционировании в ней человека. Однако зачастую эти общие представления исходят из сферы обыденного сознания и потому остаются поверхностными, декларативными и быстро устаревающими, что неизбежно, коль скоро их специальному изучению не уделяется должного внимания. Медвежью услугу оказывают и навыки принятия решений исходя из благих пожеланий, имеющих мало общего с реальной действительностью и наукой.

³⁰⁶ Птичникова Г. А. Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада: На примере США и Швеции: дис. ... д-ра арх. М.: НИИТАГ РААСН, 2005.

Предпринятая нашим коллективом попытка создать историко-теоретический фундамент для прикладных разработок и проектной практики в сфере модернизации (а значит, и реконструкции, регенерации, реновации) сложившейся так или иначе архитектурно-пространственной среды привела к выявлению целого ряда особенностей и закономерностей отношения людей к традициям и новациям в разные эпохи и в разных обстоятельствах. Это помогло уяснению существа той самой миссии архитектора, о которой было сказано выше. Возникло лучшее понимание важности и нужности следования определенным принципам и общим правилам, не разрушающим, а созидающим благоприятное жизненное пространство.

История содержит массу примеров того, как стремительно преобразовывалась до неузнаваемости среда городов в условиях ничем не сдерживаемого экономического роста. И как она деградировала при негативных экономических и политических явлениях. Самым интересным оказывается опыт управляемого развития, когда стихийные процессы удавалось обуздывать, вводя определенные запреты или стимулы для архитектурно-градостроительной деятельности. Впрочем, не всегда этот опыт получался удачным.

Проектирование здания, а тем более комплекса, ансамбля, целого поселения должно отвечать запросам не только индивидуумов, но и коллективов, социальных слоев, общественно-политических, этноконфессиональных, а также производственных объединений и государственных структур. Мало того, каждому построенному объекту подобает стать достойной принадлежностью своей улицы, своего города, местности, региона да и всей страны, коль скоро архитектура в совокупности с природой формирует ее образ.

В былые времена ведущие сооружения, святилища и города очень внимательно, с чрезвычайным усердием встраивались архитекторами в природу. Они органически вращались в местную почву, чтобы жить заодно с ней — благополучной общей жизнью. И они несли в себе представления о благом вселенском мироустройстве. Они создавались не просто для людей, но во славу боготворимых предков, учителей, героев и самого Творца. Поэтому мы и находим в них так много величия и естественности, гармонии и красоты.

Современные города, безусловно, нуждаются в модернизации, но только такой, которая направлена на деликатное совершенствование, гуманизацию и гармонизацию их архитектурно-пространственной среды при всемерном сохранении накопленных веками историко-культурных и художественных ценностей.

Стойкий традиционализм

Традиции обычно противопоставляются новациям, но это не вполне правомерно. При ближайшем рассмотрении оказывается, что архитектурно-градостроительные традиции всегда предусматривали не только сохранение, но и обновление старого. Многие календарные обряды посвящались проводам отжившего свой срок и встречам нарождающегося вновь³⁰⁷. Идея циклической смены поколений так же, как и времен года, и времен суток, лежала в основе традиционной культуры, а с ней и архитектуры, и прочих искусств и ремесел³⁰⁸.

Жизнь рукотворных созданий, как и нерукотворных, длилась во времени, подходила к концу, а потом начиналась заново. Поэтому ни в старине, ни в новизне не заключалось чего-то неведомого и пугающего. Всё строилось и функционировало по известным образцам, овеянным авторитетом предков, жрецов и старейшин. Впрочем, образцы никогда не воспроизводились механически. Новое лишь подражало им, передавая ощущение преемственности. По сути дела, то же всегда происходит и в природе: отпрыски одного рода при всей своей генетической близости обязательно обретают индивидуальность. Жизненные циклы походят на круги, но являются всё же ветвями спиралей.

Это важно отметить, чтобы не представлять себе древние традиции чем-то совершенно неизменным. Они изменялись, дополнялись, эволюционировали. Как чужие семьи породнялись между собой, так и локальные культурные традиции вбирали в себя новации, адаптировали их и взаимообогащались.

Формирование крупных родоплеменных, а следом и государственных объединений, конечно, нарушало плавность развития и интенсифицировало взаимодействие

³⁰⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1983.

³⁰⁸ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

и модификацию разных культур. Но войны и договоры о мире приводили к тому, что чужое довольно быстро становилось своим и начинало использоваться всё по тем же извечным правилам. Вместе с тем происходило и закрепление наиболее существенных знаков этноконфессиональной идентичности. Угроза захвата родной земли ино-родцами и иноверцами вызывала у людей естественную защитную реакцию.

Архитектура всегда была частью культуры³⁰⁹. Она тоже старела и обновлялась. Но монументальные сооружения строились на века и преодолевали власть времени, подобно священным камням, деревьям, реликвиям. Культовые объекты несли в себе идею вечности, божественного бессмертия, хотя и их приходилось подлатывать, модернизировать, дабы не допускать признаков тления. Этот аспект традиционного мировоззрения проливает свет на исходную мотивацию актуального сегодня движения за сохранение и реставрацию памятников архитектуры.

Приход на смену язычеству монотеистических религий заметно преобразил мир. Следование календарным циклам, замещенным церковными праздниками, осталось, но на передний план выдвинулись провиденциализм и эсхатология. Круги времени умозрительно выправились в одну линию — от сотворения мира до его гибели и преображения. Эпоха Средневековья была проникнута ожиданием скорого конца света, всеобщего воскрешения, Страшного суда³¹⁰.

Упование на Истину давало право и силу миссионерам сокрушать идолов, а с ними и устои давних традиций. Крещение Руси с самого начала осмысливалось как благодатное обновление, очищение и преображение земли, пребывавшей дотоле во власти «ветхого» закона. Эту мысль вдохновенно выразил во времена Ярослава Мудрого митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати»³¹¹.

Христианизацию и исламизацию обширных территорий можно трактовать как глобальную модернизацию локальных культур и всей жизненной среды. Однако результатом этой модернизации стало формирование не только новых типов зданий, новых выразительных архитектурных форм и образов, но вместе с тем и новых стойких

³⁰⁹ Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред. И. А. Бондаренко. СПб.: Коло, 2019.

³¹⁰ Соколов В. В. Средневековая философия: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1979. С. 4–71.

³¹¹ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Пер. В. Дерягина // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М., 1989. С. 155–183.

традиций, в которых заметны как принципиальные отличия от прежних, так и определенные преемственные связи с ними.

Архитектурная идеализация действительности

Христианская религия вселила в человека веру в лучшее будущее. Ее ревностные поборники, осуждая грехи мира сего, удалялись в монастыри, где создавали братства во Христе. В то же время и светские власти, объединяясь с церковными, старались выстраивать государственность, отвечающую христианским идеалам. В исламских и буддийских землях при всей их специфике проявлялись интенции, сходные по смыслу.

Китайские императоры еще до появления буддизма смогли воплотить в жизнь конфуцианское учение о правильном иерархическом устройстве государства и социума. Эта правильность и размеренность наглядно проявлялась из века в век в «нормативной» планировке и застройке столичных городов³¹².

Стремление к планировочному упорядочению поселений заявляло о себе и на Ближнем Востоке, и в Африке, и в Европе. Показательна нарезка на одинаковые прямоугольные участки поселений древнегреческих колонистов, применявшаяся еще в архаический период. Она символизировала справедливое устройство общины и покорение ею далеких диких пространств. Впоследствии на этой основе выросло великолепное искусство регулярной гипподамовой планировки, особенно вдохновлявшей градостроителей Нового времени.

Геометрическая правильность, симметричность построения архитектурных планов, так же как и объемов, была присуща большинству храмовых и дворцовых комплексов. Это объясняется их соотнесенностью с умоглядными образами высшего, неземного происхождения. В Китае император считался «сыном неба», призванным насаждать и поддерживать на земле всеобщую гармонию. Обожествление фараонов и царей в других странах, по большому счету, преследовало ту же цель.

Идея теократии хорошо объясняет не только возведение в древних городах пирамид, зиккуратов, дворцов на высоких платформах, но и создание контрастов между

³¹² Шевченко М. Ю. Нормативная архитектура Китая (VI—начало XX вв.): генезис, принципы, эволюция: дис. ... д-ра арх. М.: МАРХИ, 2021.

ними и приземленными жилищами простых смертных. Эти контрасты породили расхожие легенды об устрашающе-деспотических режимах рабовладельческих монархий. Однако подвластное население там находилось вовсе не на положении рабов. Оно было искренне заинтересовано в возвеличивании своего правителя, дабы чувствовать его сопричастность богам и тем самым наличие у него сверхчеловеческой силы, столь нужной для защиты и процветания города и государства.

Новая эра, ведущая свой отсчет от Рождества Христова, стала отличаться от прежних стремлением к искоренению пороков земного существования. Низкое происхождение перестало быть препятствием к получению ореола праведника. А короли, знатные вельможи и даже церковные иерархи в силу своей высокой социальной ответственности оказались под угрозой уличения в греховности. Появилось упование на второе пришествие Мессии и Страшный суд, который раскроет истинное лицо каждого.

Все христиане ждали конца света в 1492 году. В Москве к этой дате почти успели радикально перестроить Кремль. По-видимому, то считалось делом благим и богоугодным. Однако время не остановилось, и Москва продолжила преображаться, претендуя на роль Нового Царьграда. В Хронограф 1512 года была включена знаменательная фраза о том, что «наш Третий Рим растет и омлажается»³¹³. Главный город воспрянувшей Руси в самом деле сказочно обновился в архитектурном отношении³¹⁴. Вместе с тем реформаторский пыл властей оказался чрезмерным, он довел страну до церковного раскола. Очень многим стало казаться тогда, что насаждаемое благочиние — от лукавого. Апокалипсические пророчества сбываются³¹⁵.

Описанный Иоанном Богословом Новый Иерусалим, «сходящий с неба» для того, чтобы в момент гибели старого мира принять в себя достойных, владел воображением верующих, и его лучезарный кристаллический образ постоянно воздействовал на архитектуру и градостроительство. Но в эпоху Средневековья все понимали, что это образ из будущего. С приходом же Нового времени стало казаться, что светлое будущее уже настает и Царство Небесное совсем близко. Государственная власть об-

³¹³ Хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22, ч. I. СПб., 1911. С. 439–440.

³¹⁴ Можяев А. В. Великий посад Москвы: подлинная история Китай-города. М.: Эксмо, 2022.

³¹⁵ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1992. С. 453–490.

рела форму абсолютизма и начала со всевозрастающей настойчивостью воплощать идеал абсолютной гармонии здесь и сейчас.

В градостроительстве возник культ планировочной регулярности, а в объемной архитектуре — стилистического единства античного образца, признанного классическим. Западноевропейские и российские монархи мечтали о наследовании величия Римской империи заодно с высочайшими художественными достижениями Древней Греции. Увлечение античностью порождало фантазии на тему «Золотого века» и социальной идиллии, царившей некогда в «Утопии» Платона. На этой почве стали появляться и популяризироваться учения социалистов-утопистов.

Идеализация античности позволяла сращивать ее образы с высокоморальными христианскими представлениями о правильном мироустройстве. При этом в эпоху Просвещения, прежде всего в среде ученых, называвших себя «деистами», сложилось убеждение в том, что человек должен искать закономерности в строении естества, не прибегая к помощи Бога, который, сотворив мир, удалился от него, заняв положение стороннего наблюдателя. Такое убеждение очень поспособствовало свободному саморазвитию светских наук и искусств. Но следствием этого стало обмирщение большинства сторон жизни, включая архитектуру. Религия отошла на второй план, и то, что было недосягаемо священным, как образ горнего града и райской обители, превратилось в тему профанного градостроительного и ландшафтного искусства.

Великие географические и научные открытия дали мощный толчок для развития реалистического, хотя и овеянного романтизмом образа мыслей. Развернулось освоение и присвоение невиданных ранее богатств земли. Возник колониализм, сопряженный с расовой дискриминацией. Для одних реальность оказалась тягостной, для других — прекрасной в своем идеализированном виде.

Беспрецедентная по размаху деятельность по перепланировке городов Российской империи нацеливалась на наведение полнейшего порядка и красоты в этом «лучшем из миров». Древнерусское градостроительное наследие при этом беспощадно уничтожалось, как не имеющее ценности и только портящее имидж просвещенной империи. Именно имиджевые, престижные соображения ставились во главу угла

осуществлявшейся во второй половине XVIII — первой трети XIX века модернизации жизненной среды. Конечно, действительность оставалась далеко не идеальной, но тогда казалось, что ее идеализированный образ оправдывает все издержки реальной практики³¹⁶.

«Абсолютное» совершенство классицизма получилось, однако, не вечным. Пришло время программного обращения к национальным архитектурным традициям. В России по инициативе самого императора был синтезирован русско-византийский стиль, давший толчок к творческому освоению самобытного средневекового наследия³¹⁷. Всё бóльший интерес стала вызывать всеобщая история архитектуры, на почве которой сформировалась архитектурная эклектика, предлагающая стилизовать на выбор образцы самого разного происхождения.

Характер городской среды начал быстро меняться в угоду новым вкусам и потребностям, тем более что настало время активного капиталистического развития. Промышленный бум вызвал приток населения в города и породил острую жилищную нужду. Старательно насаждавшееся долгие годы гармоничное ансамблевое единство застройки оказалось прекрасным миражом, легко разрушающимся под натиском строительного прагматизма и алчности предпринимателей, ничтоже сумняшеся «вырубаящих вишневые сады». Реальность перестала поддаваться архитектурно-художественной идеализации. Подошла эпоха больших идеологических, политических и социально-экономических потрясений.

Архитектура без истории

Старые перенаселенные и испорченные фабриками, заводами и транспортом города попали под огонь беспощадной критики. Так же, как и вся капиталистическая формация. Появились революционеры и в политике, и в искусстве. Футуристы рубежа XIX–XX веков на удивление прозорливо обрисовали технократическую цивилизацию будущего. Демонстративно порвавший с академизмом архитектурный авангард на-

³¹⁶ Грязнова Н. В. Идеальный образ города Российской империи // Реновация городской среды: исторические прецеденты / отв. ред. И. А. Бондаренко. М.; СПб.: Архи.ру; Коло, 2021. С. 149–172.

³¹⁷ Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. 2-е изд., испр. и доп. М.: БуксМАрт, 2020.

брал силу и популярность в леворадикальных кругах благодаря бросающейся в глаза чистоте излюбленных им геометрических форм и эмоциональной свободе композиционных манипуляций с ними³¹⁸. Стало казаться, что теперь все исторические образцы отпали за ненужностью. Ход истории завершился, значит, настала вечность. Это захватывающая дух идея имела давнее религиозное происхождение, о чем упоминалось выше. Но в рассматриваемое время она стала подчиняться атеистической философии диалектического и исторического материализма. Отрекаясь от старого мира, люди взялись строить новый — своими руками, на сугубо рациональной основе, с верой только в себя и научно-технический прогресс.

Было провозглашено, что формы новой архитектуры должны следовать за реальной жизненной и производственной функцией, как и за строительной конструкцией, а в отношении эстетической выразительности — удовлетворять объективным психологическим закономерностям здорового человеческого восприятия, не затуманенного надуманными историко-культурными смыслами и церковным мистицизмом. Многим верилось, что освобождение от тяжелого скарба традиций и суеверий позволит быстро разрешить накопившиеся социальные проблемы и построить истинный коммунизм.

Однако жизнь оказалась гораздо сложнее. Традиции беспощадно искоренялись, но сами собой не отмирали. Октябрьская революция 1917 года не уничтожила среду буржуазных городов, но только заметно ухудшила ее эксплуатацию. Новаторская архитектура никак не могла в одночасье преобразить реальность. Она лишь знаменовала собой наступление новой эры. Значит, история всё-таки не завершилась, а продолжилась на новом витке развития.

На Западе «Современное движение» тоже выглядело революционно и тоже пробивало себе дорогу с трудом. Старые города не поддавались на нигилистические призывы Ле Корбюзье снести их, чтобы кривые улицы «ослов» перестали мешать жить «по-человечески» и чтобы высвободить хаотически застроенные территории для свободной расстановки среди зеленого простора башен на ножках или огромных протяженных корпусов, прекрасных в своей машинной рациональности.

³¹⁸ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. I. М.: Стройиздат, 1996.

И всё же мечты поборников модернизма во многом осуществились в дальнейшем. Распространившись по всему свету, интернациональный архитектурный стиль сильно, порой до неузнаваемости изменил среду жизнедеятельности самых разных стран и народов. И он сблизил людей планеты своей нарочитой универсальностью и оторванностью от корней местных культур.

Почему смогло осуществиться такое радикальное архитектурное преобразование мира? Конечно, экономичность и технологичность сооружений упрощенного типа привлекали застройщиков. Строительные фирмы очень поспособствовали распространению легко штампуемой унифицированной архитектуры. И всё же главная причина успеха модернизма видится в формировании соответствующего вкуса у людей, желавших позиционировать себя в качестве прогрессивной элиты современного общества. Это подтверждает тот факт, что лучшие произведения выдающихся мастеров модернизма были далеко не дешевым удовольствием для заказчиков. Они получались и аскетичными, и очень сложными, рискованно элегантными. Надо не забывать, что чем проще архитектурная форма, тем выше требуется техническое качество ее исполнения, иначе невозможно достичь эстетической выразительности.

Авангард воодушевлялся идеей новаторства. Он настраивал архитекторов отказаться от подражаний и культивировать свой собственный, врожденный талант, создавая каждое произведение заново, как будто с нуля, из ничего, без исторической преемственности. Но что произошло на практике? Всего лишь утверждение новых «пяти принципов» и покорное следование им при самом обычном подражании показательным объектам, спроектированным наиболее успешными архитекторами. Очень быстро массовое распространение модернизма обрело черты нового традиционализма, причем строго обязательного и малохудожественного, способного обходиться вовсе без талантливых новаций.

Такой вывод из рассмотрения архитектурно-градостроительной теории и практики прошлого века говорит о том, что отказ от идеализации действительного положения дел не смог состояться и в Новейшее время, несмотря ни на какой материализм, рационализм, прагматизм и даже введение в СССР государственной плановой систе-

мы при отмене частной собственности. Реальные заботы о санитарно-гигиеническом и инженерно-техническом состоянии городов, конечно, проявлялись, и настойчиво, по мере возможности. Однако этих забот был непочатый край, особенно в условиях ускоренной индустриализации огромной страны.

Практику приходилось приукрашивать теорией и далеко идущими планами. Вот почему А. В. Иконников счел возможным обвинить, по большому счету, всю архитектурную и градостроительную деятельность XX века в утопичности³¹⁹.

Идеологизированный историзм

Для советской власти чрезвычайное значение приобрела борьба на идеологическом фронте. Поэтому понадобились показательные успехи и всемерное подбадривание трудящихся масс. Волей-неволей стал повторяться опыт идеализации архитектурно-пространственного устройства Российской империи времен классицизма. Для этого понадобились мастера архитектуры «старой», как говорили тогда, то есть дореволюционной, стилизаторской школы.

Но и они говорили о порче городов в эпоху хищнического капитализма. Ранее города были гораздо более красивыми и гуманными, поэтому весьма полезно учиться у их создателей высокому градостроительному искусству. Это можно назвать общим мнением тех лет, которое объясняет причины почтительного отношения к классицизму и презрительного — к буржуазной и мещанской архитектуре эклектики, а заодно и модерна.

Исходя из такой постановки вопроса в 1930–1950-е годы развернулось широкое изучение и практическое освоение мирового и российского классического архитектурного наследия. Лидирующую роль в решении этой государственной задачи сыграла Всесоюзная академия архитектуры (позже Академия архитектуры СССР). С одной стороны, ей было поручено подхватить и восстановить отвергнутую было линию преемственности, а с другой — вменялось в обязанность, используя только лучшие достижения прошлого, создать принципиально новую архитектуру, достойную общества

³¹⁹ Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2002.

победившего социализма. Задача была идеологической, но одновременно и высоко-профессиональной. Она увлекла архитекторов и принесла свои плоды.

Городская среда была заметно модернизирована, особенно после Великой Отечественной войны, когда пришлось вести беспрецедентные по масштабам восстановительные работы. Можно критиковать чрезмерную помпезность новых проспектов и «дворцов для народа», но нельзя отрицать оправданность их создания Великой Победой. И нельзя не признать, что в них проявил себя высокий уровень архитектурного мастерства. Недаром сегодня наследие тех трех десятилетий ценится как уникальное, хорошо узнаваемое и во многих случаях градоформирующее.

Архитектурные памятники прошлого в данном случае служили не столько объектами для подражания, сколько опорой и материалом для новых творческих достижений. В истории бывали такие моменты, когда ставилась задача превзойти предшественников и создать нечто экстраординарное, достойное стать впоследствии главенствующим образцом для всех. Вспомним хотя бы легендарную фразу Юстиниана, восхищенного только что построенным собором Софии в Константинополе: «Я превзошел тебя, Соломон!»

В Советском Союзе речь шла не об одном шедевре, интегрирующем в себе всё лучшее из истории человечества, но сразу о многих, разного типа и назначения. Нельзя сказать, что воцарилась абсолютная архитектурная самобытность, поскольку многое вытекало из достаточно известных советским архитекторам исканий общеевропейского и американского стилизаторства и неоклассицизма. Но декларировалась именно самобытность, полнейшая творческая самостоятельность. В частности, в московских высотках запрещалось видеть «американо-небоскребный эклектизм» (выражение Эль Лисицкого)³²⁰. Все должны были соглашаться с их местным, русским происхождением, для чего специально использовались некоторые заимствования из кремлевских и других памятников.

Сталинская архитектура имела черты сходства с тем, что строили европейские тоталитарные режимы. Они тоже отвергали авангард и насаждали тяжеловесную нео-

³²⁰ Лисицкий Л. Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 10.

классику. Но ее пронизывал дух национального романтизма с элементами мистического экспрессионизма. А в многонациональном СССР такое категорически не допускалось. Идеологическая машина здесь была очень точно настроена на формирование в архитектуре, как и в монументальном искусстве, в живописи, литературе, музыке, ощущения оптимизма, бодрости, радости, трезвой уверенности в завтрашнем дне. Профессионалы любили тогда рассуждать о правдивости архитектуры, ее соразмерности, масштабности, гармоничности, ансамблевости. В этом и должно было состоять преимущество «социалистического реализма», овеванного совершенно новой романтикой упорного созидания своими руками прекрасного будущего. Советская идеология требовала отказа от идеализма.

Реальная жизнь получалась не такой лучезарной, а помпезные ансамбли советских городов могли вызывать не только восторги, но и гнетущее впечатление, поскольку в них демонстрировалась чрезвычайная концентрация властных полномочий весьма жестокого государства. Под строительство нового мира был подведен исторический фундамент, но прежняя естественность обновления и обогащения архитектурных традиций не восстановилась.

Демократизм и технократизм

Если бы Н. С. Хрущев не отменил «украшательство», то мы могли бы найти свой путь в развитии архитектуры. Из нее постепенно ушел бы дух подавления инакомыслия, она стала бы доступной не только для номенклатуры, но и для масс, то есть демократичнее, дешевле, легче. И при сохранении хорошего уровня профессионализма проектировщиков.

Однако было решено наказать архитекторов за служение «культу личности». Резкий переход к массовому индустриальному домостроению должен был продемонстрировать, что советская власть признает и исправляет ошибки. Она перестает теперь расходовать народные деньги на дорогостоящие «архитектурные излишества», бросающие пыль в глаза, и начинает «заниматься делом», а именно: скорейшим решением застарелой проблемы жилищной нужды. Во главу угла были поставлены чисто

практические и технические задачи. Строитель — прораб — стал наконец-то настоящим гегемоном. А архитектор — прислуживающим ему проектировщиком. Как говорили потом не раз, «телегу поставили впереди лошади». Приоритет был отдан «базису», а создание «надстройки» над ним отложено на потом. Всё в русле тогдашней философии диалектического материализма.

Многие семьи были счастливы получить бесплатно отдельную квартиру «со всеми удобствами». А то, что дома и формируемое ими пространство не имеют признаков «настоящей» архитектуры, можно было и пережить. Во всеуслышание объявлялось, что новостройки рассчитаны на небольшой срок эксплуатации (25 лет), а потом наступит «небывалый расцвет», благоденствие, коммунизм. В это плохо верилось, но мечта была отрадной.

Импортированные из Франции строительные технологии и минималистская эстетика производили впечатление действительной демократизации общества и среды жизнедеятельности. Тому во многом содействовали развитие международного сотрудничества, облегчение идеологического прессинга, возникновение оптимистической духовной атмосферы, которая осталась в памяти как «эпоха оттепели»³²¹.

Архитекторы начали быстро осваивать язык современной архитектуры, поскольку от них потребовалось создание «образцово-показательных» объектов, доказывающих безусловные успехи СССР в конкуренции с Западом. Это поспособствовало восстановлению престижа профессии, хотя трудные взаимоотношения со строительным комплексом остались на десятилетия.

«Советский модернизм», как его не совсем точно окрестили исследователи нашего времени, производил двойственное впечатление. С одной стороны, он удручал лавинообразным наступлением бездушной типовой продукции дешевого строительного производства, а с другой — радовал появлением отдельных оригинальных творческих решений, в которых улавливалось желание преодолеть примитивные стереотипы и выйти на новую фазу развития архитектуры, которая получила в дальнейшем наименование постмодернизма.

³²¹ Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / сост. и отв. ред. О. В. Казакова. М.: Росспэн, 2013. С. 161–173.

Важно отметить, что в сфере таких творческих поисков советские архитекторы были весьма самостоятельны, поскольку оставались в стороне от философии пост-модернизма и новейших модных течений Запада. Для них гораздо важнее было преодоление засилия строительного примитивизма и создание неких формотворческих аллюзий на тему новейших естественно-научных открытий и освоения человеком космоса, в чем так заметно преуспел Советский Союз³²².

Особое значение имел тот факт, что опытнейшие мастера архитектуры 1930–1950-х годов стали преподавателями. Они учили молодое поколение современной архитектуре, не забывая о величии и фундаментальности классики. К этому применялся отчасти их же авангардный опыт времен ВХУТЕМАСа. Сложились благоприятные условия для совершенно уникального саморазвития советской архитектуры. Правда, это чувствовалось по большей части в стенах МАРХИ и лишь некоторых других вузов, тогда как на практике преобладал и продолжал нарастать вал типового проектирования, подавлявшего творческие потенции архитекторов и нивелировавшего великое разнообразие поселений и ландшафтов огромной страны.

Многоэтажная застройка обширных пригородных территорий, названных микрорайонами, сметала с лица земли исторические деревни, от которых оставались одни названия. Параллельно происходило уничтожение и далеких деревень, признанных «неперспективными». В колхозах и совхозах стали строить пятиэтажки и производственные корпуса прямо под окнами сельских жителей, на отрезанных у них участках и бывших выгонах для скота, разведение которого в частном порядке стало пресекаться. Политика индустриализации и урбанизации была напористой и совершенно бесцеремонной по отношению как к исконным народным традициям, так и к природным ландшафтам. До сих пор мы пожинаем плоды откровенной порчи очаровательной пейзажной среды на территориях наиболее активно развивавшихся в то время агропромышленных комплексов.

К сказанному надо добавить, что многие поселения стали заложниками крупных предприятий, моногородами, как их называют теперь, а другие попали под

³²² Михайкин Д. И. Образы нового в советской архитектуре на рубеже 1950–1960-х годов: автореф. дис. ... канд. арх. Нижний Новгород: НГАХА, 2023.

затопление, вызванное строительством колоссальных гидроэлектростанций с каскадами водохранилищ. Что говорить об «отдельных недостатках» в архитектурной организации жилой среды, когда по всей стране осуществлялись великие планы покорения и преобразования природы?!

При всём том в 1960–1970-е годы были приняты решения о массовом выделении горожанам садово-огородных участков. Не в гибнущих деревнях, а в лесах, на торфяниках и неудобьях. Такая удивительная демократизация дачного строительства (предопределенная стратегией быстрой эвакуации горожан в случае ядерной войны) произвела большой социально-экономический и психологический эффект. Очень многие граждане стали сезонными мигрантами. У них появилась возможность сравнивать жизнь в городе и на природе. К тому же не оборвались связи и с деревенскими родственниками, у кого они остались. Это нельзя не учитывать при обсуждении темы модернизации среды жизнедеятельности в последние десятилетия существования СССР.

Любое действие вызывает противодействие. Реакцией на внехудожественный утилитаризм заводского производства стало развитие «технической эстетики», вооружившей новую архитектуру и прикладное искусство, именуемое сегодня дизайном. Эта реакция соответствовала глобализационному тренду. Но начала возникать и другая, антиглобализационная реакция на происходящее — в защиту местного историко-культурного и природного наследия, его неповторимого своеобразия и недооцененной красоты. Зазвучала и душевная боль за судьбу русской деревни.

Архитектурное наследие и современность

Выдающиеся памятники архитектуры ценились испокон веков. Но это почти не препятствовало модернизации окружающей среды. Теперь же, когда модернизация стала столь масштабной и радикальной, возникло сожаление об исчезновении скромной рядовой застройки, создающей особую атмосферу, «ауру», необходимую и памятникам, и самим жителям, любящим свой город. Сфера охраны и реставрации объектов историко-культурного наследия начала привлекать всё большее общественное внимание. Стал развиваться внутренний и международный туризм по Золотому кольцу и другим

достопримечательным в архитектурном отношении местам. Была признана ценность старинной застройки обширных территорий центров исторических городов.

В теории архитектуры и градостроительства довольно быстрое распространение и признание получил так называемый «средовой подход», оказавший впоследствии значительную помощь в сглаживании диссонансов между «старым» и «новым». Стали все чаще говорить о том, что современная архитектура должна подчиняться охраняющим памятники регламентам и не вредить сложившейся среде. Однако формально-стилистическая имитация исторического окружения по-прежнему считалась недопустимой.

Архитекторы проявляли стойкую приверженность не так давно освоенной модернистской эстетике. Очевидно, им хотелось ощущать себя в мейнстриме мирового архитектурного процесса. Приход постмодернизма раскрепостил формотворчество, изменил отношение к истории, но не отменил прежнего стремления к выражению чувства современности. И во время обучения в вузах, и на советах в проектных организациях постоянно звучало требование: всякая новая постройка должна нести в себе дух современности и отличаться тем самым от построек исторических. Архитектура всегда отображала специфику своего времени. Нельзя нарушать этот закон и создавать подделки под старину, вводящие людей в заблуждение.

Подделки осуждались и в реставрационной практике. Принятая в 1964 году Венецианская хартия требовала восстанавливать памятники так, чтобы зрителю было понятно, где сохранились подлинные части, а где пришлось сделать современные вставки. Во главу угла была поставлена научно-познавательная ценность архитектурного наследия. Борьба за историческую правду и против фальшивой иллюзорности считалась делом чести.

Вместе с тем жизнь показала, что людям нужна не только правдивая констатация горьких утрат, но и вера в возможность заживления полученных ран, исправления повреждений, а то и полного воссоздания, возрождения из пепла, подобно сказочному Фениксу, полюбившихся архитектурных объектов и артефактов. Огромным уроком в этом отношении стало послевоенное восстановление разрушенных городских

и пригородных ансамблей. Консервировать те руины было невозможно. В Европе следы разрушений остались очень заметными, так как уничтоженная историческая застройка была замещена по большей части нейтральными модернистскими вставками, что не могло принести отрады³²³. Гораздо более убедительным оказалось радикальное обновление советских городов, вышедших из войны победителями. Совершенно правильным, по общему мнению, было и решение осуществить целостную реставрацию сильно поврежденных императорских дворцов под Ленинградом.

После распада Советского Союза проявилось стремление восстановить преемственные связи с национальной историей, исправить ошибки прошлого³²⁴. На этой волне было принято решение о воссоздании храма Христа Спасителя. Видные архитекторы выступили тогда с предложением провести конкурс и найти новый, современный образ главного собора России, но первые лица государства и церкви сочли более правильным именно воссоздание уничтоженного большевиками исторического памятника. За этим последовали воссоздания крупных храмов и в других городах, а также строительство мечетей и дацанов там, где исповедуют ислам и буддизм.

В Москве был восстановлен Казанский собор на Красной площади и Воскресенские ворота Китай-города с Иверской часовней. Звучали высказывания о том, что надо восстановить вообще все церкви, снесенные в годы советской власти. Однако нашлись те, кто предпочел этого не делать, а строить новые храмы вне исторического центра. В обществе осталась и приверженность к атеизму, и ностальгия по советской эпохе. Органического единства не было достигнуто ни в мировоззрении, ни в архитектурной среде, преисполненной следов недавнего прошлого.

За воссоздание утраченных архитектурных доминант выступали некоторые архитекторы еще в 1980-е годы. В МАРХИ тогда профессор Б. К. Еремин предложил заняться «ретроразвитием» города, что дало впечатляющие результаты, правда только в пределах учебного проектирования³²⁵. В 1990-е годы Ю. М. Лужков, увлеченный историей

³²³ Щенков А. С. Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века: Историко-культурные проблемы. М.: УРСС, 2011.

³²⁴ Вятчанина Т. Н. Научная реставрация и постсоветские воссоздания исторических памятников: диалог парадигм // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 12. СПб.: Коло, 2022. С. 286–299.

³²⁵ Еремин Б. К. Архитектурно-планировочные регламентации и проблема преемственности в развитии города: автореф. дис. ... канд. арх. М.: МАРХИ, 1987.

и археологией Москвы, мечтал о создании особого московского стиля. Такого рода идеи витали в воздухе и были важны не только для столицы, но и для других городов России.

В Нижнем Новгороде под руководством главного архитектора города А. Е. Харитонова развернулась целенаправленная деятельность по модернизации запущенной и покалеченной городской среды на базе творческого освоения местного наследия. Плоды этой деятельности получили высокое профессиональное, хотя и не единодушное признание. В Санкт-Петербурге тоже появились архитекторы, работавшие в исторических стилях и предлагавшие устранять таким способом диссонансы между новыми постройками и давно сложившимся градостроительным контекстом. Этому содействовали амбициозные инициативы богатых заказчиков. Возникновение таких инициатив было и остается поныне явлением весьма знаменательным.

И всё же к общему мнению по вопросу возрождения архитектурного стилизаторства прийти не удалось. Московские архитекторы оказали дружное сопротивление Ю. М. Лужкову, обвинив его в некомпетентности и дурновкусии. Никакого «ретроразвития» здесь не получилось хотя бы потому, что во главу угла были поставлены либеральные реформы западного образца. Стали строить свое «Сити», отказавшись от первоначальной идеи Б. И. Тхора воплотить в новом высотном комплексе композиционную идею национального архитектурного шедевра — храма Покрова на Рву. Старались приглашать европейских архитекторов. На пьедестале почета оказался советский архитектурный авангард, оцененный как самое передовое мировое явление. Хотя некоторые фирмы смогли осуществить броские вариации и на тему «сталинского ампира».

Защитники исторической Москвы, среди которых лидировал А. И. Комеч, тоже были противниками и новоделов, и «неоэклетики». Они лишь требовали запретить новое строительство вблизи памятников архитектуры. Никакой веры в возможность сделать современную архитектуру деликатной и сообразной историческому окружению у них не было, из-за чего конфликт с практиками не решался, несмотря на активную работу экспертно-консультативного совета при главном архитекторе Москвы.

После смены мэра и главного городского архитектора об устранении этого конфликта просто перестали думать. Реновация пошла по пути радикального обновления

облика города, освобожденного к тому же от статуса исторического. Хотя работа по охране и реставрации памятников архитектуры была продолжена.

Современность, таким образом, продолжила оставаться антиномией историзма. Вместе с тем в последнее время улавливаются все более заметные признаки перемен в отношении к этому понятию³²⁶. Если вернуться к исконному значению слова «современность», то станет ясно, что оно на самом деле охватывает и подразумевает всё многообразие явлений настоящего времени. В самом деле, ведь современными для нас являются и прогрессивные, и консервативные взгляды, и мечты о будущем, и переживания о прошлом, и поиски новых средств архитектурной выразительности, и стремление сберечь наследие. Из этого следует, что указанная антиномия может быть снята и преобразована в бесконфликтное единство многоаспектного целого. Мысль о появлении такой возможности воодушевляет и дает основания для выстраивания новой системы взаимоотношений между старым и новым, сохраняемым и модернизируемым, неизменным и преходящим.

В заключение следует отметить наличие настойчивых попыток международного сообщества обуздать хаотические явления в нашей жизни и отладить систему мер, обеспечивающих «устойчивость» долговременного развития и экономики, и социума, и архитектуры. Хорошо известно, что еще в 1983 году комиссия ООН предложила мировому сообществу декларацию «Принципы устойчивого развития». С тех пор прошло немало совещаний и форумов, нацеленных на внедрение выработанного современной наукой «системного подхода» во все сферы жизни, включая архитектуру и градостроительство.

В ноябре 2023 года в Египте состоялась очередная климатическая конференция, к которой Норман Фостер подготовил специальную «Декларацию Сан-Марино» (по названию места, где ее намечено ратифицировать)³²⁷. Автор расценивает эту деклара-

³²⁶ Бондаренко И. А. Архитектура в эпоху модернизации образа современности // Современная архитектура мира. Вып. 20 (1/2023) / гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 11–32.

³²⁷ Возвышаева Т. И. Формирование и реализация концепции устойчивого развития в творчестве лидеров архитектуры хай-тек // Доклад на конференции «Современная архитектура мира: основные процессы и направления развития». 2–3 октября 2023 г. М.: НИИТИАГ-МАРХИ. Тезисы опубликованы на Архи.ру.

цию этических стандартов для архитекторов и урбанистов как аналог «клятвы Гипократа», существующей у медиков. Вот ее основные позиции: 1. Социальная ответственность и инклюзивность; 2. Уважение к культурным традициям и самобытности; 3. Эффективность и цикличность использования ресурсов; 4. Обеспечение безопасности и здорового образа жизни; 5. Бережное отношение к природе.

Всё это чрезвычайно важно и полезно. Архитекторы давно настраиваются на выполнение данных требований. Однако не следует переоценивать их реальные возможности. У чиновников и инвесторов гораздо больше полномочий. Они должны нести и ответственность за принимаемые принципиальные решения. В противном случае профессионалы оказываются в заведомо проигрышном положении, ибо они не могут постоянно сопротивляться и «учить начальство». Напрашивается вывод о том, что насущной необходимостью является целенаправленное включение архитекторов и урбанистов во властные структуры с тем, чтобы был поднят на должную высоту авторитет и престиж нашей профессии.

Однако слишком большой вес руководства опасен для нижестоящих звеньев системы. Такие звездные архитекторы, как Фостер, бывают чрезмерно уверены в своей правоте. Мне доводилось задавать вопрос представителю Фостера на градостроительном конкурсе в Пекине насчет многообразия типов застройки нового города: «Я не вижу в Вашем проекте традиционных для Китая односемейных домов с земельными участками. Где они?» На это последовал жесткий ответ: «Таких домов в современных городах быть не должно!» Господин архитектор легко определил будущее тысяч людей, да еще в совсем другом государстве.

Надо признать, что само понятие «устойчивого развития» (sustainable development) остается до сих пор слабо проработанным в теоретическом плане. Понятно, что требуется системный подход к решению всех проблем человечества и земной биосферы. Но «теория систем» сама находится в развитии и переосмыслении под воздействием всё новых и новых гипотез и открытий в различных научных областях. Когда рождалась она — в первой половине XX века — казалось, что естественные и точные науки возьмут верх над гуманитарными и приведут к формированию такого

общественного устройства, которое будет сродни хорошо отлаженному часовому механизму. Однако жизнь оказалась гораздо сложнее и разнообразнее.

Мир сейчас борется за многополярность, равноправие самых разных государственных образований и этнокультурных сообществ, многим из которых надо успешно конкурировать и стремительно развиваться. Так что «устойчивость» жизнедеятельности общего должна допускать «порывистость» в развитии частного. Все стратегические планы обязаны предусматривать возможность появления непредвиденных обстоятельств и неожиданных инициатив как у крупных, так и у мелких предпринимателей и собственников городской недвижимости.

Таким образом, общий характер желательного современного развития лучше определить не как «устойчивое», а как «контролируемое» и «мягко управляемое». Оно будет успешным только в том случае, если его управляемость не обретет закостеневшие формы тотального контроля за малейшими проявлениями самодеятельности. К сожалению, тенденция к этому сегодня наблюдается, особенно в странах ЕС, страдающих от засилья бюрократии, порождающей слишком обременительные регламенты. Жизнь требует свободы частного волеизъявления. Государство должно устанавливать для него лишь самые необходимые пределы допустимого. Мне уже доводилось высказываться насчет вреда «плохих» законов. Без них лучше, ибо тогда естественным образом вступает в силу «обычное право», апробированное веками.

Для архитектурно-градостроительной деятельности требуются четкие запреты, в рамках которых незачем говорить о развитии (это касается особо ценных памятников и территорий). Но вне рамок этих запретов развитию не должны чиниться излишние препятствия. Впрочем, проявление сдержанности всегда полезно. Поэтому нужно работать над выстраиванием определенных степеней модернизационной активности с тем, чтобы среда жизнедеятельности становилась и комфортнее, и гуманнее, и художественнее.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ОТВЕТЫ НА НИХ

Общая цель архитектурной модернизации и ее допустимые пределы

Человеку свойственно стремление к лучшему. По большому счету, цель сегодняшней модернизации среды жизнедеятельности остается той же, что была и в прошлые века, и в глубокой древности: благоустройство поселений и природного окружения, борьба с разрушающей силой стихий и течения времени.

Не стоит трактовать модернизацию как антагонистическую противоположность консервации, поскольку даже самые деликатные и необходимые заботы о сохранении, архивировании, музеефикации артефактов оказывают определенное воздействие на них, изменяют, а значит, модернизируют условия их существования. И в этом есть жизненная необходимость.

Другое дело, что модернизация может как улучшать, так и ухудшать ситуацию. Она бывает грубой и бесцеремонной, наносящей значительный ущерб сложившейся среде, подавляющей и уничтожающей драгоценное наследие. Такую модернизацию надо осуждать и обуздывать.

Однако сохранять всё старое, как есть, просто невозможно да и несправедливо по отношению к вещам разного качества и значения: ведь не всякая из них заслуживает «бессмертия». Встречаются явно негативные и опасные явления, которые должны искореняться вообще. Современные археологи изучают любые исторические напластования, называя их культурными слоями. Но не всё, что интересно науке, полезно людям в повседневной жизни. В традиционном понимании культура — это несомненное благо, требующее защиты от губительного воздействия сил зла, которые надлежит уничтожать и предавать забвению.

Правда, встает вопрос: как избежать ошибок в распознавании негативного и позитивного, вредного и полезного? Ведь для одних перемены могут быть злом, для других — добром. Кого-то влечет романтика старины, кого-то — сияние новизны

и футуристических фантазий. Есть и такие прагматические, но нередко обманчивые показатели, как, например, спрос на доступное жилье. Его наличие далеко не всегда свидетельствует о доброкачественности архитектуры. Дешевизна и льготы могут привлекать покупателей, несмотря на недопустимо низкое качество жизни.

Ясно, что архитектура должна иметь не только рыночные, но и внерыночные — социально-культурные и общественно-политические рычаги управления. Совершенно необходимо поддерживать и поощрять общий настрой на улучшение, совершенствование и среды, и общества, и самого человека. При этом всегда полезны умеренность и осмотрительность. Нельзя забывать народную мудрость: «От добра добра не ищут».

Модернизация желательная, уместная и допустимая

Из введения явствует, что насущной потребностью для нас является выстраивание подходящих градаций модернизационной деятельности, результаты которой должны быть достаточными, но не чрезмерными. Для этого нужно целенаправленно заниматься всесторонним изучением и своего рода инвентаризацией существующих населенных мест, а также природных территорий, всё более осваиваемых человеком, для того, чтобы классифицировать их по степеням уникальности и ценности — экологической, культурно-исторической, архитектурно-художественной. Зарождение любых преобразовательных планов должно не предварять изыскания на местах, а опираться на их результаты, полученные заблаговременно.

Для быстрого осуществления такой инвентаризации сегодня уже многое сделано географами, биологами, археологами, историками архитектуры и градостроительного искусства, этнологами, культурологами, краеведами. Надо только четко выделить пространственные локусы и наделить их официальными статусами. Указание таких статусов, определяющих соответствующие степени возможных преобразований, должно стать обязательной частью документов территориального планирования.

Речь идет не о детальных регламентах, которые появляются в процессе конкретной предпроектной и проектной работы, а об исходных общих требованиях, позволяющих установить допустимые формы и градации модернизационной активно-

сти на том или ином месте в неких баллах. Каждый из баллов должен подразумевать требования примерно такого рода: 1. Допускается только скрытая инфраструктурная модернизация; 2. Допускается модернизация частичная и малозаметная; 3. Допускается комплексная модернизация среды при сохранении ценной планировки и застройки; 4. Допускается модернизация отдельных построек без нарушения характера линии неба; 5. Допускается радикальная модернизация, существенно повышающая эксплуатационные и эстетические качества среды (в отношении депрессивных территорий и диссонирующих объектов); 6. Допускается модернизация транспортных коммуникаций и общественных пространств с сохранением наиболее характерных особенностей места; 7. Допускается модернизация среды с воссозданием утрат природного и архитектурного наследия.

Слово «модернизация» в данном перечне может быть заменено на более традиционное — реконструкция или на популярное сегодня — реновация.

Всё это должно служить дополнением к существующему порядку выделения территорий объектов историко-культурного и природного наследия и зон регулирования застройки. Особо надо отметить нежелательность изменения сложившихся границ между участками разной принадлежности, поскольку это приводит к дестабилизации положения дел в поселении и бесконечным преобразованиям. Наша задача — сделать эти преобразования щадящими и умеренными.

Далее рассмотрим отдельные грани проблемы средоформирования и градорегулирования для того, чтобы лучше уяснить, в каких формах и степенях желательна и допустима архитектурная модернизация существующего.

Модернизация во имя безопасности

Обеспечение безопасности среды жизнедеятельности всегда является первоочередной задачей. Людям очень нужна уверенность в своей защищенности, особенно при чрезвычайных обстоятельствах. Поэтому не следует экономить на создании внушительных ограждений и укрытий, когда они нужны, на зримом укреплении поврежденных конструкций и придании им запаса прочности. Погоня за ощущением рискованной

легкости, изящества и открытости архитектурных композиций, свойственная модернизму, совершенно неуместна и вредна в условиях психологического дискомфорта. А он может возникнуть в любую минуту из-за природных катаклизмов, техногенных катастроф, военных действий и терроризма.

Современные архитекторы склонны воспроизводить авангардистскую экспрессию острых парящих и нависающих форм. На Западе в моде балконы и террасы с огромными выносами. Жителям навязывается эта экспрессия, и они вынуждены свято верить в безошибочность инженерных расчетов и высокое качество строительных работ, чтобы жить спокойно. То же относится к высотным домам, от взгляда на которые кружится голова. Тем более когда их делают нарочито искривленными. Спрашивается, стоит ли играть на нервах?

Этой игрой стали увлеченно заниматься тогда, когда возникла эйфория от бескрайних возможностей научно-технического прогресса, обещающего человеку якобы полную власть над землей и космосом. Эйфория эта давно пошла на спад, но архитектура продолжает жить по инерции, создавая всё новые и новые миражи с совершенно невидимой, а зачастую и невообразимой конструктивной основой. Обыватели научились не обращать на это внимания, у них фактически атрофировались способности ощущать прочность и надежность архитектурного сооружения.

Очень интересны, просто замечательны разнообразные проекты инновационной архитектуры, трансформирующейся и адаптирующейся к изменяющимся природно-климатическим условиям и функциональным потребностям³²⁸. Новизна этих всё более внедряющихся в жизнь проектов состоит теперь не столько в покорении стихий, сколько в приспособлении к ним и даже практичном использовании их энергии. Этот факт следует оценить по достоинству.

И всё же с точки зрения безопасности да и экономической целесообразности такие сооружения выглядят рискованно. Но потребителей всячески настраивают на их самое позитивное и беспечное восприятие. Тому способствует активное воздействие

³²⁸ Сапрыкина Н. А. Формирование экоустойчивого пространства обитания будущего: теория, практика, перспективы. М.: КУРС, 2021; Она же. Формирование объектов адаптивной архитектуры в контексте кинематической модификации пространства обитания // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2020. № 4 (53). С. 34–56. URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/02_saprykina.pdf DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15302.

на психику современных медиатехнологий и кинематографических спецэффектов. Не вредно ли это для здоровья? Экспрессия игровых аттракционов, как известно, повышает содержание адреналина в крови, однако в среде, безопасной и благоприятной для нормальной повседневной жизни и работы, это представляется неуместным³²⁹. Тем более что у многих есть врожденная боязнь высоты.

Интересы безопасности требуют вообще отказываться от высотного жилья, из которого невозможно быстро эвакуироваться в случае землетрясения, пожара или взрыва. Хотя и на первых этажах горожане не всегда чувствуют себя комфортно, так как опасаются лишних взглядов извне и воров-форточников. Недаром многие ставят решетки на окна и лоджии.

Односемейный коттедж—безусловно, лучший тип жилища, однако всем известно, какими высокими и глухими заборами предпочитают окружать свои дома нынешние хозяева. Эти заборы—яркое свидетельство того, что среда жизнедеятельности сегодня отнюдь не безопасна. Попытки запретить их строительство означают создание фальшивой иллюзии всеобщего благоденствия. Заборы должны исчезнуть сами собой, как в свое время исчезли крепостные стены, валы и рвы. Для этого должен воцариться устойчивый мир и покой.

Неожиданная пандемия коронавируса вынудила критически посмотреть на современную градостроительную практику, да и на саму теорию, долгое время муссировавшую тему интенсификации использования территорий и создания высокоплотной многофункциональной жизненной среды. Выяснилось, что многое надо экстренно пересматривать и подчинять интересам более умеренной и безопасной частной жизни³³⁰.

Таким образом, соображения безопасности вынуждают модернизировать и строительный конструктив, и инженерную инфраструктуру, и планировочную организацию поселений. Неизбежно в жертву при этом приносится что-то хорошее,

³²⁹ Славина Т. А. О современных проблемах архитектурной профессии: доклад академика РААСН, доктора архитектуры, профессора Т. А. Славинной: материалы (стенограмма) заседания 27 января 2022 года / Научный совет РААСН по историко-теоретическим проблемам архитектуры и градостроительства. М.: МАРХИ, 2022.

³³⁰ Кукина И. В. Территориальная безопасность жилой среды, ревизия регламентов // Теория и история архитектуры. Вып. 3: Архитектура и город после пандемии. Материалы научной конференции / отв. ред. Г. А. Птичникова. М.; СПб.: Коло, 2021. С. 115–135; Федченко И. Г. Формирование массовой жилой среды, ревизия регламентов // Теория и история архитектуры. Вып. 3: Архитектура и город после пандемии. Материалы научной конференции / отв. ред. Г. А. Птичникова. М.; СПб.: Коло, 2021. С. 136–155.

дорогое сердцам старожилов. Важно оправдывать эту жертву, показывая, насколько надежнее, комфортнее, спокойнее и гармоничнее становится место обитания.

Модернизация среды и сохранение наследия

Модернизация городской среды может быть отрадной не только в плане ощущения бóльшей безопасности, прочности и эксплуатационной надежности зданий и сооружений. Нередки случаи, когда людям хочется модернизировать морально устаревшую обстановку, заменить нечто надоевшее и невзрачное на качественно новое, модное. Бывает, что потом они сожалеют об утраченном, но не настолько, чтобы воссоздавать его. Они свыкаются с новым и начинают опять задумываться о модернизации.

Регламентация этого известного процесса требует выстраивания определенной иерархии ценностей, что весьма затруднительно при нынешнем обилии соблазнительных предложений и плюрализме мнений. Но в отношении признанных объектов историко-культурного наследия система государственной охраны работает, хотя и не без трудностей, вызываемых сейчас прежде всего беспрецедентным ростом числа вновь выявляемых памятников.

Не так давно на международном уровне было признано, что только самые выдающиеся памятники следует считать «неприкасаемыми». Прочие допускают трансформации. В 2013 году ЮНЕСКО выпустило руководство по «Управлению объектами всемирного культурного наследия», сильно смягчающее прежние правила охраны памятников архитектуры. Удивительно, что послабления распространены на объекты, получившие высший международный статус. Менее значительные объекты, естественно, стали теперь подвергаться всё более и более вольным творческим преобразованиям. Весьма лукаво при этом звучат уверения в том, что эти преобразования служат стратегической цели «устойчивого развития»³³¹.

Очень грубо и во вред делу подразделяются постройки, поставленные на государственную охрану и не удостоенные такой чести. Заинтересованные лица, как известно, промышляют тем, что тормозят постановку на учет, а то и выводят из списка

³³¹ Карпова Е. С. Современные концепции сохранения культурной ценности историко-архитектурного наследия: автореф. дис. ... канд. арх. М.: МАРХИ, 2023.

памятников нужные им здания, дабы реконструировать или вовсе снести их, не нарушая закона. В обществе да и в профессиональной среде недостает согласия по этому вопросу. Следовало бы усилить позиции профессиональных экспертов и авторитетных публичных советов, которым сегодня недостает самостоятельности, смелости и права «вето» на недопустимые решения собственников и властей. Но этому, судя по всему, осознанно чинятся препятствия.

Проблема видится в том, что определенную историческую, культурную и художественную ценность представляют буквально все творения рук человеческих. А если сюда добавить наследие нерукотворное — природу, то ни о какой модернизации вообще нельзя будет говорить.

Считается, что «охранникам» и «модернизаторам» следует идти на компромиссы. Это означает заведомые уступки, которые всегда неприятны и несправедливы, коль скоро определяются зыбким соотношением сил и средств противоборствующих сторон. На самом деле стороны должны осознавать, что и старые, и новые ценности относительны. Выстраивая их ясную иерархию, можно найти сообща не компромиссные, а обоснованные, разумные, взвешенные решения. Нужен настрой на это, и нужны люди, обладающие высоким уровнем культуры и моральной ответственности.

Скрытая модернизация

По отношению к наиболее ценным объектам историко-культурного наследия требуется такая модернизация, которая не оставляет после себя заметных следов. Стеклянная пирамида во дворе Лувра показала всему миру, что нарочитый «диалог» старого и нового изгоняет «гения места» и препятствует вживанию современного человека в культуру прошлого. А ведь музеи создаются ради этого.

Совершенствование инженерных технологий позволяет прогнозировать существенный прогресс в деле реконструкции исторических поселений и реставрации памятников архитектуры, включая их деликатное приспособление для современного использования. Правда, обойтись без нанесения ущерба подлинности материи памятников всё-таки невозможно, коль скоро модернизируется их внутренность, некие

инъекции проникают в их тело. Но что поделаешь, когда надо оказывать сопротивление руинированию и помогать почтенному произведению архитектуры и градостроительного искусства жить дальше?

Можно вовсе не скрывать следы технической модернизации, а делать их явными — в виде подпорок, вставок, стяжек, «корсетов» и т. п. Именно к этому призывает Венецианская хартия. Однако практика показывает, что такая нарочитая демонстрация «инвалидности» памятника никого не радует, поскольку его подлинные фрагменты становятся омертвевшими. Их, конечно, надо сохранять в интересах исследователей будущего и обязательно производить документальную фиксацию сегодняшних вмешательств в историческое здание, но после того вполне возможна и желательна целостная реставрация с «оживлением» былого художественного образа и духа места³³².

Если не останавливаться на изучении исторических обстоятельств создания и бытования построек, а проявлять заботу о них как произведениях высокого искусства, то восстановление изъянов в архитектурных массивах и формах окажется делом совершенно понятным и предпочтительным. Тогда получит полное оправдание обращение к строительным материалам и технологиям прошлого, возрождение их и умелое использование в целях реставрации памятников, а также регенерации поврежденной городской ткани.

Тщательно выполненные имитации могут выглядеть замечательно и представлять тоже познавательную и культурную ценность. Однако увлечение ими ведет к слишком эффектному обновлению. Памятник далекого прошлого может получиться «как новенький». Не повредит ли это ощущению исторической дистанции?

Пatina старины и дух времени

Исторически сложившаяся среда обладает магнетизмом, затягивающим восприимчивого человека в прошлое. Принято считать, что этому способствует сохранение на памятниках архитектуры патины времени или старины. Действительно, глубокая эрозия крупных камней и бревен, покрытие их трещинами и выбоинами, мхами и ли-

³³² Антонова Н. Е. «Дух места» как предмет охраны // Academia. Архитектура и строительство. № 1. 2015. С. 30–38.

шайниками производит сильное впечатление. Сколько же веков и событий пережили они! — это возглас романтика, которому дороги и руины, и пепелища, и одни лишь топонимы.

Реставраторы-архитекторы мыслят более конструктивно. Анализируя и восстанавливая формы старинных сооружений, они волей-неволей уничтожают патины — и ради прочности, и ради раскрытия исторической и художественной правды. Однако известно, что в XX веке опыт реставрации памятников в первоначальном виде вызвал серьезную критику, потребовавшую сохранять в них и поздние напластования, достройки и перелицовки, представляющие тоже немалый интерес. Такой подход означает демонстрацию тех исторических перипетий, которые довелось пережить памятнику. По существу, он сродни сохранению патины времени, только не затуманивающей, а выявляющей события прошлого.

Очень поучительны дискуссии по поводу реставрации объектов садово-паркового искусства. Когда в Ленинграде начали вырубать старые деревья, чтобы восстановить стриженую зелень и боскеты XVIII века, возникла волна протестов такого рода: эти деревья росли веками и «помнят» множество знаменательных событий и замечательных людей, а уничтожающая их реставрация будет пустой театральной декорацией.

И всё же впоследствии в Летнем саду реставрацию осуществили. В мире накоплено немало примеров, показывающих, как важно окунуться именно в ту архитектурно-природную среду, которая была создана в свое время замечательными архитекторами, художниками и садовниками. Совершенно очевидно, что без реставрации французские регулярные парки переродились бы в живописные английские.

Заострить обозначенную проблему можно на примере реставрации древнерусской иконописи. Что бы мы знали о ней, если бы не было тех энтузиастов, которые на рубеже XIX–XX веков не побоялись снять драгоценные оклады и счистить многовековые слои закопченной олифы? Открылся мир удивительно ярких высокохудожественных образов. Именно он несет в себе дух времени — эпохи Средневековья, оказавшейся вовсе не «темными веками».

Как выясняется, патина старины создает ощущение длительности хода истории и отдаляет современность от древности. Лишенный же патины, хорошо отреставрированный памятник, наоборот, «пронзает» толщу истории и приглашает нас погрузиться в свою эпоху. Можно сказать и так: патина передает ощущение медленного течения реки времени и забвения, но дух и образ памятника способен порой вырываться из этого течения и оживать в настоящем.

В современных городах наблюдается невнятное смешение того и другого. Можно найти немало романтических и даже жутковатых в своей зашарпанности мест, но некоторые зоны и даже целые исторические поселения Европы в последнее время начали делать привлекательными для туристов при помощи тотального ремонта и вызывающе яркой раскраски. Хорошо ли это и насколько допустимо в широких масштабах? Не наносит ли это ущерб культуре?

Надо учиться лучше работать с категорией времени, исходя из того, что среда исторических поселений, которую принято называть сложившейся, на самом деле является не вполне сложившимся, не совсем законченным и еще не закончившим свой жизненный путь архитектурно-пространственным образованием: она способна расслаиваться, дробиться, регенерироваться и пополняться новыми элементами, помогая тем самым установлению контактов современности с историей.

Пространственно-временная неоднородность среды

Города никогда не возникают одномоментно, даже если строятся по единому плану. К тому же у них есть геоподоснова, хранящая память о первобытности. То тут, то там обнаруживаются археологические находки и культурные слои. О многом говорят следы дорегулярной трассировки улиц, некоторые из них веками остаются на своих местах, будучи проложенными сообразно изгибам рельефа. Каждое историческое здание стремится окружить себя собственной духовной аурой.

Реставрация, как было отмечено в предыдущем разделе, обостряет ощущение перенесения воспринимающего субъекта в иную эпоху. Наибольший эффект создается тогда, когда сохраняется или воссоздается адекватное окружение памятника ар-

хитектуры, его «фоновая» застройка. В таком случае в городе обособляются целые архитектурно-пространственные локусы. Археологические раскопки и музеефикация найденных оснований зданий и сооружений могут усилить эту обособленность до предела, придав ей научную весомость³³³.

Пространственно-временная неоднородность среды возникает и в связи с территориальным ростом города, захватывающего в свой состав сельские поселения и ландшафты. Нас долго призывали к стиранию различий между городом и деревней. Подразумевалась безусловная прогрессивность городского образа жизни и отсталость сельского. На самом же деле многие различия говорят вовсе не в пользу современного города. Нам надо не стирать, а наоборот, культивировать и даже обострять их, делая среду жизнедеятельности многообразной и предоставляя людям больше возможностей выбора мест обитания³³⁴.

Нельзя не упомянуть крупные промышленные предприятия, которые зачастую совершенно выпадают из городского и пригородного окружения. Функциональное зонирование, лежавшее в основе градостроительства модернизма, очень определенно расчленяло и по сей день расчленяет пространства поселений, считающихся едиными лишь номинально.

Интересующий нас вопрос заключается в том, как относиться к этой расчлененности и неоднородности среды жизнедеятельности человека. Модернистское зонирование предполагало, что, установив границы разнокачественных территорий, можно будет разумно скомпоновать их в одно нерасторжимое, надежно функционирующее целое. Внешне совсем другой — классицистический — подход к проектированию города как ансамбля на самом деле преследовал аналогичную цель — построения хорошо слаженной, единой объемно-пространственной композиции.

В профессиональном да и в общественном сознании глубоко укоренилась мысль о необходимости добиваться этой самой слаженности, связанности, скомпонованности воедино всех частей города, какими бы разными они ни были. Множество

³³³ Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М.: Вече, 2006.

³³⁴ Кузьмин А. В. Среда жизнедеятельности — национальный приоритет России. Формирование и реализация. Доклад на Общем собрании РААСН. М., 2015. http://www.raasn.ru/upload/iblock/756/Доклад_А.В.Кузьмина.pdf.

градостроительных реконструкций и модернизаций нацеливалось именно на это. Однако шло время, а получаемые результаты снова и снова оказывались неокончательными. Ясно, что абсолютная гармония остается недостижимой для нас.

Завершенность приписывается историческим городам, хотя в их «ткани» обнаруживается немало «шрамов», бестактностей и диссонансов. Одновременно декларируется, что город не может становиться музеем, он должен «идти в ногу со временем» и непременно развиваться, а значит, трансформироваться³³⁵. Идея консервации и музеефикации памятников архитектуры вступает в очевидное противоречие с этим.

Предлагаю иную логику рассуждений: неоднородность, разнообразие элементов, составляющих город, следует оценить по достоинству. Разные по происхождению, предназначению и архитектурно-художественным характеристикам объекты, находясь в городе, должны иметь достаточную самостоятельность, полноценность. Их нельзя считать неотъемлемыми элементами одного целого, «винтиками» некоего «часового механизма», заведенного раз и навсегда.

Сравнение города с биологическим «организмом» — тоже большая натяжка. Всякое поселение является прежде всегоместилищем всевозможных субъектов жизнедеятельности. У каждого из них свои проблемы, потенциалы и судьбы. Надо отказаться от несостоятельных попыток приведения всех и вся к «общему знаменателю» и нерасторжимому единству. В противовес этому следует настроиться на создание благоприятных условий для мирного сосуществования и разных людей, и разных построек, и разных пространственных анклавов.

Полифония городской среды

В городском, искусственном ландшафте происходит такое же сложное взаимодействие элементов, как и в ландшафте естественном, где есть красота, но не поддающаяся знаменитой формулировке Л. Б. Альберти: «...ни прибавить, ни убавить...». Эта формулировка очень точно характеризует счастливый миг обретения абсолютной — «кристаллической» — гармонии. В реальном же пространственно-временном конти-

³³⁵ Иконников А. В. Старое и новое в системе города // Памятники архитектуры в структуре городов СССР. М.: Стройиздат, 1978. С. 7–44.

нууме проявляет себя гармония лишь относительная, не совсем точная, изменчивая, разнообразная. В том и состоит ее жизненность. Леса образуют прекрасные единые массивы, в которых, однако, всегда что-то прибавляется, а что-то убавляется. Города подобны им, ибо тоже живут и изменяются в течение длительного времени.

Происходящее в процессе движения восприятие архитектурно-пространственной среды получается похожим на звучание хора или большого оркестра. Сравнение архитектуры с музыкой возникло не случайно. Следует только уточнить, что музыка не бывает «застывшей». Она всегда звучит, разворачиваясь во времени и пространстве. Другое дело, что ее партитура может быть зафиксирована как в нотных записях, так и в недвижимых архитектурных формах.

Такой взгляд на среду позволяет говорить о ее «полифоническом» единстве. Данную мысль обосновывала в своих трудах И. А. Азизян³³⁶. Она писала о пространственном взаимодействии искусств, их «диалогах» и многоголосых «полилогах», противопоставляя это застывшему «синтезу». В настоящее время М. В. Дущев активно развивает сходные идеи, подводя их под емкое понятие «художественной интеграции»³³⁷.

Нельзя забывать, что полифоническое единство города никогда не получается столь же тщательно отработанным, как авторское произведение великого композитора. Архитекторы склонны позиционировать себя в качестве композиторов, дирижеров и драматургов. Однако город им не поддается. В нем слишком много стихийного и импровизационного. В его полифонии проявляется нестройная самодеятельность многих участников. Так что музыка здесь улавливается сквозь шум. Н. Ф. Гуляницкий, обращая внимание на этот шумовой эффект, находил аналог ему в традиционном для Древней Руси демественном распеве, суть которого заключалась в одновременном звучании разных музыкальных тем, механически накладывавшихся друг на друга³³⁸.

Наложение и сплетение самодостаточных архитектурных тем в городе создает зачастую неожиданные и контрастные эффекты, которые, однако, оправдываются

³³⁶ Азизян И. А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. М.: ЛКИ, 2008.

³³⁷ Дущев М. В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2013.

³³⁸ Гуляницкий Н. Ф. Колокол в древнерусской архитектуре // Архитектурное наследие. 1988. Вып. 36. С. 65–74.

именно тем, что соседствующие здания и сооружения принадлежат своим типологическим линиям и не komponуются в целостные ансамбли, а просто оказываются рядом в связи с пересечением этих линий, как, например, храм Покрова на Рву и Спасская башня Московского Кремля. В этом, несомненно, есть своя безыскусная правда и выразительность.

Среда добрососедства

Должны ли мы стремиться модернизировать среду так, чтобы «шум» исчез и зазвучала стройная «симфоническая музыка»? Вопрос этот правовой и этический. Кто уполномочен заставить каждого субъекта жизнедеятельности поселения быть прилежным «оркестрантом»? В добропорядочном обществе недопустимы насилие, навязчивость, бестактные вмешательства в личную жизнь. Разве можно игнорировать интересы солидного домовладельца, дразнить и унижать его, выстраивая перед его окнами нечто эпатажное и требуя при этом отзывчивости?

Архитектуре надо бы вернуться к следованию социальному этикету. Чем методичнее это будет проводиться, тем больше порядка станет в городской среде. На это определенно указывают примеры из истории. Другое дело, что современному обществу претит та строгая этикетность, которая была свойственна цивилизациям прошлого. Призывать к ее возрождению сегодня невозможно. Но устранять вопиющие бесчинства и бескультурье необходимо.

Полифония средоформирования должна оставаться естественной и добровольной, благозвучной при выстраивании связей добрососедских и тревожной в условиях возникновения конфликтов и агрессии.

Есть поговорка: насильно мил не будешь. Она уместна и в отношении призывов добиваться некоего «симбиотического» единства или «гибридизации» совершенно чужеродных организмов, принуждаемых быть вместе в перегруженной городской среде³³⁹. Конечно, «креативный» архитектор-художник способен интегрировать и сплавлять, подобно алхимику, одновременные и разнокачественные артефакты, создавая

³³⁹ Вавилонская Т. В. Симбиотические модели устойчивого развития архитектурно-исторической среды Самарского Поволжья // Промышленное и гражданское строительство. 2015. № 11. С. 46–51.

причудливые мутации. Однако надо обратить внимание на то, что при получении даже весьма интересных и положительных результатов происходят насилие над отдельной вещью, досадное уничтожение ее полноценности, самобытности.

Когда это признанный памятник архитектуры, такое просто недопустимо. Но и среди новых построек встречаются достойные сохранения авторские произведения. Кстати, нам следует щепетильнее относиться к соблюдению норм авторского права. Тогда перестанет звучать расхожее оправдание архитектурной бесцеремонности: «ничего, стерпится — слюбится».

Свое, чужое и общее

Человеку свойственно оберегать свое и остерегаться чужого, неизвестного и потому опасного. Вместе с тем ему нравится осваивать и присваивать что-то новое, привлекательное и полезное. Насильственная гибридизация своего с чужеродным, упомянутая выше, представляется несправедливой и мучительной. Она может быть злонамеренной. Но существует и отрадное, добровольное, любовное соитие того и другого во имя достижения органического единства.

В архитектурных культурах прошлого проявлялись и обособление, и взаимодействие, приводившее к обогащению и развитию локальных традиций. С этой точки зрения мысль об интегративной функции среды выглядит продуктивно.

Важно только заметить, что исправное выполнение этой функции не может быть доверено одному лишь архитектору или дизайнеру. Принципиально важны позиции самих владельцев и обитателей архитектурных объектов, вступающих в соприкосновение в городской среде: ведь здесь надо учитывать многие психологические нюансы субъектно-объектных отношений, как устойчивых, так и изменчивых. Здания, как и люди, могут быть открытыми и замкнутыми, приветливыми и угрюмыми, экстравертами и интровертами. Стоит задача установления между ними взаимоуважительных отношений.

Постановка этого вопроса заставляет углубиться в проблему собственности. Есть территории приватные и общественные. Первые из них могут принадлежать

лицам физическим и юридическим. Вторые тоже находятся в чем-то ведении, но трактуются как места общедоступные. Оздоровление общественных отношений в городской среде требует соблюдения принципа невмешательства в дела суверенных владельцев, хотя те и обязаны выделять свои доли на общие нужды. Встречаются резонные предложения именовать входные зоны в частные дома «полуприватными»³⁴⁰.

Актуальной задачей сегодня является разграничение пространств, принадлежащих и не принадлежащих городу. В этом деле произошла заметная эрозия основополагающих правил организации соседской общины. Муниципальные власти стали считать, что к их компетенции относится всё, что находится в административных границах поселения. В собственности жителей остаются только интерьеры квартир. И то растет процент жилья арендного.

Личных приусадебных участков в городах становится всё меньше и меньше. Приватными теперь зачастую называют лишь более или менее обособленные пространства, где встречаются ближайшие соседи и куда редко заглядывают посторонние. Это объясняется врожденной потребностью человека иметь что-то свое, родное. Но в данном случае происходит подмена понятий. А когда желаемое выдается за действительное, зарождается социальное неблагополучие. В частности, многих беспокоит безопасность детей во дворе, доступном для чужаков.

Размышляя о новых требованиях к городскому планированию, возникших в связи с пандемией, Г. А. Птичникова справедливо заметила, что частные пространства продемонстрировали свои существенные преимущества над общественными³⁴¹.

Многофункциональность среды

Панацеей от всех бед в последние десятилетия стало считаться создание города «для людей», насыщенного всевозможными функциями, разнообразного, «живого», обладающего «дружелюбием». Вполне понятно, почему за безусловное благо выдается

³⁴⁰ Бенюсеф М. Я. Особенности формирования архитектуры индивидуальных жилых зданий в условиях городской застройки пустыни Сахары: автореф. ... канд. арх. М.: МАРХИ, 2023. С. 12, 20.

³⁴¹ Птичникова Г. А. Общественные пространства городов: новые требования в эпоху эпидемий // Теория и история архитектуры. Вып. 3: Архитектура и город после пандемии: материалы научной конференции С. 205.

всемерное развитие общественных пространств, проникающих всё более не только в жилые массивы, но и на территории самых разных кластеров, закрытых корпоративных заведений, кампусов и частных фирм.

В пространствах общего пользования по инициативе бизнеса и при содействии властей, заинтересованных в получении симпатий избирателей, возможны любые дизайнерские эксперименты, нацеленные на создание синтеза искусств, острых сценографических эффектов с использованием новейших медиатехнологий, атмосферы вечного веселья. Но куда деваться от этого «карнавала» гражданам, нуждающимся в тишине и покое? Уезжать за город? А ведь там происходит то же самое!

Совершенно очевидно, что нельзя впадать в крайности, борясь с унылостью казенной застройки и опустевающими на день спальными районами. Полифункциональность среды никак нельзя считать безусловным благом. При мелком масштабе и дисперсности она, конечно, повышает комфорт проживания, но наблюдаемые сегодня попытки сблизить и срастить жилую застройку с крупными производственными и торгово-развлекательными объектами надо признать ошибочными. Дело заключается отнюдь не только во вредных выбросах и шуме — новые технологии позволяют их минимизировать. У людей существует врожденная психологическая потребность удалиться от мест концентрации деловых функций, уединиться после активного общения. Вот почему им всегда были нужны межи, нейтральные полосы, достаточно широкие буферные зоны.

Необходимо разумно ранжировать сами общественные пространства по степени близости их к местным жителям. Хорошо, когда есть пространства, которые можно называть «своими» или хотя бы «нашими». Они должны отпочковываться от пространств общерайонных, общегородских, транзитных, центральных — федерального и столичного значения. Для этого нужно отказаться от единых стандартов благоустройства городской среды. У всех ее участков должны быть свои хозяева, свои блюстители порядка. При этом не надо стремиться к интенсификации использования каждого клочка городской территории, насыщая его новыми функциями. Пустынные уголки, малые дворики и тихие улочки тоже очень нужны.

Городской среде противопоказано быть однородной, «гомогенной». Модернизация должна нацеливаться на улучшение ее структурных, «гетерогенных» качеств. Это утверждение заставляет обратить внимание на приемы разграничения пространственных анклавов. Эти приемы могут быть совершенно разными. Конечно, всем хочется иметь свободу передвижения в городе, не встречать на каждом шагу запертые решетки и глухие стенки. И тем не менее границы между «своим», «чужим» и «общим» должны существовать. В противном случае получается хаотическая мешанина. Некоторые архитекторы высказываются в ее пользу, но то архитекторы, озабоченные созданием богатых композиционно-пластических эффектов³⁴². У хозяев и пользователей другие интересы, связанные и с безопасностью, и с исправной эксплуатацией территорий и зданий.

Вспомним, что произошло с жилым фондом российских городов, когда после революции 1917 года он был национализирован и отдан под коммунальное заселение. Не стало никаких дворников, традиционно следивших не только за чистотой. Дворы открылись для всех. Городская среда стремительно деградировала, а хулиганство достигло апогея.

В последнее время в Западной Европе стали проектироваться новые городские районы в подражание историческим — со сложным живописным планом и высокоплотной разнообразной застройкой. Транспорт убирается под землю, пространство отдается пешеходам, велосипедистам и эстетскому ландшафтному дизайну. Такая среда считается гуманной и привлекательной. Однако она совсем не та, что была в городах прошлого, где застройка складывалась во многом «индуктивным» путем и потому была соткана из множества замкнутых в себе домовладений (вспомним выражение «мой дом — моя крепость»). Здесь же создается поверхностная, обманчивая имитация многосложного исторического процесса. И не по заказу собственников, а на продажу или для сдачи в аренду квартиросъемщикам. Эта среда не может стать по-настоящему «своей», коль скоро она не принадлежит жителям.

³⁴² Автор ярославского планетария — об исторической и современной застройке: «Архитектурное месиво — это здорово». Большое интервью с Ильей Клягиным о том, как надо строить в Ярославле. URL: <https://76.ru/text/realty/2023/02/13/72047189/>.

Признаки «идентичности» места

Разграничение «своего» и «чужого» имеет прямое отношение к актуальной сегодня теме «идентичности» мест обитания. Термин этот используется неточно, но с пользой для дела.

Беспощадная модернизация городов и сел путем насаждения повсюду унифицированной продукции стройкомплекса вызвала-таки реакцию неприятия. Историко-культурное наследие стало всё больше цениться и стимулировать развитие туризма, пополняющего скромные бюджеты малых городов. Перед их руководителями встала задача создания привлекательных условий для приема гостей. В рекламных целях начали афишироваться имеющиеся достопримечательности и придумываться яркие бренды, зачастую фантазийного характера.

Недостоверность результатов надуманного определения признаков местного своеобразия не позволяет говорить о возрождении подлинной «идентичности». Да этого и невозможно добиться в полной мере по прошествии столетий. Но тренд обнадеживает. Он делает и сугубо научные архитектурно-археологические исследования более востребованными широкими слоями населения. А от них на самом деле может исходить много импульсов для развития воображения и культурного самосознания.

Важна сама постановка вопроса о поддержании «идентичности» города. Она заставляет задумываться над тем, насколько новые архитектурно-планировочные проекты адекватны ситуации. Пусть понимание этого термина остается невнятным, но забота о сохранении «идентичности» будет обязательно вызывать защитную реакцию на чужеродные внедрения в среду исторического поселения.

Впрочем, не всё замыкается на памятниках седой старины. Сейчас в почете и наследие советского времени. Брендом города может оказаться выдающееся инженерное сооружение или промышленное предприятие. Мало того, гордостью горожан способен стать совсем новый объект, если в нем есть что-то уникальное. Причем объект этот может быть и интернационального характера. Получается так, что «идентичность» места — категория многогранная и изменчивая, как и сам ход истории. Это очень осложняет, но делает увлекательной проблему модернизации среды.

Известны мировые примеры кардинального преобразования индустриальных территорий с сохранением наиболее эффектных, хотя уже бездействующих конструкций — ради напоминания о прошлом и закрепления признаков той самой «идентичности» места, о которой идет речь. Это можно назвать не педантичным сохранением наследия, а творческими вариациями на тему историзма. Встречаются комментарии такого рода: у берега поставили списанный корабль, чтобы устроить в нем аттракцион или ресторан. С его помощью обозначается «идентичность» места, поскольку ранее здесь находилась судостроительная верфь³⁴³. На самом деле ни корабль, ни обустройство набережной отнюдь не идентичны тому, что было. Есть только номинальные ассоциации, отдаленные припоминания о прошлом. Но этого оказывается достаточно.

С точки зрения исторической науки всё это несерьезно, но для богатства жизненных впечатлений немаловажно. Как относиться к такой «игровой», «театрализованной» модернизации среды? Она вдохновляет проектировщиков и пользуется успехом у публики. Когда нет возможности и потребности музеефицировать подлинники, создание их приблизительных подобий представляется уместным. Это гораздо лучше, нежели стирание с лица земли «следов истории» и проектирование нового «с чистого листа».

Анализ традиционного отношения к проблеме преемственности показывает, что люди издревле пользовались приемами относительно вольного формоподражания для передачи жизненной силы от почитаемых объектов, уходящих в прошлое. Им была важна не столько материальная, сколько идеальная сущность этих объектов. Они мыслили образами и постоянно поддерживали их воспроизведение, как огонь в очаге.

Природная среда и строительство

«Идентичность» места определяется отнюдь не только «следами истории», культурными напластованиями и памятными артефактами, которые можно воссоздавать и популяризировать. Огромной силой обладает природная ситуация, где зародилось и выросло поселение. Она, конечно, изменилась под воздействием человека, однако не

³⁴³ Варламов И. Поучимся жить у Америки! URL: <https://dzen.ru/a/ZFFmf,tLOlop9NeF>.

всегда до неузнаваемости. Ценность представляют ландшафты, называемые сегодня «культурными». Но и «дикая» природа в окрестностях поселений бывает примечательной. Она так или иначе осваивается культурным сознанием и становится неотъемлемой частью художественного образа местности.

Рассуждая о вариантах преобразования депрессивных территорий, нередко хочется предложить вернуть их природе, некогда беспощадно подавленной и уничтоженной. В таком случае признаком «идентичности» будет не безобразное творение рук человеческих, а зеленый луг, перелесок, чистая река с живописными берегами. Такая направленность модернизации среды жизнедеятельности заслуживает особого внимания.

Строительство не всегда шло наперекор естественной природе. Можно утверждать, что зарождалось оно в качестве средства благоустройства территорий. Благоустройства не только на потребу человеку, но и в угоду самой «матери сырой земле», которую надлежало холить и лелеять, помогая ее плодородию. Нам и сегодня следует различать места прекрасные для жизни и неблагоприятные, с плохим климатом, чреватые землетрясениями, оползнями, наводнениями. В первом случае можно почти ничего не делать. Впрочем, укрываться от непогоды и непрошенных гостей всё равно придется. Второй случай обязывает человека и дает ему моральное право покорять разрушительную стихию весьма решительно. В древности люди робели перед грозными хтоническими силами и просто избегали мест их концентрации. Но чем дальше, тем больше они стали поселяться и в суровых условиях, отвоевывать участки и с дурной славой, почитая за геройство их коренное преобразование.

Изначально города создавались как оплоты благополучной жизни среди опасного дикого окружения. Крепостные стены и святилища притягивали к себе людей и давали им защиту—физическую и духовную. Но что за метаморфоза произошла с приближением нашего времени? Города превратились в средоточия и источники загрязнения, эпидемий, шума, агрессии, терроризма. Многие устремились в пригороды—туда, где чище и просторнее. Возникли идеи дезурбанизма. Однако города, подобно спрутам, не отпускают свою добычу и продолжают отравлять окрестности. Они

стараятся мимикрировать, показательно модернизироваться под лозунгами экологичности и гуманизма, и жизнь в них продолжает «бить ключом», несмотря на неудобства и опасности.

Строительная индустрия набрала такую мощь, что ей оказывается совсем трудно нивелировать любые складки рельефа и создавать крепкие фундаменты на слабых грунтах. Не стало и моральных запретов на это в связи с отказом от «суеверного» отношения к природе. Землю беспощадно роют, перегружают, заковывают в бетон и асфальт, реки запруживают каскадами ГЭС, воздушное пространство пронзают небоскребами и заполняют летательными аппаратами. Чего только стоит новейший проект грандиозного прямолинейного города-дома, разрезающего будто ножом зыбкий ландшафт Аравийской пустыни? О чем он говорит? О силе человеческого разума или о ненасытной жажде славы? Стоит ли поступать так — наперекор природе, назло стихии? Где пределы допустимого?

Забыты теперь напрочь традиции ориентации зданий и поселений по сторонам света. Архитекторы стали вольны рисовать планы любых конфигураций, исходя из формально-композиционных соображений и коммерческих интересов интенсификации использования каждого клочка земли. Требования инсоляции еще учитываются, но не строго и без понимания необходимости закономерного встраивания пространства для жизни в естественное земное и небесное окружение.

Сближение искусственного с естественным

Ощущая трагичность отрыва возгордившегося своими достижениями человека от естественных начал жизни, Жан-Жак Руссо еще в эпоху Просвещения выдвинул знаменитый лозунг «Назад — к природе!» Этот лозунг повлиял на культурное самосознание европейцев, но не смог пресечь разрушительное воздействие на окружающую среду цивилизационного процесса Нового времени. По прошествии двух столетий он не потерял актуальности. Высокомерно-потребительское отношение к природе вызывает теперь всё большую реакцию неприятия. Звучат призывы ученых беречь сложившиеся экосистемы, разрушение которых чревато трагическими последствиями для

всей планеты. Возникли государственные и общественные организации, занимающиеся защитой природы, в сфере архитектуры внедряются в практику принципы и нормы «зеленого строительства».

При этом нет речи о возвращении в первобытность. Напрашивается новая редакция лозунга Руссо: «Вперед—к природе!» Недаром В.И. Вернадский заявлял о грядущем преобразовании человеком биосферы в ноосферу. Стремление выступать заодно с природой проявляется в современной биоморфной и лендморфной архитектуре. Более фундаментальные задачи освоения природных конструктивных и тектонических закономерностей ставят перед собой бионика и геоника. Ведутся исследования признаков сходства в формообразовании природных организмов, кристаллов и архитектурных объектов. Пристальное внимание уделяется изучению когнитивных способностей человека и врожденных психико-физиологических свойств его восприятия, что взято за основу нового научно-творческого направления, названного «нейроархитектурой»³⁴⁴. Открылась масса инновационных возможностей архитектурного формообразования благодаря развитию компьютеризации и цифровых технологий.

Архитектурно-градостроительное искусство меняется под воздействием естественных и точных наук. Однако их результаты могут интерпретироваться в архитектуре очень по-разному. Они могут и вводить в заблуждение архитекторов, коль скоро получают на основании изучения явлений и процессов, несвойственных человеческим организмам и сообществам. Мало ли, что колонии каких-нибудь мшанок растут по выявленному алгоритму. А у людей он другой, и его изучением занимаются другие науки—общественные и гуманитарные.

Эти науки тоже играют роль, но гораздо менее действенную, что не может не вызывать беспокойства, особенно в современных российских условиях, где архитектура отнесена к разряду дисциплин технических и подчинена Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Искусство курирует Министерство культуры, но архитектуры оно касается только в отношении охраняемых памятников. Это ошибка, нуждающаяся в исправлении.

³⁴⁴ Добрицына И. А., Коптева Т. В. Нейронаука как методологическая трансгрессия в пространство архитектурного мышления // Архитектура и строительство России. 2021. № 1 (237). С. 10–15.

В 2000-е годы в РААСН вице-президент В. А. Ильичев предложил добиваться «биосферной совместимости» городов³⁴⁵. Развиваемые им и его коллегами инженерные инновации приносят свои плоды, хотя еще слабо воздействуют на архитектурное формообразование. Поэтому энергоэффективные здания с нулевыми выбросами и прочими высокими экологическими показателями по своим формам могут оставаться по-прежнему чужеродными, а среда городов — воплощать образ всё той же малохудожественной индустриальной цивилизации.

Стоит задача модернизировать современную архитектуру таким образом, чтобы она наглядно выражала уважительное, а лучше — трепетное, благоговейное отношение человека к естественной природе. Редко это получается убедительно. Особенно удручает засилие жесткой ортогональной планировки даже в неплотной коттеджной застройке. Вопрос остается непроработанным с теоретической точки зрения, а на практике решается методом проб и ошибок.

Советские нормативы позволяли создавать обильное озеленение между многоэтажными корпусами. Гармонии такой безликой «архитектуры» с природой не получалось, но экологические и рекреационные показатели в жилых микрорайонах были неплохими. Как говорил Н. Ф. Гуляницкий, «архитектуры там нет, есть только довольно привлекательная среда».

Наблюдаемое в последние десятилетия уплотнение застройки резко уменьшает возможности создавать ощущение приволья и выращивать большие группы деревьев. Акцент переносится на дизайнерские приемы благоустройства придомовых территорий и по возможности террас, балконов, эксплуатируемых кровель, некоторых вертикальных плоскостей. Жителей стараются радовать декоративной растительностью и цветниками. Это, конечно, лучше, чем ничего, но сродни эффекту аквариума, глядя на который, все отчетливо понимают, что настоящая природа находится где-то очень далеко. Зоопарки и лесопарки в городах помогают делу, но не очень эффективно, поскольку до них, как правило, приходится ехать, они тоже находятся в изоляции.

³⁴⁵ Ильичев В. А. Биосферная совместимость: Технологии внедрения инноваций. Города, развивающие человека. М.: УРСС, 2012.

Такая ситуация вызывает настойчивое желание заняться полноценной реализацией забытых проектов «зеленых клиньев» и непрерывных «коридоров», которые связывали бы локальные кусочки городской природы с природой большой, уходящей в пригороды, сельскую местность и совсем незаселенные земли. В идеале эти коридоры представляются такими, что по ним можно уйти или уехать на велосипеде далеко от города и вернуться обратно, не видя застройки.

Конечно, чтобы отдать природе отнятые у нее территории, требуется щедрость, которая зависит от степени осознания важности проблемы и остроты сожаления о том, как была искалечена земля в прошлом.

Нельзя не обратить внимания на эффектные зарубежные проекты городских комплексов, в которых крупные многоэтажные здания трактованы в виде естественных возвышенностей, своего рода гор, живописно увитых растительностью. Индийским архитектором Манасом Бхатия недавно предложен выполненный с помощью нейросети проект, имитирующий стволы исполинских деревьев, внутри которых помещаются вполне комфортные жилые ячейки. Людей увлекает романтика древней жизни в горах и джунглях, пещерах и землянках. Это сближает их с животными, интерес и любовь к которым растет. Всё так, только не совсем по-настоящему.

Всерьез говорить о слиянии среды жизнедеятельности человека со средой дикой природы не приходится. Создаются лишь имитации. Причем зачастую весьма печальные по причине необходимости жестоко бороться с засилием насекомых, пресмыкающихся, птиц да и некоторых млекопитающих, с удовольствием поселяющихся в городах, которые стали слишком гостеприимными для всех видов флоры и фауны.

Участившиеся посещения американских коттеджей медведями обнаруживают насущную необходимость возведения высокопрочных ограждений от них. В странах с теплым климатом очень нужна защита от змей, крокодилов да и массы других животных. Раньше люди охотились, и звери были пугливыми. Теперь они осмелели, а человек, избалованный комфортом, вдохновленный прогрессивной идеологией и потрясающими съемками дикой природы, сделался слишком бесстрашным и беспечным. Общество зачаровано иллюзией тех идиллических отношений между людьми

и животными, которые, согласно религиозным воззрениям, наступят в конце времен. Мы опять обнаруживаем торопливое желание человека преобразить мир досрочно.

Архитектура во благо Земли

Реальность такова, что девственная природа на Земле остается лишь в отдельных урочищах, уменьшающихся по размерам. Для сохранения популяций диких животных приходится создавать заповедники. В былые времена градостроители мыслили бесконечно расширяющимися «системами расселения», теперь же вошел в употребление другой, в стратегическом отношении более правильный термин — «территориальное планирование». Он подразумевает разумное расчленение пространства для организации среды обитания и жизнедеятельности не только человека, но и зверей, птиц, рыб, насекомых, растений, всей земной «биоты». Территория может быть совершенно безлюдной, тем не менее заботливо охваченной вниманием профессионалов.

Раз так, то повсюду возникают свои режимы, регламенты, ограничения. Где-то просто заборы, в других случаях — буферные зоны и охраняемые коридоры для миграций животных. Целое дело — защита самолетов от птиц и наоборот. А киты нуждаются в защите от морского судоходства. Задача эта огромная и находится еще только на начальной стадии решения. Приходится затрагивать ее для того, чтобы обозначить множественность животрепещущих проблем, стоящих перед современными архитекторами и градостроителями, коль скоро они претендуют на разумное обустройство среды жизнедеятельности.

Хорошо, когда архитектура органично вписывается в природную среду, планы поселений подчиняются изломам рельефа и микрорельефа. Но мы не можем отвергать и более контрастные решения, демонстрирующие подправление рельефа и артистичное «заковывание» его геометрическими сетками планов. Другое дело, что во всём надо соблюдать меру. Губительны крайности.

Намечая модернизацию имеющегося, надо нацеливаться на борьбу с тотальной планировочной регулярностью, попирающей природу с упорством бездушного бульдозера. Но полностью отказываться от упорядочения естественного окружения

не следует, даже если появляются возможности создавать впечатление жизни вдали от цивилизации. Архитектура, теряющая в некоторых новейших экспериментальных проектах связь с давними человеческими идеалами и признаками рукотворного искусства, перестает выполнять свою исконную социально-культурную миссию.

Архитектурное наследие при всём удивительном многообразии содержит в себе довольно определенное антропогенное начало, которое надо ценить. Все животные как-то обустроиваются в природе. Некоторые очень искусно строят домики, делают соты, выют гнезда. Из века в век по таким творениям и меткам безошибочно определяются владельцы той или иной территории. Люди создали свою архитектуру и охватили ею весь мир. Им следует придерживаться своих традиций, а не изменять им, внедряясь во владения других существ при помощи обманной имитации и маскировки.

Человек оказался действительно хозяином на Земле. Осознание этого факта обязывает его проявлять благородство и уважительно относиться ко всем другим обитателям планеты. Ему надлежит беречь и свое собственное культурное наследие, доставшееся от предков. Не надо отказываться от доброкачественных архитектурных достижений прошлого и разрывать идущие от них линии преемственного развития. Нельзя отказываться и от новых открытий и свершений, если они делаются во благо жизни на Земле.

Модернизация среды жизнедеятельности должна нести в себе непременно позитивный заряд. Удручают огромные несуразные здания, не имеющие содержательного права на роль доминант, но подавляющие всё вокруг и демонстрирующие пренебрежительное отношение и к природе, и к людям. Такие ошибки надо исправлять и не допускать вновь. Настоящая, хорошая, «дружелюбная» архитектура не может портить ни урбанистические, ни природные ландшафты. Ей подобает обустроивать, обогащать, совершенствовать их. Надо надеяться на то, что на смену потребительско-эгоцентризму скоро придет заботливое отношение человека к среде жизнедеятельности, для которой архитектура станет служить достойным, высокохудожественным украшением.

**О СООТНОШЕНИЯХ ЖЕЛАЕМОГО, ВОЗМОЖНОГО
И ДОПУСТИМОГО В ПРАКТИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ.
КРАТКОЕ ОБОБЩЕНИЕ**

Желания человека модернизировать окружающую среду могут быть самыми разными. Но далеко не все из них следует реализовывать. Дело заключается отнюдь не только в ограниченности экономических и технических возможностей. Принципиально важно обуздывать желания на основании понимания того, что, создавая нечто новое, мы жертвуем старым, доставшимся нам в наследство от прошлого.

Ценность этого наследства, как историко-культурного, так и природного, стала возрастать в наших глазах. И все чаще приходится вспоминать поговорку «От добра добра не ищут». Не надо переделывать хорошее. Впрочем, сохранять всё в неприкосновенности невозможно практически. Да и не нужно теоретически, коль скоро история еще продолжается. Это следует осознать, чтобы направить усилия в конструктивное русло.

Насущной необходимостью является интенсификация натурных обследований территорий с выявлением рукотворных и нерукотворных памятников, которые должны быть непременно сохранены прежде всего средствами науки — в статьях, книгах, музейных экспозициях. Наглядный пример тому подает современная археология. Совершенно ясно, что музеи под открытым небом не могут создаваться повсюду, как бы того ни хотелось ревнителям старины. Да и в них не обойтись без бутафорской модернизации былой жизненной среды.

На основании серьезных научных изысканий должны выстраиваться убедительные рейтинги объектов для того, чтобы распространять на них подобающую меру модернизационной активности. Не только практикующие архитекторы, но и заказчики, местные руководители обязаны нести моральную и административную ответственность за принимаемые решения. Их лозунгом должно быть давно известное выражение: «Не навреди!» А это требует обращения к настоящим специалистам — и местным, и столичным, которых надо призвать к более тесному сотрудничеству.

Во многом вопрос упирается в уровень образования и культуры ответственных лиц. Фундаментальной задачей является повышение этого уровня, дабы желания становились взвешенными и благоразумными. Но этого явно недостаточно. Необходимо отлаживать оперативный мониторинг и контроль за тем, что происходит со средой жизнедеятельности на местах. Сегодня распространяется обильная информация рекламного характера. На приукрашивание действительности всегда находятся средства. Однако независимой критики, тем более высокого профессионального уровня, явно не хватает. А без нее не получается работа над ошибками.

Искусство управления модернизацией или, как сейчас принято говорить, «развитием» территорий состоит не в том, чтобы всё зарегулировать, занормировать и подчинить заранее установленному алгоритму изменений. Творчество требует свободы для своих инициатив, хотя бы в узких рамках допустимого. Нужно иметь право что-то пробовать, чем-то рисковать, а значит, и совершать ошибки. Но принципиально важно установить порядок, при котором ошибки бы не скрывались, а выявлялись, признавались и исправлялись.

Словосочетание «устойчивое развитие» настраивает на слишком большую планомерность и сбалансированность общего процесса, во имя чего надо сдерживать местные инициативы и уравнивать порывистые движения в одних местах торможением развития в других. Проведенное исследование подсказывает, что полезнее говорить о «контролируемом», «управляемом» и непременно преемственном развитии, предполагающем осуществление постоянного мониторинга и разумного воздействия на происходящее, «смотря по месту и обстоятельствам».

В этой связи вспоминается поучение из древнерусского «Домостроя»: хозяевам надлежит неустанно следить за всем происходящим в доме, включая бытовые мелочи, и все оперативно подправлять, чистить, чинить, подновлять. Замечательно резюме этого поучения: такой хорошо устроенный дом «всегда живет внове» и тем самым походит на райскую обитель, где, по традиционным представлениям, царит вечная молодость.

В противоположность тому можно себе представить место безжизненное, омертвевшее, источающее «мерзость запустения». В современных городах такие

места называют депрессивными территориями. Нет сомнений в том, что здесь требуется радикальная реконструкция, регенерация, ревитализация, реновация. Только надо учитывать существование следов историко-культурных ценностей и на выморочных землях. А еще надо заметить неточность используемой терминологии. В частности, реновацией сегодня стали называть не обновление ветшающего, а полнейшее переустройство давно обжитых районов, которые вовсе не относятся к числу депрессивных или маргинальных. Это ошибка, которую придется когда-нибудь исправлять.

Возможности практического осуществления модернизации среды архитектурно-градостроительными и инженерно-техническими средствами всё время растут и расширяются. И они зачастую превышают потребности и опережают появление соответствующих желаний. Получается так, что не спрос рождает предложение, а наоборот — предложение вызывает растущий спрос. Цивилизационный процесс соблазняет и повышает «аппетиты» желающих что-то ломать и строить.

Ощущение безграничности креативных возможностей человека кружит голову и порождает гордыню, для которой нет моральных запретов. Стоит задача ранжирования этих возможностей с точки зрения целесообразности использования во благо человеческой культуры и природного мира. Далеко не всё возможное полезно, а значит, и не должно быть желанным. Вопрос упирается в умение «отделять зерна от плевел». Для этого нужно воспитывать проницательность, дальновидность.

В подкрепление данного тезиса достаточно отметить, что на самом деле застройка городских территорий не может уплотняться до бесконечности, даже если техника будет позволять ей расти всё дальше и ввысь, и вглубь. Сейчас московская программа реновации жилого фонда получается привлекательной для инвесторов благодаря повышению этажности новых корпусов, но когда придет время их реконструкции и замены, то потребуются совершенно непомерные расходы бюджета. Кто должен заботиться об этом?

Нередко модернизация понимается как деятельность техническая, нацеленная преимущественно на улучшение строительных материалов, укрепление конструкций,

совершенствование инженерного оборудования и благоустройство территорий. Однако сведение проблемы к одному только повышению уровня комфорта чревато потерей содержательных и образных характеристик среды жизнедеятельности. Настоящая архитектура в таком случае замещается прикладной «технической эстетикой», в лучшем случае «дизайном архитектурной среды». Стоит задача подчинения программ модернизации городов высоким социально-культурным и идейно-художественным целям. Пользу может принести одна только постановка такой задачи, заставляющая задумываться о том, как отнесутся к нашей деятельности грядущие поколения.

Борьба с хаотичностью планировки и застройки породила желание осуществлять «комплексное развитие территорий». Нельзя не признать, что забота о скомпонованности элементов среды бывает полезна. Но она не должна упрощать проблему и превращать модернизацию в совершенно новое строительство по единому плану на старом месте, обремененном памятью о многих перипетиях истории. Необходимо проникнуться осознанием большой сложности, неравномерности, многослойности прямых и обратных связей между всевозможными искусственными и естественными элементами, формирующими так или иначе жизненную среду.

Для того чтобы не терять накопленные культурные ценности, поддерживать «дух места» и самобытную «идентичность» российских городов и сел, надо не отвергать традиционный «индуктивный» способ средоформирования, замещая его «дедуктивным», направленным от общего к частному. Желательно настраиваться на максимально тонкую индивидуальную работу с каждым кусочком застроенной и незастроенной территории. Без этого невозможно добиться качественного улучшения среды, несмотря ни на какие всевозрастающие желания и возможности.

Сколь бы ни мечтательны были желания и сколь бы ни развиты были технические возможности их исполнения, реальная практика модернизации среды может быть либо **допустимой**, либо недопустимой. И этот рубеж определяется не фантазиями и не инженерными изобретениями, а морально-этическими установками. Получается так, что сами желания должны становиться более разумными и умеренными, способными сдерживать практические возможности модернизации в рамках допустимого.

Опасность видится в том, что развитие цивилизации порождает невиданные ранее инновационные возможности, которые становятся всё более доступными, а следом и претендующими на допустимость. Однако рост преобразовательных возможностей сопровождается усилением охранительных тенденций, то есть повышением желания сдерживать преобразования. Напряжение в борьбе противоположностей то и дело обостряется. И главная причина того видится не в простом разделении общества на консервативную и прогрессивную половины, а в психологии каждого гражданина, делающего всегда трудный выбор между жаждой нового и желанием сохранить старое. Выбор этот и определяет границу допустимого, которая не получается твердой и установленной раз и навсегда.

Рамки допустимого нельзя заужать, ибо в их пределах должно оставаться «дыхание жизни». Но чрезмерное расширение их ведет к вседозволенности и хаосу, опасному своей бесструктурностью и непредсказуемостью. Полезно брать за основу допуски, апробированные историей, ставшие традиционными. Менять их можно, но осмотрительно и обоснованно. Сейчас нереально возвращение к прежним порядкам, однако оценку последствий произошедших в последние столетия прорывов в ментальности и творчестве полезно производить, исходя именно из них. Проведенное исследование показало, что многие традиции сохраняют и сегодня свой смысл и жизнеспособность. Это должно помочь нам примирить и сбалансировать желаемое, возможное и допустимое.

Модернизацию не следует понимать как процесс бесконечного рационализаторского обновления. Вполне возможна и полезна бывает модернизация, возрождающая былое, регенерирующая то, что пришло в упадок. Отрадна модернизация, «подлечивающая» и «омолаживающая» памятники архитектуры и градостроительного искусства, но при этом не отрывающая их от истории, не разрушающая, а укрепляющая преемственность.

Это побуждает заботиться о том, чтобы и совсем новые архитектурные объекты встраивались в градостроительный контекст с деликатностью. В противном случае будет видно, что в этом месте и в этом обществе нет взаимоуважения и добрососедства.

Важнейшая задача модернизации среды — устранение не только архитектурно-художественных, но и социально-культурных конфликтов и диссонансов. Архитектура всегда очень наглядно выражала характер общественных отношений. Сегодня надо стараться гармонизировать то и другое.

Успех архитектурной модернизации зависит от интенсивности и глубины соответствующих научных изысканий. Нельзя останавливаться даже на самых добротных прикладных разработках и выработанных на их основе рекомендациях. Всегда остается потребность в обращении к фундаментальным историческим и теоретическим исследованиям, результаты которых оказывают зачастую самое непосредственное воздействие на формирование творческих концепций архитекторов и градостроителей, решающих конкретные проблемы сохранения, восстановления и обновления среды жизнедеятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное многоаспектное историко-теоретическое исследование выявило основные побудительные мотивы, намерения и механизмы совершенствования среды жизнедеятельности человека средствами архитектуры и градостроительного искусства. Для осмысления назревших трудноразрешимых проблем в этой области оказался очень нужен и полезен ретроспективный анализ. Вместе с тем прояснилась необходимость и в остром критическом осмыслении причин и следствий происходящего на наших глазах. Улавливание тенденций общекультурного и цивилизационного развития позволяет делать и оптимистические, и пессимистические прогнозы. Перед профессиональным сообществом стоит важнейшая задача — направить коллективные усилия в нужную сторону и не допустить движения по нисходящей. Выработанные нами аргументы и предложения призваны помочь поиску верных путей создания наиболее благоприятных условий жизни в России, а в идеале — и на всей планете Земля.

Охарактеризуем вкратце веер исследований, осуществленных за отчетные три года в рамках той общей четырехчастной структуры, которая была разработана изначально и оставалась без изменений. Лишь в последний, 2023 год к ней было специально добавлена пятая, обобщающая часть.

Исследования **первой части** (*И. А. Бондаренко*) прояснили исконное отношение к вопросу о благоустройстве и модернизации посредством архитектурно-строительного искусства естественной среды, осваивавшейся и культивировавшейся человеком. Разобран механизм встраивания архитектуры в ритуальную культуру традиционного общества, проникнутую идеей систематического воспроизведения жизненных циклов. Раскрыта специфика отношения к архитектурным новациям в эпоху Средневековья. С этих позиций оценен процесс европеизации древнерусских городов. Показано эффективное воздействие умозрительных идеалов на радикальную модернизацию традиционной строительной практики, приведшее к рождению новаторской архитектуры французской готики. Выявлены существенные расхождения в определении границ сакрального и профанного пространств в византийской и древнерусской культуре.

Важнейший вывод состоит в том, что традиции не противостояли новациям, а включали их в себя как неотъемлемую составляющую процесса циклического обновления жизни. В переломные моменты истории традиции подвергались заметным метаморфозам под влиянием изменявшейся идеологии и невиданных ранее образцов для подражания. Но они не разрушались до основания, а проявляя гибкость и стойкость, продолжали поддерживать преемственность социально-культурного развития. Об этом нельзя забывать сейчас, когда происходят болезненные рывки в процессе урбанизации и модернизации огромных населенных и ненаселенных территорий, а традиционная логика архитектурно-градостроительной деятельности почти совсем забыта.

Совокупность исследований **второй части** работы дает достаточно объемное и во многом новое представление о том, зачем, почему и каким образом происходила модернизация городов, сел и межселенных территорий Российской империи. Идеальная модель пространственной организации всего обширного государства, положенная в основу программы Екатерины II, и непростой процесс ее реализации детально разобраны на примере Тамбовской губернии и ее главного города (*Н. В. Грязнова*). А изучение архивных, впервые вводимых в научный обиход материалов по истории градостроительства бывшей Казанской губернии позволило узнать доподлинно, как осуществлялись проектирование и межевание на местности множества уездных городов и сельских поселений в крупнейшей поволжской провинции Российской империи. Весьма показательным было здесь и строительство дорожной сети, имевшей не только местное, но и общероссийское значение (*Г. Г. Нугманова*). Удалось также на документальной основе выявить закономерности и особенности градостроительных преобразований в ряде городов центральной Сибири (*В. И. Царёв, В. В. Царёв*).

Параллельно в течение трех лет велось целенаправленное авторское исследование пространственной организации и художественной образности Санкт-Петербурга, раскрывшее уникальный феномен «сотворчества» архитекторов и природы в процессе обживания и модернизации обширной низменности в дельте Невы. Свою заметную лепту в это «сотворчество» внесли технические и производственные объекты, совершенно инородные по характеру, но очень эффектно преобразившие в XIX, а затем

и в XX веке среду уважаемой имперской столицы, придав ей неповторимое своеобразие (А. Е. Ухналёв).

Результаты этого блока исследований помогают увидеть далеко не безболезненные столкновения в градостроительстве Нового времени регулятивных начал с гораздо более вольными и стихийными. При этом они убеждают нас в том, что сегодня допустимы лишь самые деликатные и небольшие исправления сложившейся исторически городской и пригородной среды в силу накопления в ней исключительно большой социально-культурной и архитектурно-художественной ценности.

В **третьей части** работы прояснены многие противоречивые явления и процессы в градостроительстве и средоформировании революционного XX столетия. Сюда вошли документальные исследования истоков и первых этапов становления советской архитектурно-градостроительной идеологии и политики (Ю. Д. Старостенко), а также принципиально новых организационных форм профессиональной деятельности проектных институтов, на которые был возложен небывалый объем научно-творческих задач (Е. В. Коньшева). Рассмотрен революционный опыт модернизации среды Хабаровска (К. В. Степанов).

Специальное внимание уделено активной работе над решением насущных санитарно-гигиенических, функционально-планировочных и инженерно-технических вопросов улучшения жизненной среды (Ю. Л. Косенкова, А. В. Васильева). Охарактеризовано становление новой политики жилищного строительства (А. В. Васильева). Раскрыта история формирования понятия «микрорайон» и его широкого внедрения в практику градостроительного проектирования (Е. В. Коньшева). На примере академического поселка Комарово в Ленинградской области показано, как подходили власти в советское время к организации среды жизнедеятельности привилегированных слоев общества и насколько позволительным было тогда производить модернизацию природной среды в пригородах (С. С. Ливошко).

Примечательная судьба одного из прекрасных малых исторических городов России, сибирского Енисейска, внимательно рассмотрена в специальном разделе (В. И. Царёв, В. В. Царёв). Поначалу главный город на речных путях после строитель-

ства Транссибирской железнодорожной магистрали потерял преимущества своего расположения, но местные власти и предприниматели стали искать новые способы оживления его экономической активности. Это позволило Енисейску длительное время с трудом и немалыми потерями продолжать жить, сохраняя очарование старины, ценность которой сегодня выдвинулась на передний план.

Совершенно другой пример «оживления» исторического поселения в 1960–1970-е годы дает реконструированная абхазская Пицунда, в которой был создан крупный курорт международного значения. Внимательный анализ этого знаменитого в свое время объекта позволил заострить проблему возможности и допустимости радикальной модернизации уникальной природной и архитектурно-градостроительной среды, а также выявить множество весьма смелых и талантливых творческих достижений советских архитекторов и художников так называемой «эпохи оттепели», ознаменовавшей зарождение мировоззрения и эстетики постмодернизма (*Д. И. Михейкин*).

Показательны и поучительны для нас и другие новаторские опыты архитекторов и художников тех же десятилетий, которые велись под флагом «кинетического искусства», призванного модернизировать сложившуюся среду, внедряя в нее экспрессивные знаки наставшей эры больших естественно-научных открытий и инженерных достижений. Изучению этих опытов посвящен особый раздел (*И. А. Бондаренко, Д. И. Михейкин*).

В течение двух лет выполнялось исследование темы, очень важной для конкретизации наших представлений о модернистском подходе к реорганизации традиционной жизненной среды в африканских колониях Франции и отчасти Италии (*С. С. Духанов*). Выяснилось, что наряду с нигилистическими, беспощадно-радикальными идеями отстаивались и гораздо более умеренные, щадящие местное наследие и подхватывающие преемственные связи с ним. Это заставляет откорректировать привычные представления о той эпохе, когда градостроительство модернизма претендовало на мировое господство.

Последняя тема, рассмотренная в третьей части исследования, относится к эпохе постмодернизма и выходит за рамки XX века, смыкаясь с материалами четвертой части.

Эта тема охватывает концептуальные и практические работы признанных лидеров архитектуры хай-тек, которые ратовали за постановку во главу угла градостроительной деятельности решение самых насущных социально-экономических и экологических проблем, за создание «дружелюбной» среды, но при этом предлагали весьма острые не-оавангардные проекты, чужеродные по отношению к исторической застройке. Особое значение имеет проведенный анализ зарождения и созревания концепции «устойчивого развития», принятой на вооружение мировым сообществом (*Т. И. Возвышаева*).

Результаты исследований третьей части работы заставляют во многом по-новому оценить идейные установки и практические деяния архитекторов и градостроителей прошлого века. В целом можно сказать, что все они были проникнуты желанием стремительно преобразить мир к лучшему, покончив раз навсегда с нищетой, несправедливостью и хаосом. Однако пренебрежение к наследию предков наносило ущерб не только культуре, но и среде, изменявшейся зачастую до неузнаваемости. Развитие без преемственности не могло получаться органическим и жизнестойким. Делу вредила запелляционность навязываемых людям политизированных решений, приводивших к схематизации и стандартизации жизненных процессов и предназначенного для них городского пространства.

Четвертая часть исследования включает серию аналитических работ, нацеленных на поиск разумных решений самых злободневных вопросов сохранения и модернизации урбанизированной среды. Здесь заостряется внимание на необходимости защиты от необузданных преобразований чисто природных, но давно обжитых величественных ландшафтов Приангарья, уничтожаемых всё новыми каскадами водохранилищ (*И. А. Бондаренко, В. И. Царёв, В. В. Царёв*). Подвергается критике происходящее на наших глазах разрушение хрупкой гармонии уникальной целебной природы и архитектуры на курортах Кавказских Минеральных Вод (*С. А. Маилов*).

Глубоко проработана новейшая научная концепция «художественной интеграции» разнородных составляющих архитектурно-пространственной среды, которая дает ключ к пониманию существа происходящих процессов в современном городе, обладающем большими историческими напластованиями. Эффективность этой кон-

цепции доказана в ходе проведенного критического анализа конкретных проектов недавней модернизации наиболее ценных участков Нижнего Новгорода. Модернизации, сочетающей в себе признаки неповторимой идентичности с элементами желанной, хотя и не всегда оправданной глобализации (*М. В. Дуцев*).

Прослежены существенные изменения, происходящие сегодня в отношении к самому понятию современности, которое освобождается от свойственного модернизму нарочитого соотнесения с образом «светлого» будущего и возвращается к традиционному восприятию настоящего со всеми его многообразными интересами и тенденциями как консервативной, так и инновационной направленности. Это позволяет надеяться на примирение противоположностей в деле охраны наследия и модернизации среды (*И. А. Бондаренко*).

Проанализированы причины и следствия столкновения защитников памятников архитектуры и природы со сторонниками решительных преобразований среды, которые следуют тоже давней, но гипертрофированной традиции. Понимание этого должно помочь найти меру допустимого в этом противостоянии и снять остроту противоречий (*И. А. Бондаренко*).

Разобран вопрос о том, как следует сочетать консервацию и музеефикацию исторических архитектурных объектов с модернизируемым окружением (*И. А. Бондаренко*). Предложено пересмотреть модернистскую и классицистическую концепцию композиционно-стилистической целостности города. Показано, что город является вмещением множества самостоятельных архитектурно-планировочных единиц, нуждающихся в относительной автономии во имя установления добрососедских отношений (*И. А. Бондаренко*).

Обоснован тезис о необходимости создания многообразной среды, предоставляющей горожанам свободу и богатство выбора типов жилища. Отмечена особая ценность и перспективность усадебной частновладельческой застройки не только в пригородах, но и в центральных частях современных городов (*И. А. Бондаренко*).

Независимому профессиональному анализу подвергнута новейшая московская практика «реновации жилого фонда» и «комплексного развития территорий»

(Д. И. Михейкин). Выявлены как положительные, так и отрицательные стороны этой программной деятельности. Обращено внимание на излишнюю радикальность преобразования обжитых районов массового индустриального домостроения, имеющих свои достоинства, неоправданно игнорируемые проектировщиками по причине чрезмерной жесткости выдаваемых им технических заданий. Отмечены случаи определения под снос во имя комплексности реконструкции и более ранних ценных архитектурных объектов. Обращено внимание на расхождение проводимой градостроительной политики с подлинными интересами и потребностями жителей, которым приходится принимать такие условия реновации за неимением других. Принципиальное значение имеет постановка вопроса о том, что ждет модернизируемые сегодня районы в будущем. Дальнейшее повышение плотности застройки в них практически невозможно, следовательно, новая реновация будет здесь заведомо убыточна.

Результаты исследований четвертой части отчета дали основания для выстраивания достаточно полных и достоверных представлений о новейших явлениях и тенденциях в развитии теории и практики архитектурной модернизации среды жизнедеятельности. Это позволило перейти к подготовке концептуальных обобщений, выводов и предложений.

Пятая часть отчета подводит основные итоги всего исследования (И. А. Бондаренко). В ней в сжатой форме характеризуются изменения отношения к проблеме архитектурной модернизации жизненной среды, произошедшие в процессе многовекового исторического развития, а затем ставятся наиболее актуальные на сегодня вопросы, связанные с сохранением и преобразованием городов, пригородов, сельских и межселенных территорий. На эти вопросы даются ответы, созревшие в ходе проведения коллективного исследования. В конце приводятся соображения о соотношениях желаемого, возможного и допустимого в деле модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства. Формулируется призыв умерить желания и ограничить возможности, дабы не выходить за пределы допустимого вмешательства в то неповторимое наследие, которое досталось нам от многих поколений предшественников.

Общие выводы и рекомендации:

1. Благоустроительная модернизационная деятельность требует от людей благоразумия и благородства. Ее нельзя подчинять ложным политическим целям и низким корыстным интересам. Необходимо повышать ответственность должностных лиц и архитекторов за будущее наших городов, сел, систем расселения, обжитых и малонаселенных территорий, за благополучное будущее страны и всей планеты в целом с ее биосферой, всё более активно взаимодействующей с антропо- и техносферой.

2. Архитектурная модернизация среды должна непременно нести позитивный заряд и нацеливаться на повышение качества жизни без нанесения непоправимого ущерба ценному историко-культурному и природному наследию, определяющему своеобразие / идентичность каждого конкретного места.

3. Недопустима модернизация ради модернизации. Преобразования должны основываться на ясных потребностях в усовершенствовании имеющегося, а значит, и в регенерации поврежденного, и в воссоздании наиболее ценных утрат.

4. Модернизация является неотъемлемым признаком и механизмом развития. Важно не допускать деструктивных процессов в этом развитии, ведущих к деградации и деструкции. Развитие должно получаться плавным и устойчивым благодаря разумному контролю и управлению. И оно не может обходиться без поддержания преемственности.

5. Назрела необходимость в устранении конфликта между модернизационными и консервационными интенциями. Для этого было бы полезным дополнить существующий порядок охраны памятников специально разработанной системой охраны архитектурно-пространственной среды, не входящей в перечень объектов историко-культурного и природного наследия.

6. Ощущается потребность в создании общегосударственной службы сохранения и приумножения культурных ценностей и красоты урбанизированной среды, работа которой должна опираться на мнение авторитетных экспертных советов, создаваемых повсеместно с привлечением столичных специалистов.

7. Разработка критериев и градаций определения допустимых пределов модернизационной активности применительно к каждому населенному пункту может

помочь формированию подходящих и успешных программ архитектурно-градостроительной деятельности на перспективу.

8. Модернизация среды должна быть уместной и умеренной, но при этом регламентируемой не слишком жестко. Ее эффективность всегда будет зависеть от талантливых творческих поисков и находок архитекторов, не страдающих от ограничений, а направляемых ими в нужное русло.

9. Среда жизнедеятельности нуждается в многообразии. Ее не следует «замонотонизировать», подчиняя единым средствам композиции: ритму, масштабу, стилю. В ней должно ощущаться движение времени и «дыхание жизни». Значительные произведения архитектуры, как исторические, так и современные, имеют право на самостоятельное существование в городской среде.

10. Будучи неоднородной, архитектурно-природная среда образует особую, в каком-то смысле театрализованную духовную атмосферу, так или иначе интегрирующую в себе накапливаемые веками объективные и субъективные ценности, всякий раз по-своему воспринимаемые сменяющимися поколениями жителей и приезжих. Это обязывает профессионалов заниматься модернизацией с исключительной деликатностью и осмотрительностью.

11. Стоит задача модернизировать городскую, пригородную и сельскую среду таким образом, чтобы она становилась дружелюбной, притягательной и гармоничной. Для этого надо заниматься устранением существующих конфликтов и диссонансов. Однако интересы науки и культуры требуют сохранения исторической правды. Поэтому и это направление модернизационной деятельности имеет пределы допустимого.

12. Успех архитектурной модернизации среды жизнедеятельности зависит от глубины и тонкости проработки ее научных оснований. Существует потребность в проведении в каждом конкретном случае внимательных предпроектных исследований и в подготовке рекомендаций прикладного характера. Но ограничиваться ими не следует, поскольку всегда остается потребность в проведении всё новых и новых фундаментальных исследований, не позволяющих стоять на месте ни науке, ни творческой практике.

Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория.
Книга 3. Коллективная монография / отв.ред.-сост. И. А.Бондаренко. М.: Архи.ру,
2024. — 320 с.

